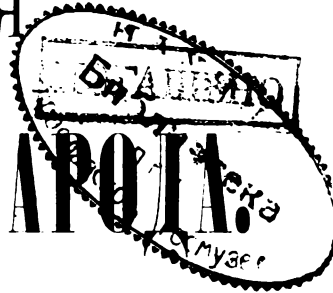

m57

М. Я. Мибиховъ.

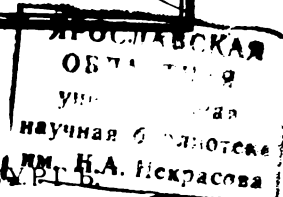
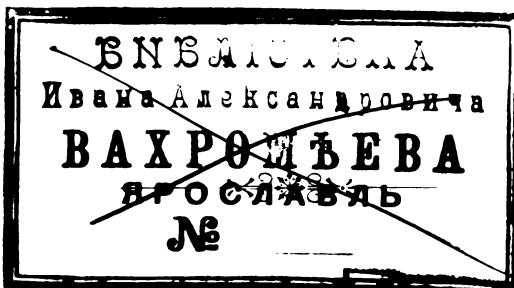
✓

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

Отъ Вавилонскаго плѣненія до первой
эпохи танаевъ.

К834164

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Флейтмана. Казанская ул., № 45—47.

1901.

Покровителю всего честнаго и хорошаго
лучшему изъ людей

Коммерціи Советнику

Ивану Александровичу

ВАХРОМЪЕВУ.

*Въ знакъ глубочайшаго
уваженія и преданности
посвящаетъ*

Авторъ.

Оглавленіе.

Введеніе. —Обзоръ исторіи Израиля до конца Вавилонскаго плѣ- ненія	стр. 1
--	-----------

Глава первая. Іудея подѣ властью Персовъ:

I. Возвращеніе изъ Вавилона	7
II. Эзра и Нехемія	13
III. Члены Великаго Синода	19
IV. Библія	27

Глава вторая.—Іудеи въ Александрійскую эпоху:

I. Александръ Великій	34
II. Іудеи подѣ властью Птоломеевъ	38
III. Библія семидесяти толковниковъ.	44
IV. Іудеи подѣ сирійскимъ владычествомъ.	46
V. Симонъ Праведный	52
VI. Іисусъ Сирахъ	66
VII. Первосвященникъ Оніасъ	68
VIII. Антигонъ изъ Сохо.	70

Глава третья.—Періодъ Хасмонеевъ или Маккавеевъ:

I. Антиохъ Епифантъ.	74
II. Храмъ Оніаса.	80
III. Матавія Хасмонеи	83
IV. Іуда Маккавей	88
V. Оба Іосея	95
VI. Іонафанъ Маккавей.	100
VII. Симонъ, свободный князь Израильскій.	106

Глава четвертая. Страна и жители Палестины:

I. Страна	114
II. Столица	120
III. Храмъ	123

	стр.
IV. Священники и левиты	126
V. Картины изъ народной жизни	128
VI. Фарисей, эсеи, саддукеи	143
VII. Синедрионъ, Сангедрия	149

Глава пятая.—Блескъ и паденіе Маккавеевъ:

I. Іоаннъ Гирканъ	155
II. Іосуа бенъ-Парахья, Нитай изъ Арбелы	160
III. Аристовуль I.	162
IV. Александръ Яннаи	163
V. Саломія Александра	165
VI. Симонъ бенъ Шетахъ, Іуда бенъ-Таббай	166

Глава шестая.—Владычество римлянъ надъ Іудеей:

I. Враждующіе братья Гирканъ и Аристовуль	171
II. Антипатръ	172
III. Начало римскаго владычества въ Іудеѣ	174
IV. Іудеи въ Римѣ	176
V. Шемая и Авталіонъ	179
VI. Царь Антигонъ	187
VII. Царь Иродъ	188
VIII. Гиллель	200

Глава седьмая.—Іудеи подъ властью римскихъ императоровъ:

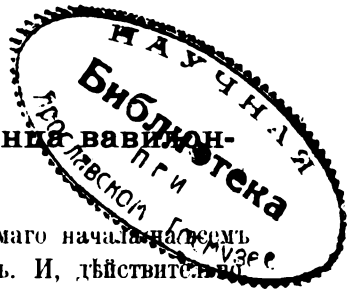
I. Архелай	215
II. Іудеи подъ скипетромъ императора Августа	219
III. Іудеи подъ скипетромъ императора Тиберія	220

ВВЕДЕНІЕ.

Обзоръ исторіи Израиля до конца вавилонскаго плѣненія.

Ходъ развитія израильскаго народа отъ самаго начала историческаго течения является совершенно особеннымъ. И, дѣйствительно, онъ рѣзко отличается отъ остальныхъ народовъ земного шара, судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ о нихъ. Доисторическое время всѣхъ націй покрыто темнымъ покрываломъ, сотканнымъ изъ пестрыхъ слагъ, фантастическихъ мифовъ и различныхъ поэтическихъ сказаній. Такъ, мы читаемъ о цѣломъ сонмѣ мужскихъ и женскихъ, высшихъ и низшихъ боговъ; имъ были свойственны всевозможные недостатки, слабости и страсти: они жадны къ наслажденіямъ, завистливы, мстительны, потворствуютъ всякому чувственному желанію, любятъ и ненавидятъ другъ друга, сражаются между собой съ непримиримымъ ожесточеніемъ. Они совершаютъ самыя ужасныя преступленія, именно, потому, что они — высшія существа, божества: они гораздо пронырливѣе, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ отличительному рангу, превосходству и божественнымъ дарованіямъ. Первый и высшій изъ нихъ не считалъ ниже своего достоинства спуститься со своего олимпійскаго мѣстопребыванія, съ котораго онъ металъ молніи, на землю и принять видъ пасущейся коровы для удовлетворенія чувственнаго желанія. Таковы были безсмертные образцы человечества. Могли-ли послѣ этого низменные и смертныя дѣти земли, рожденныя въ пыли, быть благороднѣе, лучше, добродѣтельнѣе?—Въ самомъ дѣлѣ, все, что мы знаемъ о людяхъ доисторическаго времени, вполне соответствуетъ этимъ идеаламъ боговъ. Среди великолѣпной поэтической обстановки могучій творческій геній

заставляетъ heroesъ выказывать на землѣ сверхъестественную силу, совершать невѣроятные и баснословные подвиги. Они раздавливаютъ ядовитыхъ змѣй уже въ колыбели, овладѣваютъ драконами, дышащими огнемъ, минотавромъ, пожирающимъ людей, кровожадными львами, дикими кабанами, свирѣпыми великанами и циклопами. Жажда дѣятельности и честолюбіе, корысть и безсердечіе не уступали другъ другу. Не боясь никакого злодѣянія, и глухіе ко всякому нѣжному чувству, они становятся тираннами, создаютъ государства, пріобрѣтаютъ золотую корону, сильною рукою удерживаютъ скипетръ надъ трепещущимъ и рабскимъ народомъ до тѣхъ поръ, пока сильнѣйшій не побѣдитъ ихъ, и они исчезаютъ безслѣдно и приходятъ въ забвеніе. Вотъ—первоначальная исторія почти всѣхъ народовъ на землѣ. Хотя-бы ее весьма поэтически воспѣлъ Гомеръ. Кліады или Гомеръ Нибелунговъ, хотя-бы имена были различны. мѣсто дѣйствія иное, всетаки внутренняя форма будетъ одинакова. И здѣсь, и тамъ не было недостатка въ злодѣяніяхъ.

Ничего подобнаго однако нельзя сказать о первоначальной исторіи израильскаго племени. Книга, изъ которой мы заимствуемъ ее, начинается такимъ многозначущимъ ученіемъ: «не принадлежащій къ сему міру, невидимый и безтѣлесный Богъ есть творецъ, правитель и охранитель вселенной». Этому высшему существу, одаренному высшими совершенствами, долженъ былъ подражать человѣкъ, созданный по его образу, чтобы достигнуть подобія Божія. Какъ наглядный примѣръ приводится патріархъ Авраамъ, праотецъ израильскаго народа. Онъ былъ простымъ пастухомъ, перекочевалъ со своимъ стадомъ съ водъ Евфрата къ берегамъ Иордана, уже въ преклонныхъ лѣтахъ умъ его призналъ мастера по его произведенію, призналъ Творца въ Его твореніяхъ. О его прежней жизни намъ извѣстно, что онъ замѣнялъ отца своему осиротѣвшему племяннику Лоту. Какъ преданно, дружественно, искренно и самоотверженно относился Авраамъ къ послѣднему, мы видимъ изъ описанія его жизни. Среди грубаго идолопоклонства почитаетъ онъ Единого, не имѣющаго ни образа, ни лица; онъ обладаетъ достойными уваженія, чисто человѣческими добродѣтелями: стремленіемъ къ семейной жизни, храбростью, самоотверженіемъ, любовью къ ближнему, гостепріимствомъ и за свою кротость, сердечную доброту и душевное благородство вызываетъ удивленіе со стороны всѣхъ современниковъ. Это — человѣкъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова; все, что онъ дѣлаетъ, нисколько не превосходитъ мѣры человѣческихъ знаній и способностей.

Тою-же простотою и безыскусственностью, что и жизнь Авраама, отличается также описаніе приключеній этого добродѣтельнаго мужа. Безъ всякихъ искусственныхъ прибавленій, безъ различныхъ поэтическихъ украшеній и фантастическихъ вымысловъ, одною только простотою, доступною даже для пониманія ребенка, дышетъ рассказъ; однако каждый, кто владѣетъ перомъ, знаетъ, что именно этотъ тонъ принадлежитъ къ самымъ труднымъ: такъ безыскусственно и легко онъ изложенъ. Но эта трогательная простота совсѣмъ не случайная. Форма вполне соотвѣтствуетъ содержанію книги и цѣли—стать достояніемъ всего человѣчества, что, дѣйствительно, и осуществилось. Авраамъ служить для всѣхъ людей земли свѣтлымъ образцомъ; въ блескъ его сіяющихъ добродѣтелей можетъ и долженъ грѣться каждый; «имъ должны быть благословлены всѣ народы земные», какъ сказано въ книгѣ. Тѣ образцовыя и мастерскія произведенія, которыя воспѣваютъ сверхъестественныхъ героевъ, могли воспитывать спартански безсердечныхъ мужей, хладнокровно умывающихъ руки свои въ человѣческой крови. Напротивъ, плѣнительный рассказъ объ Авраамѣ долженъ былъ выражать только чисто человѣческія чувства, скромныя гражданскія добродѣтели, широкое человѣколюбіе, преданную, самоотверженную дружбу, а также и настоящую и искреннюю любовь къ семейной жизни.

Герои всѣхъ народовъ находили высшую славу и гордость въ завоеваніяхъ. Въ пріобрѣтеніи земель они ставили цѣль своего существованія. Для потомковъ-же Авраама книга, излагавшая исторію ихъ праотца, была лучшимъ сокровищемъ, самымъ дорогимъ и священнымъ на землѣ. Подобно Аврааму, и потомки его должны были кочевать по міру; разсѣянно живутъ они на всемъ земномъ шарѣ. Во всѣхъ странствіяхъ сопровождала ихъ книга, составлявшая для нихъ незамѣнимое національное сокровище. Эту книгу оберегаютъ они, какъ зѣницу ока; за нее боролись они и спорили, испытывали и переносили страданія.

Съ изреченіемъ на устахъ цитать, взятыхъ изъ этой книги, шли Израильтяне на смерть, бросались въ морскую бездну, восходили на пылающій костеръ. Какъ тѣло и душа, былъ неразрывно связанъ Израиль со своею книгой.

Эта книга завоевала весь міръ; она послужила твердымъ основаніемъ для всѣхъ тѣхъ исповѣданій, которыя возникли среди изычества. И никогда не устарѣетъ эта весьма древняя божественная книга. Подобно природѣ, вѣчно сохраняетъ она свое юношеское благоуханіе цвѣтовъ, свою пріятную свѣжесть красокъ. Правда.

новѣйшее время можетъ съ справедливою гордостью взирать на свои приобрѣтенія: въ областяхъ искусства и знанія оно достигло непостигаемой дотолѣ высоты, широко подняло покрывало природы, ярко освѣтило то, что оставалось во мракѣ и темнотѣ въ теченіе тысячелѣтій, — но въ объясненіи первоначальной причины всего естества оно не преступило даже перваго библейскаго изреченія: «сначала сотворилъ Богъ небо и землю».

Въ духѣ этой книги и жилъ Авраамъ, вѣрно и правдиво исполняя человѣколюбивыя и нравственныя постановленія, которыя она предписываетъ. По его слѣдамъ шелъ сынъ его Исаакъ, потомъ его внукъ Іаковъ или Израиль. Патріархальныя добродѣтели удержались болѣе или менѣе и среди 12-ти сыновей послѣдняго, а въ особенности въ Іосифѣ, жизнь котораго сіяетъ чистотою, нравственностью и безукоризненностью. Изъ-за него «сыновья Израиля» переселились въ Египетъ, оставались тамъ 430 лѣтъ и сдѣлались многочисленнымъ народомъ. Фараоны жестоко притѣсняли ихъ и угнетали; пастухъ Моисей явился ихъ защитникомъ, освободителемъ и спасителемъ. Несмотря на всѣ чудеса, это освобожденіе само по себѣ является величайшимъ чудомъ, которому нѣтъ подобнаго въ исторіи.

Моисей повелъ освобожденныхъ въ пустыню. Съ вершины Синая или Хорива были возвыщены имъ десять заповѣдей. Послѣднія и теперь еще, несмотря на всѣ успѣхи времени, составляютъ самое прочное основаніе всей религіи, всей морали и нравственности какъ Израиля, такъ и цѣлаго человѣчества.

Послѣ сорокалѣтняго руководства и поученія народа Моисей скончался, оставивъ послѣ себя въ наслѣдство пять книгъ, пентатевхъ.

Его ученикъ Іисусъ ввелъ Израильтянъ въ обѣтованную землю Ханаанъ. Послѣ его смерти выборные судьи въ теченіе 430 лѣтъ управляли народомъ. При послѣднемъ судѣ Самуилъ былъ выбранъ въ цари Саулъ въ 1060 г. до Р. Х. За нимъ слѣдовалъ Давидъ, пѣвецъ неподражаемыхъ псалмовъ; послѣ него вступилъ на престолъ Соломонъ. Послѣдній выстроилъ храмъ въ 1008 г. до Р. Х.; онъ написалъ также много притчей, а также Пѣсню Пѣсней. Страна израильская достигла при немъ наибольшаго блеска; вмѣстѣ съ Соломономъ погибли ея счастье и миръ.

Союзъ единства былъ расторгнутъ: образовались два царства: Израильское и Іудейское. Первое обнимало 10 колѣнъ, отреклось отъ природной религіи, страдало отъ частыхъ споровъ за престолъ, было разрушено ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ въ 720 г.

до Р. Х., послѣ 260-лѣтняго самостоятельнаго существованія, а жители его взяты въ плѣнъ и переселены въ Ассирію и Мидію. Іудейское царство, обладавшее только двумя колѣнами, просуществовало еще 123 года. Его цари всѣ принадлежали къ династіи Давида; нѣкоторые изъ нихъ были склонны къ язычеству; но за то являлись также и богобоязненные цари, которые умѣли заградить доступъ идолопоклонству. Въ обоихъ царствахъ выступали по временамъ пророки, которые съ пламеннымъ вдохновеніемъ и жгучими рѣчами раздували искры вѣры, пытались склонить души къ чистому религіозному союзу. Рѣчи пророковъ составляютъ главное украшеніе библейской литературы. Въ 597 г. до Р. Х. и царство іудейское было покорено вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ, Іерусалимъ былъ разрушенъ, а великолѣнное зданіе Соломонова храма, послѣ четырехсотлѣтняго существованія, сдѣлалось добычею пламени. Несчастливымъ днемъ народа былъ 9-ый день Аба (Іюль), который съ тѣхъ поръ сталъ національнымъ праздникомъ печали.

Была трогательная и горестная картина, когда престарѣлый пророкъ Іеремія сидѣлъ на развалинахъ своего горячо любимаго священнаго города; по его развѣвавшейся по вѣтру снѣжно-бѣлой бородѣ катились жемчужинами слезы; съ угнетеннымъ сердцемъ излилъ онъ свои глубокія страданія въ тѣхъ неподражаемыхъ элегіяхъ, которыя онъ искусно расположилъ по алфавиту и которыя теперь еще читаются 9-го Аба, сидя на землѣ: «я тотъ, который былъ свидѣтелемъ этого бѣдствія!» восклицаетъ онъ потрясающимъ голосомъ и жалуется: «увы, какъ опустѣлъ тотъ городъ, который былъ такъ густо населенъ; теперь онъ стоитъ, какъ одинокая вдова!»

Покоритель выселилъ всѣхъ жителей въ страны, прилегающія къ Евфрату; «какъ плѣнники, должны были они идти предъ врагомъ», жалуется пророкъ. Города Іудеи опустѣли, поля оставались невоздѣланными, дѣти страны проводили время вдали отъ родины, со скорбью вспоминая объ исчезнувшихъ лучшихъ дняхъ. Правдиво изобразилъ поэтъ эти печальныя чувства въ слѣдующей пѣснѣ: «Тамъ сидѣли мы на берегахъ вавилонскихъ, мы плакали, когда вспоминали нашъ Сіонъ. На плакучихъ ивахъ повѣсили мы тамъ свои замолкнувшія арфы. Наши притѣснители просили насъ пѣть, требовали отъ насъ веселыхъ пѣсенъ: «Пойте-же пѣсни, которыя вы громко пѣли въ Сіонѣ!» - «Какъ можемъ мы на чужой землѣ пѣть пѣсни, принадлежащія Богу?»

Вавилонскій плѣнъ, какъ предсказалъ пророкъ Іеремія, продолжался 70 лѣтъ. Разрозненные члены народа сохранили, однако,

наслѣдственный патріархальный образъ жизни и традиціи. Пророки не дали угаснуть ревности къ религіи. Они обѣщали глубокоугнетеннымъ освобожденіе и лили цѣлительный бальзамъ въ кровавыя раны: «весь домъ Израіля скорбитъ и жалуется: «горе, изсушился мозгъ нашихъ костей, исчезла наша надежда, мы уничтожены навсегда!» — Но Господь Богъ говоритъ: «смотри, Я открою могилы, Я выведу васъ изъ могильнаго мрака и поведу обратно въ опустѣвшую родину!» — «Какъ можешь ты, Сіонъ, говорить: «Господь меня покинулъ, Богъ забылъ меня!» — «Забываетъ-ли мать своего младенца? Угаснетъ-ли въ ней нѣжное чувство къ любимому ребенку, котораго она носила въ своей утробѣ?—И если-бы нашлась такая, которая забыла-бы своего ребенка, то Я, твой Богъ, никогда не забуду тебя.» — «Ты не бойся», говоритъ твой Богъ, «Я освобожу тебя. Если тебѣ нужно будетъ переправляться черезъ воды, Я буду вблизи тебя, и потокъ не погонитъ тебя обратно. Если тебѣ нужно будетъ пройти черезъ огонь, то я спасу тебя, пламя тебя не обожжетъ, потому что Я, Святой во Израілѣ, буду стоять возлѣ тебя защитникомъ!» Съ такими искренними и вдохновенными словами говорили пророки въ періодѣ плѣна къ отчаявшемуся народу. Ихъ рѣчи дѣйствовали, подобно освѣжительной росѣ на сухую траву. Отчаяніе исчезло; вмѣсто него въ надломленной душѣ снова водворились мужество, надежда и твердое упованіе. Сильныя увѣщанія посланниковъ Божіихъ не оставались пустымъ звукомъ: они опередили дѣло, осуществленіе котораго шло за ними по слѣдамъ.

Киръ, основатель могущественнаго персидскаго государства, возвратилъ плѣннымъ потерянную свободу. Какъ нѣкогда отъ египетскаго рабства, такъ теперь Израіль былъ освобожденъ отъ вавилонскаго плѣна. И это событіе также не имѣетъ себѣ примѣровъ. На страницахъ исторіи нельзя отмѣтить ничего подобнаго. Да, постепенное теченіе развитія израильскаго народа скрываетъ удивительныя происшествія, которыя неоспоримо доказываютъ могущество какой-то высшей силы и придаютъ ему вполне своеобразный характеръ.

Изложеніе дальнѣйшихъ судебъ іудейскаго народа въ теченіе слѣдующаго тысячелѣтія и составляетъ задачу, которую поставилъ себѣ авторъ этого произведенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Іудея подъ властью Персовъ.

1.

Возвращеніе изъ Вавилона.

Клики радости, ликованія и веселія царили на многочисленныхъ улицахъ Вавилона, обширнаго города могущественнаго государства, который Навуходоносоръ произведеніями искусства, великолѣпными постройками сдѣлалъ первымъ городомъ въ мірѣ. Былъ праздникъ національнаго бога Бела. Его храмъ возвышался по срединѣ красивой площади въ видѣ прекраснаго зданія, неимѣвшаго себѣ подобныхъ, считавшагося однимъ изъ семи чудесъ свѣта, превосходившаго вышиною всѣ постройки того времени. Праздничный день вызвалъ шумное веселіе во всѣхъ жителяхъ, въ старыхъ и малыхъ, въ мужчинахъ и женщинахъ; каждый предался самымъ необузданнымъ удовольствіямъ. И въ царскомъ дворцѣ, величина, богатство и красота котораго заслуживали всеобщее удивленіе, въ честь Бела господствовало громкое ликованіе и безграничное веселіе. Вальтасаръ пригласилъ къ столу высшихъ сановниковъ государства. Въ чертогѣ, богато украшенномъ превосходными произведеніями искусствъ, собрались въ большомъ числѣ знатные гости. На первомъ мѣстѣ на блестящемъ тронѣ сидѣли царь и царица. Море лучей освѣщало обширный залъ, угасшій день былъ щедро возстановленъ безчисленнымъ множествомъ огней, изливавшихся со всѣхъ сторонъ изъ красивыхъ золотыхъ подсвѣчниковъ и лампъ. Пиръ былъ царскій. Въ золотыхъ сосудахъ стояли драгоцѣннѣйшія и вкуснѣйшія яства, самыя дорогія и самыя рѣдкія вина. Никто ни въ чемъ себѣ не

отказывалъ и никто не могъ достаточно нахвалиться поданнымъ. Веселое настроеніе увеличивалось съ каждымъ лакомымъ блюдомъ, съ каждымъ кубкомъ, который снова опорожнялся, пока оно не дошло до необузданнаго своевольства, до той степени распущенности, когда человѣкъ большею частію забываетъ свое лучшее я и значительно приближается къ животному. Продажная толпа придворныхъ возносила властителя до небесъ, причисляла его къ могущественнѣйшимъ на землѣ, даже къ богамъ. Пламень винныхъ паровъ, льстивыя рѣчи и похвалы низкихъ сановниковъ привели царя въ опьяненіе. Кровь разгорячилась, глаза метали молніи, и воображеніе уже обманывало его, будто онъ, дѣйствительно, богъ. Ослѣпленный гордостью, велѣлъ онъ принести изъ сокровищницы золотые сосуды, которые нѣкогда похитилъ его предокъ Навуходоносоръ изъ іерусалимскаго храма и которые были посвящены Невидимому. Приказаніе было исполнено. Драгоцѣнные кубки были тотчасъ наполнены пѣнистымъ виномъ, царь разразился насмѣшками и богохульствованіями противъ Того, чье имя величалось въ храмѣ на вершинѣ Моріа, и осушилъ при этомъ чашу до дна. Несчастный, ослѣпленный царь! Недальновидный, льстивыя рабскія души! Между тѣмъ какъ вы, не зная границъ, упиваетесь виномъ, мерзко ломаетесь, насмѣхаетесь надъ приличіемъ и нравственностью, гибель ваша становится все ближе и ближе. Въ своемъ необузданномъ веселіи вы не чувствуете, что скоро васъ быстро настигнетъ несчастіе. Вѣдь орлиный взоръ пророка Исаяи провидѣлъ это, когда онъ произносилъ слѣдующія слова: «столъ накрытъ, лампы зажжены, вотъ они ѣдятъ и пьютъ, но вставайте-же, князья, натирайте свой щитъ!»

Смерть и гибель должны были застать царя и его блестящихъ гостей неприготовленными и неожиданно. Явилась человѣческая рука, начертавшая на стѣнѣ огненные знаки, которыхъ никто не умѣлъ ни прочесть, ни объяснить. Всѣхъ быстро объялъ ужасъ, робкій страхъ отрезвилъ ихъ, колѣни надменнаго царя, воображавшаго себя богомъ, тряслись и дрожали отъ безпокойнаго предчувствія будущаго. Старый Даниилъ, мужъ изъ народа іудейскаго, жившій въ Вавилонѣ въ качествѣ плѣнника, мудростью пріобрѣвшій славу и значеніе, одинъ только понялъ роковую надпись, прочиталъ ее и объяснилъ: «мене, мене, такель упарени», гласили знаки и смыслъ ихъ былъ таковъ: «сочтены. о царь, дни твоей власти и твоей жизни, достойное наказаніе легкомысліе ускорило твой конецъ, твое государство будетъ у тебя отнято и отдано Персамъ».

Между тѣмъ какъ это происходило въ царскомъ дворцѣ, Киръ

со своими войсками проникъ уже внутрь огромныхъ и великолѣпныхъ городскихъ стѣнъ Вавилона. Военная хитрость Кира отвелъ воду Евфрата въ другое русло; осушенная рѣка послужила воротами, черезъ которыя онъ безпрепятственно могъ вступить въ городъ со своимъ войскомъ. Ночь, начавшаяся веселою попойкою, прошла, заря заблестѣла золотымъ пурпуромъ на восточномъ небѣ, царица дни засіяла по обыкновенію въ своемъ ослѣпительномъ величіи,—однако ни царь, ни его княжескіе гости не могли уже болѣе привѣтствовать ея. Родъ Навуходоносора, гордаго разорителя Іерусалима и соломонова храма, былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ послѣднимъ потомкомъ его. Безчеловѣчно неистовствовалъ въ свое время этотъ халдейскій царь въ Іерусалимѣ. Подобно дикому и хищному животному, приказалъ онъ душить старыхъ и малыхъ, дѣтей и стариковъ, юношей и дѣвицъ. Какъ онъ поступилъ, такъ было ему воздано. Его скипетръ и тронъ въ 538 г. до Р. Х. достались Киру.

Тѣ самыя слова, которыя поэтъ заставляетъ говорить Поликратъ съ зубцовъ его крыши, нѣкогда произнесъ также гордый Навуходоносоръ съ вышины своего дворца: «вонъ предъ моими взорами простирается великолѣпный Вавилонъ; я тотъ, который возвысилъ его съ такимъ блескомъ, украсилъ его на удивленіе всѣмъ произведеніями искусства!» —Какъ этотъ предокъ, такъ и потомки его были ослѣплены дерзкою гордыней. Теперь судьба свершилась надъ ними: огненные персты возвѣстили ихъ участь; какъ мудрый Даніилъ истолковалъ надпись, такъ въ точности и сбылось.

Киръ послужилъ возмездіемъ царскому роду, забывшему о Богѣ, но онъ былъ также избранникомъ Божиимъ, который долженъ былъ быть спасителемъ и освободителемъ плѣнныхъ іудеевъ. Предвѣдѣніе пророковъ за долго уже провидѣло это и высказало такимъ образомъ: «и скажетъ Превѣчный Киру (Корешу), своему помазаннику: И пойду предъ тобою, сравню крутую дорогу, сломаю мѣдныя запоры. Ты мой другъ, ты исполнишь мои желанія, скажешь о Іерусалимѣ: «да будетъ онъ выстроенъ!» и о храмѣ: «да будетъ онъ основанъ!» съ такою увѣренностью предвидѣлъ пророческій взоръ наступленіе этого событія.

Зналъ-ли Киръ объ этихъ надеждахъ? Думаютъ, что высокоуважаемый Даніилъ самъ сообщилъ ихъ ему и старался склонить его на сторону своего народа. Однако, правда то, что однимъ изъ первыхъ правительственныхъ указовъ новаго влстителя было слѣдующее воззваніе: «Богъ неба, который передалъ мнѣ всѣ государства, велѣлъ мнѣ выстроить для Него домъ на землѣ Іудей въ

Іерусалимѣ. Поэтому каждый желающій изъ Его народа пускай отправляется съ Богомъ туда и воздвигнетъ домъ Превѣчному!»—Это воззваніе пробудило необыкновенно радостныя чувства во всѣхъ евреяхъ, которые, какъ военноплѣнные, жили разсѣянно въ обширныхъ странахъ, прилегавшихъ къ Евфрату. Настроеніе всего народа поэтъ изображаетъ въ слѣдующемъ псалмѣ: «когда Господь вель плѣнныхъ обратно въ Сіонъ, то мы были какъ во снѣ. Веселый смѣхъ наполнялъ наши уста, языкъ нашъ произносилъ счастливыя восклицанія. Народы всѣ говорили: «Господь явилъ имъ великое!»—Да, великое совершилъ для насъ Господь, мы снова стали свободны. Посѣянное нѣкогда въ слезахъ, они пожали теперь съ громкими ликоваціями».

Благородный Киръ приказалъ возвратитъ удалившимся, въ видѣ богатаго подарка, всѣ храмовые сосуды. Подъ начальствомъ Зоровавеля, потомка царской династіи Давида, и священника Исуса отправились въ родную Палестину болѣе сорока двухъ тысячъ чело-вѣкъ со своими семействами. Уже въ слѣдующемъ году они начали построеніе храма и надѣялись скоро окончить его. Но, къ сожалѣнію, открылись печальные раздоры. Самаритяне ложными доносами добились прекращенія постройки, что вызвало въ народѣ негодованіе и уныніе. Пророки Аггей и Захарія старались поднять упавшій духъ, но это удалось имъ только отчасти. Лишь спустя 18 лѣтъ постройка была снова начата и окончена.

Эта продолжительная остановка поселила въ умахъ народа какое-то тупоуміе, которое не легко было уничтожить. Кромѣ того большинство лишено было всякаго религіознаго воспитанія, не получало никакихъ указаній, а «безъ поученій дичаетъ народъ». Къ этому присоединилось и то, что разсѣянные по странѣ жители имѣли частыя сношенія съ окружавшимъ ихъ язычествомъ: водили дружбу съ идолопоклонниками, даже брали въ жены ихъ дочерей. Послѣднія оставались преданными своимъ обычаямъ и идолопоклонству, справляли языческіе праздники и внушали дѣтямъ съ перваго пробужденія ихъ ума языческія ученія и воззрѣнія, несовмѣстимыя съ іудейскими заповѣдями.

Такимъ образомъ, народъ все болѣе и болѣе погружался въ то гнусное равнодушіе и безсмысленность, которыя губятъ всякое высшее духовное движеніе. Національнымъ и религіознымъ чувствамъ угрожала опасность погибнуть подъ ледяною холодною и умышленною пустотою. Однако въ Іерусалимѣ храмовая и священническая служба могли удержать нѣкоторое рвеніе среди жителей, хотя и

здѣсь также былъ недостатокъ въ силѣ воодушевленія. Уголь тлѣлъ еще, но не горѣлъ. Хуже было обставлено земледѣльческое населеніе страны. Наступилъ непрошенный зимній холодъ, садъ религіи значительно опустѣлъ, ни одинъ цвѣтокъ не расцвѣталъ, никакая сочная зелень не радовала ни взоровъ, ни сердца. Призваніе Израиля было забыто, толпа не могла подняться до того, чтобы охватить его и понять. Трижды въ году путешествовали жители ко храму въ національные праздники и приносили туда свои жертвы. Но только тѣло ихъ по привычкѣ отправлялось туда, а душа не получала никакого радостнаго чувства, никакого оживленія или подкрѣпленія ума нельзя было замѣтить. Для жертвъ выбирали они самое ничтожное и худшее. Пророкъ Малахи, съ печалью и съ ужасомъ увидѣвшій этотъ умственный упадокъ, воскликнулъ раздражительно къ народу: «принесите намъ (господину) подобные подарки, и посмотрите, приметъ-ли онъ ихъ, будетъ-ли ими доволенъ».—Такимъ образомъ, положеніе народа становилось все печальнѣе и мрачнѣе, умственное паденіе росло, родная земля не имѣла причины радоваться возвращенію своихъ дѣтей. Они все болѣе и болѣе забывали свою природную религію, въ семьѣ исчезли обычаи отцовъ, которые нѣкогда господствовали въ странѣ. населеніе косилось на чужеземцевъ, дружилось съ язычествомъ: Іудейская религія имѣла достаточно основанія облечься въ траурную одежду, въ рубище, плакать и рыдать.

Было также много вѣншихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ апатическому настроенію народа и подавлявшихъ всякое веселое и свѣтлое проявленіе духа. Нѣсколько разъ былъ неурожай, народу угрожали голодъ, нужда и лишенія—непріятные гости—вошли въ дома, заботы и печали удручали жителей, и не было ни защитника, ни утѣшителя, который облегчилъ-бы зло, подкрѣпилъ-бы сердца.

Въ самой странѣ и окрестностяхъ ея жили языческія племена. Евреи много терпѣли отъ нихъ. Особенно враждебно относились къ нимъ Самаритяне, жившіе въ центрѣ страны. Послѣдніе нѣкогда переселились изъ провинціи Кута, почему они также назывались Кутеями. Ассирійскій царь Салманассаръ, покоритель израильскаго царства, двумя столѣтіями раньше перевелъ ихъ въ Палестину, чтобы заселить опустошенную страну. Новые поселенцы должны были однако много страдать отъ львовъ, которыхъ тамъ было весьма много. По своимъ языческимъ воззрѣніямъ они усматривали въ этомъ наказаніе за то, что не умѣли почитать Бога этой страны. Тогда обратились они къ царю Салманассару съ просьбой прислать

имъ учителей изъ уведенныхъ колѣнъ израильскихъ, которые научили-бы ихъ этому. Эта просьба была исполнена. Изынники усвоили себѣ нѣкоторые обычаи и нравы Іудеевъ, но не оставили и прежнихъ своихъ привычекъ. Отъ города Самаріи, бывшей резиденціи Израильскаго царства, получили они имя Самаритянъ, потому что жили въ окрестностяхъ этого города. Когда-же вслѣдъ затѣмъ евреи снова явились въ страну съ Зоровавелемъ и стали строить храмъ въ Іерусалимѣ, то Самаритяне также захотѣли принять участие, какъ братья по вѣрѣ. Имъ отказали въ этомъ. Причиной отказа была вовсе не враждебная нетерпимость, но необходимая осторожность и справедливое опасеніе, чтобы сѣмена язычества не переросли іудейскаго пошва и тѣмъ не подѣйствовали пагубно на народную жизнь. Съ тѣхъ поръ Самаритяне сдѣлались самыми ненавидимыми врагами еврейскаго племени, которому они безпрестанно причиняли непріятности. Ихъ ядовитая клевета повела за собою остановку въ построеніи храма: восемнадцать долгихъ лѣтъ постройка оставалась неисполненной. Между тѣмъ Киру наследовали на Персидскомъ престолѣ сначала сынъ его Камбизъ, потомъ Псевдосмердизъ. Только въ царствованіе Дарія Гистасна было разрѣшено продолжать постройку. Именно, въ Экбатанѣ, одномъ изъ главныхъ городовъ Персіи, былъ найденъ документъ, въ которомъ Киръ давалъ позволеніе на постройку храма. Этотъ царь уничтожилъ всѣ доносы и козни Самаритянъ. Храмъ былъ воздвигнутъ и торжественно освященъ. Дарій одарилъ его съ царскою щедростью. Въ благодарность Іудеи вырѣзали на одной изъ дверей храма видъ главнаго города Сузъ (Шушанъ). Самаритяне, еще болѣе раздосадованные этимъ, перенесли свою вражду на самихъ жителей. Последніе должны были быть всегда на стражѣ, чтобы защитить себя отъ нападеній первыхъ. Эти постоянныя опасности задерживали умственное развитіе и вселили въ жителей Палестины нелюбовь къ своему мѣстопробыванію.

Возвратившіеся удалились изъ Вавилона съ самыми радостными надеждами. Души ихъ кипѣли восторгомъ, сердца волновались самыми смѣлыми ожиданіями удовольствій и наслажденій, которыя даетъ имъ страна ихъ отцовъ; фантазія уже заранѣе рисовала имъ великолѣпными красками волшебныя картины. Но дѣйствительность нисколько не соотвѣтствовала воображаемому; разочарованіе было горькое и жестокое, прекрасныя мечты оказались тщетными и пустыми. Тѣмъ не менѣе было уныніе, закравшееся ко всѣмъ; какое-то отупѣніе овладѣло сердцами, божественная вѣра больше не согрѣ-

вала ихъ, священный огонь угрожалъ совершенно погаснуть въ ихъ душѣ. Изычество стояло уже у порога каждого жилища, хотя и боязливо еще; однако оно могло уже питать надежду скоро восторжествовать надъ подавленной іудейской религіей. Такъ мрачно и печально было положеніе народа въ Іудеѣ, и это тяжелое состояніе продолжалось довольно долго, болѣе шестидесяти лѣтъ. Неудивительно послѣ этого, если въ сердцѣ почти истлѣла уже послѣдняя искра вѣры.

II.

Ездра и Неемія.

Болѣзнь, поразившая голову и члены народнаго организма молодого государства, достигла своей высшей степени. Но, къ счастью явился во время врачъ, который, какъ-бы по мановенію волшебства, принесть съ собою улучшение. На что способенъ человекъ, который съ крѣпкою энергіей и яснымъ умомъ держитъ бразды народнаго руководства, показалъ тотъ, кто пришелъ въ Святую землю, какъ-будто посланный съ неба. Имя его было Ездра; онъ былъ соферь (книжникъ) потомокъ Аарона, изъ поколѣнія священниковъ. Персидскимъ царемъ Артаксерксомъ Лонгиманомъ, который питалъ расположеніе къ іудеямъ и благосклонность котораго онъ приобрѣлъ, Ездра былъ уполномоченъ вернуться въ Іудею, поставить тамъ учителей и судей и ввести законы Моисея. На седьмомъ году правленія этого царя, Ездра изъ даннаго ему разрѣшенія сдѣлать самое обширное употребленіе. Въ 458 г. до Р. Х. онъ отправился въ отечественную землю съ священниками, левитами и многими сотнями еврейскихъ мужей и женщинъ. Благородный царь предоставилъ ему въ распоряженіе большую сумму изъ государственной сокровищницы. Послѣ продолжительнаго и труднаго странствованія они достигли Іерусалима. Послѣ трехдневнаго отдыха, необходимаго для подкрѣпленія, Ездра немедленно началъ свое дѣло.

Его зоркое око весьма скоро замѣтило тѣ открытыя раны, которыми страдалъ народный организмъ. Печаль и уныніе овладѣли имъ. Картины, которыя онъ увидѣлъ, сбросили его съ свѣтлаго неба его надеждъ въ темную, бездонную пропасть; страшныя привидѣнія окружали его вездѣ, куда ни обращался его проницательный взоръ. Онъ видѣлъ, что его народъ утопалъ въ языческихъ порокахъ, связался съ языческими женщинами, что дѣти отчуждены отъ іудейства, что законы религіи не изучаются, не уважаются, что умъ по-

гибь для иной высшей жизни, а народное самосознаніе ослабѣло. Эти печальныя явленія уничтожили, подобно ядовитой ржѣ, цвѣты его надеждъ; его блестящія ожиданія разлетѣлись въ прахъ. Сломленный глубокою душевною скорбью, опустился онъ на ступени храма. Безъ движенія, въ тупомъ молчаніи, съ угнетеннымъ сердцемъ и поникшей головой, сидѣлъ онъ весь день, какъ будто отъ усиленнаго поста. Многочисленная толпа собралась около него; онъ не обращалъ на нее вниманія, и никто не смѣлъ заговорить съ нимъ. Каждый уважалъ ту печаль, которая тѣснила его сердце. Только когда уже наступилъ вечеръ, Ездра поднялся со своего мѣста, излилъ свою душу, горѣвшую ко всему благородному и доброму, въ глубоко-прочувствованной молитвѣ, въ которой съ горькими слезами жаловался Творцу на свое горестное положеніе. Всѣ свидѣтели этого явленія были сильно потрясены. Они тотчасъ обступили Ездру, стали его утѣшать, просили его о помощи и увѣрили въ своемъ послушаніи и подчиненіи. Истинное благочестіе, хотя и чужого еще для нихъ, человѣка, покорило ихъ всѣхъ, наполнило всѣхъ почтеніемъ и уваженіемъ къ нему. Это всеобщее довѣріе возвратило Ездру его прежнюю силу и мужество. Темныя тучи исчезли, морщины печали разгладились, и грудь его почувствовала себя свободною и облегченною. Къ нему вернулись его силы воли, его энергія; онъ страхнулъ съ себя свое боязливое отчаяніе. Безъ колебаній приступилъ онъ затѣмъ къ своему реформаторскому дѣлу. Осторожно розыскалъ онъ причину глубокаго паденія народа и скоро нашелъ ее въ духовномъ мракѣ, окружавшемъ его. Вырвать съ корнемъ это зло, уничтожить навсегда поставилъ онъ своею главною задачею, полное разрѣшеніе которой стало его непоколебимою цѣлью. Но онъ также обладалъ всѣми качествами, чтобы успѣшно выполнить такое трудное дѣло.

Ездра пріобрѣлъ въ Вавилонѣ обширное знаніе Моисеевыхъ законовъ и, дѣйствительно, далъ много доказательствъ своей учености. За это современники дали ему почетное имя «Га-соферъ», что означаетъ и «переписчика», и «книжника». Относительно Ездры это было вѣрно въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Посредствомъ многочисленныхъ списковъ онъ распространилъ книги Моисея; самъ углубился въ духъ и содержаніе этихъ книгъ, чтобы вполне уяснить ихъ себѣ. Народное преданіе называетъ Баруха сына Неріи учителемъ Ездры. Этотъ Барухъ былъ нѣкогда въ Иерусалимѣ переписчикомъ пророка Іереміи. За нѣсколько лѣтъ до разрушенія Иерусалима храмъ былъ обновленъ по приказанію благочестиваго царя

Юсін. При этомъ снова нашлись книги Моисея, о которыхъ не имѣли никакого понятія въ теченіе многихъ лѣтъ. Одна пророчица Олдамъ (Хульда) говорила тогда предъ народомъ воодушевленные и убѣдительныя рѣчи относительно этой счастливой находки. Барухъ при этомъ безъ труда овладѣлъ книгами Моисея или спискомъ ихъ, взялъ ихъ съ собою при переселеніи въ Вавилонъ и вручилъ это священное сокровище знанія любознательному Ездѣ. Изъ искренней преданности къ своему престарѣлому учителю, Ездра только послѣ его смерти вернулся на родину, причемъ взялъ съ собою готовые списки Пятикнижія. Теперь приступилъ онъ къ распространенію ихъ въ народѣ и сталъ заботиться о томъ, чтобы ихъ содержаніе сдѣлалось достояніемъ cadaго. Такимъ образомъ надѣлся онъ просвѣтить свой народъ и облагородить его сердце. При всякомъ удобномъ случаѣ читалъ онъ въ многочисленныхъ собраніяхъ отрывки изъ Святаго Писанія, объяснялъ и толковалъ прочитанное и дѣлалъ его доступнымъ для средняго пониманія. Дѣйствіе было могущественное. Слушатели обнаруживали къ такимъ чтеніямъ и поученіямъ сильную воспримчивость, находили въ нихъ умственное удовлетвореніе и духовное наслажденіе. А отсюда все болѣе и болѣе возрастало народное расположеніе къ Ездѣ: народъ съ каждымъ днемъ начиналъ его глубже цѣнить и любить. Такимъ образомъ, Ездра былъ ниспосланнымъ отъ Бога врачомъ и помощникомъ своихъ соплеменниковъ. Онъ принесъ умирившему молодому государству не одно только минутное исцѣленіе; напротивъ, воскресивъ умственную дѣятельность, онъ навсегда заградилъ доступъ новому появленію этой болѣзни. Невозможно въ достаточной степени оцѣнить заслуги Ездры. Духъ сознанія, имъ вызванный къ жизни, не угасалъ съ тѣхъ поръ во всѣ времена. Вполнѣ справедливо говорили о немъ позднѣйшія поколѣнія: «Божественное ученіе исчезло-бы и было-бы забыто, но Ездра снова воскресилъ его». — Далѣе они признательно славили его: «Ездра былъ-бы достоинъ получить Откровеніе на Синаѣ, если-бы его не предупредилъ Моисей».

Болѣе двадцати лѣтъ оказывалъ Ездра такое благотворное вліяніе: въ это время онъ нашелъ себѣ преданнаго сторонника и дѣятельнаго сотрудника въ лицѣ Нееміи. Послѣдній при дворѣ упомянутаго персидскаго царя Артаксеркса Лонгимана исполнялъ должность кравчаго. Однажды дошло до Нееміи извѣстіе о горестномъ положеніи Иерусалима; онъ былъ глубоко потрясенъ этимъ. Царь, которому онъ за столомъ подносилъ вино, замѣтилъ печальное выраженіе его лица и спросилъ его о причинѣ грусти. Неемія сообщила

ему, чѣмъ вызвано въ немъ такое настроеніе. Слѣдствіемъ этого было то, что царь назначилъ его намѣстникомъ, т. е. нашою, надъ Іудеей. Такимъ образомъ, Неемія въ качествѣ главнаго начальника страны перебрался въ Іерусалимъ на 20-мъ году правленія этого царя за 458-го года до Р. Х. Его заслуги предъ молодымъ іудейскимъ государствомъ были необыкновенны. Прежде всего онъ постарался защитить Іерусалимъ противъ непріятельскихъ нападений, для чего приказалъ окружить городъ стѣнами. Самаряне, Арабы и Аммонитяне всѣми силами старались помѣшать этому предпріятію, которое полагалъ предѣлъ ихъ частымъ враждебнымъ набѣгамъ. Они вызвали чрезмѣрное обремененіе рабочихъ, такъ какъ послѣдніе должны были постоянно имѣть въ одной рукѣ оружіе для защиты, а другою они работали. Несмотря на это, спустя нѣсколько мѣсяцевъ укрѣпленія были окончены и торжественно освящены. Вслѣдъ затѣмъ Неемія украсилъ Іерусалимъ великолѣпными постройками, расширилъ его, поселивъ сюда многихъ сельскихъ жителей. Онъ приказалъ строго соблюдать святость субботы. Тирійцы и другіе кочевники не смѣли въ субботу привозить въ городъ никакихъ товаровъ. Съ наступленіемъ субботы запирались городскія ворота и только по прошествіи священнаго дня они снова открывались. Также храмовому богослуженію Неемія старался придать торжественную обстановку. Въ союзѣ съ Ездрой онъ стремился возстановить въ полной силѣ правила Моисеевыхъ законовъ и согласить съ ними всѣ обычаи страны.

Ездра всѣ свои силы направилъ на то, чтобы исполнѣ добиться той цѣли, которую онъ ясно видѣлъ предъ собою. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ своей неутомимой дѣятельности онъ уничтожилъ плеве-лы и старался облагородить духъ народа. Неемія, исполненный одинаковой сильной волей, а съ другой стороны вооруженный царской властью, могъ теперь посѣять сѣмена будущаго и ожидать благого исхода. Перваго Тисри, т. е. сентября, эти два мужа, воодушевленные однѣми и тѣми-же мыслями и одинаковыми стремленіями, созвали всеобщее собраніе на площади передъ храмомъ. Ездра стоялъ на трибунѣ и читалъ съ утра до полудня отрывки изъ законовъ. Громкой молитвой началъ онъ торжество дня и свое чтеніе. Шесть левитовъ стояли по правую сторону его и столько-же по лѣвую. Присутствовавшіе во множествѣ мужчины и женщины съ напряженіемъ прислушивались къ словамъ Ездры, которыя потомъ объяснялись поочередно левитами. Слушатели были такъ поражены, что громко плакали и рыдали. Вѣроятно, Ездра выбралъ мѣста изъ Священнаго Писанія, содержавшія тѣ законы, которые народъ преиму-

шественно преступать, почему всѣ терзались глубокимъ раскаяніемъ и горестью. Ездра и Неемїа обратились къ толпѣ съ такими словами: «не сокрушайтесь, не плачьте, потому что настоящий день святъ, посвященъ Господу; вы должны его радостно встрѣтить». Это былъ день трубнаго звука, день новой эры, день новой жизни. Значительнымъ и въ высшей степени важнымъ для будущности Израиля было 24-е число того-же мѣсяца, когда еще разъ было созвано всѣобщее собраніе и назначенъ всенародный постъ. Народъ облекся въ рубище, посыпалъ пепломъ головы, съ раскаяніемъ выражалъ свое сознаніе въ грѣхахъ и молился съ усердіемъ. Ездра снова читалъ законы, а левиты давали прочувствованныя объясненія. Они бросили взглядъ на прежнюю исторію своего народа, указывали на тѣ нарушенія законовъ, въ которыхъ провинился народъ, и закончили просьбой, чтобы небо простило ему. Священный трепетъ объялъ всѣ сердца, каждый чувствовалъ себя обновленнымъ и торжественно настроеннымъ; всѣ единодушно обѣщали впредь оставаться вѣрными закону, свято почитать субботу, какъ день тѣлеснаго покоя и духовнаго укрѣпленія, не заключать брачныхъ союзовъ съ язычниками, приносить въ храмъ опредѣленную подать, жертвы и необходимыя дрова; каждый седьмой годъ, согласно предписаніямъ, воздержаться отъ всякой полевой работы, удѣлять священникамъ и левитамъ предписанные дары, но преимущественно слѣдовать добросовѣстно всѣмъ заповѣдямъ, которыя дастъ Моисеево ученіе. Объ этомъ былъ составленъ письменный документъ и 85 старѣйшихъ и почетнѣйшихъ гражданъ подкрѣпили его по требованію собравшагося народа. Въ этотъ день сыны Іудеи возобновили свой союзъ съ божественнымъ ученіемъ и божественной вѣрой и для себя, и для своихъ потомковъ. Въ этотъ день ожилъ духъ народный съ помолодѣвшими силами, а религія іудеевъ съ триумфомъ вступила въ страну. Кроткое, теплое дыханіе весны подулъ по горамъ и долинамъ страны, нѣжное вѣяніе воздуха согнало зиму изъ всѣхъ умовъ, растопило снѣгъ и ледъ во всѣхъ сердцахъ. Глубокая синева неба, величественный блескъ солнца засіяли надъ вѣрующей страной и народомъ. Палестина съ этого дня была посвящена Богу, какъ мѣстопочитаніе Превѣчнаго, какъ пребываніе Священнаго ученія. Мать-земля теперь только могла привѣтствовать своихъ дѣтей съ любовью и сердечною радостью; они выздоровѣли и исцѣлились, измѣнили и улучшили себя раскаяніемъ. Кромѣ того, они отказались отъ своихъ языческихъ жентъ. Мѣра была жестока, но неизбежна, если пере мѣна должна быть продолжительна. Ездра и Неемїа были великими реформато-

рами, обновителями іудейства. Столь глубоко павшій народъ они спасли отъ гибели «не съ помощью войска, не силою и строгостью, но Моимъ духомъ, говоритъ Превѣчный Саваоѣ», какъ провозвѣстияль современный пророкъ Захарія. Духъ божественнаго ученья, постигнутый народомъ съ помощью Ездры, могущественно поднялъ, какъ-бы на орлиныхъ крыльяхъ, народное сознаніе и произвелъ такую удивительную пережѣну. Поэтому справедливо одинъ древній народный ораторъ слѣдующія слова возвышенной пѣсни: «цвѣты появились въ странѣ» перенесъ на Ездру и Неемію. Они были цвѣтами, наполнившими воздухъ благоухающими запахами, цвѣтами, обильными сочными и живительными плодами.

Ездра и Неемія заключили собою двѣ важнѣйшія эпохи въ исторіи евреевъ. Они образуютъ богатую вечернюю зарю библейскаго періода, закончившагося вмѣстѣ съ ними. Обѣ книги, носящія ихъ имена и знакомящія съ ихъ славною жизнью и дѣятельностью, суть послѣдніе историческіе памятники библейской литературы, которую онѣ закончили. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ открываютъ блистательную утреннюю зарю новаго историческаго періода, зарю новой государственной жизни Іудеи. Съ ними только начинается ея живое развитіе, обнаруживаетъ полную дѣятельность свою юная, свѣжая народная сила. Молодое государство счастливо перенесло, такъ сказать, свои дѣтскія болѣзни, которыя привели его жителей къ сознанію своего болѣзненнаго состоянія. Они съ ужасомъ оглядывались теперь на свои заблужденія и тѣмъ мужественнѣе и смѣлѣе ухватились за здоровыя и лучшія чувства, мысли и поступки. Ездра и Неемія возвысили народъ до самосознанія, вывели его изъ страшнаго мрака на дневной свѣтъ. Эти два мужа сіяютъ поэтому неувядаемою славой на страницахъ исторіи своего народа: они были охранителями и защитниками его крѣпости и его существованія на землѣ. Они жили, дѣйствовали и творили не только для короткаго періода своей земной жизни, но для послѣдующихъ временъ и поколѣній. Мы обязаны имъ вѣчной благодарностью, мы должны произносить ихъ имена съ достойнымъ уваженіемъ и почетомъ. Да будетъ навсегда благословенна память о нихъ!

Но и памяти персидскаго царя Артаксеркса Лонгимана мы должны воздать справедливую дань благодарности. Онъ выказалъ себя благодѣтелемъ по отношенію къ евреямъ и далъ возможность обоимъ дѣятельнымъ и даровитымъ мужамъ такъ благотворно дѣйствовать на пользу своего народа.

III.

Члены Великаго Синода.

Періодъ, слѣдовавшій за Ездрой и Нееміей, отличался необыкновеннымъ молчаніемъ. Ни одно перо не принималось за описаніе дальнѣйшихъ происшествій и событій, пережитыхъ народомъ въ теченіе слѣдующихъ столѣтій. Если прочитать обѣ библейскія книги Ездры и Нееміи, закрыть ихъ и посмотрѣть потомъ на дальнѣйшее теченіе обстоятельствъ, то кажется, будто внезапно попалъ изъ сутолоки большаго населеннаго города въ дикую, безлюдную пустыню, гдѣ глазъ напрасно будетъ искать челоуѣка. Тамъ въ упомянутыхъ книгахъ содержаніе кипитъ именами, поколѣніями, тамъ жизнь людей льется широкимъ теченіемъ, волны котораго безпрестанно перебиваютъ другъ друга, но которое вдругъ безслѣдно исчезло. Ближайшіе слѣдующіе періоды и поколѣнія безжалостно залиты потокомъ вѣчнаго забвенія. На историческомъ небѣ паритъ египетская тьма, долгая черная ночь, среди которой не блеститъ ни одна звѣзда, не свѣтитъ кроткій мѣсяцъ. Однако въ этой безпросвѣтной эпохѣ исторической жизни выдается одно весьма важное событіе, которое по своему глубокому значенію осталось на памяти позднѣйшихъ поколѣній въ теченіе столѣтій и о которомъ часто и много рассказываютъ. Именно, Ездра и Неемія дали начало собранію, состоявшему изъ 120 членовъ, съ тою цѣлью, чтобы оно продолжало и довело до конца то благотворное дѣло, которое они начали. Это общество называлось «Кнессетъ гагдола», «Великій синодъ» или «Великая синагога». Члены этого союза получили отъ позднѣйшихъ потомковъ имя «Анше Кнессетъ гагдола», «членовъ Великаго синода». Эти заботы о будущности своего народа нужно вмѣнить въ почетную заслугу великимъ реформаторамъ, и наше уваженіе передъ ними должно поэтому все болѣе и болѣе увеличиваться. Дѣло, которому они посвятили свои лучшія силы и способности, которому пожертвовали время, трудъ, стараніе, стало для нихъ такъ-же дорогимъ и цѣннымъ, какъ дитя для матери. Они помнили о своей плѣнности. Неужели-же поле, которое они воздѣляли, должно опять обратиться въ пустыню, зарости дикою травой? Неужели должны погибнуть садъ, который они засадили красивыми и благоухающими цвѣтами, полезными растеніями, плодовыми деревьями, ласкающими взглядъ и сердце? Кто станетъ послѣ нихъ защищать и беречь выросшее, охранять и ухаживать за нимъ? Это была серьезная за-

бота, которая всей своей тяжестью обременяла ихъ благородныя сердца. Поэтому они своевременно поискали вокругъ себя сильныхъ и способныхъ лицъ, которые въ будущемъ могли-бы принять изъ ихъ рукъ дѣло и продолжать его. Въ тотъ знаменательный день 24-го Тисри 85 мужей подписали документъ. Эти мужи образовали ядро націи. Высокое благородство души и честный образъ мыслей снискали имъ всеобщее расположеніе. Они были поручителями народа, они свято обѣщали слѣдить бдительно за тѣмъ, чтобы онъ никогда не забывалъ законовъ, предписанныхъ Священнымъ Писаніемъ, не совратился съ пути, не предался языческимъ обычаямъ, но всецѣло и исполнѣ оставался преданнымъ іудейству. Именитѣйшіе священники, левиты и старѣйшины присоединили къ нимъ свои громкія имена. Среди нихъ находились также послѣдніе пророки, бывшіе на землѣ: Аггей, Захарія и Малахія. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули еще другія выдающіяся личности. Такимъ образомъ, возникъ союзъ изъ 120 членовъ, который поставилъ себѣ задачей дальнѣйшее устроеніе іудейства. Теперь Ездра и Неемія могли успокоиться; они были освобождены отъ заботы о будущемъ своего народа. Мирно закрылись ихъ глаза, когда на нихъ спустилась ночь смерти. Ихъ подвигъ продолжали дѣятельные люди, виноградникъ Превѣчнаго оберегался вѣрными стражами, народъ былъ защищенъ отъ испорченности.

Общество Великаго Синада осталось неуывдаемымъ. Оно распространено во многочисленныхъ спискахъ книги Моисея; послѣдніи стали достояніемъ народа и встрѣчались въ каждомъ домѣ. Оно упрочило среди Израиля чтеніе Торы, введенное Ездрой, объясненіе прочитаннаго въ доступной рѣчи, которая сильно дѣйствовала на умъ и душу слушателей, такъ что каждый чувствовалъ себя обновленнымъ. Содержаніе Моисеева ученія оно раздѣлило на главы, которыя читались одна за другой по субботамъ, а по понедѣльникамъ, четвергамъ и въ послѣобѣденные часы субботы читались отрывки. Они выбрали также соотвѣтствующія главы для праздниковъ и постовъ. Въ понедѣльникъ и четвергъ въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ прекращалось общественное судопроизводство: сельскіе жители стекались въ большомъ числѣ, привозили жизненные припасы для продажи на рынокъ. Это обстоятельство имѣло весьма благотѣльные послѣдствія. Поселяне привозили домой не только денежный барышъ, но и духовное обогащеніе. Такимъ образомъ, Великій синадъ довершилъ дѣло, начатое Ездрой, и ввелъ Моисеево ученіе во всѣ слои народа, а потому онъ считается краеугольнымъ

камінемъ, послѣднимъ звеномъ цѣпи, которую провело божественное ученіе черезъ всѣ историческія эпохи. Именно сказано: «Моисей получилъ ученіе на Синаѣ, онъ передалъ его Іисусу Навину, который сообщилъ его старѣйшинамъ; послѣдніе передали ученіе пророкамъ, а эти—членамъ Великаго Синода». Этому обществу мы болѣе всего благодарны за сохраненіе библейскихъ письменъ. Оно собрало, исправило и издало разсѣянные письменные памятники исторіи народа, рѣчи пророковъ, также всѣ произведенія мыслителей и поэтовъ предшествовавшаго времени. Имъ была составлена книга «Есодрь», которая читается въ праздникъ «Пуримъ» 14-го Адара (Марта), для воспоминанія о спасеніи Израиля, случившемся въ этотъ день и описанномъ въ этой книгѣ.

Члены Великаго Синода заботились также о духовномъ просвѣщеніи молитвами и набожностью какъ въ общественномъ богослуженіи, такъ и въ узкомъ семейномъ кругу. Жертвоприношенія въ храмѣ лежали исключительно на обязанности священниковъ; ни одинъ мірянинъ не смѣлъ подходить къ алтарю. Но весь народъ въ совокупности нуждался въ духовной пищѣ, въ непрерывномъ поощреніи ума, дабы онъ постоянно оставался преданнымъ іудейской религіи. Разумѣется, всякій призоветъ Творца, если внутренній или вѣншній порывъ побудитъ его къ благочестивому сердечному изліянію. Въ минуты унынія, нужды, горя, на одрѣ страданія, во время болѣзней—въ такіе моменты уста легко найдутъ слово для жалобъ, для просьбъ о спасеніи и помощи.

Но члены Синода желали, чтобы во всякое время помнили своего Бога, чтобы относились къ Нему съ сыновнею преданностью и крѣпко пребывали въ своей вѣрѣ. Безъ вѣншняго повода не каждый можетъ найти настоящее слово соотвѣтственно времени, не каждый можетъ такъ молиться, чтобы душа чувствовала себя укрѣпленною, умъ—возвышеннымъ, сердце—облагороженнымъ. Имѣя это въ виду, они сочинили молитвы для постоянного употребленія среди всѣхъ вѣрующихъ. Вслѣдствіе тождества молитвъ во всѣхъ мѣстностяхъ было съ одной стороны положено твердое основаніе для развитія національнаго чувства и братскаго единомыслія, а съ другой—предупреждена возможность распаденья на религіозныя партіи.

Многіе изъ молитвъ, существующихъ еще и въ настоящее время, ведутъ свое происхожденіе отъ Великаго Синода: напримѣръ, такъ называемая молитва Восемнадцати славословій, «Шмоне Эсра». Она начинается тремя восхваленіями. Самымъ главнымъ выраженіемъ служить слѣдующее: «каждому требованію сердца должно предшест-

вовать похвала Господу». За восхваленіями слѣдуютъ двѣнадцать прошеній, три благодарственныя и заключительныя молитвы. Съ какимъ вниманіемъ относились тѣ мужи къ выбору соотвѣтствующихъ выраженій для молитвъ, видно изъ слѣдующаго сообщенія. При составленіи восхваленій они задались труднымъ вопросомъ: «какія качества слабый, смертный сынъ земли можетъ приписать Тому, который выше всякаго пониманія, котораго не въ состояніи постигнуть самый смѣлый полетъ фантазіи»? Чтобы выйти изъ затрудненія, они стали искать надлежащихъ указаній и нашли три: Моисей называлъ Господа «Великимъ, Всесильнымъ и Преблагимъ». Іеремія пережилъ опустошеніе страны, Іерусалима и храма; видѣлъ, какъ халдейскія войска съ полной необузданностью, подобно дикимъ звѣрямъ, буйствовали и свирѣпствовали въ господнемъ святилищѣ, и спрашивалъ: «гдѣ-же благоговѣніе предъ Богомъ? Поэтому онъ въ молитвѣ называлъ Творца «Великимъ и Всесильнымъ», но не «Преблагимъ». Далѣе Даніилъ спрашивалъ: «какъ могу я называть Бога Великимъ, если народъ, предъ которымъ пророкъ отъ имени Господа восклицаетъ: «Этотъ народъ избралъ Я для себя, чтобы онъ возносилъ мнѣ хвалу», изнемогаетъ и томится въ рабскомъ плѣну? Кто возвышаетъ величіе Превѣчнаго». Поэтому онъ избѣгалъ называть Бога Великимъ и превозносилъ только Его Всемогущество и Преблагость. Кому изъ нихъ должно слѣдовать? Члены Великаго Синода примкнули къ выраженію, употребленному Моисеемъ, говоря: «въ долготерпѣніи къ грѣшникамъ проявляется величіе Божіе; въ господствѣ небесной справедливости открывается божественная Преблагость». Поэтому они въ молитвѣ Восемнадцати славословій поставили за правило хвалить и славить Бога «Великимъ, Всесильнымъ и Преблагимъ».

Опасности временъ Іереміи и Даніила въ эпоху существованія Синода уже миновались. Величіе и могущество Божіе эти мужи ясно усматривали въ томъ знаменательномъ событіи, что Киръ, истребитель рода разорителей храма и въ то-же время освободитель Израиля, явился новымъ основателемъ государства и храма.

Какъ рѣшили члены Синода, такъ оно и осталось неизмѣннымъ и сохранилось такимъ до настоящаго времени. Когда однажды въ Палестинѣ какой-то ораторъ сталъ превозносить много другихъ качествъ во хвалу Превѣчному, то одинъ изъ извѣстныхъ законониковъ обратился къ нему съ негодованіемъ: «думаешь-ли ты исчерпать всю хвалу Господу? И если-бы ты нагромоздилъ все великое и благородное еще въ большемъ количествѣ, то это всегда останется

подобнымъ тому, какъ-бы мы славили человѣка за его богатство серебромъ, между тѣмъ какъ онъ обладаетъ несметными сокровищами золота. Какъ заповѣдали члены Великаго собранія, такъ должно остаться навсегда: мы не имѣемъ права измѣнять это!»

Члены Великаго Синода суть основатели синагогальнаго богослуженія, главную составную часть котораго образуютъ молитвы, чтеніе Св. Писанія и поученія.

Вмѣстѣ съ молитвами, которыя составило это общество, оно назначило для моленія также извѣстныя главы Библии, а въ особенности псалмы. По его распоряженію молитва вѣры, шла вмѣстѣ съ обѣими своими частями была взята изъ пятикнижія и включена въ число другихъ молитвъ, а псалмы «Галлель» установлены для праздниковъ.

Для освященія субботы и праздниковъ они ввели «Киддунъ» и «Габдала». Первымъ слѣдовало торжественно встрѣтить въ семейномъ кругу начало священнаго дня, а послѣднимъ—должно съ одинаковою торжественностью заключить этотъ день.

Одинъ древній источникъ опредѣляетъ направленіе, въ которомъ развивалась дѣятельность Синода, слѣдующими тремя изреченіями членовъ его: «будьте осторожны въ судебныхъ приговорахъ». — «Выставляйте много учениковъ». — «Устройте ограду вокругъ ученія».

Требованія, касающіяся соблюденія справедливости, они ставили выше всего. Уже Ездра выпросилъ для себя царское полномочіе назначать судей, которые произносили-бы приговоры на основаніи Моисеева ученія. «Одинаковое право для всѣхъ», неоднократно приказываетъ законъ Торы. Члены Синода бдительно слѣдили за тѣмъ, чтобы такъ поступали съ каждымъ, чтобы единодушіе, миръ и братство остались ненарушенными. Они старались изгнать несправедливость, наспіе и всякаго рода оскорбленія личности и удалить навсегда источники раздоровъ.

Ихъ второй задачей было образованіе и поднятіе народнаго духа постепеннымъ развитіемъ сознанія. Проницательный взоръ Ездры призналъ въ невѣжествѣ мать того нравственнаго паденія и той испорченности, которую онъ нашелъ въ Іудеѣ при своемъ появленіи. Поэтому было необходимо разогнать этотъ мракъ. Подобно Творцу міра, началъ онъ свое дѣло исцѣленія восклицаніемъ: «да будетъ свѣтъ!» Что началъ Ездра, отецъ Синода, то члены послѣдняго съ преданностью старались успѣшнѣе выполнить и развить. «Свѣтъ долженъ быть во всѣхъ жилищахъ Израилъ», такъ гласилъ второй де-

визъ ихъ дѣятельности. Они открывали школы и учебныя заведенія, чтобы выставить побольше учениковъ.

Защитить законы Моисея отъ нарушеній, обезопасить ихъ, подобно заботливо устроенному саду, надежной оградой отъ всякихъ вторженій было ихъ слѣдующимъ стремленіемъ, какъ свидѣтельствуеть третій девизъ. Насколько коротки и немногословны эти изреченія, настолько обширна каждая изъ задачъ, которыя они предписываютъ. Молодое государство расцвѣло подъ заботливымъ наблюденіемъ Великаго Синода и все шире и сильнѣе развивалось и въ религиозномъ и въ гражданскомъ отношеніи. Это общество заботливо слѣдило за проведеніемъ справедливости, за преподаваніемъ и сохраненіемъ закона какъ въ общемъ, такъ и въ частномъ. Въмѣстѣ съ возрастающею религиозностью, которая проникла всюду, благодаря чтенію Моисеева ученія, толкованію его въ богослужебныхъ собраніяхъ, синагогахъ, очистился образъ мыслей народа, такъ что онъ становился все воспріимчивѣе ко всему высокому и благородному. Изъясники искалъ своихъ удовольствій въ попойкахъ и безпутныхъ поступкахъ; еврей чувствовалъ себя въ высшей степени счастливымъ, если онъ слушалъ содержательную рѣчь, толковое объясненіе какого-либо темнаго мѣста Библии, свѣтлую, остроумную мысль, изложенную въ стихахъ. Народъ исцѣлился отъ всѣхъ языческихъ наклонностей. Мастерскія рѣчи пророковъ, гремѣвшія и негодовавшія, подобно треску бури и раскатамъ грома, блиставшія и пламенившія, подобно сверкающей молніи, все-таки заглохли, несмотря на всю свою силу и могущество. Онѣ оказались безсильными уничтожить въ атмосферѣ Израиля ядовитыя міазмы безнравственной и необузданной языческой жизни. Лишь искреннее уразумѣніе глубины мысли Моисеева ученія было свѣтлымъ, яснымъ солнечнымъ сіяніемъ, которое прогнало темныя тучи, дало смертельный толчекъ язычеству въ Іудеѣ. На этомъ основаніи и замолкъ съ тѣхъ поръ навсегда голосъ пророковъ. Книга Св. Писанія сдѣлалась древомъ жизни, каждый съ благоговѣніемъ освѣщался въ его отрадной тѣни и наслаждался его сладкими, сочными плодами. Любовь къ вѣрѣ все болѣе увеличивалась, религія стала руководительницею народа, наполнила всѣ сердца, воодушевила всѣ умы. Законы нравственности, чистоты, какъ и всѣ требованія и предписанія ученія, соблюдались съ крайнею заботливостью и строгостью. Субботніе дни и праздники стали священными: они служили днями высокой семейной радости. Отецъ поучалъ своихъ дѣтей, которыя жадно и съ напряженіемъ прислушивались къ его словамъ, а самъ онъ съ такимъ-же напряженіемъ

слушать поучительныя рѣчи священниковъ, левитовъ или другого кого-либо, кто обыкновенно толковалъ въ синагогѣ слово Божіе и приводилъ при этомъ свои размышленія и увѣщанія. Это было прекрасное, счастливое время индивидуальной мирной жизни. Обрабатывали землю, воздѣлывали сады, луга и виноградники; по окончаніи трудового дня, каждый спокойно усаживался въ тѣни винограднаго куста или фиговаго дерева, какъ общалъ пророкъ. Предсказанія исполнились. Для новыхъ пророковъ уже болѣе не было никакого пространства, никакого поля дѣятельности. Они исчезли поэтому, предвѣденіе угасло, и голосъ ихъ замолкъ съ тѣхъ поръ навсегда. Ездра былъ тотъ, кто произвелъ эту счастливую перемѣну. Онъ былъ тотъ, который проторилъ дорогу, а члены Синода имѣютъ за собою ту неоспоримую заслугу, что они содѣйствовали дальнѣйшему успѣху этихъ стремленій и возвели ихъ на высокую степень развитія. Позднѣйшее потомство обрисовывало ихъ дѣятельность слѣдующимъ умнымъ изреченіемъ: «члены Великаго Синода были тѣмъ велики, что они снова вернули ученію Моисея его древній вѣнецъ».

Кто были членами Великаго Синода, мы не знаемъ. Мы не въ состояніи назвать, за исключеніемъ первыхъ основателей, дальнѣйшія имена, указать позднѣйшихъ личностей. Кто знаетъ, сколько благотворнаго создало еще пчелиное усердіе этого общества, о которомъ утеряно всякое извѣстіе. Лица, которыя такъ искусно владѣли перомъ, которыя такъ много писали и думали, сѣяли и пересаживали, обошли молчаніемъ себя самихъ, свою личность и свои дѣла. Самоотверженно, нисколько не помышляя о славѣ, отдавали они плоды своего усердія своему народу и потомству; еще и теперь мы черпаемъ отсюда и питаемъ свою душу и сердце. Однако, мы не въ состояніи ни воздать благодарность этимъ рѣдкимъ и скромнымъ мужамъ, ни почтить ихъ память.

Подобно тому, какъ Ездра получилъ отъ своихъ современниковъ почетное имя «Гасофера», т. е. ученаго, такъ и тотъ періодъ, въ теченіе котораго дѣйствовали члены Великаго Синода былъ прозванъ «періодомъ Соферовъ». Ихъ ученія, слова и наставленія именовались «диббре Соферимъ», т. е. наставленіями Соферовъ. Послѣднія добросовѣстно сохранились въ теченіе всего позднѣйшаго времени. Все, что происходило отъ «Соферовъ», носило на себѣ печать святости, ручательства, что это прочно, несомнѣнно, благородно: каждый со смиреніемъ преклонялся передъ этимъ и платилъ ему дань усерднаго послушанія.

Ревностная дѣятельность этого общества продолжалась въ те-

ченіе многихъ поколѣній. Если неизбежная смерть вырывала изъ его среды сочлена, то немедленно на мѣсто его вступалъ другой и дополнялъ образовавшійся недостатокъ. Изъ высшей школы въ Иерусалимѣ выросло крѣпкое молодое поколѣніе. Они выставили много учениковъ; не было поэтому недостатка въ просвѣщенныхъ умахъ. Такъ существовалъ этотъ союзъ въ продолженіе почти двухъ съ половиною столѣтій. Неизмѣримо велика та благодать, которую Великій синодъ низвелъ на іудейскій народъ и религію іудейскую. Предсказаніе пророка Аггея, который еще при основаніи Синода былъ членомъ его, исполнилось на дѣлѣ. Онъ предрекъ: «великолѣпіе второго храма затмитъ собою блескъ перваго, потому что въ этомъ домѣ народъ найдетъ свой миръ». Кроткій ангелъ съ пальмою мира водворился въ Иудеѣ. Религія сдѣлалась могущественной, прочной, неразрывной цѣпью, которая крѣпко обвила и соединила между собою всѣхъ вѣрующихъ. Благословенія Великаго Синода долго не изсякали. Жажда знаній, которую вызвалъ ихъ сердечный жаръ; духъ пылливости, пробужденный ихъ примѣромъ; свѣтъ, зажженный ихъ умомъ,—съ тѣхъ поръ упрочились среди Израиля. Просвѣщенные герои мысли съ этого времени слѣдуютъ другъ за другомъ, подобно низущимся на нить перламъ. Въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ, протекавшихъ съ тѣхъ поръ, каждая эпоха отмѣчалась извѣстнымъ носителемъ мысли. Если одно ясное свѣтило исчезало съ горизонта, тотчасъ появилось другое, блестящее и сверкающее, которое заимствовало свои свѣтлыя волны и свою теплоту изъ отдаденнаго источника.

Члены Великаго Синода, «Соферы», были первыми, кто положилъ начальное основаніе Талмуда. На этомъ прочномъ основаніи законоучители налагали камень за камнемъ въ теченіи столѣтій. Очень часто бушевали со страшною стихійною яростью сильныя бури, разрушительныя ураганы; они потрясали государство, опустошали страну, лишали ее жителей, превращали въ пустыню, и страна снова становилась покинутой, бездѣтной вдовой, жалобно и горько оплакивающей свою участь. Но умственная работа никогда не ослабѣвала. Среди величайшихъ и непредѣльныхъ несчастій она оставалась единственнымъ источникомъ исцѣленія, откуда приниженные и притѣсненные черпали утѣшеніе и бодрость, надежду и увѣренность въ себѣ, мужество и подкрѣпленіе. Основы Талмуда послужили основаніемъ дальнѣйшаго устойчиваго существованія Израиля.

IV.

Бибія.

Іудея расцвѣла. Іерусалимъ сызнова грѣлся въ солнечномъ свѣтѣ, обновленный храмомъ, который своимъ лучистымъ сіяніемъ озарялъ столицу. Благородные мужи Великаго Синода неутомимо старались привести Іудею, какъ святую землю, въ цвѣтущее состояніе, пробудить и закалить внутреннюю народную силу. Народъ долженъ былъ узнать себя и свое высшее призваніе и научиться почитать и уважать себя по достоинству. Духовнымъ просвѣщеніемъ, чистою, строго-нравственною жизнью, глубокою религіозностію и непоколебимою вѣрою въ Бога онъ долженъ былъ отличаться предъ всѣми изыческими племенами на землѣ. Онъ долженъ былъ, по словамъ Моисея, быть «святымъ», подобно тому небесному существу, котораго онъ почиталъ. Чтобы достигнуть этой высокой цѣли, народу слѣдовало прежде всего ознакомиться со своею удивительною исторіей; слѣдовало также узнать неоднократныя отпаденія отъ Бога, всѣ заблужденія предковъ со всѣми печальными послѣдствіями ихъ сопровождавшими. Ибо и послѣднія могли также служить благотворнымъ и внушительнымъ увѣщаніемъ и предостереженіемъ для нихъ самихъ и для ихъ потомковъ на будущее, ибо и путь къ чистой правдѣ ведетъ сквозь безчисленныя змѣвидныя сплетенія ошибокъ и заблужденій. Недостатки минувшихъ поколѣній должны были служить школой для позднѣйшихъ. А потому они обязаны были все это узнать. Также должны были они познакомиться съ произведеніями ума своихъ прежнихъ соплеменниковъ, чтобы этимъ знаніемъ развить свой собственный умъ, облагородить свое сердце и обогатиться жизненною опытностію, прозорливостію и остротою пониманія. Поэтому члены Великаго Синода направили свои старанія на собраніе литературныхъ сокровищъ своего народа и на передачу ихъ современникамъ для сохраненія потомству. Это было идеальнымъ предпріятіемъ, требовавшимъ чрезмѣрныхъ усилій, настойчивости, прилежанія и труда, надежнымъ испытаніемъ терпѣнія. Однако они не утрастились предъ этими препятствіями и выполнили великое дѣло, благодаря своей желѣзной волѣ, благодаря своему упорству и духовной крѣпости. Мы конечно не въ состояніи въ достаточной мѣрѣ удивиться той степени настойчивости, какую требовала такая исполнская работа. Члены Великаго Синода этимъ самымъ оказали

огромную услугу не только одному своему народу, но и всему человечеству: они сохранили міру библейскія книги.

Слово «библія» взято съ греческаго языка и значитъ «книга». Однако Библія—не одна книга, но собраніе 24-хъ книгъ, которыя въ различныя времена были написаны на еврейскомъ языкѣ. Изложеніе составлено или въ формѣ повѣствовательной прозы, или въ формѣ возвышенной поэзіи. Какимъ образомъ и когда возникла каждая книга, такъ-же трудно сказать, какъ и назвать автора каждой книги. Это извѣстно лишь относительно нѣсколькихъ частей. Именно про Моисея сказано, что онъ написалъ «Тору» (Ученіе), и передъ смертію передалъ ее священникамъ и левитамъ. «Тора»,— пять книгъ Моисея, «Пентатэвхъ», слово греческое, что также значитъ «пять книгъ»,—образуетъ первую часть Библии. Къ ней примыкаетъ вторая часть, «Пророки», «Небіимъ», содержаніемъ, которой служитъ исторія событій отъ Иисуса Навина до паденія іудейскаго государства и отведенія народа въ плѣнъ вавилонскій; въ этой части заключаются также рѣчи пророковъ. Третья часть содержитъ произведенія вольной фантазіи, лирическія пѣсни, дидактическія изреченія, философскія разсужденія, а также и отдѣльныя историческія сообщенія, собранныя подъ названіемъ «Кетубимъ», «Гагіографы», «Письменъ». Въ цѣломъ образуются 24 книги, которыя составляютъ національное литературное сокровище еврейскаго народа.

Какъ ни различны отдѣльныя произведенія по формѣ и по содержанію, какой-бы промежутокъ времени ни раздѣлялъ между собою появленіе тѣхъ или другихъ произведеній, однако, вездѣ господствуетъ одна и та-же мысль, вѣра въ единого, вѣн сего міра существующаго, Бога Творца. Мудрый порядокъ и правильность въ явленіяхъ природы указываютъ на Того, который управляетъ ею по вѣчнымъ неизмѣннымъ законамъ, указываетъ путь небеснымъ тѣламъ, отъ котораго они не смѣютъ уклониться ни на волосъ. Эта мысль красною нитью проходитъ черезъ весь трудъ такъ-же, какъ черезъ каждую часть его. Вся исторія развитія Израиля и другихъ народовъ на землѣ приводится въ зависимость отъ Бога. Богъ по неисповѣдному плану даетъ свое назначеніе какъ государствамъ и народамъ, такъ и каждому индивидууму. «Богомъ опредѣлены всѣ шаги человѣка; какъ-же можетъ человѣкъ узнать свой путь? «Съ такимъ-же отношеніемъ къ Богу въ возвышенной поэтической рѣчи воспѣвается вселенная въ ея необытномъ превосходствѣ, великолѣпін и величін, какъ отраженіе небеснаго всемогущества, мудрости, любви и милости. Въ то-же время каждая часть преслѣдуетъ еще

другую цѣль — все болѣе приблизить богоподобнаго человѣка къ умственному и нравственному совершенству и къ притекающему отсюда блаженству. Библія возстаетъ противъ языческаго обоготворенія природы, противъ идолопоклонства и суевѣрій. Мягко и любовно, какъ нѣжная мать, убѣждаетъ она не впадать въ подобныя уклоненія, а мѣстами изливаетъ ѣдкій потокъ насмѣшекъ противъ подобнаго вырожденія духа. Отлично это понялъ пророкъ Исаія: «вотъ выходитъ человѣкъ и рубить дерево. Онъ выбираетъ дерево липу, ель или сосну, измѣряетъ шнуромъ, отмѣчаетъ мѣломъ, работаетъ наугольникомъ и циркулемъ и образуетъ человѣческую фигуру для украшенія своего дома. Одну половину онъ сжигаетъ, грѣется, печетъ свой хлѣбъ, жаритъ свое мясо и подкрѣпляетъ себя: предъ другой половиною онъ преклоняется и молится, бросается съ молитвою на колѣни и восклицаетъ: «помоги мнѣ, ты—мой Богъ». — Такимъ путемъ думали составители Библии удержать свой народъ отъ умственного и нравственнаго паденія, отклонить человѣчество отъ глубокаго ничтожества и направить къ истинѣ.

Библейскія книги проникнуты глубокимъ упованіемъ, оптимизмомъ, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ не теритъ надежды въ самыхъ тяжелыхъ несчастіяхъ, не отчаивается въ лучшей будущности. Какъ ни безпримѣрны были страшныя и ужасныя испытанія, которыя перенесъ организмъ израильскаго народа, однако цѣлительный бальзамъ непоколебимой вѣры въ Бога всегда облегчалъ зияющія раны, смягчалъ самыя жгучія сердечныя мученія. Эту героическую силу сопротивленія Библия получила при самомъ своемъ происхожденіи. Уже Моисей привилъ своимъ единовѣрцамъ спасительное чувство надежды. Онъ развернулъ предъ всеобщими взорами самыя мрачныя, самыя страшныя картины будущаго, заставилъ съ трепетомъ всмотрѣться въ нихъ, всмотрѣться, сколь великая мѣра несчастій окружаетъ чернымъ покровомъ ихъ грядущіе дни, что имъ предстоитъ, что ихъ ждетъ. Но послѣ всѣхъ этихъ страшныхъ образовъ онъ воскликнулъ именемъ Бога: «но и потомъ, въ странѣ враговъ, Я ихъ не отрину, не брошу, не уничтожу, не нарушу своего союза, ибо Я Превѣчный, ихъ Богъ». Вдохновленный такой увѣренностью, вѣнценосный псалмопѣвецъ восклицаетъ: «и когда я блуждаю по долианѣ среди мертвыхъ тѣней, я не боюсь злого духа! Ты вѣдь со мною, твой посохъ и твоя опора доставляютъ мнѣ утѣшеніе!»

Изъ этого неизсякающаго источника благоговѣйной надежды вытекло ученіе о Мессіи, которое глубоко проникло въ народъ и пу-

стило корни въ душу каждого. Пессимизмъ язычества произвелъ золотой вѣкъ развитія челоѡчества. Ростъ послѣдняго, его поднимавшаяся зрѣлость приносили съ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и возраставшее ухудшеніе міра, неспособность его къ росту и зрѣлости, пока наконецъ, онъ не палъ въ зіяющую пропасть, гдѣ изсякаетъ и умираетъ всякая надежда. Напротивъ того, іудейство видитъ въ исторіи развитія челоѡчества отрадное улучшеніе, быстрое поднятіе сознанія, непрерывное приближеніе къ правдѣ. пока наконецъ, «наступятъ дни, когда всѣ народы протекутъ къ горѣ храма Божьяго, перестанутъ обнажать мечи другъ противъ друга и больше не будутъ изучать военнаго искусства». «Тогда земля будетъ исполнена сознаніемъ Превѣчнаго подобно тому, какъ море наполнено водою».

Возрастающее релігіозное сознаніе, непоколебимая вѣра, безмятежный міръ, искреннее единомысліе, широкое челоѡколюбіе: вотъ атрибуты времени Мессіи; его возвѣстило предвѣдніе пророковъ, и они представили его въ великолѣпнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ образахъ. Знамя съ пламенной подписью: «свобода», равенство, «братство», Библия высоко подняла это знамя уже за много тысячелѣтій, въ то время, когда челоѡчество утопало въ безмѣрномъ невѣжествѣ, въ еѡирѣпой кровожадности, въ неподдающихся описанію порокахъ. Поэтому Библия вѣчно останется неизсякаемымъ ключемъ самой чистой правды, совершеннѣйшей морали и нравственности, источникомъ укрѣпленія и улучшенія для челоѡчества.

Тотъ, кто беретъ теперь въ руки Библию, едва-ли, конечно, подумаетъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя потребовало собираніе и приведеніе въ порядокъ отдѣльных частей ея. Книги Моисея, Пятикнижіе, глава этихъ письменъ, исчезли и были забыты, кто знаетъ, въ теченіи сколькихъ поколѣній. Лишь незадолго до разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, онѣ случайно были найдены въ одномъ изъ угловъ храма. Какъ-же достались онѣ членамъ Синода? кто былъ тотъ, который, зная ихъ цѣну, вынесъ ихъ изъ пламени, какъ драгоценное сокровище, отнесъ съ собою въ плѣнъ и потомъ принесъ обратно въ свою старую мать-землю? Отвѣтить на это довольно трудно. Но члены Великаго Синода сами должны были задавать такіе-же вопросы, чтобы отыскать и спасти духовное національное сокровище. Кто знаетъ, сколько оно потеряло времени, среди бурь и смутъ великолѣпныхъ и драгоценныхъ камней, которые составляютъ незамѣнимую утрату! Судя по книгѣ Царей, Соломонъ написалъ три тысячи изреченій, тысячу пять пѣсней. Изъ первыхъ Библия сохранила только немногія, а изъ послѣднихъ лишь нѣс-

колько отрывковъ «Пѣсни Пѣсней», идилически-преlestное и очаровательное содержаніе которой заставляетъ глубоко сожалѣть о потерѣ другихъ.

Набожный царь Іудейскій Езекия почти за 760 лѣтъ до Р. Х. учредилъ коллегію изъ надежныхъ мужей для собиранія и сохраненія твореній израильскаго ума. Но съ тѣхъ поръ протекли столѣтія, наступила страшная катастрофа, народъ былъ отведенъ въ изгнаніе и снова освобожденъ. Библейская литература также обогатилась съ тѣхъ поръ многими прекрасными мастерскими трудами. Члены Великаго Синода должны были разыскать сохранившіеся, но разсыянные манускрипты, провѣрить ихъ, исправить, сопоставить между собою, связать и распределить: все это было тяжелой работой, прочной школой терпѣнія, которая съ трудомъ лишь подавалась воспріятію. Но ихъ желѣзная воля преодолѣла и превозмогла всѣ трудности; они спасли этотъ вѣнецъ своей націи, сохранили народу своему и міру Библію.

Какowymi получили мы біблейскія книги изъ ихъ дѣятельныхъ рукъ, таковыми-же въ главныхъ своихъ частяхъ имѣемъ мы ихъ и теперь. Съ того времени онѣ обогатились только скудными приобрѣтеніями, касающимися объясненія существующихъ сочиненій съ правовой и съ канонической точекъ зрѣнія. Такъ въ теченіи слѣдующихъ столѣтій возникли споры о допустимости отдѣльныхъ книгъ въ канонъ; напримѣръ, было желаніе выдѣлить книги: «Іезекіиль», «Еклезіастъ» или Проповѣдникъ, «Іова» и др. на томъ основаніи, что въ нихъ будто-бы находили нѣчто предосудительное. Но по счастливому стеченію обстоятельствъ въ ихъ защиту выступили горячіе и преданные заступники, благодаря которымъ эти книги и уцѣлѣли. Плоды позднѣйшаго умственного творчества, историческаго или дидактическаго характера, болѣе не включались уже въ число каноническихъ книгъ. Они были названы «Апокрифами», небиблейскими, не правовыми сочиненіями, но мірскими. Число ихъ довольно значительно, ибо мыслящій и творческій умъ Израиля не зналъ отдыха и никогда не успокаивался. Такъ, къ апокрифамъ принадлежатъ: изреченія Сираха, книги Маккавеевъ, содержаніемъ которыхъ служитъ описанія кровавыхъ сраженій и славныхъ побѣдъ этихъ національных героевъ, и много другихъ сочиненій.

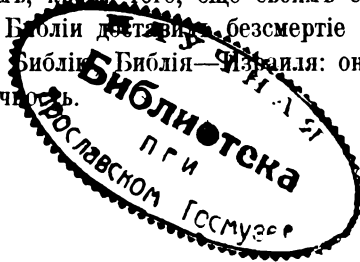
Библія обезпечиваетъ славу іудейскаго народа на всѣ времена. Повсюду признается ея высокое значеніе, ея глубоко-правственное содержаніе, богатство мыслей, ея подавляющая сила; всѣ почитаютъ ее священной и божественной. Она занимаетъ главнѣйшее мѣсто

среди всѣхъ твореній ума: ее предпочтительно называютъ «книгою книгъ». Никакая другая книга въ мірѣ не нашла такого широкаго распространенія, не была переведена, подобно Библии, почти на всѣ языки и не оказала также столь благотворнаго вліянія на человечество. Она сдѣлалась учительницей всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, руководительницей и спутницей всѣхъ племенъ, которыя сбросили съ себя оковы язычества. «Къ свѣту твоему придутъ народы», сказалъ пророкъ, и это предсказаніе осуществилось въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Распредѣленіе недѣли на шесть дней работы и одинъ день покоя, субботу; десять заповѣдей, составляющихъ основаніе всего благочестія, благороднѣйшей вѣры и совершеннѣйшей нравственности: все это вмѣстѣ со многими другими ученіями, міръ получилъ изъ книгъ Моисея». Псалмы Давида будили въ людяхъ благочестивое настроеніе и заставляли ихъ возносить свой голосъ къ небесамъ во всѣхъ храмахъ Божіихъ. Мудрыя изреченія Соломона дивно преподають каждому свѣтъ и указаніе, страданія Іова — типическое и подкрѣпленіе. Пламенные рѣчи пророковъ Исаи, Іереміи, Мухаммеда, Аввакума, Езекииля и др. одушевляютъ и согреваютъ безжизненные чувствительныя сердца, являются основательной школою для проповѣдниковъ, народныхъ ораторовъ и учителей религіи, являются неисчерпаемымъ источникомъ самыхъ возвышенныхъ мыслей въ совершеннѣйшей формѣ. Авраамъ, Іосифъ, Моисей, Давидъ и другія библейскія личности служатъ ораторамъ лучшими образцами всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей. И искусство также часто заимствуетъ изъ Библии образцы для своего рѣзца или кисти.

Знаменитые мыслители доставали изъ щедраго рудника Библии драгоцѣнные перлы мысли и вдохновенные поэты, чьи уста ангель цѣловали въ колыбели, насадили на высоко поэтическихъ нивахъ запада лиліи изъ Сарона и розы изъ Іерихона. Расинъ, Байронъ, Лессингъ, Клопштокъ, Гердеръ, Гете и Шиллеръ почерпали вдохновеніе изъ библейскаго источника и укрѣпляли высокій полетъ своей фантазіи. Нѣмецкій языкъ обязанъ своимъ обновленіемъ переводу Библии Мартиномъ Лютеромъ, а Моисей Мендельсонъ, котораго Лессингъ очень вѣрно изобразилъ въ лицѣ Натана, своимъ переложеніемъ Библии на южно-германское нарѣчіе произвелъ крупную эпоху для своихъ единовѣрцевъ. Какъ сильно дѣйствовала Библия облагораживающимъ образомъ на духъ народный, показываетъ пуританская Англія, для которой Викларъ сдѣлалъ Библию доступною: а именно съ тѣхъ поръ ее имѣлъ при себѣ и членъ парламента на

ораторской кафедрѣ, и солдатъ въ походѣ. Уже въ 1601 году императрица Елизавета издала тамъ первый указъ для бѣдныхъ въ духѣ принциповъ Библіи и обнаружила гуманную заботу относительно лицъ, лишенныхъ наслѣдства. Тамъ прежде, чѣмъ во всей остальной Европѣ, было уничтожено рабство, а равенство и свобода получили свое самое широкое и самое прочное основаніе. Библія, духъ которой никогда не старѣется, никогда не изсякнетъ, служить древомъ жизни для всѣхъ, кто только примкнетъ къ ней,—вѣчно-зеленымъ, сочнымъ, тѣнистымъ, плоды котораго доставляютъ глубокую отраду и подкрѣпленіе; «она радуется сердце, просвѣщаетъ взоръ».

Магометъ называлъ іудеевъ «народомъ книги», что послѣднему служить только къ чести. Членамъ Великаго Синода и мы, и весь міръ обязаны открытіемъ и сохраненіемъ этого національнаго сокровища, а Израиль обязанъ имъ, кромѣ того, еще своимъ существованіемъ. Безсмертный духъ Библіи доставляетъ безсмертіе своимъ носителямъ. Израиль сохранилъ Библію—Израиля: они взаимно уготовили другъ другу вѣчность.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Иудеи въ александрійскую эпоху.

I.

Александръ Великій.

Иудеямъ еще многое оставалось сдѣлать, чтобы спокойно устроиться въ своемъ молодомъ государствѣ. Члены Великаго Синода съ неустаннымъ рвеніемъ работали надъ тѣмъ, чтобы достигнуть умственного подъема своего народа; а о томъ, что происходило за пределами ихъ страны, они не заботились. Но вскорѣ они должны были услышать о событіяхъ, которыя потрясли весь міръ и предъ которыми они не смѣли оставаться праздными зрителями.

Дарій Гистаспъ, тотъ самый персидскій царь, который благородно и великодушно позволилъ окончить постройку храма въ Иерусалимѣ на государственныя средства и сверхъ того впоследствии щедро одарялъ его,—этотъ царь поклялся уничтожить Грековъ, выпустилъ на нихъ фурію войны, которая свирѣпствовала въ теченіе многихъ поколѣній. Кто не знаетъ громкихъ именъ Мильтіада,Themistocles, Аристиды, Леонида, которые привели Аттику въ цвѣтущее состояніе, доставили Аоинамъ гегемонію и покрыли себя неувядаемыми лаврами при Марафонѣ, Платеяхъ и Саламинѣ? Греки провалились среди побѣдныхъ ликованій; напротивъ, персидскій колоссъ, позорно разбитый, истекая кровью изъ тысячи ранъ, отступилъ въ свое обширное государство, которое насчитывало 127 провинцій. Персія сама подготовила свою гибель.

Иудеи почти 200 лѣтъ находились подъ скипетромъ персидскаго царя. Старинные первосвященники были главами народа и замѣсти-

телями короны. Если они своевременно доставляли подати, то народъ наслаждался покоемъ и не подвергался ограниченіямъ въ своихъ религіозныхъ и гражданскихъ отправленіяхъ. Планъ истребленія, составленный Аманомъ, былъ разстроенъ и остался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а самъ онъ нашелъ жалкій и позорный конецъ, между тѣмъ какъ «у іудеевъ были свѣтъ и радость, веселіе и восторги», какъ разсказывается въ книгѣ «Эсѣиръ», содержаніемъ которой служить исторія гибельнаго плана Амана и спасеніе съ помощью Мордохая и Эсѣири. Мы знаемъ, на сколько благоволилъ царь Артаксерксъ Лонгиманъ къ іудеямъ. Поэтому іудеи вообще не имѣли причинъ жаловаться на Персію; иго ея не было тяжелымъ. И они оказали себя благодарными, патріотически настроенными подданными. Это-же патріотическое чувство побудило ихъ къ изображенію главнаго персидскаго города Сузъ на восточныхъ воротахъ храма.

Внезапно появился на востокѣ съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ македонскій царь Александръ Великій, намѣреваясь поразить смертельнымъ ударомъ персидское государство. Въ кровавыхъ сраженіяхъ при Броникѣ и при Иссахъ и Арбелахъ онъ разбилъ персидскія войска. Послѣдній царь, Дарій Кодоманъ, былъ убитъ коварнымъ образомъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло нѣкогда столь могущественное государство. Оно сохранило послѣдніе признаки жизни, когда послы Александра явились къ первосвященнику Іаддуѣ и потребовали у него податей и вспомогательныхъ войскъ. Съ благородной энергіей Іаддуа отказалъ въ томъ и другомъ, говоря: «мы поклялись вѣрностью персидскому государству, и клятва для насъ священна: мы должны и сдумѣемъ не уклониться отъ своей обязанности, пока это необходимо. Если Богу будетъ угодно передать насъ другому властителю, то мы и ему, какъ вѣрные подданные, будемъ оказывать повиновеніе». Какъ отнесся Александръ къ этому заявленію, неизвѣстно.

Персія изнемогла. Побѣдоносный герой съ триумфомъ переходилъ изъ одной области въ другую: онъ былъ, какъ пророчески назвала его дельфійская Кассія, непреоборимъ. Страны и народы трепетали передъ нимъ; Дамаскъ, Газа и другіе укрѣпленные города открывали передъ нимъ свои ворота. Только финикійцы, эти англичане древности, оказали упорное сопротивленіе. Богатая столица Тиръ, «граждане котораго пророкомъ Исаіей были названы князьями, а купцы—лучшими на землѣ», пыталась, хотя и безуспѣшно, одержать верхъ. Блескъ этого города манилъ уже къ себѣ жадныхъ ассирійцевъ; Навуходоносоръ съ завистью взиралъ на него и

осаждалъ въ теченіе 13 лѣтъ, около 600 г. до Р. Х. Пророкъ Іезе-
кїель выказалъ тогда осажденному городу свое участіе и посвятилъ
ему весьма прочувствованное слово. Однако городъ выдержалъ всѣ
нападенія. Только могучій ударъ Александра поразилъ жизненный
нервъ его. Прекрасные дни Финикіи навсегда исчезли; Тиръ былъ
разрушенъ до основанія; 6000 гражданъ были распяты на крестѣ
и испустили духъ среди ужасныхъ мученій.

Іудейская страна лежала къ югу отъ Финикіи. При извѣстіи о
печальной участи послѣдней, страхъ объялъ всѣ іудейскія сердца.
Когда-же вслѣдъ затѣмъ пришелъ слухъ, что Александръ вступилъ
со своимъ войскомъ въ Палестину, то наступило всеобщее смятеніе.
Обращались къ небу, постились, совершали покаянныя молитвы во
вретипѣ и пеплѣ, своды храма наполнились молящимися, которые
съ воплями и слезами зывали къ Богу о помощи. Но первосвя-
щенникъ Іаддуа возстановилъ у всѣхъ мужество. Онъ надѣлъ свои
драгоцѣнныя одежды; велѣлъ сдѣлать то-же самое другимъ священ-
никамъ, и съ ними и съ знатнѣйшими гражданами, вѣроятно, съ
членами Великаго Синода, онъ вышелъ навстрѣчу Македонянину.
При свѣтѣ факеловъ шли они всю ночь и на слѣдующій день яви-
лись къ всесильному, гнѣвные взоры котораго заставляли трепетать
весь міръ. Александръ спустился съ горы, у подошвы которой въ
долинѣ ожидали его съ бьющимся сердцемъ пришедшіе къ нему на
встрѣчу. Но кто опишетъ ихъ неожиданную радость? Увидѣвъ перво-
священника, Александръ сошелъ съ колесницы и привѣтствовалъ
его съ почтеніемъ. Своему изумившемуся спутнику Парменіону, ко-
торый не могъ объяснить себѣ такого необыкновеннаго снисхожденія,
онъ сказалъ при этомъ слѣдующее: «мужъ, подобный этому, явился
мнѣ во снѣ прежде, чѣмъ я выступилъ въ походъ на востокъ; онъ
воодушевилъ меня и обѣщалъ мнѣ побѣду. Вотъ—причина, почему
я такъ отличилъ этого мужа».

Съ триумфомъ вступилъ Александръ въ Іерусалимъ. Тысячи
гражданъ съ энтузіазмомъ встрѣчали его и съ громкими ликованіями
приносили ему клятвы вѣрности. Александръ въ сопровожденіи перво-
священника пришелъ въ храмъ, гдѣ щедро одарилъ какъ самого
первосвященника, такъ и другихъ священниковъ. Онъ выразилъ
желаніе поставить свою золотую статую въ Святomъ Святыхъ. Но
Іаддуа замѣтилъ, что іудейская религія не терпитъ никакихъ изо-
браженій въ храмѣ; взамѣнъ этого онъ обѣщалъ, что всѣ сыновья
священниковъ, которые родятся въ этомъ году, получаютъ имя Але-
ксандра и что это имя останется священнымъ для народа. Але-

Александръ остался доволенъ. Народнымъ представителямъ онъ предложилъ просить у него милости, и они выпросили право безпрепятственного исполненія религиозныхъ законовъ и свободу отъ податей каждый седьмой годъ, когда они согласно своему учению, обязаны прервать обработку полей и воздѣлываніе садовъ. Александръ предоставилъ имъ то и другое.

Такимъ образомъ, Іудеи въ 332 г. до Р. Х. подпали подъ скипетръ величайшаго героя древности. Завоеватель, потрясавшій міромъ, мимоходомъ завоевалъ также сердца іудеевъ. Онъ оставался къ нимъ благосклоннымъ въ теченіе всей своей жизни. Многіе стали въ ряды его войска и настолько выдвинулись своею вѣрностью, послушаніемъ, мужествомъ и отвагою, что въ этомъ ихъ не превосходилъ ни одинъ воинъ.

Но однажды они увидѣли себя вынужденными забыть свое послушаніе, а именно по слѣдующему поводу: Александру особенно понравился великолѣпный Вавилонъ; онъ пожелалъ сдѣлать этотъ городъ своею резиденціей. Между прочимъ хотѣлъ онъ реставрировать знаменитый храмъ Бела и велѣлъ солдатамъ участвовать въ работахъ. Но религиозное чувство іудейскихъ солдатъ сопротивилось такому приказанію—работать надъ возстановленіемъ языческаго храма, и они отказались отъ работы. Великій ученикъ великаго Аристотеля имѣлъ однако достаточно терпѣнія, чтобы удалить изъ своего войска іудеевъ отъ совместной работы, когда узналъ причину ихъ отказа. Религиозная преданность іудеевъ заставила его сохранить къ нимъ свое благоволеніе.

Близъ устья Нила въ Египтѣ Александръ основалъ городъ Александрію, которая должна была замѣнить разрушенный Тиръ; положеніе города не могло быть болѣе выгоднымъ. Онъ заселялъ его многими іудеями и далъ имъ одинаковыя гражданскія права съ греками. Такимъ образомъ, обращеніе Александра съ евреями было все время благосклоннымъ и дружественнымъ. Послѣдніе выказали себя также всегда благодарными ему. Обѣщаніе первосвященника Іаддуи осталось въ еврейскомъ народѣ ненарушимымъ до сихъ поръ, спустя болѣе 2200 лѣтъ. Греческое имя Александра пользуется въ еврейскомъ домѣ Божіемъ тѣмъ-же значеніемъ, что и имена библейскихъ патріарховъ.

Персія со всѣми областями и странами подпала подъ скипетръ Александра; Іудея также была ему подвластна. Его владычество продолжалось почти 12 лѣтъ, до 323 г. до Р. Х.

II.

Иудеи подъ властью Птолмеевъ.

Ураганъ бушуетъ со стихійною яростью, наполняетъ воздухъ густыми облаками пыли, вздымаетъ воды изъ ихъ глубинъ, ломаетъ мачты, разбиваетъ корабли о подводныя скалы, опустошаетъ привѣтливыя поля, вырываетъ съ корнями плодовые деревья, разрушаетъ дома и хижины и безопадно уничтожаетъ много драгоценныхъ человѣческихъ жизней. Скоро утихнетъ ярость его, сломлена будетъ его сила, но не такъ скоро будутъ исправлены многочисленныя опустошенія и потери, которыя онъ причинилъ. Этому явленію природы подобна геройская дѣятельность Александра Великаго. Какъ буря, какъ ураганъ, обошелъ онъ безпрепятственно по самымъ отдаленнымъ областямъ Азіи; путь его обозначали свергнутые троны, отнятые скипетры, порабощенные князья, разрушенные города, опустошенныя страны, напоенныя кровью поля, многочисленные отцы и матери, вдовы и сироты, которыя проливали потоки слезъ по своимъ милымъ. Скоро однако неодолимый человѣкъ побѣжденъ былъ смертью, чьей острой косы не можетъ избѣжать ни одинъ житель земли. Въ самомъ крѣпкомъ возрастѣ, 33-хъ лѣтъ отъ роду, оторвала его эта непрошенная гостя отъ побѣдоносной стези. Въ прекрасномъ Вавилонѣ лежалъ онъ на своемъ одрѣ и чувствовалъ близость конца. Его спросили, кому онъ оставляетъ свои огромныя завоеванія; онъ лаконически отвѣчалъ: «достойнѣйшему». Въ золотую гробницу положили того, кому казался малымъ весь міръ. Его смертныя останки были перевезены въ Александрію; но поминки по немъ оказались необыкновенно кровавыми.

Его полководцы спорили между собою въ теченіе многихъ десятилѣтій изъ-за обладанія страной. Истинные наслѣдники, потомки Александра, пали отъ руки убійцъ. Иудея также возбудила жадность властолюбцевъ, и жители ея должны были много терпѣть среди непрерывныхъ войнъ. Со смерти Александра въ теченіе 22-хъ лѣтъ несчастная страна должна была подвергаться кровавымъ порабощеніямъ, опустошеніямъ и притѣсненіямъ. Египетскій царь Птолмей Лаги похитилъ ее себѣ. Въ субботу, когда іудеи вслѣдствіе установленнаго субботняго отдыха избѣгали вооруженнаго сопротивленія, онъ ворвался въ Іерусалимъ, произвелъ ужасное кровопролитіе среди жителей и увелъ много тысячъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ, іудеи

и страна ихъ въ 320 г. до Р. Х. подпали подъ власть египетскихъ Птолмеевъ. Но, завладѣвъ Палестиной, Птолмей оказался благосклоннымъ къ іудеямъ. Въ его резиденціи Александріи они вмѣстѣ съ греками, съ которыми были уравнены въ правахъ, составляли отборную часть войска. Птолмей Лаги велѣлъ оберегать ими устья рѣкъ и гавани, и взыскивать государственныя пошлыны. Онъ выбралъ 300 способныхъ іудеевъ для прикрытія крѣпостей, такъ какъ довѣрялъ ихъ испытанному патриотизму.

Къ этому времени относится весьма характерный анекдотъ, о которомъ мы не смѣемъ умолчать! Гекатей изъ Абдеры, отечества веселаго Демократа, написалъ около этого времени книгу о іудеяхъ, въ которой онъ сообщаетъ слѣдующее: «когда я путешествовалъ къ Красному морю, то насъ сопровождалъ отрядъ всадниковъ, среди которыхъ былъ еврей Масолламъ, мужъ тонкаго ума, признанный лучшимъ стрѣлкомъ изъ лука. Одинъ предсказатель наблюдалъ полетъ какой-то птицы и велѣлъ остановиться, говори: «эта птица служить пророческимъ знаменіемъ, направленію ея полета мы должны слѣдовать». Масолламъ молча наложилъ стрѣлу на тетиву своего лука и подстрѣлилъ птицу. Предсказатель и всѣ остальные стали проклинать его; но онъ со спокойною улыбкою сказалъ: «я хотѣлъ только исцѣлить васъ отъ слѣпота увлеченія суевѣріями; если-бы птица предвѣщала будущее, какъ вы думали, она, безъ сомнѣнія, остереглась-бы явиться сюда, чтобы ее застрѣлилъ еврей Масолламъ». Отсюда видно, какъ благотворно дѣйствовали на язычниковъ сношенія съ образованными евреями.

Такое мирное положеніе оставалось ненарушеннымъ въ теченіе всего правленія Птолмея Лаги и не прерывалось также при второмъ Птолмее «Филадельфѣ» и при третьемъ «Эвергетѣ». Въ это время число іудеевъ въ Египтѣ, особенно въ Александріи, необыкновенно возросло. Положеніе послѣднихъ было совершенно иное, чѣмъ у ихъ собратьевъ, жившихъ въ Іудеѣ. Въ отечественной землѣ іудеи были господами. Ихъ государственныя учрежденія, ихъ семейная и общественная жизнь, ихъ общинное устройство - все было основано на указаніяхъ Моисеевыхъ законовъ. Они старались усвоить и понять религіозныя законы съ полною ясностью, чтобы примѣнять ихъ и пользоваться ими во всемъ ихъ объемѣ. На этомъ основаніи религіозныя законы образовали влослѣдствіи почти исключительную область ихъ умственной дѣятельности. Они прониклись духомъ Моисеева ученія, старались овладѣть имъ, чтобы потомъ быть имъ-же порабощены. Они оставались преданными религіи и ея постановле-

ніямъ и съ неусыпнымъ вниманіемъ отражали всякое постороннее вторженіе, которое могло, хотя-бы и въ самой небольшой степени, возмутить чистоту іудейства.

Въ Египтѣ, однако, было не такъ. Какъ велико ни было тамъ ихъ число, они все-таки составляли меньшинство, хотя и довольно значительное. Поэтому они должны были приноровиться къ гражданскимъ законамъ и обычаямъ страны. Въ семейномъ кругу и между собою они употребляли, по крайней мѣрѣ первое время, національный еврейскій языкъ; а въ обращеніи съ окружающими они обязаны были пользоваться общепринятымъ греческимъ языкомъ. Поэтому необходимо было изучать его и упражнять въ немъ молодежь. Вслѣдствіе этого умственная дѣятельность не могла ограничиться, какъ въ отечествѣ, исключительно знаніемъ національной библейской литературы; они принуждены были освоиться съ другими науками, должны были быть іудеями и въ то-же время космополитами. Это, дѣйствительно, и случилось съ іудеями Египта, а именно Александріи, гдѣ они составляли двѣ пятыхъ населенія и были выдающимися наравнѣ съ греками.

Первые Птолемеи стремились привести эту резиденцію въ наиболѣе цвѣтущее состояніе, сдѣлать ее разсадникомъ науки, искусства и культуры. Они построили музей; каждый даровитый человѣкъ, откуда-бы онъ ни пришелъ, былъ желаннымъ гостемъ. Онъ находилъ дружественный приѣмъ, мѣстожителство и содержаніе, не обязанный платить за это никакой платы. Богатая и прославленная библіотека, которая соединялась съ музеемъ, предоставлена была для пользованія всякому другу науки. Эти благоприятныя обстоятельства, подобно магниту, притягивали сюда толпы изслѣдователей и мыслителей съ востока и запада, здѣсь родственные умы научались узнавать другъ друга, обмѣнивались мнѣніями и идеями, вслѣдствіе чего происходила непрерывная работа мысли. Гостепріимство двора Птолемеевъ, покровительствовавшихъ искусствамъ, такъ-же, какъ и великолѣпіе всемірнаго города Александріи манили сюда мудрѣйшихъ людей изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Цари часто присутствовали на ученыхъ диспутахъ. Всѣ религіи имѣли доступъ сюда. Жрецы Изиды и Озириса изъ Египта сидѣли возлѣ почитателя Зороастра изъ Персіи; приверженецъ греческаго Зевса имѣлъ своимъ сосѣдомъ буддиста изъ Индіи. Іудеи также не отсутствовали на этой умственной аренѣ. Они мужественно вступали въ споры, принимали участіе въ турнирахъ, гдѣ, подобно рѣжущему оружію, сверкали мысли, остроты и юморъ, и нерѣдко одерживали побѣду. Бо-

гато одаренные въ умственномъ отношеніи, они въ то-же время обогащали и языческихъ мыслителей. Твердые въ знаніи Библии, они въ идеяхъ Пифагора, Сократа, Платона и Аристотеля встрѣчали воззрѣнія, убѣжденія, отдѣльныя слова и изреченія, взятые, какъ они думали, изъ Библии. Поэтому іудейскіе мыслители утверждали, что Библия плодотворно подѣйствовала на греческихъ философовъ, что Гомеръ и Орфей черпали свое вдохновеніе изъ источника Библии. Благоухающіе плоды ихъ восточнаго отечества здѣсь явились передъ ними въ прекрасной скорлупѣ изящнаго юга. Форма была различна, оболочка — иная, но внутреннее зерно оставалось совершенно одинаковымъ. Такимъ образомъ, іудейскія и эллинскія воззрѣнія проникали другъ друга и производили новые образы, въ которыхъ нерѣдко сливались въ гармоническомъ сочетаніи рѣзкія противоположности обѣихъ національностей. На столахъ александрійскихъ іудеевъ рядомъ съ Моисеемъ, Исаіей, Давидомъ можно было найти также Гомера и Платона. Слова патріарха Ноя исполнились на дѣлѣ: «Ифетъ жилъ въ шатрахъ Сима».

Но александрійцы при всемъ своемъ греческомъ образованіи всегда оставались преданными сынами іудейства: среди самыхъ образованныхъ не угасало ревностное стремленіе раскрыть наиболѣе ярко, предъ всеобщими взорами свѣтлыя стороны іудейства. Знаменитые люди перерабатывали на звучный греческій языкъ библейскій или историческій матеріалъ своего народа. Много подобныхъ произведеній сохранилось до нашихъ дней. Къ этой эпохѣ принадлежатъ Деметрій, Эвподемъ, Артапанъ, Маллосъ, Аристоу, Езекіелосъ, Теодаросъ и другіе. Въ позднѣйшее время, за 180 лѣтъ до Р. Х. славился, какъ глубокій мыслитель, Аристовулъ изъ первосвященническаго рода. Онъ былъ учителемъ шестого Птолемея, царя Филометера и остался другомъ его даже въ послѣдствіи, когда къ нему перешелъ уже блестящій скипетръ. Аристовулъ написалъ для царя книгу, въ которой онъ научалъ его, какъ слѣдуетъ понимать и усваивать Моисеево ученіе. Аристовулъ въ молодомъ возрастѣ пришелъ изъ Пиней, города Палестины, въ Александрію. Жадно углубился онъ въ философію Аристотеля и пытался слить это распространенное ученіе съ своимъ отечественнымъ, іудейскимъ міросозерцаніемъ. Главною цѣлью его было — возвысить предъ язычниками свое іудейство, къ которому былъ привязанъ всею душой, чтобы оно было ими уважено по достоинству. Съ этимъ намѣреніемъ онъ написалъ книгу: «Толкованіе священныхъ законовъ», которую онъ посвятилъ царю Филометеру, своему прѣжнему воспитаннику, и въ

которой онъ постоянно обращается къ нему. Царь высоко цѣнилъ Аристобула и оставался благодарнымъ и благосклоннымъ къ своему бывшему учителю, какъ въ бытность свою наслѣдникомъ, какъ и будучи уже на тронѣ.

Время расцвѣта Александріи продолжалось при первыхъ образованныхъ Птоломеяхъ, и это время было также чрезвычайно счастливымъ періодомъ для іудеевъ. Но они умѣли цѣнить свое выгодное положеніе. Среди легкомысленныхъ и жадныхъ къ наслажденіямъ грековъ они оставались трезвыми и умѣренными. Ихъ воздержность возбуждала удивленіе послѣднихъ, иногда вызывала также насмѣшку, что ихъ, однако, не совращало съ пути. Среди идолопоклонниковъ они строго и честно хранили свои благочестивыя вѣрованія: патриархальные нравы, субботы и праздники, религіозные обычаи господствовали въ каждой семьѣ; дѣти уже ихъ видѣли, едва только начинала мерцать ихъ умственная жизнь, и всѣ эти обычаи навсегда оставались для нихъ священными и дорогими. Они высоко цѣнили свои національныя произведенія. Библію за ея внутреннее содержаніе, за ея чистую мораль и за ея исполненныя силы изреченія. Они ставили далеко выше произведеній ума поэтовъ и мыслителей Эллады. Послѣдніе предлагали прекрасные цвѣты для гирляндъ и вѣнковъ, а Библія раздавала зрѣлые и обильные плоды для подкрѣпленія, для освящающаго пользованія тѣла и души. Въ изученіи Библіи они пріобрѣтали подъемъ къ философскому мышленію, вдохновеніе къ поэтическому и философскому. И вдали отъ своей родины, Палестины, они были исполнены патриотизма къ той странѣ, которая считала ихъ ядромъ своихъ гражданъ, а Іудея, Іерусалимъ и особенно храмъ наполняли сердца ихъ высокимъ чувствомъ самосознанія. Кто только былъ въ состояніи, путешествовать туда; но всѣ платили родной землѣ дань любви, а храму—дань священнаго благоговѣнія. Они посылали богатые приношенія, жертвы, драгоценныя и рѣдкія подарки въ святилище.

Кромѣ того и источники пропитанія были для нихъ чрезвычайно обильны. Александрія, расположенная въ мѣстѣ, гдѣ соприкасаются между собою три части свѣта, заключала въ своихъ стѣнахъ жителей изъ всего древняго міра, которые взаимно мѣняли естественныя богатства своихъ странъ. Тамъ мачтъ постоянно покрывалъ гавань. Іудеямъ былъ порученъ правительственный надзоръ за оживленною морскою торговлей. Какъ и прародитель ихъ Іосифъ былъ нѣкогда кормильцемъ страны, такъ и они разсылали хлѣбныя богатства Египта въ тѣ страны и къ тѣмъ народамъ, которые терпѣли нужду.

и кормили ихъ. Римъ, благодаря іудеямъ, насыщался избыткомъ хлѣба въ Египтѣ. Они занимали высокія правительственныя должности и способствовали благоденствію и развитію государства. Въ качествѣ военачальниковъ они стояли во главѣ войска, были защитниками и охранителями страны. Они были вообще весьма дѣтельными и способными, воспріимчивыми ко всякимъ искусствамъ, вслѣдствіе чего среди нихъ процвѣтала промышленность. Іудеи изъ Александріи призывались въ Іерусалимъ, чтобы готовить куренія для храма и хлѣба предложенія, въ чемъ они были опытны болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Такимъ образомъ, они достигли благосостоянія и сѣумѣли согласить въ гармоническомъ сочетаніи свои обязанности какъ гражданина, такъ и еврея. Они слѣдовали библейскому изреченію: «полезно воспринять одно и не дать ускользнуть изъ рукъ другому, ибо благочестіе умѣетъ мирить между собою то и другое».

Іудеи владѣли въ Александріи многочисленными синагогами. Тамъ исполнялись пѣсни Сіона, и божественное ученіе находило тамъ должное попеченіе и уваженіе. Оно въ томъ-же видѣ, какъ было преподано народу, было переведено и разъяснено на греческомъ языкѣ. Главная синагога представляла первоклассное произведеніе искусства. «Кто не видѣлъ въ Александріи синагоги, тотъ никогда не видѣлъ красиваго зданія»; такъ рассказываетъ о ней древній источникъ. Она имѣла форму базилики въ греческомъ стилѣ, съ двойною крытою галлереей и была до того обширна, что посрединѣ возлѣ священника на возвышеніи находился служитель, который посредствомъ знамени подавалъ знакъ, чтобы присутствующіе со словомъ «аминь» опустили на колѣни — и тысячеголосое «аминь» раздавалось со всѣхъ сторонъ. Огромное помѣщеніе синагоги могло вмѣстить много тысячъ людей. Каждый цехъ имѣлъ свою залу; и посторонній легко могъ оріентироваться и найти членовъ своего цеха. Аптекаря, столяры, золотыхъ дѣлъ и оружейные мастера, литейщики, пирожники, пекаря, ткачи и другіе были соединены по отдѣленіямъ. Впереди, на возвышеніи, въ золотыхъ креслахъ сидѣли старшины, а посрединѣ имѣлъ свой тронъ ихъ президентъ, «алабархъ», который считался высшимъ государственнымъ сановникомъ. Это собраніе носило названіе «герусіи».

Такое счастливое положеніе египетскихъ евреевъ непрерывно продолжалось въ теченіе цѣлаго столѣтія при первыхъ трехъ Птоломеяхъ. Они были также и благороднѣйшими членами своего рода. Уже четвертый Птоломей совершенно не былъ похожъ на своихъ предшественниковъ, гнусно и скотски утопая въ грязи разврата и сластолюбія. Но о немъ мы еще будемъ говорить впоследствии.

III.

Библия семидесяти толковниковъ.

Между тѣмъ какъ Иудеи говорили въ Александріи на греческомъ языкѣ, одѣвались по гречески, переложили нѣкоторыя молитвы на языкъ Эллады,—и Библия, ихъ національное сокровище, также получила въ это время греческую внѣшность: она была переведена и записана по гречески. Это событіе произвело цѣлую эпоху: духъ іудейства впервые вышелъ изъ узкаго круга своихъ изслѣдователей въ чужой міръ, чтобы пріобрѣсти надлежащее признаніе и оцѣнку въ отдаленныхъ краяхъ.

Въ разсказѣ о причинахъ и мотивахъ, положенныхъ въ основаніе этого перевода, исторія и вымыселъ такъ тѣсно переплетены между собою, что раздѣленіе ихъ другъ отъ друга является почти невозможнымъ. Ходъ дѣла, какъ передають, былъ таковъ: за Александромъ Великимъ, царствовавшимъ 12 лѣтъ и за Птоломеемъ Лаги или Сотеромъ, послѣ сорокалѣтняго правленія вступилъ на египетскій тронъ Птоломей Филадельфъ. Послѣдній былъ проникнутъ греческимъ образованіемъ, былъ почитателемъ искусства и науки. Онъ старался сдѣлать Александрію столицею всей учености, построилъ знаменитый музей, расширилъ богатую уже библіотеку, которую основалъ еще его отецъ и въ которой были сложены сокровища знанія всѣхъ народовъ земли. Теперь захотѣлъ онъ присоединить сюда также письменные памятники іудеевъ. Съ этою цѣлью онъ выкупилъ 120,000 плѣнныхъ іудеевъ, возвратилъ имъ свободу и отправилъ въ Іерусалимъ почетное посольство съ поистинѣ царскими дарами для храма къ первосвященнику Елазару; который, какъ и каждый его предшественникъ, завѣдывалъ верховнымъ правленіемъ въ Іудеѣ. Птоломей Филадельфъ просилъ его отпустить въ Александрію способныхъ ученыхъ, которые могли-бы перевести Библію на греческій языкъ. Елазаръ послалъ къ царю 72 ученыхъ. Вблизи Александріи лежалъ прелестный островъ Фаросъ. Тамъ возвышался прославленный маякъ, одно изъ чудесъ свѣта. Онъ былъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, имѣлъ восемь ярусовъ съ галереями и былъ видимъ на весьма большое разстояніе. Царь приказалъ устроить на островѣ отдѣльное жилище для каждого изъ мужей, гдѣ они могли-бы работать безъ помѣхи. Имъ въ услуженіе были назначены люди, которые въ то-же время должны были слѣдить за

тѣмъ, чтобы переводчики не имѣли взаимныхъ сношеній. Когда-же каждый представилъ свой готовый экземпляръ, то царь съ живѣйшимъ изумленіемъ увидѣлъ, что всѣ переводы казались, будто они произошли изъ одного отлива. Они были совершенно сходны и по содержанію, и въ словахъ, и въ оборотахъ рѣчи и грамматическихъ обозначеніяхъ и не разнились даже въ мелочахъ. Царь убѣдился отсюда, что эти мужи были одарены какою-то сверхъестественною способностью. Онъ оказалъ имъ всевозможныя почести и осыпалъ подарками. Это удивительное событіе съ тѣхъ поръ ежегодно celebrated на островѣ Фаросѣ веселымъ параднымъ праздникомъ, въ которомъ участвовали всѣ безъ различія жители Александріи. Этотъ греческій переводъ Библии носить названіе „Septuaginta“, что значитъ семьдесятъ.

Не смотря на это казавшееся чудеснымъ согласіе, нашлись однако въ переводѣ въ тринадцать мѣстахъ отступленія отъ первоначальнаго текста. Тамъ, напримѣръ, всѣ начинались вмѣсто «сначала сотворилъ Богъ» словами «Богъ сотворилъ сначала».—Богъ долженъ былъ стоять во главѣ труда, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое ложное толкованіе и языческое пониманіе ея. Этотъ переводъ Библии еще выше поднялъ значеніе іудеевъ и наполнилъ ихъ сердца гордымъ сомосознаніемъ. Теперь они могли показать грекамъ, со стороны которыхъ они часто подвергались насмѣшкамъ за свое отвлеченное богопочитаніе и нравственную воздержность, на сколько превзошелъ Моисей всѣхъ ихъ просвѣщенныхъ мыслителей.

Библия семидесяти толковниковъ охотно читалась язычниками и во многомъ содѣйствовала подрыву и паденію язычества. «Народъ, блуждавшій въ потемкахъ, увидѣлъ свѣтлое сіяніе дня», какъ пророчески возвѣстилъ нѣкогда Исаія. Трезвые умы признали тотчасъ всю недѣйствительность идолопоклонства. И тотъ могущественный переворотъ идей, который былъ вызванъ среди язычниковъ этимъ переводомъ Библии, можно видѣть у позднѣйшаго историка Іосифа Флавія. Послѣдній пишетъ: «нѣтъ ни одного греческаго и негреческаго города, куда не проникъ-бы обычай чествованія седьмаго дня, который мы исполняемъ, и гдѣ не соблюдались-бы посты, праздники свѣчей и многія изъ нашихъ заповѣдей противъ употребленія пищи. Они стараются также подражать нашему единомыслію, щедрости, дѣятельности и терпѣнію, которое мы обнаружили въ несчастіяхъ, испытанныхъ нами. Но удивительнѣе всего то, что законъ сильнѣе всякихъ чувственныхъ побужденій непоколебимо утвердился среди

нихъ. Какъ Господь проявляется во всей вселенной, такъ и законъ распространился среди человѣчества».

Въ такомъ-же духѣ о воздѣйствіи Библіи семидесяти толковниковъ выражается другой, нѣсколько позднѣе жившій въ Александріи мыслитель, Филонъ. Онъ говоритъ: «всею болѣе достойно удивленія то, что не только мы, іудеи, но и всѣ, считающіеся высокообразованными людьми, посвящаютъ себя закону. Это удивительное явленіе еще не повторялось въ такой-же мѣрѣ. Грекъ или варваръ никогда не почиталъ законовъ народовъ, даже свои собственные законы они измѣняли, смотря по обстоятельствамъ. Однако нашъ законъ всѣхъ привлекъ на свою сторону. Іудеи и греки, внутренніе жители и островитяне, восточныя и западныя страны Европы и Азіи,—однимъ словомъ, весь міръ благоговѣтъ предъ нашими законами».

На нынѣшнемъ плоскогоріи Барка въ то время находился Египетскій городъ Кирена, въ которомъ жили также Іудеи. О тамошнихъ язычникахъ рассказываютъ, что они были особенно расположены къ іудеямъ и слѣдовали ихъ стариннымъ обычаямъ. Такимъ дружественнымъ пріемомъ и такими блестящими послѣдствіями Библіи могла гордиться уже при первомъ только своемъ появленіи въ мірѣ. Подобно свѣтлому солнцу, засіяла она среди мрака языческихъ племенъ, разогнала египетскую тьму, пробудила умы, призвала ихъ къ мысленію и сравненіямъ и заставила бросить свои унаслѣдованныя заблужденія.

IV.

Іудеи подъ сирійскимъ владычествомъ.

И Птоломеи были также расположены къ Іудеѣ. Іудеи безпрепятственно оставались за исполненіемъ своихъ религіозныхъ обязанностей, пользовались спокойствіемъ и большаго они не желали. Хотя, при завоеваніи Іерусалима, Птоломей Лаги или Сотеръ употребилъ высшую строгость и насиліе, потому что іудеи оказали ему сопротивленіе, однако, овладѣвъ страной, онъ оказался весьма милостивымъ. Таковыми-же были и преемники его Филадельфъ и Эвергетъ. Первосвященникъ какъ при Персахъ, такъ и подъ египетскимъ скипетромъ былъ замѣстителемъ короны. При третьемъ царѣ Эвергетѣ едва не возникли разногласія съ печальными послѣдствіями.

Въ 327 году первосвященнику Гаддуѣ наследовалъ сынъ его Оніасъ, а Оніасу—сынъ его Симонъ. Такъ какъ по смерти послѣдняго его сынъ Оніасъ былъ слишкомъ молодъ, то первосвященникомъ сталъ братъ Симона, Элазаръ, въ 287 году. Онъ умеръ въ 267 году, но Оніасъ, уже сдѣлавшійся совершеннолѣтнимъ, не получилъ однако слѣдующаго ему достоинства, такъ какъ царь снова отдалъ это достоинство его дядѣ Менассію, брату Элазара. Лишь послѣ смерти Эвергета въ 240 г. до Р. Х., уже состарѣвшійся Оніасъ получилъ первосвященническую діадему, которой онъ былъ несправедливо лишенъ въ теченіе 47 лѣтъ. Это униженіе оставило навсегда въ душѣ Оніаса тяжелое впечатлѣніе; особенно сталъ онъ враждебнымъ къ египетскому двору. Онъ упорно отказался исполнить обычные обязанности и охотнѣе предпочиталъ отречься отъ своего достоинства, чѣмъ представляться царю. Это дѣло не могло-бы кончиться такъ просто, но племянникъ его Іосифъ сынъ Товіаса, потомокъ царственнаго рода Давида, возстановилъ согласіе наилучшимъ образомъ. Іосифъ былъ прекрасный свѣтскій человѣкъ, необыкновенно умный, высокообразованный и одаренный рѣдкимъ краснорѣчіемъ. Съ разрѣшенія своего дяди Оніаса, онъ отправился вмѣсто него въ Александрію къ царскому двору и съумѣлъ такъ расположить къ себѣ царственную чету, что былъ отличенъ приглашеніемъ къ столу и затѣмъ назначенъ начальникомъ податныхъ сборовъ надъ всѣми областями. Онъ успѣлъ настроить цари въ пользу первосвященника, выставивъ на видъ преклонный возрастъ послѣдняго, и такимъ образомъ дѣло было улажено.

Время правленія трехъ первыхъ Птолемеевъ іудеи могли назвать золотымъ періодомъ; четвертый Птоломей, Филопаторъ, былъ уже совершенно не похожъ на нихъ. Это былъ человѣкъ, погрязшій въ животныхъ порокахъ, утонувшій въ потокахъ сладострастія и прелюбодѣйства и поднесшій своей матери для послѣдняго напитка—чашу съ ядомъ. О его битвахъ будетъ ниже сказано. Однажды онъ посѣтилъ Іерусалимъ и былъ встрѣченъ торжественно. Онъ явился во храмъ и настаивалъ на своемъ желаніи войти въ Святое Святыхъ. Первосвященникъ Симонъ Праведный старался всею силою своего краснорѣчія отклонить царя отъ этого. Онъ указывалъ ему на то, что ни одна нога израильтянина или священника не смѣла вступить въ это мѣсто, кромѣ первосвященника въ день Прощенія. Но всѣ доводы и увѣщанія были напрасны. Упрямый Филопаторъ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи. Первосвященникъ трогательно умолялъ, священники рыдали, а народъ только съ тру-

домъ можно было удержать отъ желанія вооруженною силою предупредить оскверненіе храма: это было ужасное мгновеніе. Но царь, не смотря ни на что, ступилъ впередъ, сталъ уже у порога и ваялся за занавѣсъ,—какъ вдругъ упалъ безъ чувствъ и безжизненнымъ унесенъ былъ съ мѣста. Деспотъ долженъ былъ научиться признавать высшую силу, предъ которой обязаны преклоняться немошно и носители коронъ.

Раздраженный понесеннымъ этимъ позоромъ, Филопаторъ оставилъ Іерусалимъ и Іудею и вернулся въ Египетъ. Палестинскимъ іудеямъ не пришлось почувствовать его гнѣва; Іосифъ и при немъ остался начальникомъ податныхъ сборовъ; но за то онъ съ большою жестокостію поступилъ съ египетскими іудеями. На этихъ невинныхъ чудовище хотѣло охладить свою жгучую мечь. Здѣсь мы должны упомянуть слѣдующее. При завоеваніи Египта туземцы были оставлены Птолемеями въ ихъ обожаніи животныхъ и съ ихъ дѣленіемъ на касты. Жрецы и Перофанты по прежнему составляли высшую касту. Однако сила ихъ была сломлена, потому что египетскія божества Изиды и Озирисъ были далеко оттѣснены греческими богами. Дворъ, глава, правитель государства были греками. Египтяне, исконные господа, теперь, превратились въ крѣпостныхъ. Греки и іудеи были свободными гражданами. Что-же удивительнаго въ томъ, если жрецы и народъ желали возвращенія стараго фараонова времени, чтобы уничтожить и грековъ и іудеевъ!—Особенно на пришельцевъ, іудеевъ изливали они море гнѣва и ненависти. Владѣи силю, то опять возобновилась-бы древне египетское иго какъ во время Моисея. Уже при первомъ Птолемеѣ, Лаги, жрецъ, Манеонъ написалъ противъ іудеевъ язвительный памфлетъ, исполненный живыми вымыслами и смѣшными, постыдными разсказами. Но греки и іудеи крѣпко стояли другъ за друга; Симъ и Яфетъ братски соединились, а Хамъ могъ злиться и неистовствовать, но былъ обреченъ на безсиліе. «Хаанаанъ долженъ былъ имъ поклониться». Военная каста, первая послѣ жрецовъ, изъ среды которой нѣкогда выбирались фараоны, вѣстители страны, никогда не употреблялась первыми Птолемеями для войны. Они боялись давать имъ въ руки оружіе; послѣдніе сдѣлались землевладѣльцами и крѣпостными. Только Филопаторъ вѣрилъ имъ оружіе и ихъ помощи былъ обязанъ нѣсколькими счастливыми побѣдами. Вслѣдствіе этого египтяне снова получили вліяніе при дворѣ. Когда Филопаторъ съ яростію въ сердцѣ за испытанное униженіе вернулся изъ Іерусалима, то перофанты Изиды раздули гнѣвъ царя въ бушующее пламя. Имъ было пріятно

имѣть возможность вредить іудеямъ, а чудовище Филопаторъ оказался уступчивымъ къ ихъ дышавшимъ местию наговорамъ. Онъ велѣлъ поставить предъ царскимъ дворцомъ колонну съ надписью, что всякому іудею запрещенъ входъ. Онъ также отнялъ у нихъ гражданскія права и постановилъ, чтобы литье плюща сожигался для каждого іудея, который не перейдетъ въ греческую религію. Къ чести Александрійцевъ нужно сказать, что какъ ни сильно сдружались они съ греками, какъ ни сильно привыкли они къ блеску и къ удобствамъ, однако изъ сотенъ тысячъ іудейскихъ жителей нашлась только ничтожная горсть слабохарактерныхъ, которые измѣнили іудейству; и подобное-же явленіе повторилось также въ провинціяхъ. Эти немногіе покрыли себя стыдомъ; ихъ избѣгали, презирали. Такой неблагопріятный результатъ еще болѣе усилилъ злобу царя, и въ то-же время увеличилъ уваженіе грековъ къ іудеямъ. Филопаторъ задумалъ теперь примѣрнымъ образомъ наказать упрямыхъ и твердыхъ въ своей вѣрѣ. Онъ велѣлъ натащить въ Александрію изъ всѣхъ мѣстъ іудейскихъ мужей, женщинъ и дѣтей, запереть ихъ въ ипподромъ, чтобы растоптать ихъ слонами. Во весь свой просторъ это помѣщеніе было наполнено несчастными, готовыми запечатлѣть жизнью свою преданность вѣрѣ.

Въ назначенный день явился царь Филопаторъ. 500 слоновъ были опьянены крѣпкимъ виномъ и выпущены со всѣхъ сторонъ на іудеевъ. Въ эту роковую минуту воздухъ задрожалъ отъ тысячеголосаго, единодушнаго клика: «слушай Израиль, Единъ Богъ нашъ Превѣчный».—И вслѣдъ затѣмъ слоны бросились на густыя толпы свидѣтелей этого ужаснаго зрѣлища, окружавшія ипподромъ, много сотенъ раздавили, а другихъ поразили своими хоботами, между тѣмъ какъ обреченные къ смерти іудеи остались совершенно невредимыми. Филопаторъ остолебѣлъ. Какъ въ іерусалимскомъ храмѣ, такъ и здѣсь невидимая чудесная сила разрушила его планы. Униженнымъ, но и просвѣтленнымъ вернулся онъ въ свой дворецъ. Онъ возвратилъ іудеямъ всѣ отнятыя у нихъ льготы и права и всѣми способами сталъ благоволять къ нимъ. Буря пронеслась. Небо снова стало синимъ, яснымъ и безоблачнымъ. И впослѣдствіи іудеи долго вспоминали эти дни страха и трепета ежегодными праздниками веселія. Въ это время туземныя касты египетскія съ яростью возмущались противъ царя, который далъ имъ оружіе въ руки. Пламя возстанія ярко взвилось кверху и окрасило кровью небо. Но теперь іудеи сплотились вокругъ трона и самоотверженно и храбро подавили мятежъ; тысячи іудеевъ потеряли тогда свою жизнь на кровавомъ полѣ битвы.

Съ Птолемеємъ Филопатромъ закончилось владычество этой династїи надъ іудейскою страню. Подобно тому, какъ послѣ смерти Александра Великаго полководецъ его Птоломей основалъ свое могущество въ Египтѣ, такъ и Селевкъ, другой полководецъ Александра, завладѣлъ обширнымъ сирійскимъ царствомъ. Завоеваніемъ Вавилона положилъ онъ основаніе своему трону и съ этого времени, съ 311 года до Р. Х. начинается селевкидова эра лѣтосчисленія, которая на востокѣ сохранялась въ теченіе столѣтій, а у іудеевъ употреблялась вплоть до среднихъ вѣковъ для скрѣпленія договоровъ и условій. Резиденція сирійскихъ царей было Антиохія, лежавшая на рѣкѣ Оронтѣ, вблизи Доирны, гдѣ находилась великолѣпная пальмовая роща, посвященная Аполлону. Селевкъ былъ прозванъ «Никаторомъ», т. е. побѣдоноснымъ. Онъ заслужилъ это почетное имя, потому что былъ какъ-бы рожденъ уже властелиномъ и соединялъ въ себѣ много доблестей властелина. Напротивъ, изъ потомковъ его почти никто не былъ на него похожъ. Большинство царей этого могущественнаго государства, которое обнимало 72 провинціи, сатрапїи, были развращенные, чуждые всякаго царственнаго благородства и пали отъ руки убійцъ; даже самъ Селевкъ, основатель государства и династїи, погибъ такимъ-же насильственнымъ образомъ. Между Селевкидами и Птолемеями происходили почти непрерывныя войны. Іудейская страна, лежавшая между Египтомъ и Сирїей, какъ-бы между двухъ огней, особенно страдала отъ этого. И Птоломеи хотѣли покорить ее, и Селевкиды, а когда первые уже завладѣли ею, то послѣдніе старались отнять ее у нихъ. Этотъ кровавый споръ повторялся неоднократно.

Современникомъ Филопатора на Сирійскомъ тронѣ, былъ Антиохъ, названный Великимъ. Вмѣстѣ съ третьимъ Птолемеємъ, Эвергетомъ, исчезли навсегда превосходство и процвѣтаніе этого рода. У недостойнаго-же Филопатора, который жилъ болѣе для своихъ животныхъ наклонностей, чѣмъ для своего государства, Антиохъ считалъ, что легко можно будетъ отнять Іудею; однако онъ ошибся. Филопаторъ вооружился и побѣдилъ его при Рафинъ въ 217 г. до Р. Х. Лишь когда Филопаторъ умеръ въ 204 г. до Р. Х. и послѣ него остался пятилѣтній ребенокъ Эпифанъ, тогда только у этого ребенка великій Антиохъ въ 203 г. до Р. Х. сумѣлъ вырвать Іудею и подчинить себѣ іудеевъ. Вовлеченный потомъ карнагеняниномъ Ганнибаломъ въ войну съ римлянами, Антиохъ въ 190 г. въ рѣшительномъ сраженіи при Магнезїи былъ разбитъ такъ, что долженъ былъ отказаться отъ Малой Азіи, выдать всѣхъ слоновъ и корабли,

уплатить 15000 талантовъ, дать заложниковъ, среди которыхъ находился его младшій сынъ, прозванный впоследствии Антиохомъ Эпифаномъ. Наконецъ, во время разграбленія одного храма въ Эмемеѣ Антиохъ Великій былъ убитъ.

Сначала онъ не очень благоволилъ къ іудеямъ. Но когда они помогли ему противъ египетскаго полководца Скопаса, который пытался вернуть Палестину, и съ почетомъ приняли его въ Іерусалимъ, онъ показалъ себя благодарнымъ и благосклоннымъ къ нимъ. Въ двухъ лѣтописяхъ, которыя остались до настоящаго времени, онъ выражаетъ свою признательность къ нимъ за то, что «они съ блескомъ приняли его въ своемъ городѣ, вышли на встрѣчу съ своимъ сенатомъ и въ изобиліи доставляли съѣстные припасы для войска и слоновъ». Онъ издалъ указъ, чтобы имъ «за ихъ благочестіе» отпускались жертвенныя животныя, вино, масло, мука, соль и куренія и чтобы на государственный счетъ исправлялись всѣ поврежденія храма и исполнялось служеніе въ храмѣ». Весь народъ пусть живетъ по своимъ отечественнымъ законамъ; сенатъ, священники, законники и пѣвчіе пусть будутъ свободны отъ всякихъ поборовъ, городъ Іерусалимъ для отдыха и укрѣпленія въ теченіе трехъ лѣтъ вполне освобождается отъ податей, а на будущее время съ него слагается треть податей. Наконецъ, мы даримъ свободу всѣмъ лицамъ съ ихъ дѣтьми, которыя были отведены въ рабство и приказываемъ возвратить имъ ихъ имущество».—Во второй лѣтописи царь еще съ большимъ вниманіемъ отнесся къ собственнымъ законамъ іудеевъ. Здѣсь указано: «ни одному чужестранцу не позволено ходить въ окрестностяхъ храма, которыя даже іудеямъ становятся доступными только послѣ очищенія. Мясо и кожа отъ всѣхъ животныхъ, запрещенныхъ іудеямъ, должны быть удалены изъ города». Отсюда мы видимъ, какъ благопріятно для іудеевъ было начало владычества Селевкидовъ. Эта кротость имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что много іудеевъ поселились въ сирійскомъ государствѣ, особенно въ столицѣ Антиохіи. Они получили тамъ какъ и въ Александріи, одинаковыя съ греками права и также составляли значительную часть населенія. Они выстроили великолѣпную синагогу, въ которой молились однако по гречески. Антиохійцы вообще показали себя весьма преданными эллинизму. Объ Антиохіи всѣ говорятъ, что это былъ городъ развратный и жадный къ удовольствіямъ. Дворъ представлялъ собою образецъ этихъ пороковъ, знатные государства слѣдовали этому примѣру, граждане подражали имъ, не меньше отставали отъ нихъ также іудеи. Антиохія была

истиннымъ очагомъ эллинистически настроенныхъ іудеевъ. Быть можетъ, подъ ихъ вліяніемъ царь Антиохъ закрылъ Великій Синодъ. Послѣдній показался ему слишкомъ національнымъ. Онъ существовалъ ровно 248 лѣтъ. Въ это время девять первосвященниковъ носили это высшее религіозное достоинство. Періодъ «Софровъ» теперь закончился. Послѣднимъ изъ членовъ Великаго Синода былъ вліятельный первосвященникъ, жизнь и дѣятельность котораго мы представимъ теперь.

IV.

Симонъ Праведный.

1.

Прежде, чѣмъ говорить объ этой выдающейся личности, мы должны бросить взглядъ на состояніе Іерусалима и на положеніе народа въ то время. Въ Іерусалимѣ, гдѣ даже воздухъ былъ напитанъ святостью, гдѣ религія управляла порядкомъ каждого дня, доставляла радости, смягчала страданія, въ теченіе нѣкотораго времени господствовало совершенно чуждое вліяніе, къ которому большинство жителей относилось весьма недружелюбно. Это было вѣяніе Греціи или эллинизмъ, который безъ шума нашелъ дорогу сюда. Сомнительную заслугу за введеніе его могъ приписать себѣ тотъ самый Іосифъ Тобіадъ, съ которымъ мы нѣсколько ранѣе познакомились. Этотъ весьма образованный государственный мужъ долго вращался при дворѣ просвѣщенныхъ Птолемеевъ среди знатнѣйшихъ сановниковъ, былъ весьма богатъ и зналъ притомъ, какъ жить. Онъ имѣлъ благородное сердце, щедрою рукою творилъ благотѣнія обездоленнымъ. При всемъ томъ онъ чрезвычайно любилъ великолѣпіе, жилъ по княжески; самыя дорогія и самыя рѣдкія собранія искусствъ, драгоценнѣйшіе стеклянные сосуды и другіе предметы роскоши можно было найти въ его великолѣпныхъ залахъ. Въ образѣ жизни, въ одеждѣ, какъ и во всемъ остальномъ онъ подражалъ александрійскимъ грекамъ. Также и дѣтямъ своимъ онъ далъ греческое воспитаніе, приучилъ ихъ къ великолѣпію и пышности: такъ — ослѣпительный блескъ сіялъ надъ всѣмъ и каждымъ, кто повиновался Іосифу. Кромѣ того, онъ сильно гордился тѣмъ, что предкомъ своимъ могъ называть царя Давида, славнаго идеальнаго правителя своего народа. Поэтому онъ полагалъ, что имѣлъ право на

такое чрезмѣрное усиленіе своихъ богатствъ. Но для своего народа онъ послужилъ пагубнымъ примѣромъ. Онъ конечно, не чувствовалъ, какое несчастье накликалъ на него. Богатые всегда находятъ многочисленныхъ друзей и подражателей. И примѣръ Іосифа былъ соблазнительнъ. Благодаря ему проникли въ Іерусалимъ греческіе обычаи. Греческій языкъ сталъ моднымъ такъ-же, какъ и роскошь, легкомысліе, жажда удовольствій и другія явленія, которыя находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ прежними нравами и не согласовались съ обычною простотой, со строгостью священнаго города, какъ и съ господствовавшимъ религіознымъ настроеніемъ.

Чтобы иллюстрировать домъ Іосифа, рассказываютъ слѣдующее происшествіе. Іосифъ былъ благословенъ какъ богатствомъ, такъ и дѣтьми. Среди его сыновей Гирканъ дѣйствовалъ вполне въ духѣ своего отца, свѣтлыя и темныя стороны котораго перешли къ нему. У царя Филопатора родился принцъ, наследникъ трона. По этому поводу всѣ вассалы и князья Египта въ пышной и великолѣпной обстановкѣ явились въ резиденцію Александрію, чтобы пожелать счастья царственной четѣ по случаю радостнаго событія. Каждый принесъ драгоценные и избранные подарки для засвидѣтельствованія своего почтенія. Іосифъ также не хотѣлъ оставаться въ отдаленіи. Но онъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ и далекое путешествіе оказывалось для него утомительнымъ. Поэтому Гирканъ добился позволенія заступить его. Онъ явился, какъ равный среди равныхъ, одинъ съ пустыми руками; другіе поздравители съ пренебреженіемъ смотрѣли на него. Но хитрый планъ Гиркана зналъ онъ одинъ. Онъ хотѣлъ прежде внимательно осмотрѣть всѣ подарки и подношенія другихъ, чтобы затѣмъ обдумать свое поведеніе. Безмѣрное честолюбіе понуждало его всѣхъ превзойти, всѣхъ затмить собою. Въ такомъ рѣшеніи, сталъ онъ высматривать вокругъ себя подарковъ. Онъ купилъ сто благовоспитанныхъ и образованныхъ мальчиковъ и столько-же прелестныхъ и красивыхъ дѣвушекъ, одѣлъ всѣхъ сообразно съ поломъ одинаково и съ большимъ вкусомъ, далъ каждому ребенку въ руки талантъ, который стоилъ почти 14 талеровъ. Потомъ онъ мальчиковъ подвелъ къ царю, а дѣвушекъ къ царицѣ, и это были его подарковъ. Онъ превзошелъ всѣхъ: столь особеннаго и щедраго дара не принесъ никто; на такую гениальную мысль никто не попалъ. Семейный духъ, богатство, хорошій вкусъ такъ-же, какъ и воспитаніе, какое давалъ своимъ дѣтямъ Іосифъ, можно увидѣть въ этомъ поступкѣ его сына, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, если Іосифъ задавалъ тонъ въ Іерусалимѣ. Кромѣ того, онъ пользовался большимъ почетомъ, какъ потомокъ Сфовавеля; слава царя Давида своимъ блескомъ окружала его голову. Тѣмъ съ болѣею силою и устойчивостью дѣйствовали пагубно его примѣръ, его предпочтеніе Греціи и ея обычаевъ. Въ дѣйствительности кругъ его приверженцевъ расширялся все болѣе и болѣе. Скоро появилась могущественная и вліятельная партія, которая получила названіе «эллинистовъ». Они во всемъ обезьянничали съ Іосифа, говорили по-гречески, воспитывали дѣтей на этомъ языкѣ, одѣвали себя и дѣтей съ греческою легкостью такъ, что многія части тѣла оставались совершенно обнаженными, и устраивали обѣды и пиры, на которыхъ не всегда строго соблюдались границы дозволеннаго и приличнаго. Религіознаго пренебреженія еще не было замѣтно; въ этомъ отношеніи эллинисты еще удерживались. Только повсюду они провозглашали требованіе, чтобы возвести въ культъ греческое поклоненіе красотѣ, чтобы сочетать вмѣстѣ глубокое содержаніе іудейства съ эстетическимъ направленіемъ Эллады.

Благочестивые и преданные закону люди съ горечью и печалью смотрѣли на вторженіе и распространеніе неіудейскихъ обычаевъ. При своей любви и преданности къ самому священному небесному достоянію они во всякомъ постороннемъ дуновеніи усматривали опасность для него и тревожно бодрствовали надъ тѣмъ, чтобы своевременно устранить ее. Вѣрные своимъ обязанностямъ стражи на зубцахъ своего храма имѣли, однако, полное основаніе относиться съ нелюбовью къ греческому гостю. Этотъ совершенно новый элементъ появившійся на азіатской почвѣ вмѣстѣ съ Александромъ Великимъ, могъ, дѣйствительно, угрожать іудейству, находившемуся еще въ первомъ стадіи развитія. Восточное язычество со своимъ многобожіемъ и идолопоклонствомъ своею грубостью внушало іудеямъ только нравственное отвращеніе и омерзеніе. Наоборотъ Греція обладала чарующею привлекательностью и необыкновенною притягательною силою. Мраморныя изображенія боговъ были пластически-совершенными изваяніями, исполненными граціи и красоты. Взоры съ восхищеніемъ останавливались на этихъ мастерскихъ произведеніяхъ. Исполненные жизни, глубокія мысли и чувства были вложены въ эти изваянія, придавали имъ могущественное выраженіе, которое производило на умы часто неодолимое впечатлѣніе. Очертанія, положеніе, симметрія, — все было проникнуто истинной поэзіей. Рядомъ съ наглядной поэзіей изъ камня стояло возвышенное поэтическое слово, и его звучные тоны и напѣвы вліяли опьяняющимъ образомъ,

волшебной силой приковывали къ себѣ; это была пѣсня сирень, которая черезъ ухо проникала глубоко въ сердце и дѣйствовала соблазнительно. Изображенія боговъ, воспроизведенныя этими пѣснями, засверкали потомъ въ какомъ-то ореолѣ небеснаго лика. Наконецъ, софисты и философы объясняли и комментировали слово и изображение. Даже безусловно недостойное, оскорблявшее нравы, казалось мягче и менѣе предосудительнымъ своею утонченною краской и вкусомъ. Пагубный ядъ былъ окруженъ притупляющимъ чувства этикетомъ и въ этой плѣнительной оболочкѣ былъ еще опаснѣе. Все это не скрылось отъ проникательнаго взора стражей Сіона. Потому они къ греческому язычеству были враждебны болѣе, чѣмъ къ какому-нибудь другому, и сердце ихъ билось тѣмъ тревожнѣе, что какъ разъ аристократы и богатые покровительствовали ему и водворили его въ Іерусалимѣ. Подобно эллинистамъ, и ихъ принципиальные противники соединились въ одну партію съ тою цѣлью, чтобы ограничить распространеніе язычества и остановить развитіе эллинизма. Наилучшимъ средствомъ для нихъ оказалось «укрѣпленіе іудейскаго ученія». Вѣдь уже члены Великаго Синода указали: «сдѣлайте ограду вокругъ закона». Виноградникъ Господа нужно было еще болѣе защитить, сильнѣе оберегать, чтобы никто не смѣлъ портить его лозъ, никто не мѣшалъ произрастанію его дорогихъ плодовъ. Эта партія называлась: «Хассидей», «Хассиды», благочестивые, также «Назорей», умѣренные или отрекающіеся.

Цѣль, которую преслѣдовали члены этой партіи, была безусловно похвальна. Они хотѣли уберечь патріархальные обычаи отъ всякаго нечистаго соприкосновенія, отъ всякаго языческаго удара. Поэтому они образовали самыхъ непримиримыхъ антагонистовъ эллинизма, доступъ которому они хотѣли совершенно заградить. Греціи они упрямо отказывали въ какой-бы то ни было уступкѣ; между этой партіей и эллинистами не было ни одного пункта для соглашенія. А что они, побуждаемые своимъ благороднымъ рвеніемъ, ушли далеко въ своей цѣли, указываетъ уже имя назореевъ, которое они сами дали себѣ или другіе дали имъ. «Назореемъ» назывался тотъ, который торжественно произносилъ обѣтъ воздержанія. Пока продолжался его обѣтъ, онъ не смѣлъ стричь волосъ на головѣ, не вкушать ничего, что происходитъ отъ виноградника, не осквернять себя прикосновеніемъ къ мертвому тѣлу, даже матери и отца. Последнимъ запрещеніемъ назорей достигалъ степени святости первосвященника. Подобный обѣтъ могъ произтекать лишь отъ отдѣльныхъ индивидуумовъ не только подъ вліяніемъ могущественнаго и

благочестиваго сердечнаго влеченія, но онъ не былъ въ состояніи стать собственностью цѣлой партіи. Партійными могутъ быть только положительныя или отрицательныя обязанности и поступки, подлежащіе контролю, но не чувства, которыя составляютъ глубокую тайну души. Но хасиды хотѣли стать въ полной противоположности къ эллинистамъ. Послѣдніе развратились вслѣдствіе неумѣренной страсти къ наслажденіямъ и расточительности, а тѣ старались достигнуть высшей ступени аскетизма, отреченія и съ помощью назорейскаго обѣта отказывались даже отъ дозволеннаго закономъ. Вслѣдствіе этого взаимная противоположность обострялась все сильнѣе, пропасть между ними становилась все круче и шире такъ, что, наконецъ, она стала непроходимой навсегда. Оба зашли слишкомъ далеко: и тамъ, и здѣсь были совершены ошибки.

Къ счастью между обѣими крайними партіями находилась многочисленная толпа безпристрастныхъ, здоровыхъ мыслителей, которые не склонялись ни къ тому, ни къ другому направленію, но часто и много должны были терпѣть отъ обѣихъ сторонъ. Казалось, будто Провидѣніе никогда не дастъ продолжительнаго покоя землѣ и народу Израиля. Если грозная буря войны молчала извнѣ, то она шумѣла и ревѣла внутри изъ-за раздоровъ между партіями.

Таково было положеніе въ Іерусалимѣ, когда Симонъ Праведный получилъ достоинство главы и первосвященника. Уже болѣе трехъ столѣтій протекло въ неудержимомъ потокѣ времени съ тѣхъ поръ, какъ народъ вернулся въ свою родную землю. Иудея опять была благословленною Богомъ страной, «текущею молокомъ и медомъ». Іерусалимъ снова, какъ нѣкогда, былъ «вѣнцомъ красоты». Хотя многія сотни тысячъ жили внѣ Іерусалима разсѣянно въ Вавилонѣ, Египтѣ, Сиріи, Греціи и въ другихъ мѣстахъ, однако, отечественная земля была довольно густо заселена: было большое число городовъ и селъ. Куда глазъ ни обращался, онъ видѣлъ отяжелѣвшіе отъ плодовъ стебли, сочныя травы, вкусныя овощи, красивые цвѣты, изобиліе и благосостояніе, «стѣны превратились въ сады, пустыни въ красивые луга». На холмахъ виноградныя лозы клонились къ землѣ отъ тяжести гроздей. Въ долинахъ и равнинахъ красовались сады; фиговые, оливковыя, гранатныя и другія плодовые деревья гордо поднимали кверху свои верхушки. Жужжали пчелы, ржали за плугомъ лошади, паслись овцы, бодро прыгали козы, народъ жилъ, какъ предсказалъ пророкъ, «подъ виноградниками и фиговыми деревьями». — «Онъ ѣлъ до-сыта и благодарилъ Творца за прекрасную землю, которую Онъ далъ ему», какъ заповѣдалъ Моисей.

Вмѣстѣ съ культурою почвы, которая вознаградила за потраченные усердіе и трудъ, имѣла такой-же успѣхъ и умственная культура. Вмѣстѣ съ возраставшимъ благосостояніемъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ умовъ развилось національное чувство, народу яснѣе приходило на память его призваніе: «быть святымъ народомъ Божиимъ», и въ послѣдствіи онъ всѣми силами боролся, чтобы таковымъ сдѣлаться въ дѣйствительности. Но пути къ этой конечной цѣли были разносторонни, были различно поняты и часто, на дорогѣ, слово, намекъ, противорѣчіе давали поводъ и пищу для спора и единодушіе уступало мѣсто раздору. Поэтому было счастіемъ, если руководилъ благоразумный начальникъ съ бодрствующимъ яснымъ взглядомъ, увѣренный и свѣдущій въ дорогѣ, къ которому народъ относился съ довѣріемъ и руководству котораго онъ охотно покорялся. Въ лицѣ Симона Праведнаго явился такой руководитель. Онъ былъ человѣкомъ золотой середины, который столь-же мудрой, сколь и сильной рукой взялъ во главѣ народа бразды и крѣпко держалъ ихъ. Этотъ достойный мужъ былъ послѣднимъ изъ того, теперь уже исчезнушаго общества Великаго Синода или соферовъ.

2.

Симонъ Справедливый происходилъ отъ первосвященника Иддунъ, который пріобрѣлъ расположеніе Александра Великаго. Дѣдъ Симона, подобно внуку, былъ прозванъ въ народѣ Благочестивымъ. Иосифъ Флавій говоритъ о послѣднемъ, что онъ получилъ прозваніе Благочестиваго вслѣдствіе своего богобоязненнаго образа жизни и благотворной дѣятельности для своихъ братьевъ. Эти качества перешли къ его сыну Оніасу, потомъ къ внуку Симону, который былъ прозванъ Справедливымъ.

Въ это время появился прекрасный и благочестивый обычай давать новорожденнымъ имена знаменитыхъ предковъ затѣмъ, чтобы имя не исчезло среди Израиля, какъ сказано въ Торѣ. Въ библейскомъ періодѣ ни въ чемъ нельзя усмотрѣть существованія подобнаго обычая, потому что никто изъ потомковъ не носилъ имени умершаго патріарха; только въ этомъ священническомъ родѣ часто встрѣчаются имена Оніаса и Симона: такъ, и этотъ Симонъ носилъ имя дѣда, а сына онъ называлъ Оніасомъ по имени своего отца. Симонъ Справедливый принадлежалъ къ тѣмъ рѣдко-одареннымъ натурамъ, которыя уже въ своихъ внѣшнихъ поступкахъ обнаруживаютъ живущій въ нихъ высокій духъ. Какъ Священный Ковчегъ Завета и снугри, и снаружи состоялъ изъ чистаго золота, безъ вся-

кой примѣси, такъ и въ этомъ избранномъ мужѣ соединялась тѣлесная красота съ величіемъ души и благородствомъ сердца. И въ народныхъ преданіяхъ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ эта возвышенная личность окружена какимъ-то свѣтозарнымъ блескомъ. Преданія соединяютъ имя Симона Справедливаго съ именемъ одного мистическаго волшебника и приписываютъ ему признаки небснаго благоволенія; даръ творить чудеса и другія высшія преимущества, какихъ только можетъ быть удостоенъ человѣкъ. Они рассказываютъ, что въ день покаянія жребій очистительной жертвы постоянно попадалъ ему въ правую руку, въ чемъ народъ ясно видѣлъ небесное благоволеніе; что красная нить на рогахъ жертвы становилась въ знакъ прошенія бѣлою согласно съ обѣщаніемъ пророка Исайи: «ваши грѣхи красные, какъ пурпуръ, сдѣлаются бѣдными какъ шерсть, бѣлыми какъ снѣгъ»; что свѣча, стоявшая къ западу внутри храма, и огонь на алтарѣ никогда не погасли при немъ и требовали только небольшого запаса масла и дровъ; что, наконецъ, на хлѣбахъ предложенія, на первыхъ приношеніяхъ, при раздачѣ жертвы было замѣтно необыкновенное Божіе благоволеніе и что со смертію Симона Справедливаго всѣ эти признаки благоволенія исчезли. «Когда египетскій царь Филопаторъ намѣревался проникнуть въ Святую Святыхъ, то Симонъ послѣ горячей молитвы о наказаніи гордаго иноземца услышалъ съ неба голосъ: «дерзкое желаніе царя не будетъ исполнено». — Мы уже рассказывали, какъ послѣдній уналъ безжизненнымъ на порогѣ храма.

«Однажды по прошествіи дня покаянія, Симонъ объявилъ, что его смерть близка. Его спросили, почему онъ это знаетъ, и онъ отвѣтилъ: «ежегодно въ этотъ день меня сопровождалъ бѣлый призракъ въ Святую Святыхъ при входѣ и при выходѣ оттуда; въ этотъ разъ со мною вошелъ туда черный призракъ, а назадъ онъ не вернулся, изъ чего я заключаю о близости моей смерти». И, дѣйствительно, онъ умеръ черезъ семь дней послѣ этого». — Такія преданія ходили о немъ въ народѣ: они говорятъ о высокой степени святости, которую гласъ народа — гласъ Божій приписалъ ему, о глубокомъ почтеніи, съ какимъ всѣ относились къ нему, и о тѣхъ высокихъ почестяхъ, которыхъ онъ былъ удостоенъ.

Съ преданіями соединилась также и поэзія. Самымъ выдающимся поэтомъ того времени въ Палестинѣ былъ его современникъ Иисусъ Сирахъ. Послѣдній съ пламеннымъ одушевленіемъ, которое и теперь еще передается читателю, воспѣлъ Симона Справедливаго въ сильныхъ стихахъ, изъ которыхъ мы приводимъ нѣсколько:

«Сверкалъ такъ чудно онъ, когда народъ кругомъ стоялъ.
Когда, поднявъ завѣсу, изъ Святой Святыхъ онъ строго вы-
ступалъ.

Онъ, какъ звѣзда, сіялъ, которая таятъ въ облакахъ;
Какъ полный, ясный дискъ луны, такъ ласковость въ-
тилась въ очахъ;

Какъ яркій солнца блескъ на храмовыхъ златыхъ, такъ
величье на немъ.

Какъ радуга цвѣтами на небѣ сверкаетъ, такъ былъ онъ
въ сіяніи своемъ.

Онъ ласково смотрѣлъ, какъ роза нѣжная, цвѣтущая,
И чистъ былъ онъ, какъ лилія, которая растетъ, красуясь
надъ водою.

Подобенъ онъ древу масляничному, дающему обильные плоды,
И кипарису стройному, взирающему гордо съ высоты;

Подобенъ онъ и кедру гордому, съ Ливанскихъ горъ вер-
шины,

И, будто пальмы, тѣснятся вокругъ него своихъ людей дру-
жины».

Подобнымъ образомъ звучать и далѣ аккорды возбужденной
фантазіи поэта; она ищетъ самыхъ торжественныхъ тоновъ, самыхъ
пріятныхъ красокъ, самыхъ привлекательныхъ образовъ, чтобы
какъ можно ярче обрисовать своего любимца, которому посвящаетъ
свою музу.

Постояннымъ дѣломъ Симона было слѣдующее: онъ велѣлъ окру-
жить храмъ валомъ и стѣнами, чтобы обезопасить его противъ на-
паденій; затѣмъ снабдилъ его водою искуснымъ проведеніемъ ея
подъ землею для того, чтобы населеніе, въ случаѣ нужды, могло
найти тамъ защиту и не терпѣло недостатка въ этомъ необходимомъ
предметѣ. Упомянутый поэтъ говорить о немъ: «онъ былъ защит-
никомъ своихъ братьевъ, заботился о своемъ народѣ, отъ котораго
старался отстранить всѣ несчастія.

Какъ религіозный глава и политическій заступникъ своей паствы.
Симонъ Справедливый своею важнѣйшею задачею считалъ строгое
соблюденіе мира. Старинная рознь между эллинистами, привержен-
цами грековъ, и хассидами, врагами грековъ, заставляла скорбѣть
его чувствительную душу, а уничтожить съ корнемъ это зло онъ
не былъ въ состояніи. Но умно и осмотрительно, подобно штурману,
старающемуся провести благополучно свой корабль черезъ буруны,
гдѣ справа и слѣва поднимаются на него огромныя волны, такъ и

онъ твердо стоялъ на пути закона, не склоняясь ни къ какому иному направленію, и такимъ образомъ далъ понять обѣимъ враждующимъ партіямъ свое неудовольствіе ихъ поведеніемъ. Онъ добился уваженія той и другой стороны, обѣ должны были оцѣнить его мирный образъ мыслей и удержаться отъ всякаго открытаго обнаруженія своей вражды. Съ одной стороны Симонъ не хотѣлъ раздражать насильственными мѣрами ни той, ни другой партіи, чтобы не вызвать этимъ повода къ упорству и сопротивленію, а съ другой не позволялъ укрѣпиться извѣстному образу мыслей, чтобы не казалось, будто онъ одобряетъ его. Вслѣдствіе этого многочисленное мирное рабочее населеніе тѣмъ выше почитало его и дало ему прозваніе Справедливаго подобно тому, какъ греки называли своего Аристиды. Справедливость, любовь и правда образовали для него блестящее тройное созвѣдіе, за которымъ онъ слѣдовалъ и которое не позволяло ему сойти съ правильнаго пути. Любовь къ миру, которую питалъ родоначальникъ священниковъ Ааронъ, сохранилась въ памяти: и вотъ — Симонъ, его позднѣйшій потомокъ, усердно подражалъ ему въ этомъ. И дѣйствительно, мы изъ жизни Симона Справедливаго знаемъ, что эллины не наносили религіи никакого оскорбленія; въ общественной жизни они вели себя вполне спокойно, были наклонны къ греческимъ обычаямъ, но не совсѣмъ отвратились отъ еврейства, они стремились къ одной цѣли: привить въ Іудеѣ греческія понятія объ искусствѣ и красотѣ и согласить ихъ съ постановленіями религіи.

Хасиды-же или назареи проявляли чрезмѣрное религіозное рвеніе; многіе изъ нихъ были фанатиками, которые весьма охотно стерли бы съ лица земли эллинистовъ, какъ Содомъ и Гоморру. Симонъ старался уменьшить пылъ этихъ кровожадныхъ противниковъ и устранить всякую несвоевременную вспышку; онъ также не забывалъ излѣчить ихъ по возможности отъ наклонности произносить назарейскій обѣтъ. Каждому, кто желалъ его выслушать, рассказывалъ онъ слѣдующій случай изъ своей жизни: я только однажды отвѣдалъ отъ жертвы назарея; это произошло слѣдующимъ образомъ: одинъ молодой человѣкъ съ юга пожелалъ произнести назарейскій обѣтъ. Онъ былъ весьма красивъ собою. Длинные густыя кудри спускались съ его головы, а наружность его носила отпечатокъ благороднѣйшаго характера. Съ удовольствіемъ разсматривалъ я этого юношу и съ удивленіемъ выслушалъ его желаніе. «Скажи мнѣ», обратился къ нему, «причину, которая побуждаетъ тебя къ этому обѣту; почему хочешь ты лишить себя прекрасныхъ кудрей,

которыми природа съ рѣдкою щедростію одарила тебя»? На это онъ отвѣтилъ слѣдующее: «выслушай меня, господинъ первосвященникъ (таково было обычное привѣтствіе): беззаботно мирно жилъ я у своихъ овецъ; никогда дурная мысль не тревожила моей души, однажды сошелъ я къ источнику за водою, и зеркальная поверхность воды позволила мнѣ увидѣть свой образъ, котораго я до тѣхъ поръ не зналъ. Съ этой минуты мирное состояніе покинуло меня, движенія, угрожавшія погубить меня, овладѣли мною; но я во время опомнился и съ гнѣвомъ воскликнулъ къ самому себѣ: тщеславный дуракъ! ужъ не хочешь-ли ты быть ослѣпленъ тѣмъ, что не составляетъ твоей заслуги, что не останется тебѣ и что нѣкогда обратится въ пыль и прахъ?—Такъ отогналъ я свои грѣшныя побужденія и рѣшился сдѣлаться назореемъ, а волосы, даръ Божій, украшеніе моей головы, хочу я посвятить моему Богу и принести ему въ жертву на altarѣ; поэтому долженъ я сдѣлаться назореемъ». Такъ говорилъ юноша, чистый по своимъ побужденіямъ и напуганный грѣхами. Я съ восхищеніемъ обнялъ его, поцѣловалъ въ лобъ и радостно воскликнулъ: «желаль-бы я, чтобы много было назореевъ, подобныхъ тебѣ! Отъ жертвы этого назорея я отвѣдалъ, но никогда не дѣлалъ этого съ жертвами другихъ назореевъ».

Въ этомъ разсказѣ заключался понятный для хасидовъ намекъ: онъ представлялъ имъ зеркало, въ которомъ они могли видѣть, какими чувствами вызывались обѣты назореевъ. Симонъ безпристрастно объяснялъ себѣ всякое проявленіе фанатизма; онъ считалъ его болѣзненнымъ состояніемъ души, преобладаніемъ сердца на счетъ ума. Огонь фанатизма уничтожаетъ и подавляетъ всякое разумное чувство, всякое разсудительное и дѣльное сужденіе, которыхъ евреи требуютъ отъ своего духовенства. Въ Торѣ, дѣйствительно, находится законъ относительно назореевъ, но она не ставитъ необходимымъ этого обѣта; въ предѣлахъ своихъ постановленій она должна была заключить и слабость человѣческой природы. «Если кто нибудь произноситъ такой необыкновенный обѣтъ»—этими словами начинается глава, трактующая о назореяхъ. Однако, чтобы не слишкомъ облегчить возможность давать этотъ обѣтъ, она предписываетъ назореемъ особенно строгій образъ жизни и тройную жертву. Но при всемъ томъ человѣкъ, подъ вліяніемъ этого обѣта, не долженъ былъ ни легкомысленно отказаться отъ свободной воли и лучшаго выбора, ни необдуманно заключать ихъ въ оковы и совершенно удалять отъ себя. «Если ты оставляешь обѣтъ, то не совершишь никакого грѣха», снисходительно сказано въ Священномъ Писаніи. —

«Назорей долженъ былъ приносить очистительную жертву, потому что онъ подѣ страхомъ грѣха отказывался отъ употребленія вина», утверждалъ одинъ законоучитель. Симонъ Справедливый дѣйствовалъ въ духѣ этого закона, стараясь ограничить частые назорейскіе обѣты, какъ болѣзненное побужденіе неправильнаго созерцанія.

3.

Подобно великимъ реформаторамъ Ездры и Нееміѣ, Симонъ Справедливый заканчиваетъ собою одну эпоху и начинаетъ другую въ исторіи развитія Іудейской религіи. Члены синедріона должны были противъ воли прекратить свою дѣятельность; этимъ закончился періодъ Соферимъ *). Симонъ, единственный членъ этого почтеннаго общества, извѣстный намъ изъ позднѣйшаго времени, былъ послѣднимъ представителемъ его. Но вмѣстѣ съ синедріономъ не исчезъ духъ его, который жилъ еще и продолжалъ дѣйствовать, какъ прежде. Свѣча, которую зажегъ синедріонъ, не погасла въ шумѣ познанія; огонь, который онъ раздулъ, не изсякъ на алтарѣ изслѣдованія законовъ. Пророческое обѣщаніе: „народы обратятся къ твоему свѣточу“ должно было исполниться, и никакая остановка не могла наступить въ этомъ: за Софрами слѣдовали. „Танаиты“ или „Истолкователи Мишны“ Симонъ справедливый принадлежалъ къ тѣмъ и другимъ. Какъ послѣдній изъ Софровъ затворилъ онъ за собою дверь, а какъ первый изъ Танаитовъ снова открылъ, вступилъ въ нее, и за нимъ послѣдовала избранная толпа родственныхъ ему свѣтлыхъ образовъ, мощный, длинный рядъ, который тянулся въ теченіе многихъ поколѣній и многихъ столѣтій.

Танаиты поставили тѣсныя правила жизни, по которымъ нужно было исполнять предписанія законовъ; собраніе этихъ правилъ носитъ названіе „Мишны“ или „Ученія“. Наставленія Мишны должны были дословно и безъ измѣненія удерживаться въ памяти; записывать ихъ было запрещено. Поэтому Мишна называется «Устнымъ ученіемъ» въ противоположность написанному Моисееву закону, который названъ «Письменнымъ ученіемъ». Такимъ образомъ, Симонъ справедливый образуетъ многочисленный пограничный камень между исторіей іудейскаго народа и исторіей іудейской религіи.

Отъ него, какъ отъ перваго танаита, мы имѣемъ и первое изъ

*) Люди письменности или литераторы.

реченіе Мишны, которое гласитъ: „на трехъ вещахъ покоится міръ на божественномъ ученіи, богослуженіи и на подвигахъ любви“.

Истина этого изреченія остается неоспоримою во всѣ времена. Совершенно другое значеніе имѣло оно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Это изреченіе убѣдительно опредѣляетъ и для эллинистовъ, и для хассидовъ содержаніе еврейской религіи во всей ея полнотѣ. Эллинисты, щеголявшіе своею приверженностью къ языческой Греціи, должны были отсюда понять, что это ученіе іудейской религіи лежитъ въ основѣ всего порядка вещей, котораго нельзя нарушить; хассиды-же должны были оставить свои сумасбродства и стараться лишь о томъ, чтобы пребывать вполне вѣрными этимъ тремъ столпамъ религіи. Такимъ образомъ, это здравое изреченіе должно было дѣйствовать умиротворяющимъ способомъ въ томъ и другомъ направленіи. Чѣмъ ближе мы вникаемъ въ смыслъ этого краткаго, но много говорящаго, изреченія, тѣмъ глубже и богаче становится его содержаніе.

Божественное ученіе, т. е. Тору, просвѣщенный мыслитель называетъ первой опорой мірозданія. Именно: Тора направляетъ наше зрѣніе къ высшему и совершеннѣйшему Существу, которому каждый человѣкъ долженъ подражать помощью познанія и благодѣтельнаго образа жизни. Связью между Богомъ и человѣкомъ служить разумъ, который достигаетъ высшей степени совершенства, если размышляетъ о Богѣ; тогда даетъ онъ человѣку его божественный образъ и высокое благородство. Далѣе Тора учитъ, что всѣ люди происходятъ отъ однихъ родителей и должны быть между собой братьями поэтому превосходное изреченіе: „люби ближняго, какъ самого себя“ естественно вытекаетъ изъ собственнаго сознанія человѣка. Тора на законахъ любви основываетъ общественныя отношенія, обезпечиваетъ каждому безъ исключенія жизнь, здоровье, свободу, имущество и честь. Но если гдѣ-либо переходить за предѣлы этихъ законовъ, тамъ необузданная анархія уже грозитъ своимъ желѣзнымъ, окровавленнымъ скипетромъ. „Безъ сомнѣнія, влѣдствие наклонности людей къ грабежу, смыли ихъ волны всемірнаго потопа“, гласитъ одно глубокомысленное изреченіе древнихъ еврейскихъ учителей. Гдѣ связь любви между людьми нарушена, тамъ міръ больше не можетъ существовать. Поэтому священникъ Симонъ называетъ Божественное ученіе первую опорой міра.

Въ богослуженіи видитъ онъ вторую опору: изъ корней Божественнаго ученія вырастаетъ стволъ богослуженія съ его многовѣтвистою верхушкою, разнообразными вѣтвями, цвѣтами и плодами.

Послѣдніе могутъ отличаться красками или внѣшнимъ видомъ, но все-таки они происходятъ изъ одного и того-же корня: изъ вѣры въ Бога, изъ любви къ Богу. Эти наиболѣе глубокія движенія человѣческой души получаютъ при богослуженіи свое видимое выраженіе: человекъ высоко поднимается надъ землею, сознаетъ свое высшее достоинство, чувствуетъ себя ближе къ небу, когда онъ, несомый на крыльяхъ святаго благоговѣнія, преклоняется предъ невидимымъ идеаломъ. Здѣсь только онъ становится вполне человекомъ, нравственно-свободнымъ существомъ, которое стремится къ совершенству, ищетъ хорошаго и избѣгаетъ дурного. На этомъ основаніи богослуженіе составляетъ вторую опору мірозданія.

Дѣла любви, хотя мы и говоримъ о нихъ въ концѣ, не должны считаться болѣе слабой опорой міра: отцомъ у нихъ — богослуженіе, матерью — божественное ученіе. Иудейская религія есть религія дѣятельности. Одинъ добрый, общепользительный поступокъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ тысяча самыхъ лучшихъ мыслей, самыхъ горячихъ чувствъ. „Отломи голодному кусокъ отъ своего хлѣба, введи утѣсненныхъ въ свой домъ, если увидишь нагого. одѣнь его, не отворачивайся отъ подобнаго тебѣ — и тогда свѣтильникъ твой будетъ сіять подобно утренней зарѣ“. Это ученіе пророковъ составляетъ основаніе религіи Израиля. Когда пророки отдѣлились отъ земли, то послѣдній изъ нихъ — Малахія оставилъ какъ-бы въ завѣщаніе слѣдующія слова: „воистину, мы всѣ имѣемъ одного отца, одинъ Богъ создалъ всѣхъ насъ, поэтому какъ-же смѣетъ человекъ быть невѣрнымъ къ своему брату и осквернять имя нашего Господа? „Божественное ученіе учитъ о братствѣ, богослуженіе олицетворяетъ намъ его: знатные и незнатные, богатые и бѣдные всѣ вмѣстѣ молятся Высшему Существо, ихъ звуки сливаются въ гармоническій хоръ, когда они громко съ пѣніемъ и звономъ восхваляютъ Творца вселенной. А дѣла любви объясняютъ, что божественное ученіе просвѣщаетъ умъ, что богослуженіе облагораживаетъ сердце: гдѣ люди поддерживаютъ другъ друга и стараются быть другъ другу полезными, тамъ создается рай на землѣ. Такимъ образомъ, дѣла любви составляютъ третью столь-же крѣпкую опору міра.

Если-бы Симонъ Справедливый научилъ свой народъ и человечество понимать только одно это многозначущее изреченіе, то и тогда онъ заслужилъ-бы уже величайшаго уваженія и благодарности. Его изреченіе сдѣлалось общимъ достояніемъ Израиля; оно доступно всѣмъ и столь-же коротко и удобопонятно, сколько богато и

глубоко по содержанію: это—первое и главнѣйшее слово Мишны, которое вышло изъ устъ перваго Таная.

Симонъ Праведный, по преданію, въ теченіе сорока лѣтъ исполнять обязанности первосвященника. О представленіи Аарона древніе учителя рассказываютъ слѣдующее: «когда съ него сняли священническое облаченіе, то на немъ увидѣли одежду, сіяющую небеснымъ величіемъ». Подобное можно сказать и о Симонѣ. Не изобиловавшая золотомъ почетная одежда, но внутренній благородный образъ мыслей, неослабная вѣрность религіи, сочувствующее сердце, любовь къ людямъ и миролюбіе вывѣсили его до верховнаго религіознаго главы, до учителя и руководителя своего народа; эти качества упрочиваютъ за нимъ почетную извѣстность во всѣ времена.

«По смерти Симона, преемники его никогда не произносили имени Божія», сказано въ одномъ древнемъ источникѣ. «Тетраграмматонъ», т. е. имя Божіе, которое состоитъ изъ четырехъ буквъ и въ книгѣ Моисея означаетъ Превѣчнаго, вслѣдствіе глубокаго благоговѣнія не читалось по его звукамъ, но постоянно «Адонай», т. е. Господинъ. Даже правильный выговоръ этого слова былъ не совсѣмъ извѣстенъ. Только священники произносили его, благословляя народъ, и первосвященники въ день прощенія въ Святой Святыхъ, причѣмъ настолько громко, что это слово слышали вѣнъ—стоявшіе священники и нѣкоторые изъ народа. Послѣдніе тотчасъ припадали съ молитвою къ землѣ и восклицали: «да будетъ прославлено имя величія Его царства и присно, и во вѣки!» Это слово было составлено искуснымъ образомъ послѣ одного откровенія Моисею изъ тѣхъ четырехъ буквъ, которыя въ еврейскомъ языкѣ являются какъ звучными, такъ и беззвучными. Послѣднее вразумительно указываетъ на то, что человѣкъ могъ изъ дѣлъ Творца получить понятіе о Богѣ, но не былъ въ состояніи постигнуть Его существа. Имя это называетъ Бога тѣмъ, кто былъ, кто есть и кто будетъ. Первосвященники послѣ Симона Праведнаго изъ смиренія и уваженія предъ великимъ предшественникомъ отказались отъ своего преимущества и выговаривали съ тѣхъ поръ четырехбуквенное имя Божіе, какъ всѣ міряне, «Адонай», но никогда не произносили его по звукамъ. Они обнаруживаютъ этимъ высокую степень скромности, которая достойна уваженія.

VI.

Иисусъ Сирахъ.

Мы уже нѣсколько разъ называли этого мужа; сообщимъ теперь тѣ немногія свѣдѣнія, которыя намъ извѣстны о немъ. Иосифъ или Иисусъ Сирахъ процвѣталъ около 200-го года въ Иерусалимѣ гдѣ онъ имѣлъ случай видѣть Симона Праведнаго, почитать его и удивляться ему. Какъ великъ былъ восторгъ его этимъ послѣднимъ, показываютъ тѣ вдохновенные стихи, которые онъ посвятилъ памяти Симона Праведнаго, нѣсколько изъ нихъ мы привели выше. Иисусъ Сирахъ былъ высокообразованною и просвѣщенною натурою, глубокимъ мыслителемъ, проницательнымъ наблюдателемъ, полный тонкаго остроумія и мастеръ своего слова. Книга «Бень-Сира», написанная имъ на еврейскомъ языкѣ, даетъ возможность убѣдиться въ его высокомъ дарованіи, проницательности, благоразуміи и въ совершенствѣ его выраженій. Несмотря на эти преимущества, его книга почему-то не вошла въ библейскій канонъ; тѣмъ не менѣе она остается драгоцѣннымъ вкладомъ, важнѣйшимъ украшеніемъ послѣ-библейской, апокрифической литературы. Многие законоучители уважали эту книгу, охотно читали ее и часто приводили изъ ней выраженія. Однако были и такіе, которые относились къ ней неблагоклонно и отвергали ее. Такимъ образомъ, она имѣла приверженцевъ и противниковъ, была въ одно и то-же время почитаема и преслѣдуема.

Книга Сираха содержитъ богатое собраніе изреченій, простирающихся на всѣ случаи частной и общественной жизни и представляющихъ вѣрное отраженіе той эпохи, въ которую она появилась. Внуку сочинителя, называвшійся также Иисусомъ Сирахомъ и жившій въ Александріи, перевелъ эту книгу на греческій языкъ, такъ что она сдѣлалась доступною и не евреямъ, которые довольно усердно читали ее. Впослѣдствіи она была также переведена на армянскій и латинскій языки. Все это доказываетъ высокое достоинство книги. Сирахъ II приводитъ въ предисловіи нѣсколько скудныхъ данныхъ о жизни своего дѣда. Онъ рассказываетъ, что послѣдній уже въ юности былъ одушевленъ сильнымъ стремленіемъ къ знанію, которое побуждало его къ путешествіямъ для приобрѣтенія опытности и ознакомленія со свѣтомъ и людьми. Плоды своихъ наблюденій и впечатлѣній онъ облачалъ въ короткія остроумныя изреченія

для того, «чтобы просвѣтить, какъ онъ говорилъ, своихъ братьевъ и предостеречь ихъ отъ ошибокъ». О своей жадѣ знанія Сирахъ говоритъ: «на веснѣ моей земной жизни у меня было только одно желаніе знанія; пламенно молилъ я Бога въ священномъ храмѣ о знаніи и до конца моихъ дней хочу изслѣдовать и имѣть его». Онъ умѣлъ вѣрно сохранить также свое благочестіе, любовь и привязанность къ религіи отцовъ. Іудейскую землю и Библію онъ считалъ самымъ священнымъ и самымъ драгоценнымъ изъ всего, что міръ могъ дать человѣку; сверхъ того, по душѣ и образу мыслей онъ былъ родствененъ Симону Праведному. Подобно послѣднему, наполняли его негодованіемъ и горечью стремленія эллинистовъ къ наслажденіямъ и удовольствіямъ, старавшихся пересадить легкомысліе и роскошь грековъ на священную почву Палестины и Іерусалима. Строго бичевалъ онъ ихъ эпикурейскій образъ жизни, ихъ погоню за удовлетвореніемъ плотскихъ вожделѣній, въ чемъ думали они найти цѣль жизни. Съ глубокимъ презрѣніемъ указывалъ онъ на ихъ развращенность, нецѣломудренность, на ихъ пиры, и заканчивалъ такимъ уничтожающимъ восклицаніемъ: «горе вамъ, безбожникамъ, забывшимъ законъ Всевышняго»!

И хасиды, которые довели аскетизмъ до крайности, также должны были почувствовать его колкія обличительныя рѣчи, направленные противъ нихъ. Онъ утверждалъ, что «они не только у себя самихъ изгоняютъ всякія радости, но и другихъ стараются лишить этого; что они все предоставляютъ Богу, и каждое человѣческое содѣйствіе считаютъ дерзостью». Ихъ, напротивъ, Сирахъ училъ такъ: «и дѣлай себѣ все хорошее, что можешь, но и Богу приноси достойныя жертвы: не отнимай у себя ни одного веселаго дня; улаждай свою душу, на сколько ты въ состояніи». Теперь легко понять его уваженіе къ Симону Праведному.

Вотъ все, что мы знаемъ объ Иисусѣ Сирахѣ. Нѣкоторые его изреченія могутъ имѣть и здѣсь мѣсто, напримѣръ: «знаніе всегда принадлежитъ Богу и всегда нисходитъ отъ Него; оно создано прежде всего и пролито на всѣ дѣла творенія».—«Не желай знать того, что отъ тебя скрыто; не домогайся того, что для тебя недостижимо; но направляй свой умъ на то, что тебѣ позволено. Слишкомъ сильное воображеніе уже многихъ ввело въ заблужденіе, слишкомъ дерзкое высокомеріе у другихъ совсѣмъ помрачаетъ разсудокъ».—«Всѣ дни бѣдняка несчастны, даже ночью сердце его не можетъ радоваться: его низкая кровля лежитъ подъ высокими крышами богачей, и потоки дождя съ послѣднихъ вредятъ его собственной; виноградникъ

его лежитъ выше, чѣмъ виноградники богачей; плодоносная земля съ его виноградника скатывается внизъ на ихъ виноградники». — «Люди подобны растеніямъ: одни цвѣтутъ, другіе увядаютъ». — «Пускай будетъ всякая боль, только не сердечная; пускай будетъ все злое, только не злая жена». «Не безпокойся о завтрашнихъ страданіяхъ: ты не знаешь еще, что принесетъ тебѣ день». — «Сыну, который забылъ сыновнія обязанности, ты можешь позволить уплыть». — «Дочь составляетъ для отца ложный кладъ, забота о ней отнимаетъ у него сонъ: если она молода, то, быть можетъ, будетъ обманута; если расцвѣла, то, можетъ-быть, сдѣлаетъ ошибочный шагъ; если созрѣла, то, можетъ-быть, не найдетъ себѣ мужа; если-же она замужемъ, то, можетъ-быть, останется безъ дѣтей; если стара, то, можетъ-быть, впадетъ въ суевѣріе и колдовство». — «Кто живетъ за столомъ другого, для того весь міръ во мракъ». — «Все взвѣшивалъ я на вѣсахъ и ничего не нашелъ легче отрубей. Но еще легче женихъ, живущій въ домѣ своей невѣсты; еще легче тотъ, кто отвѣчаетъ прежде, чѣмъ услышитъ вопросъ».

Этихъ нѣсколькихъ отрывковъ достаточно для того, чтобы оцѣнить Иисуса Сираха и его книгу по достоинству.

VII.

Первосвященникъ Оній.

Оній былъ сыномъ и наслѣдникомъ Симона Праведнаго, третьимъ первосвященникомъ, носившимъ это имя. Онъ всѣми силами старался подражать послѣднему, выказывалъ себя достойнымъ своей священной должности, добивался уваженія со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей; но все-таки изъ-за своей непоколебимой вѣрности къ религіи онъ долженъ былъ выдержать жестокія и тяжелыя испытанія. Его судьба, дѣйствительно, была трагическая. Извѣстна угрожающая никакая опасность. Антиоху Великому наслѣдовалъ на сирійскомъ престолѣ, въ 187 году, сынъ его Селевкъ IV. Отъ этой перемѣны Іудея нисколько не пострадала. Новый властитель оставилъ неприкосновенными религіозные уставы евреевъ, позволилъ отправлять храмовыя торжества на государственный счетъ и вообще слѣдовалъ традиціямъ своего отца.

Но тѣмъ хуже напротивъ становилось положеніе вещей въ самой странѣ и особенно въ Іерусалимѣ. Греческіе обычаи и порча пра-

вовъ пустили уже глубокіе корни, партія эллинистовъ значительно увеличилась; даже нѣкоторые священники, забывъ о чести и долгѣ, попали въ ихъ сѣти. Вмѣстѣ съ числомъ, росла также дерзость этой грѣховной партіи. Съ другой стороны поднималась противъ нихъ вполне справедливая ненависть хасидовъ. Эти мрачныя обстоятельства огорчали Онія. Не смотря на всю свою кротость и любовь къ миру, онъ видѣлъ себя принужденнымъ къ жестокимъ мѣрамъ. Вліятельную фамилію Товіадовъ, глава которой—Іосифъ—былъ отцомъ эллинистовъ, онъ долженъ былъ изгнать изъ Іерусалима, а вмѣстѣ съ ними и того геніальнаго Гиркана, которому честолюбіе внушило мысль сдѣлаться правителемъ Іудеи подъ владычествомъ Сиріи, почему онъ съ гордостью указывалъ на свое происхожденіе отъ Давида: теперь онъ долженъ былъ оставить городъ, который считалъ въ мечтахъ своею резиденціей. Товіады покорно повиновались; къ ихъ чести нужно сказать, что они не оказались мстительными противъ Онія. Но этою строгостію было только немного уменьшено возроставшее зло, не говоря уже о томъ, чтобы совершенно уничтожить его, что было невозможно, такъ какъ оно уже слишкомъ глубоко укоренилось. Одинъ весьма уважаемый священникъ Симонъ, главный смотритель храма, перешелъ на сторону эллинистовъ, чѣмъ подалъ пагубный примѣръ и поводъ къ соблазну. Онѣи принужденъ былъ лишить недостойнаго всѣхъ его достоинствъ и изгнать изъ Іерусалима. Симонъ отправился въ царскую резиденцію Антиохію; жажда мести, ненависть къ первосвященнику Онію сопровождали его и сдѣлали изъ него позорнаго измѣнника. Онъ извѣстилъ Селевка, что сокровищница храма скрываетъ богатые и рѣдкіе клады. Царь, охваченный сильнымъ желаніемъ овладѣть этимъ, послалъ государственнаго сановника къ Онію съ приказаніемъ потребовать отъ него эти сокровища. Однако послѣдній сопротивился съ благородной энергіей, утверждая, что это сиротскія деньги, сохраняемыя храмомъ: тогда сановникъ силою проникъ въ сокровищницу. Но въ это время какой-то всадникъ въ блестящемъ вооруженіи и двое прекрасныхъ юношей изгнали изъ храма грабителя, который палъ безжизненнымъ на землѣ. Сокровища были спасены, а народная молва приписала то происшествіе чуду. Но гнусный Симонъ, не пожалѣвшій ни своего народа и страны, ни храма, чтобы только выместить чѣмъ-нибудь свою непримиримую ненависть къ Онію, сумѣлъ постепенно направить гнѣвъ царя противъ своего личнаго врага. Извѣстія объ этомъ заставили Онія опасаться печальныхъ послѣдствій для своей страны: онъ рѣшился отправиться въ Антиохію, объясниться съ царемъ и

склонить его къ примиренію. Но по приѣздѣ туда, онъ не нашелъ царя въ живыхъ: тотъ самый царедворецъ, который посланъ былъ въ Іерусалимъ для разграбленія сокровищъ храма, отравилъ его. Таковъ былъ плачевный конецъ правленія Селевка IV.

VIII.

Антигонъ изъ Сохо.

Прежде чѣмъ обратиться къ печальнымъ событіямъ наступающаго періода, мы вспомнимъ о той свѣтлой личности, имя которой красуется въ самомъ началѣ. Въ свое время Симонъ Праведный, какъ первосвященникъ, стоялъ во главѣ своей страны, и какъ первый танай или второучитель — во главѣ круга ученыхъ. Сынъ его Оній наслѣдовалъ первосвященническое достоинство, а председательство въ обществѣ ученыхъ занялъ ученикъ его Антигонъ изъ Сохо. О жизни этого законоучителя ничего неизвѣстно. Но что душевное величіе, искренняя религіозность, преданность законамъ и благородство сердца щедро украшали его, доказываетъ тотъ фактъ, что онъ былъ призванъ на почетное мѣсто знаменитаго предшественника, изъ устъ котораго онъ получалъ наставленія; если просвѣщеннѣйшіе изъ народа признали его достойнѣе всѣхъ занимать мѣсто Симона Праведнаго и охотно подчинялись ему, то онъ долженъ былъ отличаться многими рѣдкими качествами.

Въ теченіе протекшихъ трехъ столѣтій, благодаря дѣятельности Ездры и членовъ Великаго Синедріона, образовалось сословіе ученыхъ, которое постоянно увеличивалось и числомъ, и своимъ вліяніемъ и значеніемъ. Во всѣхъ городахъ и селахъ, внутри и внѣ Палестины, гдѣ евреи имѣли постоянное мѣстопробываніе, возвысились болѣе или менѣе великолѣпныя синагоги. Знающіе люди нужны были для молитвъ, для чтенія, объясненія и изложенія Священнаго Писанія. Первое время священники были облечены исполненіемъ этихъ обязанностей. «Уста священника охраняютъ законъ, отъ него требуютъ поученій», говорилъ по этому поводу Малахія, послѣдній пророкъ и современникъ Ездры. Но въ послѣдствіи право это старались приобрѣсти многіе юноши среди народа, для обученія которыхъ было устроено въ Іерусалимѣ высшее училище. Изъ всѣхъ концовъ страны жаждавшіе познаній стремились туда, гдѣ извѣстные и опытные учителя преподавали имъ устное ученіе. Главнымъ начальникомъ этого

училища, который, разумѣется, долженъ былъ всѣхъ превосходить своими качествами, былъ назначенъ Антигонъ изъ Сохо; отсюда легко понять, что послѣдній отличался чистотою своихъ дѣйствій и основательнымъ знаніемъ законовъ. Общины, начальники, учителя, судьи, даже издалека, обращались къ нему съ вопросами: онъ считался высшимъ авторитетомъ; указаніями котораго они руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ. Поэтому Антигонъ пользовался въ своемъ положеніи большимъ вліяніемъ и значеніемъ. Его отношеніе къ Симону Праведному можетъ быть прекрасно охарактеризовано тѣми-же самыми словами, какими объясняется связь между Моисеемъ и ученикомъ его Иисусомъ: «лицо Моисея было подобно освѣпительному блеску солнца, а Иисуса — мягкому свѣту мѣсяца». Мѣсяцъ освѣщается солнцемъ: Иисусъ грѣлся въ солнечномъ сіяніи Моисея, Антигонъ — въ сіяніи своего великаго учителя Симона Праведнаго, котораго онъ долженъ былъ благодарить за свою славу.

Антигонъ — имя греческое, но тотъ, который носилъ его, ни въ какомъ случаѣ не принадлежалъ къ приверженцамъ грековъ, къ эллинистамъ. Его любимое изреченіе носитъ несомнѣнно строгую хасидскую окраску; оно гласитъ: «не уподобляйтесь рабамъ, которые служатъ господину за вознагражденіе, но будьте подобны слугамъ, которые посвящаютъ свой трудъ господину, нисколько не думая о наградѣ; да будетъ у васъ благоговѣніе предъ Господомъ». Вся неприглядность того времени выражается въ этихъ словахъ, которые требуютъ истинной преданности Богу безъ всякой посторонней цѣли, также пожертвованій для религіи, вытекающихъ изъ чистой, самоотверженной вѣры и благоговѣнія предъ Богомъ. Благочестивый учитель видѣлъ наступленіе бури, видѣлъ тяжелыя испытанія и жестокия преслѣдованія, которымъ подвергались преданные закону со стороны безсердечныхъ аристократовъ, презиравшихъ религію, натягивавшихъ противъ нихъ свой лукъ, пускавшихъ въ нихъ свои ядовитыя стрѣлы; и старался вызвать въ угнетенныхъ твердую непоколебимость. Онъ говорилъ: «нельзя разрѣшить загадки о томъ, какъ распределены дары и участи на землѣ; беззаконники очень часто счастливы, горды, богаты; между тѣмъ какъ благородные и благочестивые люди угнетены и принуждены страдать и нуждаться. Однако не слѣдуетъ сомнѣваться въ добротѣ и справедливости Божіей; гдѣ господствуетъ сомнѣніе, тамъ храмъ религіи стоитъ на шаткомъ основаніи; сильный порывъ вѣтра можетъ его разрушить. Такъ, бездушная жена Іова, при чрезмѣрныхъ страданіяхъ своего мужа, вмѣсто утѣшенія обратилась къ нему съ такими низкими словами: «пребываешь-ли

ты еще твердо въ своемъ благочестіи? Такъ прославляй-же Господа и умирай!» Подобнымъ образомъ забывшій Бога издѣвается надъ умирающимъ за свой священный идеалъ и насмѣшками увеличиваетъ еще его страданія».

Антигонъ изъ Сохо видѣлъ приближеніе подобныхъ сценъ. Онъ понималъ, что для успокоенія и подкрѣпленія умовъ буря и испытанія также необходимы и цѣлительны, какъ въ природѣ громъ и молнія для освѣженія и очищенія воздуха; но съ другой стороны онъ зналъ и слабость людей колеблющихся и нерѣшительныхъ, которые робко и трусливо думаютъ найти защиту въ густой тѣни крѣпкаго дерева, между тѣмъ какъ они такимъ образомъ идутъ какъ разъ на встрѣчу убивающей молніи. Этихъ Антигонъ подразумѣвалъ въ своемъ изреченіи; къ нимъ онъ обращался съ такими словами: «да не будетъ ни введены въ заблужденіе, ни оглушены пѣнящимися и шумящими волнами! Какова-бы ни была ваша судьба, оставайтесь твердыми въ своей религіи. Не думайте о наградѣ за свои благодѣянія, что я назвалъ-бы постыднымъ торгомъ—или: быть «благочестивымъ въ надеждѣ на награду» есть только своекорыстный подвигъ ради наживы!» Это ученіе было словомъ времени, словомъ, долженствовавшимъ ободрить и укрѣпить духъ истинныхъ сыновъ Іудейской религіи. Но оно относилось также и къ отпавшимъ эллинистамъ, презиравшимъ законъ. Самоотверженная, чистая, свободная отъ всякихъ помысловъ о наградѣ, преданность къ отечественной религіи должна была отклонить ихъ отъ безразсуднаго намѣренія силою подорвать ее и лишить души. Они, гнавшіеся за пустымъ блескомъ, за удовольствіями, должны были научиться познавать непобѣдимую силу безкорыстнаго благоговѣнія Божія, которое подобно спасательному судну, счастливо несущему своихъ милыхъ по разбивающимся и пѣнящимся волнамъ потопа. Антигонъ изъ Сохо проповѣдывалъ высшую добродѣтель не только для своего времени, но и для всѣхъ временъ, именно: уповать на Бога не ради выгоды и награды, но во всѣхъ положеніяхъ безъ колебанія довѣряться Его высшему неисповѣдимому провидѣнію.

Вмѣстѣ съ греческими нравами проникли въ Палестину ученія и мудрствованія софистовъ. Среди болѣе молодыхъ современниковъ Антигона были двое, Цадокъ и Бозгосъ, которые изъ того изреченія выводили заключеніе, что по воззрѣнію этого учителя совсѣмъ не должно думать о небесномъ воздаяніи, а потому человѣкъ вполне свободенъ и безотвѣтственъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Это объясненіе, которое помогало каждому дурному побужденію, было весьма

пріятно для ищущихъ наслажденій и необузданныхъ эллинистовъ, потому что оно открыло имъ безпрепятственный доступъ къ удовольствіямъ. Особенно было оно пріятно аристократамъ и богачамъ, которые могли теперь полными глотками пить до дна изъ чашки удовольствій, нисколько не беспокоясь о страхѣ. Упомянутые ученики нашли приверженцевъ своего воззрѣнія, называвшихся по имени основателей Садукеевъ и Боэтусаевъ. Въ Греціи философъ Эпикуръ, жившій отъ 320 до 270 г. до Р. Х., предложилъ подобное направленіе жизни: «удовлетвореніе каждаго желанія составляетъ высшее благо для человѣка; все хорошее должно простираться только на желудокъ». Въ этомъ состояло его гнусное ученіе: чувственность онъ ставилъ впереди на мѣсто нравственности. Что подобное воззрѣніе было съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергнуто людьми, аскетически закаленными въ религіи, само собою понятно; послѣдніе и прозвали эпикурейцами всѣхъ вообще приверженцевъ того ученія. Это названіе было измѣнено впослѣдствіи въ «эпикоресъ» и до такой степени утвердилось среди евреевъ, что даже теперь оно налагаетъ на обозваннаго этимъ именемъ печать позорнаго презрѣнія, клеймо религіозной слабости и невѣрія. Но ни имя, ни прилагаемый къ нему смыслъ не соответствуютъ сущности іудейскаго ученія... «Человѣкъ смотритъ въ глаза; одинъ Богъ заглядываетъ въ сердце». Ближайшее достояніе души—мысли и чувства—никогда не обнаруживается передъ чужими взорами. Инквизиція, легкомысленное рѣшеніе и приговоръ причиняли всегда лишь вредъ и несчастіе; они исполнѣ враждебны любви, которая лежитъ въ основаніи Іудейской религіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Періодъ Хасмонеевъ или Маккавеевъ.

I.

Антиохъ Епифанъ.

«На третій день творенія поднялась надъ зеркальною поверхностью воды земля, украшенная по праздничному зелеными лугами, обильно усыпанная прекрасными цвѣтами. Деревья съ шумомъ устремлялись вверхъ, простирали къ облакамъ свои верхушки и прятали въ глубинѣ темной бездны свои суковатые корни. Тутъ замѣтили они, что желѣзо лежитъ у нихъ подъ ногами; ихъ объяло страшное предчувствіе и трепетъ.—«Что съ вами?» воскликнулъ кедръ, «чего вы такъ испугались?»—«Ахъ», сказали деревья, «нашъ врагъ, желѣзо лежитъ такъ близко отъ насъ, что можетъ насъ уничтожить». Но умный кедръ возразилъ: «оно лежитъ возлѣ насъ только для того, чтобы защитить насъ; если мы откажемъ топорѣ въ топорницѣ, то желѣзо лишается рукоятки, мы безопасны».

Такою притчею одинъ еврейскій законникъ начиналъ въ старину свое толкованіе Священнаго Писанія въ синагогѣ. Но истинный смыслъ ея остается вѣчно юнымъ и новымъ, почему она не такъ часто можетъ быть повторяема. Каждое зло поражаетъ тѣмъ глубже и сильнѣе, если оно вызвано членомъ той-же фамиліи или рода. «Братъ, забывшій о домѣ, непреодолимѣе, чѣмъ самая сильная крѣпость». Эта печальная истина всѣмъ своимъ бременемъ тяготѣла въ то время надъ страной и народомъ Иудейскимъ.

Благочестивый первосвященникъ Оній прибылъ въ Антиохію, когда Селевкъ IV умеръ отъ яда; Оній могъ только быть свидѣтелемъ царскихъ похоронъ. На престолъ вступилъ братъ Селевка IV

Антиохъ Епифанъ. Послѣдній жилъ много лѣтъ въ Римѣ въ качествѣ заложника. Это былъ человѣкъ, глубоко погрязшій въ порокахъ; по временамъ онъ обнаруживалъ признаки сумасшествия, почему современники прозвали его вмѣсто Епифана Эпиманомъ, т. е. сумасшедшимъ. Римъ въ то время сдѣлался притономъ всего постыднаго и отвратительнаго; и, дѣйствительно, мѣтко называлъ его Югурта городомъ продажнымъ, лишь только найдется покупатель. Въ Римѣ подкупомъ можно было все сдѣлать: золото и деньги служили кумирами, которымъ поклонялся тамъ всякій. И Антиохъ Епифанъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи такіе успѣхи, что далеко превзошелъ своихъ учителей. Это-то чудовище сидѣло теперь на Сирійскомъ престолѣ и сдѣлалось Нерономъ для своего государства. Сей извергъ челоуѣчества былъ острымъ топоромъ, тысячу разъ наносившимъ кровавыя раны народу іудейскому, а ему рукояткой служили сами-же сыны Іудеи, голова которыхъ вслѣдъ за тѣмъ падала подъ этимъ-же топоромъ.

Лишь только Антиохъ IV Епифанъ вступилъ на престолъ, какъ нѣкто Язонъ Іошуа изъ поколѣнія священниковъ предложилъ ему большую сумму денегъ за первосвященническое достоинство и обѣщалъ привести въ цвѣтущее состояніе греческую религію въ Палестинѣ, если только построить съ царскаго позволенія въ Іерусалимѣ гимназію, за что также получилъ значительную сумму. Корыстолюбивый царь позволилъ все, презрѣвъ справедливость и законъ. Тщеславный и честолюбивый Язонъ торжествовалъ; онъ думалъ, что достигъ зенита своего счастья. А благочестивый Оній, увидѣвшій себя вытѣсняемымъ, изъ-за своего миролюбія покорился своей участи и избралъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ Дарну, вблизи Антиохіи; Іерусалима онъ уже больше не видалъ. Язонъ пріобрѣлъ печальную славу быть первымъ, который высшую священную должность низвелъ до степени продажнаго товара. Онъ былъ первосвященникомъ по милости царя, понималъ, что его ни одинъ справедливый и религіозный человѣкъ не станетъ почитать, поэтому обратился исключительно къ эллинистамъ и старался, по ихъ наущенію, сдѣлать изъ своей власти самое обширное употребленіе. У подошвы горы Давида велѣлъ онъ воздвигнуть огромную гимназію, въ которой происходили состязанія по греческому обычаю. Эта до тѣхъ поръ неслышанная новинка обладала могущественной притягательной силой: юноши и старики, даже сами священники стремились туда, чтобы показать на опытъ свои силы. Греки также принимали въ этомъ участіе. При нѣкоторыхъ играхъ нужно было являться со-

вершенно обнаженнымъ. Въ Греціи, въ отечествѣ всякаго безстыдства и фривольности, подобная нагота не вызвала-бы никакого соблазна; но иначе было въ Іудеѣ, гдѣ строго соблюдали скромность и благопристойность. Греки насмѣхались при этомъ надъ евреями за ихъ знакъ союза на тѣлѣ, а послѣдніе старались искусственнымъ образомъ сдѣлать его незамѣтнымъ.

Все выше и сильнѣе росли волны порока, послѣ того какъ Язонъ открылъ для нихъ такимъ образомъ дорогу. Два глаза, двѣ руки и одинъ ротъ способны причинить цѣлое море несчастій. «Одна мертвая муха можетъ испортить пріятно-благоухающее масло». Корыстолюбіе, тщеславіе и честолюбіе были демонами, которые вселились въ душу этого первосвященника. Эллинисты ликовали, жители Антиохіи удивлялись его силѣ. Язонъ вызвалъ злыхъ духовъ, которыхъ потомъ не былъ уже въ состояніи ни удержать, ни остановить; они, подобно фуріямъ, гнали его все дальше впередъ. Когда въ Тирѣ происходилъ праздникъ въ честь Геркулеса, онъ отправилъ туда посольство съ богатыми дарами; но послы были лучше чѣмъ тотъ, который послалъ ихъ: они сохранили еще религіозное чувство и истратили дары на починку кораблей.

Однако счастье и блескъ Язона поблекли уже черезъ три года, которые прошли скоро. Черезъ своего мнимаго друга Менелая послалъ онъ царю значительную сумму денегъ. Но Менелай у самаго же Язона научился искусству, какъ сдѣлаться первосвященникомъ. Онъ былъ священническаго происхожденія, братомъ того измѣнника Симона, котораго мы знаемъ и уже научились презирать и котораго тотъ превосходилъ еще въ коварствѣ и лживости. Менелай предложилъ Антиоху Елифану болѣе крупную сумму денегъ, и послѣдній объявилъ его первосвященникомъ. Язонъ безсовѣстно притѣснялъ благочестиваго Онія; теперь онъ самъ долженъ былъ подвергнуться подобной участи. Но Іудея корыстолюбиваго тирана промѣняла на кровожаднаго. Подъ защитою царской власти этотъ навязавшійся первосвященникъ двинулся противъ воли народа въ Іерусалимъ. Язонъ спасся быстрымъ бѣгствомъ; его счастливые дни прошли. Менелай, съ желѣзнымъ лбомъ, который не боялся никакого злодѣянія, открылъ свое поприще наглымъ и безсовѣстнымъ поступкомъ. Онъ обязался выдать царю огромную сумму денегъ; откуда было ее взять? Но Менелай, не разсуждая, бралъ, гдѣ только могъ. Въ храмѣ находились весьма драгоцѣнные золотые дары, поднесенные благочестивыми жителями. Менелай овладѣлъ нѣкоторыми изъ нихъ, подкупилъ ими высшихъ государственныхъ сановниковъ, а

другіе обратилъ въ деньги и такимъ образомъ удовлетворилъ царя. Благочестивый Оній позволилъ себѣ громко выразить свое презрѣніе къ грабителю храма. Бѣдный Оній! Твое усердіе и честность, твоя любовь къ правдѣ приготовили тебѣ гибель. Менелай склонилъ на свою сторону правителя государства, и послѣдній приказалъ казнить смертью добродѣтельнаго первосвященника Онія. «Властитель, выслушивающій живыя рѣчи, имѣетъ слугами злодѣевъ».

Антіохъ Епифанъ находился тогда въ отсутствіи; когда онъ, вернувшись, узналъ объ этомъ, то въ его ожесточенную душу проникло на мгновеніе благородное, человѣческое чувство: онъ проливалъ слезы по богобоязненномъ Оніи и приказалъ обезглавить правителя на томъ-же мѣстѣ, которое напиталось кровью невинно убитого. Но униженный Менелай съумѣлъ выпутаться изъ бѣды и удержался на своемъ мѣстѣ. Еще разъ захотѣлъ онъ при помощи одного изъ своихъ братьевъ ограбить храмъ, но народъ бдительно оберегалъ его и не допустилъ грабителя до этого; завязалась борьба, и тотъ долженъ былъ испустить духъ вблизи сокровищницы. Трѣ знатныхъ Іерусалимлянина отправились послѣ этого въ Тиръ, гдѣ находился царь, чтобы обвинить Менелая въ ограбленіи храма. Но царь велѣлъ ихъ казнить, какъ клеветниковъ. Онъ вѣдъ получилъ львиную часть добычи; поэтому могъ-ли онъ позволить на Менелая, сіявшаго своею мнимой невинностью, взвести такое позорное обвиненіе? Тирійцы обнаружили свое негодованіе предъ этимъ вопіющимъ поступкомъ тѣмъ, что рѣшили съ почетомъ и торжествомъ похоронить бѣдныхъ жертвы.

Однако, всѣ эти жестокости были только тѣнью тѣхъ ужасовъ, которые послѣдовали потомъ. Въ 168 г. до Р. Х. Антіохъ Епифанъ одержалъ побѣду въ Египтѣ. какъ вдругъ явился къ нему посолъ изъ Рима, который провелъ вокругъ него на песокъ круга, и царь прежде чѣмъ выйти изъ круга, долженъ былъ рѣшиться, отказаться-ли добровольно отъ борьбы или имѣть Римлянъ своими противниками. Антіохъ увидѣлъ себя принужденнымъ оставить Египетъ, гдѣ напрасно жертвовалъ деньги, проливалъ кровь и одержалъ побѣду. Между тѣмъ въ Іерусалимѣ распространилось извѣстіе, будто Антіохъ палъ въ битвѣ. Язонъ также узналъ объ этомъ изъ своего убѣжища. Честолюбіе и жажда мести воспламенили его душу; онъ поспѣшно выступилъ во главѣ цѣлаго войска, умертвилъ многихъ друзей и приверженцевъ Менелая; самого его ему не удалось увидѣть. Но къ ужасу Язона, явился мнимоумершій царь съ частью войскъ изъ Египта, гдѣ онъ былъ остановленъ римляниномъ. Злоба

за исчезнувшую добычу, за понесенный позоръ терзала его. Язонъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ; жители Іерусалима заперли городскія ворота, но Менелай, тайно скрывавшійся въ городѣ, впустилъ царя съ его войсками. Теперь Антиохъ Епифанъ совершенно удалилъ отъ себя званіе человѣка и неистовствовалъ, какъ бѣшеный звѣрь. Онъ далъ волю необузданности своихъ воиновъ, которые бросились на несчастныхъ жителей, убивали непрерывно въ теченіе трехъ дней, не щадили ни возраста, ни пола. Дикіе истребители образовали горы труповъ среди улицъ, тысячи были отведены въ рабство, но все бѣдствіе невозможно изобразить словами! Менелай долженъ былъ, кромѣ того, отвести царя въ храмъ; здѣсь хотѣлъ онъ вознаградить себя за потерянную добычу въ Египтѣ. Все искусное и драгоценное: золотой подсвѣчникъ, столъ и алтарь для куреній, всѣ чаши и жертвенные сосуды, занавѣсъ предъ Святой Святыхъ, даже позолоченныя украшенія—все это сдѣлалось жертвою его жадности. Добыча была чрезвычайно велика, но этимъ іудейскій народъ былъ раненъ глубоко въ самое сердце. Но всѣмъ направленіямъ послалъ Антиохъ сыщиковъ и шпионовъ за Язономъ. Послѣдній, подобно Каину, блуждалъ изъ страны въ страну, чувствуя надъ своею головою страшный Дамокловъ мечъ, который ни на одинъ часъ не позволялъ ему быть въ покоѣ и безопасности. И какія адскія мученія должно было, кромѣ того, приготовить ему тяжелое бремя его вины? Онъ оскорбилъ высшее религіозное достоинство, притѣснялъ достойнаго Онія, рабски удовлетворялъ своему честолюбію—и теперь та кратковременная мечта разлеглась; отъ нея остались постоянная пытка и мучительное раскаяніе. Въ Спартѣ умеръ онъ одинокій и всѣми оставленный, измученный сознаніемъ, что былъ проклятъ своимъ народомъ.

Антиохъ удалился со своею награбленною добычею, обративъ Іерусалимъ въ одно лишь поле труповъ и повергнувъ безчисленные сердца въ печаль и горе. Однако и послѣ этого въ душѣ безчеловѣчнаго тирана не проснулось ни одно благородное чувство заставить кротостью забыть тяжелыя страданія. Напротивъ, ему казалось, что онъ все еще пролилъ мало крови. Едва прошелъ годъ, раны еще не успѣли зажить, какъ предъ Іерусалимомъ появился Сирійскій полководецъ съ войскомъ. Въ одну изъ субботъ жители беззаботно смотрѣли на военные приготовленія и оставались спокойными. Внезапно войско обратилось на безоружныхъ и изрубило тѣхъ, которые не успѣли спастись; потомъ, распространяя смерть, оно ворвалось въ городъ, увело женщинъ и дѣтей въ плѣнъ, по-

дожгло храмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и свирѣствовало огнемъ и мечомъ.

Теперь только бездушный Антиохъ рѣшился нанести самый сильный ударъ, теперь іудейская религія должна была погибнуть подъ его гнетомъ. Въ 167 году царскій указъ подъ страхомъ смертной казни запретилъ исполненіе всѣхъ религіозныхъ обрядовъ какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Храмъ былъ посвященъ олимпійскому Зевсу, которому воздвигли алтарь съ знаменами и другими эмблемами. Богослуженіе въ храмѣ прекратилось 17-го Тамуза или Іюля. Нельзя было ни соблюдать субботы, ни праздниковъ, ни справляться съ законами; Священное Писаніе было разорвано, замарано, разрисовано идолами. Царь думалъ силою обратить народъ въ греческую религію. Теперь наступило самое жестокое время; тяжелый топоръ грозилъ уничтожить народный духъ и подрубить его корни. Но чтобы даже приблизительно изобразить ужасныя народныя бѣдствія, слово слишкомъ бѣдно. Одинъ псалмописецъ въ потрясающихъ вопляхъ выразилъ состояніе своего наболѣвшаго сердца: «Почему, Боже, оставилъ ты насъ навсегда?» восклицаетъ онъ, «почему гнѣвъ твой тяготѣетъ еще надъ твоею паствою? О, вспомни о той общинѣ, которую Ты давно уже приобрѣлъ для себя, спасалъ ее для того, чтобы она унаслѣдовала Твои владѣнія; вспомни о священномъ Сіонѣ, на которомъ почіетъ Твое имя! Твои враги яростно свирѣствуютъ въ Твоихъ священныхъ мѣстахъ, разрушаютъ и разбиваютъ ударами топоровъ и молотковъ все, что служить намъ утѣхою и наслажденіемъ; зажженную головню бросаютъ они въ Твой храмъ; они оскорбляютъ и ругаются надъ трономъ Твоего величія!» Въ подобныхъ словахъ переполненное страданіями сердце изливаетъ свою печаль.

Въ такое время самыхъ жестокихъ испытаній было, разумѣется, много такихъ, которые не умѣли выдержать ихъ, которые падали духомъ при видѣ опасности и повиновались принужденію. Не всякій обладалъ героическою силою, чтобы приобрѣсти мученичeskій вѣнецъ. Но эти слабые образовали незначительное меньшинство въ сравненіи съ терпѣливыми и выносливыми. Какіе ужасы должны были перетерпѣть послѣдніе! Ихъ бичевали до крови, сажали на колъ, для нихъ выдумывали всевозможныя мученія; при всемъ томъ они оставались непреклонными, ихъ закаленный духъ преодолевалъ страшнѣйшую боль и не боялся даже смерти. Елеазаръ, одинъ законоучитель, долженъ былъ доказать свое отпаденіе отъ закона, вкусивши свиного мяса; онъ твердо отказывался отъ этого; тогда ему вложили насильно кусокъ мяса въ ротъ, но онъ выплюнулъ его. Онъ пере-

несъ всѣхъ страданій, пошелъ на смерть, но не отступилъ отъ своихъ убѣжденій.—Объ одной матери Аниѣ рассказываютъ, что она пересилила материнское чувство и побуждала своихъ семерыхъ сыновей къ сохраненію непоколебимой преданности религіи; она смотрѣла какъ ихъ зарѣзали одного за другимъ, пока, наконецъ, сама не подверглась той-же участи: «тѣ, которые нѣжно любили другъ друга при жизни, и по смерти также не разстались между собою». Многія семейства вслѣдствіе такихъ притѣсненій оставили родную землю, нашли новыя мѣстожителства, гдѣ могли безпрепятственно жить въ древней религіи своихъ отцовъ. Такимъ образомъ, возникли іудейскія общины во многихъ мѣстностяхъ и городахъ Азіи, Африки и Европы. Въ Египтѣ, именно въ Александріи, значительно возросло число Іудеевъ. Другіе отыскивали самые отдаленные уголки въ горахъ; жили въ ущельяхъ, пещерахъ, степяхъ и пустыняхъ, терпѣли величайшія лишенія, лишь-бы только остаться вѣрными закону. Царь своими жестокими мѣрами достигъ только того, что религія стала еще болѣе дорога для народа. Мученическая кровь—самая прочная цѣпь, связующая крѣпко и искренно души между собою. Вѣдь и матерью сильнѣе всего любимо то дитя, воспитаніе котораго стоило ей наибольшихъ заботъ и печалей!

Теперь мы съумѣемъ понять настоящее значеніе словъ Антигона изъ Сохо. Онъ хотѣлъ закалить религіозный духъ и укрѣпить силу сопротивленія противъ требованій отказаться отъ унаслѣдованныхъ національныхъ привычекъ, и его слова не заглохли; наоборотъ, они пали на плодородную почву, гдѣ и пустили корни. Царь, къ своему неудовольствію, долженъ былъ убѣдиться въ силѣ вѣры и признать свой планъ несостоятельнымъ. Іудейская религія блистательно выдержала кровавое и огненное испытаніе и тогда уже доказала, что не можетъ быть уничтожена. Это было для Антиоха Елифана самымъ жестокимъ наказаніемъ за дерзкое намѣреніе попортить умы, а совѣсть заключить въ оковы.

II.

Храмъ Онія.

Притѣсненія и безпорядки въ самой Іудеѣ заставили, какъ уже было сказано, многихъ жителей выселиться. Большая часть направила свои взоры и шаги въ Египетъ. Между ними былъ и Оній,

четвертый, носивший это имя, и потомокъ Симона Праведнаго. Первосвященническое достоинство, которое по праву принадлежало ему, какъ наслѣдство отъ его предковъ, было отдано, благодаря подкупности Антиоха Епифана, въ руки недостойныхъ. Насильственный конецъ первосвященника Онія въ Антиохіи, который палъ жертвою гнуснаго Менелая, лишилъ его соименнаго потомка всякой надежды на пріобрѣтеніе принадлежащаго ему первосвященническаго достоинства. Кромѣ того, въ отечествѣ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ безопаснымъ, поэтому онъ отправился вмѣстѣ съ другимъ священникомъ Досиеемъ въ Александрію. Въ Египтѣ въ это время была въ разгарѣ гражданская война. Кроткій и снисходительный царь Птоломей Филометоръ съ 164-го года сидѣлъ на престолѣ; это былъ тотъ самый, который, будучи наслѣдникомъ, имѣлъ учителемъ еврейскаго философа Аристобула, а потомъ, получивъ престолъ, сдѣлалъ его своимъ другомъ. Но братъ царя, дикій и необузданный Фиконъ стремился присвоить себѣ престолъ и вытѣснилъ благороднаго Филометора, который бѣжалъ на островъ Кипръ. Въ эту трудную минуту являются Филометору помощниками и спасителями оба священника, Оній и Досией. Они стали во главѣ войска, къ которому примкнуло много евреевъ, побѣдили Фикона, принудили его къ миру, водворили порядокъ въ странѣ и Филометоръ могъ снова безопасно принять бразды правленія. За это онъ обоимъ своимъ защитникамъ, какъ и всѣмъ евреямъ вообще, постоянно выказывалъ свою благодарность и расположеніе.

Послѣ этого Оній выступилъ предъ царемъ съ просьбою о позволеніи выстроить въ Египтѣ храмъ, въ которомъ евреи могли бы приносить жертвы и молиться, такъ какъ въ Иерусалимѣ вслѣдствіе притѣсненій Антиоха Епифана была запрещена служба въ храмѣ. Оній доказывалъ справедливость своего предложенія словами пророка Исаи, который предвѣщалъ: «нѣкогда города Египта станутъ говорить на ханаанскомъ нарѣчій, одинъ будетъ названъ «городомъ солнца»; въ это время воздвигнется Превѣчному алтарь... они будутъ служить Богу жертвами, произносить и исполнять обѣты». На эти пророческія слова указывалъ Оній, и царь охотно одобрилъ его требованіе. Онъ былъ другомъ евреевъ, преданность которыхъ цѣнилъ высоко; можетъ-быть, онъ думалъ также о возвращеніи Палестины, которую нѣкогда владѣли его предшественники.

Страна Гошенъ извѣстна еще со временъ патріарховъ; Иосифъ отдалъ ее своему отцу и братьямъ для жительства, и ихъ потомки оставались здѣсь до своего переселенія. Въ описываемое нами время

евреи были весьма многочисленны въ этой странѣ. Одинъ округъ ея назывался «Геліополісъ» или «Градомъ солнца», что замѣчательно согласовалось съ предсказаніемъ пророка. Въ этомъ округѣ, въ городѣ Леонтополісѣ возникъ храмъ въ Египтѣ, который былъ названъ по имени основателя «храмомъ Онія.» Царь Филометоръ не только разрѣшилъ постройку храма, но даже всѣ доходы того округа посвятилъ на исполненіе въ немъ богослуженія. Округъ этотъ былъ названъ по имени первосвященника «Оніонъ». Оній такимъ образомъ былъ облеченъ первосвященническимъ достоинствомъ, котораго лишился въ своемъ отечествѣ. По своему внѣшнему виду зданіе было далеко ниже іерусалимскаго: оно походило на башню и скорѣе напоминало крѣпость. Но внутреннія украшенія храма отчасти соответствовали тому-же въ іерусалимскомъ, только вмѣсто подсвѣчника съ семью рожками висѣла золотая люстра на золотой-же цѣпи для освѣщенія внутренности храма. Храмъ Онія стоялъ 233 года до 73 г. по Р. Х. Законные священники изъ рода Аарона вмѣстѣ съ левитами отправляли богослуженіе, которое ни въ чемъ не уступало іерусалимскому.

Египетскіе евреи были весьма довольны, обладая собственнымъ храмомъ; это обстоятельство возвысило ихъ значеніе и положеніе въ странѣ и наполнило ихъ души гордымъ самосознаніемъ. Но особенно сознавали свое превосходство тѣ евреи, которые жили въ области, прилегавшей ко храму. Они обнаруживали также необыкновенный патріотизмъ, были отважными воинами, отличались храбростью, мужествомъ и самоотверженною преданностью царю и отечеству. Всѣ египетскіе евреи видѣли въ храмѣ Онія свой религіозный центръ, приходили къ нему трижды въ годъ, посвящали ему жертвы, приношенія и богатые дары. Имъ было пріятно имѣть возможность исполнять въ точности религіозные обряды, чего ихъ братья въ Іудеѣ лишены были въ то время. Однако евреи египетскіе сохраняли высокое благоговѣніе къ своей метрополіи, какъ называли они Іерусалимъ, и къ тому храму, когда онъ снова обстроился; этимъ они выгодно отличались отъ самаритянъ. Послѣдніе вѣрили, что гора Морія, на которой былъ построенъ Іерусалимскій храмъ, должна понизиться для того, чтобы возвысить ихъ священную гору Геризимъ; святость, которую отнимали они у Іерусалимскаго храма, должна была тѣмъ ярче засіять надъ ихъ храмомъ; также Моисеево ученіе толковали они въ пользу горы Геризимъ; всѣ мѣста, въ которыхъ указывается на Іерусалимъ и Морію, объясняли они такимъ образомъ, что подъ этимъ разумѣется гора Геризимъ. гдѣ у нихъ построенъ храмъ и гдѣ они раньше приносили жертвы

и теперь еще приносятъ. Къ такому отрицательному образу дѣйствій египетскіе евреи не были способны. Храмъ Онія былъ для нихъ священнѣе и дороже; пророческое слово окружало его въ ихъ глазахъ блескомъ божественной святости, но сердце у нихъ билось также и отъ искренняго благоговѣнія предъ Іерусалимскимъ храмомъ. Они считали-бы великимъ грѣхомъ и безчестіемъ сопоставлять съ нимъ, а тѣмъ болѣе превозносить свой храмъ, подобно самаритянамъ. Когда Іерусалимскій храмъ снова засіялъ, какъ мѣсто пребываніе Бога, то Египтяне посылали ему неоднократно свои приношенія и священные дары и всячески выказывали предъ нимъ глубокое благоговѣніе и привязанность.

Въ Іудеѣ и Іерусалимѣ построеніе храма Онія не произвело слишкомъ большого впечатлѣнія. Голоса раздѣлялись: онъ имѣлъ своихъ друзей, но и въ противникахъ у него не было недостатка. Одни признавали за нимъ въ нѣкоторыхъ вещахъ вполнѣ одинаковое право съ Іерусалимскимъ, но не рѣшались основательно доказать это во всѣхъ пунктахъ. Священники изъ храма Онія не допускались въ Іерусалимѣ къ исполненію богослуженія, однако, не лишались священническаго права; также дары ихъ принимали весьма охотно. Во всякомъ случаѣ храмъ Онія былъ въ то время для евреевъ достопамятнымъ событіемъ, о которомъ, по нашему мнѣнію, нельзя умолчать.

Покажущееся малодушіе вытекало, однако, единственно изъ благороднѣйшаго чувства любви и преданности къ Іерусалиму, этому мѣстопробыванію св. имени Бога, которое, должно было остаться свободнымъ отъ всякаго соревнованія и соперничества.

III.

Матаеія Хасмонеи.

Теперь мы отъ египетскихъ евреевъ, которые счастливо жили подъ скипетромъ благосклоннаго къ нимъ Птолемея Филометора, обратимся къ униженнымъ и угнетеннымъ евреямъ въ родной Іудеѣ. Здѣсь безумное чудовище Антіохъ Епифанъ, сирійскій царь, свирѣпствовалъ противъ угнетенныхъ все съ возрастающею яростью. Онъ приказалъ сыщикамъ и шпіонамъ отыскать несчастныхъ въ ихъ убожищѣ, куда они скрывались отъ притѣсненій за свою религію и свой образъ мыслей, чтобы навязать имъ греческое языче-

ство. Къ сѣв.-зап. отъ Іерусалима, окруженный скалистыми горами, находился незначительный городокъ, Модинъ. Сюда бѣжалъ со своими пятью сыновьями одинъ благочестивый священникъ Матаѳіа, сынъ Іоханана, изъ рода Хасмонеевъ. Здѣсь, въ забытомъ отъ міра, окруженномъ со всѣхъ сторонъ горами, уголки надѣялись они спокойно исполнять постановленія своей религіи и жить безъ страха. Но благочестивый человѣкъ ошибся. Предъ Антиохомъ Епифаномъ носился злой духъ, очерченный потомъ слѣдующими сильными словами: «его мысли внушаютъ страхъ; его слова выражаютъ ярость; его взоры грозятъ бичемъ; его указы требуютъ крови». Кромѣ того, Антиохъ имѣлъ хорошихъ слугъ; онъ смѣло могъ похвастать ревностными исполнителями своей безчеловѣчной тираніи. Даже крутыя скалы, непроходимыя ущелья той страны не служили для его сыщиковъ ни преградой, ни задержкой, а для бѣжавшихъ туда не представляли ни безопасности, ни защиты отъ нихъ.

Въ одинъ прекрасный день ко всеобщему ужасу появился въ Модинѣ царскій начальникъ съ небольшимъ отрядомъ войска. На площади былъ поставленъ идолъ, воздвигнутъ алтарь, и всѣ жители должны были собраться туда; вооруженные воины окружили ихъ. Начальникъ обратился сначала къ Матаѳіа: «ты здѣсь самый старшій и пользуешься наибольшимъ уваженіемъ! Поддай примѣръ и исполни волю царя, принеси жертву его богу, преклони колѣна свои предъ нимъ, и твоя покорность принесетъ тебѣ царскую милость и богатую награду». Такими сладкими и лстивыми словами старался онъ соблазнить сердце и завлечь его въ сѣти. Но грудь старика, какъ-бы желѣзнымъ панциремъ, была крѣпко ограждена религіозною преданностью, и онъ остался неприступнымъ для соблазна и лести. Съ возмущенною думою, съ блистающими глазами отвѣтилъ онъ твердо, громко и безъ боязни: «если слабые и трусливые люди позволяютъ склонить себя къ отпаденію, то я, мои сыновья и братья—мы всегда станемъ отвергать подобное требованіе. Ни пріятная лесть, ни грубое насиліе не въ состояніи поколебать нашихъ убѣжденій». Такія смѣлыя слова наполнили начальника негодованіемъ; однако онъ ничего не сказалъ, но обратился къ другому, который оказался болѣе сговорчивымъ и поспѣшно подбѣжалъ къ жертвеннику. Тогда Матаѳіа, забывшись отъ чрезмернаго гнѣва, съ быстротою молніи вырвалъ у одного воина оружіе, закололъ имъ невѣрнаго брата по религіи, потомъ нанесъ смертельный ударъ начальнику, и сильнымъ толчкомъ ноги опрокинулъ жертвенникъ; все это было совершено быстро, чѣмъ возможно пересказать.

Сыновья его и другіе жители города, ободренные примѣромъ своего престарѣлаго главы, бросились на воиновъ, обезоружили ихъ и обратили въ бѣгство. Истинная вѣра одержала, такимъ образомъ, первую побѣду. Небольшой, забытый міромъ. Модинъ вдругъ приобрѣлъ громадную извѣстность, сталъ очагомъ, на которомъ уже подымалось яростное кровавое пламя возстанія.

Матаѳія предвидѣлъ послѣдствія такого открытаго сопротивленія. Онъ приказалъ всѣмъ жителямъ оставить какъ можно скорѣе Модинъ. Вся мѣстность вокругъ изобиловала пещерами, оврагами и ущельями; нѣкоторые изъ нихъ были недоступны для незнакомыхъ съ мѣстностью и потому служили хорошей защитой противъ нападенія. Смѣлый подвигъ благочестиваго старика скоро распространился повсюду и вызвалъ вездѣ громкое одобреніе. Многіе, родственные съ нимъ по образу мыслей, отыскивали его въ его убежищѣ, готовые раздѣлить съ нимъ участь и помогать ему. Такъ въ короткое время значительно возросло число его приверженцевъ, которое онъ еще умножалъ и подкрѣплялъ своею самоувѣренностью. Но и враждебные противники не оставались бездѣтельными. Правитель Іерусалима, который жестокостью и кровожадностью, гдѣ только было возможно, превосходилъ еще своего повелителя, явился съ отрядомъ войска въ ту мѣстность и обшарилъ всѣ скрытыя мѣста. Въ субботу нашелъ онъ въ одной пещерѣ до тысячи чело-вѣкъ. Несчастные не рѣшались вслѣдствіе святости субботняго дня сопротивляться оружіемъ, считая это непозволительнымъ въ субботу. Добровольно, подобно стаду овецъ позволили они перебить себя и безсердечные кровопійцы не оказывали безоружнымъ ни пощады, ни состраданія. Матаѳія былъ извѣщенъ объ этомъ потрясающемъ событіи. Съ глубокою скорбью обратился онъ къ своимъ друзьямъ: «до чего мы дойдемъ, если станемъ такъ поступать? Наши враги будутъ съ намѣреніемъ пользоваться суб-ботой, чтобы совершенно уничтожить насъ!» Поэтому онъ пред-лагалъ слѣдующее: «суббота священна для насъ; мы никогда не станемъ сражаться въ этотъ день отдохновенія, но если на насъ нападаютъ, то мы должны считать позволительнымъ защищаться по необходимости оружіемъ и прогонять врага!» Эта вынужденная мѣра нашла сочувствіе среди большинства его приверженцевъ, потому что они считали сохраненіе священной обязанности, предъ которою строгость субботняго дня въ минуту опасности должна была оставаться на второмъ планѣ. Однако меньшин-ство, не одобрявшее этого, думало, что человѣкъ не уполно-

мочень нарушать божественныя постановленія. Законъ долженъ быть соблюдаемъ, говорили они, при всѣхъ обстоятельствахъ; человекъ можетъ оставить жизнь, но никогда не смѣетъ забыть небесный законъ». Сторонники этихъ мнѣній съ негодованіемъ удалились отъ Матаѳіи, отказались отъ всякаго участія въ борьбѣ и выбрали пустыню своимъ мѣстопробываніемъ. Они жили среди самыхъ тяжкихъ лишеній, не заботясь нисколько о мірскихъ дѣлахъ, исключительно преданные религіи и духовному созерцанію божественнаго закона. Эти слишкомъ мнительныя Хассиды въ послѣдствіи навсегда удержали такой образъ жизни.

Мы еще довольно часто будемъ встрѣчаться со сторонниками подобныхъ воззрѣній: ихъ образъ мыслей перешелъ въ наслѣдство къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, которые были прозваны «Эссейянами» или «Ессеями».

Возвратимся теперь къ Матаѳіи. Правитель не насытился еще кровью тысячи тѣхъ безоружныхъ евреевъ; онъ выслѣживалъ дальнѣйшихъ жертвъ, именно старался овладѣть мятежниками противъ царской воли. Всѣ пещеры и ущелья были обысканы: ни крутизна скалъ, ни глубина овраговъ не служили для нихъ препятствіемъ. Наконецъ, нашелъ онъ Матаѳію съ его приверженцами въ одномъ скрытомъ мѣстѣ. Его кровожадная душа ликовала: онъ опять надѣялся сыграть легкую игру, пожать дешевые лавры; въѣдъ и эти были плоховооруженные, неопытные въ войнѣ, простиравшіе руки къ небу, умѣвшіе только складывать ихъ для молитвы, а не дѣйствовать ими мечемъ. Но что это?—мечта или дѣйствительность!—«Не намъ, не намъ, о Боже, а имени Твоему дай славу! Зачѣмъ говорятъ народы: гдѣ вашъ Богъ?»—Такъ восклицали обреченные на смерть, и звуки ихъ дико раздавались, подобно глухимъ ударамъ грома. Укрѣпленная вѣрою и ободренная духомъ, выступила потомъ противъ враговъ небольшая толпа обученныхъ и хорошо вооруженныхъ воиновъ. Огненная молнія воспламенила ихъ глаза, руки были гибки и закалены, каждый ударъ былъ тяжелымъ, истребительнымъ ударомъ, каждый толчекъ—смертельнымъ толчкомъ: какъ трава предъ косаремъ, валились ряды сирійцевъ; остатки разсыпались въ дикомъ бѣгствѣ. Гордый правитель, твердо увѣренный въ побѣдѣ, долженъ былъ теперь узнать, что справедливо говорить псаломъ: «не на силу коня смотритъ Онъ, не къ быстротѣ ногъ человѣческихъ благоволитъ, — благоволитъ Господь къ боящимся Его, къ уповающимъ на милость Его». Предъ его глазами совершилось чудо: маленькій Давидъ снова билъ Галіаа. Огорченный, поражен-

ный, вернулся правитель въ Иерусалимъ; и щить его славы былъ жестоко продыравленъ, его гордость военачальника глубоко унижена, его геройскій духъ сильно упалъ. Что могутъ совершить пламенное одушевленіе и отчаяніе,—это могъ-бы онъ теперь рассказать, потому что самъ это испыталъ.

Насколько мраченъ и разстроенъ былъ безсердечный палачъ безсердечнаго царя, настолько радостны и веселы были прославлявшіеся побѣдою. «Пойте Господу новую пѣснь, его хвала пусть раздастся въ обществѣ благочестивыхъ!» торжественно возглашали они, пѣснями и звономъ славили Бога, могущество Котораго проявилось такимъ очевиднымъ образомъ. Послѣ этого Матаѳія во главѣ своего отряда обошелъ страну, уничтожалъ всѣ жертвенники, кумиры, статуи, истреблялъ всякій слѣдъ идолопоклонства, совершалъ обрѣзаніе дѣтей, побуждалъ всѣхъ къ твердой вѣрѣ, къ правильному исполненію религіозныхъ обрядовъ, и его наставленія были тѣмъ внушительнѣе и дѣйствительнѣе, что ихъ подкрѣпляла его славная побѣда.

Но дряхлый и удрученный годами Матаѳія не долго могъ выносить обиліе трудностей, усилій, волненій, которыя возложила на него пламенная ревность къ Богу. Его духъ и воля были крѣпче, чѣмъ физическая сила, которой онъ слишкомъ много довѣрялъ. Онъ упалъ на одрѣ болѣзни и чувствовалъ, что уже никогда не оставитъ его. Съ благочестивою покорностью смотрѣлъ онъ на встрѣчу своей смерти и его душу наполняло только одно желаніе: совершенно сломать оковы невыносимаго насилія совѣсти, вполне снять съ еврейскаго народа весь религіозный гнетъ. Это было его послѣднимъ желаніемъ. Своимъ пятерымъ сыновьямъ, стоявшимъ вокругъ смертнаго одра, повѣдалъ онъ его, какъ свое отцовское завѣщаніе, увѣщавъ ихъ вложить мечъ въ ножны не прежде, чѣмъ они не возвратятъ религіи въ полной мѣрѣ принадлежащей ей свободы. Своего второго сына, Симона онъ назначилъ совѣтникомъ, а третьяго, Иуду—начальникомъ въ борьбѣ. Остальные Іохананъ, Елеазаръ и Іонасанъ должны были имъ добровольно повиноваться и дѣйствовать по ихъ указаніямъ.

Сыновья свято обѣщали умирающему исполнить его завѣщаніе, и эта торжественная минута была послѣднимъ душевнымъ наслажденіемъ на землѣ удалявшагося въ другой міръ патріарха. Еще разъ блеснули полныя благодарности усталые глаза благочестиваго старца и потомъ закрылись навсегда. Спокойно и тихо оставила небесная душа въ 166 г. до Р. Х. дряхлое тѣло. Съ глубокою

скорбью и слезами были опущены въ могилу въ Модинѣ бранные останки. Слагою своего народа выслано ложе Матаѳи, въ которомъ онъ покойся сномъ праведника.

IV.

Иуда Маккавей.

Сыновья не могли долго оплакивать невознаградимую потерю своего благочестиваго отца. Звуки военной трубы пробудили ихъ отъ тупого унынія къ кровавой игрѣ, гдѣ жизнь ставилась на карту.

Пораженіе Іерусалимскаго правителя было для могущественнаго сирійскаго государства національнымъ позоромъ, крупнымъ пятномъ на щитѣ чести, которое нужно было стереть, какъ можно скорѣе. Опытный военачальникъ двинулся съ отборнымъ войскомъ противъ братьевъ Хасмонеевъ. Съ насмѣшкою и презрѣніемъ смотрѣлъ привыкшій къ побѣдамъ полководецъ на небольшую горсть плохо-вооруженныхъ, невоинственныхъ мятежниковъ, которые дерзко осмѣлились возстать противъ такого гордаго государства, обладающаго неистощимыми вспомогательными источниками. Борьба съ этими бунтовщиками, также казалась ему лишь дѣтскою игрою. Однако, онъ жестоко поплатился за столь низкое мнѣніе о противникахъ. Храбрые и хорошо вооруженные сирійцы напоили поле битвы своею кровью; между убитыми былъ и самъ начальникъ. Иуда Хасмонеи пожалъ первые лавры. Взятое въ добычу оружіе перешло во владѣніе побѣдителей, а мечъ начальника Иуда носилъ съ тѣхъ поръ во всѣхъ дальнѣйшихъ сраженіяхъ. Уже въ томъ-же году одержалъ онъ еще болѣе блистательную побѣду надъ непріятельскимъ войскомъ, далеко превосходившимъ его по числу, а вмѣстѣ съ блестящимъ исходомъ возрасли его мужество, его довѣріе къ Богу, его самоувѣренность.

Иуда получилъ отъ своихъ современниковъ почетное имя Маккаби. О значеніи этого эпитета существуетъ нѣсколько мнѣній. Одни разумѣютъ подъ нимъ «молотобойца» подобно тому, какъ нѣмцы въ 732 г. по Р. Х. называли «молотобойцемъ» Карла Мартела, одного изъ своихъ побѣдоносныхъ королей. Другіе по четыремъ буквамъ (м, к, б, и) читали въ немъ имя: «Матаѳія когенъ (священникъ) бенъ—Іохананъ». Такимъ образомъ это имя служило памятникомъ славы для его отца. Нѣкоторые думали найти въ тѣхъ четырехъ

буквахъ указаніе на библейское мѣсто: «кто среди могущественныхъ равенъ Тебѣ, Превѣчный?». Они полагали, что это еврейское изреченіе было девизомъ на знамени Іуды и его военнымъ кликомъ. Но какъ-бы то ни было, Іуда получилъ съ тѣхъ поръ славное прозваніе «Маккаби» или «Маккавея», окружилъ его постоянно возроставшимъ блескомъ такъ, что оно осталось за его преемниками, называвшимися по своему родоначальнику также и «Хасмонейми».

Геройскіе подвиги Маккавея распалили гнѣвъ Антіоха Епифана до крайней степени. Въ своей необузданной ярости поклялся онъ уничтожить этихъ зачинщиковъ однимъ тяжкимъ ударомъ. Онъ послалъ противъ Іуды отборного, одного изъ своихъ искуснѣйшихъ стратеговъ съ 40.000 войска, который въ своей мнимой увѣренности въ побѣдѣ привелъ съ собой уже торговцевъ невольниками, чтобы продать имъ плѣнныхъ. Іуда могъ располагать только 6.000 человекъ. Послѣ трехъ дней молитвы, покаянья и поста онъ съ этою незначительною горстью бросился въ ряды враговъ съ такимъ ожесточеніемъ, что разсѣялъ послѣднихъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, нагромоздилъ горы труповъ и снова пришелъ съ поля битвы побѣдителемъ съ ликованіями и веселыми пѣснями. Добыча, состоящая изъ оружія и цѣнныхъ предметовъ, была весьма велика, такъ какъ имъ въ руки достались и деньги торговцевъ невольниками. Іуда Маккавей прослылъ героемъ дня. Его имя наводило страхъ, вызывало благословенія, извлекало проклятія, смотря по тому, другъ или врагъ произносилъ его, но оно безъ исключенія служило предметомъ удивленія и изумленія каждаго. Укрѣпленный искреннимъ упованіемъ на провидѣніе, совершилъ онъ теперь походы по всѣмъ на правленіямъ для спасенія своихъ единоплеменныхъ братьевъ. Гдѣ онъ зналъ, что ихъ притѣсняютъ и ненавидятъ, откуда къ нему доносились ихъ вопли и мольбы, тамъ быстро, будто на орлиныхъ крыльяхъ, появлялся онъ къ нимъ на помощь. Такъ онъ рубилъ на югѣ Идумеянъ, на востокѣ Аммонитянъ въ ихъ собственной области, разрушилъ у нихъ много селеній и укрѣпленныхъ мѣстъ и заставилъ ихъ трепетать. Они болѣе не осмѣливались причинять Іудеямъ несправедливости.

Антіохъ Епифанъ кипѣлъ неистовымъ бѣшенствомъ, когда увидѣлъ, что и этотъ всегда побѣждавшій полководецъ палъ въ борьбѣ. Онъ отправилъ еще разъ въ Іудею Лизія, одного изъ извѣстнѣйшихъ стратеговъ, чтобы истребить всѣхъ жителей страны и заселить ее новыми поселенцами. Войско Лизія состояло изъ 5000 всадниковъ и 60.000 пѣхоты. Іуда Маккавей могъ противопоставить этой

весьма значительной арміи только 10.000 человекъ. Но недостававшее количество людей вознаграждалось пылкимъ одушевленіемъ, которое воспламенило каждого. Вслѣдствіе этого небольшая горсть евреевъ начала среди полчищъ Лизія кровавую рѣзню съ такою страшною силою, какъ только можно себя представить; остатки войска въ безумномъ отчаяніи разсѣялись во всѣ четыре стороны. Лавры Іуды становились все благоуханнѣе, великолѣпнѣе и пышнѣе.

Кто, однако, сумѣетъ перечувствовать душевную скорбь Антиоха Епифана? Менелай все это время находился вдали отъ театра дѣйствій, этотъ извергъ своего народа едва-ли имѣлъ мужество показаться открыто или выступить противъ царя.

Теперь только Іуда Маккавей рѣшился идти на Іерусалимъ, гдѣ въ крѣпости Акрѣ на самой высокой части города засѣлъ сильный сирийскій отрядъ. Іуда не обратилъ на него вниманія, а тотъ не показывалъ никакихъ признаковъ жизни; сопровождаемый вѣрными воинами, онъ вышелъ на дорогу, прошелъ черезъ ворота столицы и безпрепятственно достигъ священной горы Моріи. Здѣсь ихъ глазамъ предстала ужасная и страшная картина вандальскаго разрушенія: ворота и двери лежали въ обломкахъ, стѣны почернѣли отъ огня, на дворахъ выросла дикая трава, внутренность храма была безчеловѣчнымъ образомъ разрушена и гнусно опозорена, на алтарѣ находился меньшій жертвенникъ, посвященный языческому Зевсу и окруженный идолами и эмблемами. Куда ни обращали они свои взоры, вездѣ, подобно привидѣніямъ, смотрѣли на нихъ возбуждавшія ужасъ ночныя изображенія. Іуда и Хасиды, его окружавшіе, долго стояли неподвижно, сокрушенные скорбью; чувство боли отняло у нихъ языкъ, ни одинъ звукъ не нарушилъ торжественной тишины священной грусти. Но, наконецъ, они должны были ободриться: не для того, чтобы безсильно плакать и рыдать, но чтобы исцѣлять и помогать, совершили они далекое путешествіе сюда, и такъ поступили они на самомъ дѣлѣ. Какъ можно быстрѣе, поправили они зло, очистили храмъ, воздвигли новый жертвенникъ, и 25-го Кислева (Декабря) праздновали восьмидневный праздникъ освященія, Ханука. Въ этотъ-же самый день тремя годами раньше было приостановлено богослуженіе. Съ какимъ счастливымъ и радостнымъ чувствомъ въ этотъ день народъ вступалъ въ возстановленный и сіяющій храмъ, съ какою искренностью пѣлъ онъ отъ глубины души громкія «Аллилуіа», можетъ вообразить только тотъ, кто обладаетъ способностью вполне представить себя то время. Іуда Маккавей и его друзья рѣ-

пили ежегодно торжественно праздновать эти памятные дни. и потомство до настоящего времени чтить и цѣнить ихъ постановленіе и въ теченіе восьми дней празднуетъ хвалебными молитвами свѣтлый праздникъ, Хануку, и зажигаетъ свѣчи въ домѣ Божіемъ и въ семейномъ кругу. Съ глубокимъ благоговѣніемъ вспоминаютъ они престарѣлаго Матаію, народнаго героя Іуду, его славныя побѣды. Съ благодарностью направляются взоры къ небу, которое «рѣшило ихъ споръ, дало восторжествовать ихъ праву, предало сильныхъ въ руки слабыхъ, многихъ въ руки немногихъ, безбожныхъ въ руки благочестивыхъ».

Всегда дѣятельная сага постаралась также и блестящій праздникъ освятить, Хануку, украсить какими нибудь чудесами. Именно она рассказываетъ слѣдующее: «при освятеніи храма нашли только одну кружку масла, которой едва было-бы достаточно на одинъ день. Но пламя чудеснымъ образомъ не погасало въ теченіи восьми дней, поэтому и праздникъ продолжается восемь дней». Однако, мы не можемъ скрыть непріятной правды, что праздникъ Ханука въ настоящее время не пользуется тѣмъ уваженіемъ, какого онъ заслуживалъ-бы по своему значенію. Онъ, долженъ быть возвышенъ до степени радостнаго семейнаго торжества. Богослуженіе въ храмѣ съ тѣхъ поръ правильно совершалось по всѣмъ обычаямъ и обрядамъ въ продолженіи 234 лѣтъ. Не смотря на то для Іуды Маккавея время мира и покоя было все еще далеко; долго еще не смѣлъ онъ снимать съ себя доспѣхи. Онъ позаботился обезопасить Сіонъ отъ нападеній, возведя укрѣпленныя насыпи и помѣстивъ отрядъ воиновъ; затѣмъ велѣлъ выстроить крѣпости на границахъ страны. Въ сосѣднихъ съ Палестиною земляхъ іудеи терпѣли притѣсненія отъ языческихъ племенъ; они умоляли Іуду о помощи, и онъ съ быстротою молніи появлялся повсюду и вездѣ шествовалъ отъ одной побѣды къ другой. Тамъ, гдѣ онъ зналъ, что его соплеменникамъ не вполне безопасно, онъ вводилъ ихъ съ собою и давалъ имъ въ странѣ мѣста для жительства. Теперь Іуда намѣревался изгнать изъ Іерусалима сирійскій отрядъ, но вдругъ до него дошло извѣстіе, что Антиохъ Епифанъ умеръ. Конецъ этого чудовища былъ страшенъ. Увеличившіяся побѣды непреодолимаго героя Іуды Маккавея, безсиліе его способнѣйшихъ начальниковъ и опытнѣйшихъ воиновъ дѣйствовали на его голову, подобно горячимъ угольямъ. Съ душевною скорбью видѣлъ онъ, что гнался лишь за тщеславнымъ призракомъ, что посѣялъ кровавыя нивы и что вызвалъ противъ себя страшныя привидѣнія мести и раскаянія; онъ долженъ былъ смиренно покориться

высшей и невидимой силѣ, которая разрушила всѣ его постыдные планы, наказала его за дерзкое намѣреніе поработить умы и стѣснить совѣсть. Эти адскія мученія истерзали надменнаго и гордаго тирана.

Надъ Антиохомъ Епифаномъ явно проявилась сила небесной справедливости. Царь, съ именемъ котораго связана длинная кровавая цѣпь безчеловѣчныхъ жестокостей, кончилъ ужаснымъ образомъ. Онъ хотѣлъ овладѣть многочисленными сокровищами храма Діаны въ Персіи, какъ онъ это сдѣлалъ въ Іерусалимѣ; однако былъ прогнанъ со стыдомъ. Во время отступленія, которое было скорѣе похоже на бѣгство, узналъ онъ въ Вавилонѣ о пораженіи Лизія; полный огорченія Антиохъ сталъ поносить Творца, котораго почиталъ Израиль. Едва только эти богохульные слова вырвались изъ его дерзкихъ устъ, какъ страшная, крайне мучительная и неизлѣчимая болѣзнь поразила его; такъ рассказываетъ даже языческій писатель Поливій. Но неподдающіяся описанію страданія Антиоха послужили къ просвѣщенію его до сихъ поръ ожесточеннаго духа. Онъ призналъ свои мученія наказаніемъ за безчеловѣчныя жестокости, каялся, взывалъ къ Богу о прощеніи и умеръ, наконецъ, ужасною смертію.

Лизій задумалъ послѣ того смыть пятно со своего щита и славы, двинулся снова вмѣстѣ съ молодымъ царемъ Антиохомъ Эвпаторомъ противъ героевъ Маккавеевъ. Войско его состояло изъ 100.000 пѣхоты, 22.000 всадниковъ и 32 слоновъ. На пути въ Іудею приблизился къ новому властелину для присяги давно безъ вѣсти пропадавшій Менелай. Но Лизій принялъ этого измѣнника своего народа съ едва скрываемымъ презрѣніемъ и яростію. «Этотъ негодяй, сказалъ онъ царю, виновникъ всѣхъ бѣдствій». Послѣдній приказалъ бросить Менелая въ пепельную башню въ городѣ Борса; такимъ образомъ, и надъ головою этого человѣка, обремененнаго проклятіями, пробилъ часъ возмездія. Прошло уже десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ коварной измѣной и преступленіемъ достигъ діадемы первосвященника и въ теченіе этого времени унижалъ свое достоинство. Мѣра его пороковъ наполнилась, и исполнѣ имъ заслуженное наказаніе было ужасно. Здоровымъ и крѣпкимъ былъ онъ брошенъ въ пепельную башню. Въ этой подавляющей атмосферѣ, онъ долженъ былъ лежать заживо погребенный на горячей золѣ, предоставленный мучительному голоду и сжигающей жадѣ; ни одна сострадательная душа, ни одна рука помощи не могла принести ему утѣшенія или облегченія. Теперь имѣлъ онъ время подумать о своихъ порокахъ,

теперь выступили передъ нимъ грозныя привидѣнія его преступлений, блѣдныя, выкаливъ зубы и громко обличая его. Онъ терпѣлъ такимъ образомъ, въ одно время и тѣлесныя, и душевныя мученія. пока, наконецъ, не пришла къ нему смерть благодѣтельной избавительницей отъ долгихъ страданій, только вмѣстѣ съ его проклятою жизнью кончились и его невыразимыя муки.

Войско Лизія подвигалось между тѣмъ все впередъ. Иуда Маккавей, не смотря на сильное превосходство непріятеля, нисколько не оробѣлъ. Укрѣпившись душевно трехдневнымъ постомъ и молитвой, хотя и былъ этимъ ослабленъ тѣлесно, воспламененный энтузіазмомъ, бросился онъ со своимъ небольшимъ, но испытаннымъ отрядомъ въ густыя толпы враговъ; подобно разъяреннымъ лвамъ, пробились они сквозь тѣсно сомкнутые ряды, образуя вокругъ себя горы труповъ. Иуда Маккавей украсился лаврами еще одной въ высшей степени блестящей побѣды, а Лизій вновь запятналъ свой щитъ. Къ своему огорченію Иуда долженъ былъ заплатить за триумфъ смертью своего храбраго брата Елеазара. Послѣдній ранилъ снизу весьма красиво вооруженнаго слона, на которомъ онъ подозрѣвалъ царя; огромное животное свалилось на землю и своею тяжестью задавило смѣлаго Елеазара. Лизій заключилъ послѣ этого съ Иудой миръ. Молодой царь отмѣнилъ ограниченія Антиоха Епифана, далъ свободу религіи и удалился; однако, предварительно велѣлъ разрушить стѣны вокругъ Іерусалима. Но смерть, пощадившая царя въ битвѣ, ожидала его по прибытіи въ Антиохію; и онъ и Лизій были убиты. Ихъ убійцей былъ Деметрій I Сотеръ, который вслѣдъ за тѣмъ овладѣлъ сирійскимъ престоломъ.

Въ правленіи этого царя также собралась надъ Іудеей роковая туча. Священникъ Іоакимъ или Алкимъ, товарищъ Язона и Менелая, не останавливаемый плачевнымъ походомъ обоихъ, добился отъ Деметрія первосвященническаго достоинства. Алкимъ, хотя и былъ безпорочнаго происхожденія, но весьма далекъ отъ добродѣтельнаго пути своихъ предковъ. Будучи весьма честолюбивымъ, онъ, какъ эллинистъ, былъ преданъ греческой религіи, которую намѣревался возвысить надъ іудейскою. Главнымъ его препятствіемъ былъ Иуда Маккавей и приверженцы—хасиды послѣдняго. Этихъ онъ хотѣлъ сдѣлать безвредными. Онъ постарался поднять противъ нихъ новаго царя Деметрія, и его безчестное предпріятіе удалось. Деметрій приказалъ вооружить войско, многочисленнѣе и страшнѣе, чѣмъ всѣ предыдущія; однако, исходъ былъ тотъ-же самый. Иуда Маккавей могъ прибавить еще одинъ блестящій отпрыскъ къ своему и такъ

уже густому лавровому вѣнку. Между многими, которые оставили жизнь на полѣ сраженія, находился и вѣнчанный доселѣ побѣдами начальникъ Никаноръ; увѣренный въ побѣдѣ, простеръ руку къ храму и обѣщалъ посвятить его богу Діонису. Въ наказаніе за это Іуда велѣлъ отрубить у него правую руку и отдать птицамъ на съѣденіе.

Сирійскій царь, пораженный извѣстіемъ о такомъ постыдномъ пораженіи, въ ярости поклялся загладить эту ошибку. Подъ начальствомъ Бакхиды отправилъ онъ противъ евреевъ еще болѣе сильное войско, которое устранило всѣхъ жителей. Къ несчастью отрядъ Іуды уменьшился до 800 человекъ. Съ этою незначительною горстью воиновъ совершилъ онъ чудо храбрости, пробивъ правую фалангу гораздо сильнѣйшаго непріятеля, но въ это время на него съ тылу напало лѣвое крыло. Іуда, не смотря на исполинское превосходство, сражался, какъ бѣшеный левъ, умножалъ горы труповъ и потоки крови, но вдругъ его пронзили въ спину мечемъ, и онъ съ хрипомъ упалъ на землю. Такъ умеръ на полѣ чести народный герой Іуда Маккавей въ 161 г. до Р. Х., тою-же смертью, какъ и храбрый Леонидъ 300 лѣтъ назадъ. Его тѣло было опущено въ фамильный склепъ въ Модинѣ. Весь Израиль былъ пораженъ и горько оплакивалъ чувствительную потерю; онъ имѣлъ достаточно основанія жалѣть героя, «который быстрѣе, чѣмъ орелъ, сильнѣе, чѣмъ левъ» былъ въ теченіе шести лѣтъ вѣрнымъ бойцомъ, охранителемъ и защитникомъ своей страны, народа и религіи.

Чтобы оцѣнить по достоинству военныя способности Іуды Маккавея, мы приведемъ слова рыцаря Фоларда, спеціалиста въ этомъ дѣлѣ, который въ 1774 г. писалъ: «отъ Давида до Маккавеевъ евреи вели значительныя войны; мы находимъ храбрыхъ воиновъ, но ни одного полководца, который могъ-бы сравниться съ этимъ героемъ. Исторія ясна и точна въ разсказахъ о битвахъ, о способѣ выстраиваться и сражаться. Переходы, отступленія, переправы черезъ рѣки, вылазки, обшанцеванія, нечаянныя нападенія, однимъ словомъ, все, что великаго и возвышеннаго имѣетъ военная наука, мы находимъ соединеннымъ у Маккавея. Напрасно противостоятъ ему привыкшія къ войнѣ страшныя войска, предводимыя весьма ловкими и опытными полководцами, если даже его силы безконечно меньше, чѣмъ силы противниковъ, все-таки ничто не удержитъ его, ничто не помѣшаетъ ему. Дѣянія этого великаго человека многочисленны, и всѣ свидѣтельствуютъ о его удивительномъ и высокомъ знаніи дѣла. Военные люди пусть сдѣлаютъ ихъ предметомъ своихъ занятій, ибо отсюда

можно многому научиться». Намъ нечего прибавлять къ этому здравому сужденію; однако, мы могли-бы еще упомянуть о замѣчательномъ, которое украшало героя на ряду съ другими необыкновенно высокими достоинствами. Его не украшаютъ ни пышный титулъ, ни громкое своими предками имя; онъ не стремился къ знатности, не носилъ никакихъ блестящихъ отличій; онъ былъ и хотѣлъ остаться не болѣе, какъ тѣмъ, чѣмъ былъ каждый изъ его соратниковъ. Только вѣрѣ, только идеаламъ служила его борьба: въ этомъ отношеніи мы никогда и нигдѣ не найдемъ ему подобнаго въ исторіи.

V.

Оба Іосея.

Мы оставимъ теперь оглушительный шумъ сраженій и звуки оружія и войдемъ въ спокойную семью ученыхъ, гдѣ не слышно ни ликованій побѣдителей, ни воплей побѣжденныхъ, ни стоновъ и хрипа несчастныхъ жертвъ смерти, которая похитила война, безпощадная истребительница цѣлыхъ массъ людей. Въ уютной комнаткѣ сидятъ двое мужей, ихъ почтенныя наружности сохраняютъ серьезное настроеніе. Они всѣми оставлены; обширный храмъ науки опустѣлъ; ученики и слушатели, которые одни оживляли его, разогнаны слугами жестокаго царя; потому-то и лобъ этихъ мужей покрытъ глубокими морщинами и глаза ихъ мрачно смотрятъ въ землю. Они родственны другъ другу и по имени и по образу мыслей, и по душѣ. Нѣкогда они сидѣли въ качествѣ учениковъ предъ Антигономъ изъ Сохо, выслушивали изъ устъ его положенія Мишны о примѣненіи въ жизни Моисеева ученія, и послѣ смерти этого учителя были назначены предсѣдателями коллегіи. Іосей бенъ-Іоазеръ изъ Переды весьма благочестивый священникъ, былъ первымъ и высшимъ въ школѣ ученыхъ; заступающимъ его мѣсто справедливо считался Іосей бенъ-Іохананъ изъ Іерусалима. Несчастія времени глубоко огорчали ихъ; вѣрные пастыри съ прискорбіемъ думали о томъ, что будетъ съ разбѣжавшейся паствой, если она лишится духовной пищи, поученія и указаній. Долго молчали они безпомощно, жестокая боль сковала ихъ языкъ. Наконецъ они воскликнули: «горе! наступило самое печальное время! сбылась пророческая угроза: исчезнетъ мудрость у учителя, познанія у ученаго!»

Но Іосей бенъ Іоазеръ изъ Переды бодро поднялся и сказалъ: «не

бойся, мой братъ! Израиль и его ученіе однажды превозмогли уже подобные грустные дни. Ахазъ, іудейскій царь, отпавъ отъ Бога, велѣлъ запретъ школы и прогнать учениковъ; но Исаѣ, исполненный религіознымъ пыломъ, успѣлъ собрать боговдохновенныхъ юношей, которымъ онъ передалъ священное ученіе. Когда по смерти Ахаза на тронъ вступилъ благочестивый Хизкія, Исаѣ привелъ къ нему своихъ учениковъ и сказалъ радостно: «вотъ я съ дѣтьми, которыя подарилъ мнѣ Господь!»—И отъ Дана до Вирсавіи, по всей странѣ до самыхъ ея крайнихъ предѣловъ каждый снова углубился въ науку и въ изученіе Закона! Точно такъ-же и нынѣшнія бури пройдутъ, небо опять засіяетъ весело и ярко. Но мы послѣдуемъ примѣру Исаи и позаботимся, чтобы въ предстоящемъ лучшемъ времени не было недостатка въ мужахъ, знающихъ Законъ!»

За это смѣлое намѣреніе принялись оба Іосея и привели его въ исполненіе. Синагоги оставались закрытыми, школы пустыми и запертыми. Но не смотря на большую опасность, они, при всей бдительности надсмотрщиковъ и шпионовъ, сумѣли найти учениковъ. Іосей бенъ-Іоазеръ издалъ распоряженія, которыя вошли въ силу и соблюдались еще въ позднѣйшее время. Оба они принадлежали къ хассидамъ, изъ которыхъ тогда состояло зерно народа, которые подъ предводительствомъ Іуды Маккавея одерживали нечеловѣческія побѣды! Поэты и пѣвцы восхваляютъ поэтому хассидовъ, и въ своихъ возвышенныхъ гимнахъ, которые мы отчасти имѣемъ въ псалмахъ, говорятъ: «хассиды торжествуютъ въ почетѣ, ликуютъ въ своемъ лагерѣ; хвала Богу раздастся изъ ихъ устъ, обоюдоострый мечъ сверкаетъ въ ихъ рукѣ» и т. д. Къ этимъ-то, бывшимъ предметомъ глубокаго удивленія и высокой похвалы, борцамъ за религію принадлежали и оба Іосея. Въ то время, какъ ихъ братья съ оружіемъ въ рукахъ сражались на смерть за свободу религіи, они съ неменьшею опасностью старались питать духъ познанія и не дать ему заглухнуть.

Изреченія Іосея изъ Цереды свидѣлствуютъ о его въ высшей степени героическихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ; они гласятъ: «пусть домъ твой будетъ собраніемъ мудрецовъ; не страшись пыли, когда сидишь у ихъ ногъ, и жадно впитывай слова ихъ».

Общественныя школы были заперты и недоступны; но этотъ духовный ревнитель расширенія божественнаго ученія, вопреки тиранической строгости деспота, не хотѣлъ выносить какой-либо остановки въ законовѣдѣніи. Каждый семейный домъ долженъ былъ обратиться въ домъ науки и дать свободный входъ учителямъ и ученикамъ.

Отъ Иосея бенъ Іохананъ мы имѣемъ слѣдующія поученія: «широко открой ворота твоего жилища, и пусть бѣдные будутъ членами твоего семейства; не предавайся слишкомъ бесѣдѣ съ женщинами».

Въ Библии, также и во всѣхъ позднѣйшихъ еврейскихъ сочиненіяхъ, неоднократно упоминается о бѣдныхъ и о лишенныхъ счастья: облегчать ихъ участь убѣдительно вмѣняется каждому въ обязанность. Языкъ Библии не зналъ слова «нищій»; это служить вѣрнымъ доказательствомъ, что таковые не встрѣчались въ Палестинѣ: ученіе Моисея предохранило Іудею отъ этого. Печальные дни безпрестанныхъ столкновений и сраженій увеличили однако несчастія народа до невообразимо ужасной степени. Привычный видъ бѣдствій ослабляетъ ихъ впечатлѣніе, сглаживаетъ и отнимаетъ чувство состраданія, такъ что, наконецъ, сердце становится недоступнымъ, рука закрытою для бѣдныхъ. За подобныхъ-то жестоко обездоленныхъ судьбою и заступається съ теплымъ участіемъ благомыслящій народный учитель. Однако онъ не удовольствовался этимъ смиреннымъ даромъ для угнетенныхъ и безъ того нуждою; напротивъ, онъ хотѣлъ, чтобы на нихъ смотрѣли какъ на членовъ семьи и обращались съ ними почетнымъ и достойнымъ образомъ. Даль-ли гдѣ-либо и когда-либо грекъ, или римлянинъ, или вообще какой-нибудь другой руководитель народа того времени подобное ученіе? Благочестивые хасиды принесли человѣку и деликатность. Если они находили черепки, острые камни, стеклянные осколки, то зарывали ихъ, чтобы ничья нога не ранила себя о нихъ. Очень ревностные во всѣхъ религиозныхъ обрядахъ они также твердо держались указаній человеколюбія.

Если Иосей бенъ Іохананъ въ своемъ изреченіи не обратилъ вниманія на господствовавшій обычай и думалъ ограничить общеніе съ женщинами, то пусть кроткія читательницы не обвиняютъ его за это и дадутъ ему снисхожденіе. Обстоятельства времени вызвали такія строгости. Эллинисты ознакомили сыновъ Палестины со всѣми нравственными и безнравственными обычаями Греціи. Напрасно было-бы искать въ Элладѣ за ничтожными исключеніями женской скромности и благопристойности, супружеской вѣрности и цѣломудрія. Красотѣ прощался всякій порокъ. Этотъ обычай проникъ и въ святую землю, повелъ за собою отпаденіе отъ Бога и нравственности, разрушилъ домашнее спокойствіе, разбилъ семейное счастье и много добродѣтельныхъ душъ ввергъ въ сомнѣнія. Кто-же поэтому могъ-бы обвинить благочестиваго мужа, если онъ свой народъ, во благо котораго жилъ, который любилъ отъ всей души, старался хранить и

защитить, если онъ предостерегалъ его отъ ненужныхъ разговоровъ съ женщиною?

Иосей бенъ Иоэзеръ также сильно сражался противъ губительнаго вліянія язычества и стремился ограничить сношенія съ языческими странами и народами наложеніемъ на нихъ религіознаго запрещенія. Моисеево ученіе о чистотѣ дало ему благопріятную поддержку; оно должно было покрыть Израиля вѣнцомъ святости: «Вы должны быть священными, потому что святъ Я, вашъ Превѣчный Богъ!» гласить одно многоговорящее изреченіе Божественнаго ученія. Никакая нечистая мысль не должна была тревожить умъ, никакое грѣховное желаніе не должно было возмущать сердце; и тѣло, какъ жилище богоподобной души, также слѣдовало оберегать отъ всего позорнаго, противнаго и отвратительнаго. На все это и мѣтитъ ученіе Моисея о чистотѣ жилища, одежды, пищи и тѣла. «Ворота къ нечистотѣ составляютъ входъ къ идолопоклонству», говорила одна разумная народная пословица. Иосей бенъ Иоэзеръ расширеніемъ этихъ законовъ о чистотѣ старался усилить ихъ для того, чтобы предотвратить вторженіе язычества, и его постановленія дѣйствительно получили силу.

О жизни Иосея бенъ Иохананъ мы ничего не можемъ сообщить. О Иосей бенъ Иоэзеръ извѣстна его трагическая кончина, которая въ главныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Вышеупомянутый Иоакимъ или Алкимъ, который со своими предшественниками по должности Язономъ и Менеласомъ дополнилъ триумвиратъ людей, забывшихъ честь и долгъ, былъ весьма знатнаго священническаго происхожденія и близкимъ родственникомъ главы школы Иосея бенъ Иоэзеръ. Когда онъ унаслѣдовалъ послѣ порочнаго Менелая первосвященническую должность, то оставшіеся вѣрными закону вздохнули свободно; они вѣрили, что, наконецъ, опять получили достойнаго носителя высшаго религіознаго достоинства. Многие изъ знатнѣйшихъ и ученѣйшихъ хасидовъ по вступленіи его въ Іерусалимъ лично принесли ему присягу. Однако, слишкомъ поздно замѣтили они свою огромную ошибку. Алкимъ всѣми фибрами своего сердца былъ наклоненъ къ греческой религіи. Когда онъ не сумѣлъ склонить на свою сторону сильныхъ вѣрою хасидовъ, то не остановился даже предъ кровавымъ дѣломъ и приказалъ казнить 60 изъ нихъ. Находясь-ли въ числѣ несчастныхъ жертвъ за непоколебимую вѣрность религіи также и Иосей бенъ Иохананъ, мы не можемъ утверждать, но многое говорить въ пользу этого, такъ какъ одинъ древній источникъ сообщаетъ, что «по смерти обоихъ Иосеевъ угасла школьная дѣятельность, которая до тѣхъ поръ со временемъ

самого Моисея находилась въ постоянномъ дѣйстви». Но Иосей бенъ Иоазеръ, несмотря на то продолжалъ безъ боязни свою обычную дѣятельность и излагалъ Слово и Законъ Божій по прежнему. Алкимъ видѣлъ въ этомъ родственникъ своего сильнѣйшаго противника и неоднократно старался привлечь его къ себѣ. Однажды проѣхалъ онъ на красивомъ конѣ мимо Иосея и сказалъ ему: «смотри, въ какой роскоши я живу, какой блескъ окружаетъ меня! этотъ великолѣпный конь — подарокъ царя. Ты также могъ-бы приобрести царскую милость, если-бы прикнулъ къ моему знамени». Но Иосей бенъ Иоазеръ отвѣтилъ безъ страха: «если Богъ поступаетъ такимъ образомъ съ презрѣвшими религію, то на что-же должны надѣяться отъ Него оставшіеся вѣрными ей?» Эта непреклонная твердость возбудила негодованіе Алкима и дала еще большую пищу его гнѣву. Спустя нѣкоторое время Иосей бенъ Иоазеръ былъ приговоренъ къ смерти и распятъ на крестѣ. Когда онъ былъ уже пригвожденъ къ кресту, Алкимъ обратился къ нему со словами: «видишь-ли ты теперь, какова твоя награда? кто былъ болѣе преданъ Богу и болѣе вѣренъ Закону, чѣмъ ты?» Но тотъ, къ кому были обращены эти слова, несмотря на страшнѣйшія мученія, оставался непоколебимымъ и отвѣтилъ: «если такъ поступаютъ съ оставшимися вѣрными религіи, то какая же участь постигнетъ презрѣвшихъ Бога?» Эти слова и эта стойкость поразили Алкима. Отчаяніе овладѣло имъ; онъ тотчасъ-же наложилъ на себя руки и безъ жизни упалъ на землю. Это видѣлъ умирающій Иосей бенъ Иоазеръ; онъ простилъ раскаявшемуся самоубійцѣ и воскликнулъ утѣшительнымъ голосомъ: «онъ еще раньше меня вступилъ въ рай!» Это были его послѣдніе слова. Очи потупились, дыханіе остановилось, и одинъ изъ благороднѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ мужей скончался.

Только четыре года сіяла первосвященническая діадема на головѣ Алкима. Сколько благословеній могъ-бы просить, сколько страданій могъ-бы облегчить онъ въ свѣтлые дни своего счастья! Но онъ сошелъ съ пути своихъ предковъ, отпалъ отъ своей религіи, предался языческимъ развлеченіямъ и порокамъ; одинъ грѣхъ порождалъ другое, новое и еще большее преступленіе. Этимъ нанесъ онъ кровавыя раны своимъ братьямъ, несомнѣнно умножилъ ихъ бѣдствія и страданія. Но религіозная стойкость Иосея бенъ Иоазеръ, его близкаго родственника, разбудила, наконецъ, его уснувшую совѣсть. Съ отчаяніемъ опомнился онъ и совершилъ надъ собою возмездіе. Подобно царю Саулу, онъ исполнился мужествомъ въ послѣднее мгновеніе и погубилъ свою жизнь, запятнанную безче-

стіемъ и обремененную проклятіями. Но Іосей бенъ Іоазеръ, благородный и благочестивый священникъ, великодушно простилъ Алкиму, хотя послѣдній причинилъ ему самыя жестокія тѣлесныя и душевныя мученія; теперь и мы также бросимъ покрывало любви на темныя дѣянія Алкима: Менелаемъ онъ во всякомъ случаѣ не былъ.

Судьба Язона, Менелая и Алкима показываетъ, что наказаніе всегда слѣдуетъ незамѣтно за порочными поступками, пока оно не настигнетъ, наконецъ, самого злодѣя. Тогда является оно предъ нимъ внезапно, какъ страшное привидѣніе, и никогда не можетъ онъ скрыться отъ него. Поэтому исторія этихъ трехъ мужей, забывшихъ Господа, даетъ весьма поучительную главу, достойную размышленія во всѣ времена. Первосвященническое достоинство, оскверненное этимъ постыднымъ триумvirатомъ, оставалось незанятымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

VI.

Іонаванъ Маккавей.

Плачь и вопли наполнили Іудею при извѣстіи о смерти Іуды Маккавея. Сильная и надежная рука была сломлена; герой, таившій въ своемъ сердцѣ любовь къ своему народу и къ отечеству, лежалъ въ холодной могилѣ въ Модивѣ, оставивъ родину безпомощною, беззащитною, осиротѣлою среди ужасныхъ несчастій. Не было такого вліятельнаго мужа, который своимъ авторитетомъ могъ-бы проложить мостъ черезъ зіяющую пропасть партійнаго раскола, прекратить борьбу господствовавшихъ мнѣній, соединить всѣхъ сыновъ страны въ одинъ тѣсный союзъ. Эллинисты все еще бредили греческой религіей, которая предлагала имъ болѣе заманчивый образъ жизни, чѣмъ строгая и нравственная религія евреевъ. Для сирійской придворной партіи, какъ для близко стоящей къ аристократамъ, ихъ слово имѣло вѣсъ и значеніе, и они вполне воспользовались этимъ во вредъ іудейству и своимъ единоплеменникамъ, противъ которыхъ они неумолимо натравливали, раздували и поджигали гнѣвъ царя. Къ острому топору они услужливо прилагали рукоятку. Теперь ихъ опаснѣйшій противникъ лежитъ въ гробу, и они выше чѣмъ прежде подняли свою голову.

Упорно противостали хасиды этимъ отступникамъ отъ священнаго союза, этимъ измѣнникамъ, безбожникамъ, нарушителямъ За-

кона. Для нихъ земля съ ея наслажденіями и прелестями не имѣла цѣны и должна была быть избѣгаема; религія наполняла всѣ тайники ихъ души, Законъ вызывалъ у нихъ полную дѣятельность ихъ мыслящихъ способностей. Если они видѣли, что Закону и Божественному ученію угрожаетъ опасность, то сильное одушевленіе гнало ихъ въ битву, гдѣ они съ холоднымъ презрѣніемъ къ смерти смотрѣли въ глаза опасности. Страдальцы на войнѣ прослыли потомъ героями, совершившими сверхъестественныя подвиги. Последнее они обнаружили подѣ начальствомъ Іуды Маккавея. Но когда храмъ опять вознесся съ блескомъ, когда богослуженіе стали снова отправлять надлежащимъ образомъ и оковы, наложенныя на совѣсть, были сломлены, тогда, естественно, наступило утомленіе ихъ силъ. Они промѣняли оружіе на плугъ, возвратились къ своимъ невоздѣланнымъ полямъ, къ занятіямъ законами; поэтому Іуда Маккавей въ послѣдней битвѣ съ Бакхидомъ, сильнымъ сирійскимъ полководцемъ, могъ противопоставить только небольшое число воиновъ и долженъ былъ самъ погибнуть при Элазѣ. Сверхъ того значительная часть хасидовъ осталась недовольною поступкомъ Іуды Маккавея. Посрамленія и оскверненія священнаго божественнаго мѣста языческими изображеніями и статуями они не могли ни забыть, ни перенести. Возстановленіе храма, оскверненнаго подобнымъ образомъ, не нравилось этой партіи. По ея строгому воззрѣнію, его слѣдовало-бы совершенно сломать и выстроить сызнова отъ основанія. Такъ какъ этого не было исполнено, то сторонники такого убѣжденія, раздосадованные и недовольные, удалились въ уединеніе, избѣгали общества и болѣе не посѣщали храма. Впослѣдствіи они образовали союзъ Эссеевъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше.

Между тѣмъ какъ эллинисты предались чувственнымъ удовольствіямъ, а хасиды или назиреи исключительно посвящали себя небу, Хасмонеи или Маккавеи и ихъ приверженцы положили назначеніемъ своей жизни вполнѣ освободить страну отъ гнетущаго ига безнравственныхъ сврійцевъ и добиться ея свободы и самостоятельности. Они хотѣли, чтобы Іудея сдѣлалась независимою не только въ религіозномъ отношеніи, но и въ политическомъ; эта блестящая цѣль уже парила въ геройской душѣ Іуды. Чтобы достигнуть ея, заключилъ онъ союзъ съ иностранными державами: съ римлянами, могущественными владыками міра, и съ Митридатомъ I, царемъ Парфянскимъ, который владѣлъ низменными землями Евфрата. Однако это искательство иностраннаго расположенія казалось хасидамъ сомнѣніемъ во всемогуществѣ Божіемъ, малодушіемъ и религіозною сла-

бостью. Поэтому ореолъ славы хасмонеевъ въ ихъ глазахъ сильно померкъ. Одинъ изъ ихъ вожаковъ обратился съ упрекомъ къ Маккавеймъ: «развѣ въ псалмѣ не сказано: лучше надѣяться на Бога, чѣмъ на людей? — Развѣ Іеремія не говоритъ: «да будетъ проклятъ тотъ, кто ищетъ защиты у людей, но благословенъ, кто уповаеть на Господа; тому Богъ будетъ опорой?» — Такимъ образомъ, связь народнаго единства была сильно потрясена, внутри господствовала разрозненность, въ то время, когда болѣе чѣмъ когда-либо требовались твердое единодушіе и тѣсное взаимное довѣріе. Положеніе народа было ужасное. Религіознымъ главою былъ Алкимъ первосвященникъ, сторонникъ эллинистовъ, враговъ народа. Со смертью обоихъ Иосеевъ школы также осиротѣли, а «Совѣтъ старцевъ» болѣе не существовалъ. Кромѣ того, въ странѣ былъ голодъ; нужда и бѣдность неприятными гостями появились въ домахъ. Къ довершенію бѣдствій, стоялъ въ странѣ Бакхидъ со своимъ значительнымъ войскомъ; Іерусалимъ былъ въ его рукахъ; враги проникали все дальше, тѣснили и угнетали жителей. «Въ странѣ была столь велика печаль, какой не было еще съ тѣхъ поръ какъ перестали пророки въ Израилѣ», говоритъ одинъ источникъ объ этомъ печальномъ времени. Бѣдная Іудея! — Достойный сожалѣнія народъ! Терзаемый внутри, притѣсняемый извнѣ, предоставленный самымъ жестокимъ лишеніямъ, безъ главы, безъ утѣшенія отъ кого-нибудь, безъ наставленій — можно-ли было еще надѣяться въ избытокъ такого бѣдствія на лучшіе, ясные и счастливые дни? Все-таки онъ не потерялъ ни мужества, ни надежды, и вотъ, тяжелыя невзгоды исчезли и снова наступило болѣе счастливое время!

Изъ пяти сыновей Матаѳи остались въ живыхъ еще трое: Симонъ, Іохананъ и Іонафанъ. Самый младшій изъ нихъ принявъ вышшее изъ рукъ умирающаго Іуды знамя и съ непреклоннымъ мужествомъ сталъ во главѣ осиротѣвшаго народа. Изъ предосторожности не рѣшился онъ на отважный бой съ сильнѣйшимъ Бакхидомъ и отступилъ въ пустыню, гдѣ и укрѣпился. Женщинъ и дѣтей онъ отослалъ къ одному дружественному кочевому племени съ братомъ Іохананомъ; но на дорогѣ послѣдній подвергся нападенію со стороны арабовъ и былъ убитъ, со всѣми, которые вручены были его попеченію. Впослѣдствіи Іонафанъ отомстилъ за этотъ гнусный кровавый поступокъ; но какую пользу могло принести несчастнымъ жертвамъ это позднее возмездіе? Для того, кто скрытъ въ гробу, всѣ дальнѣйшія земныя дѣла напрасны. — Еще одинъ храбрый сынъ Матаѳи сошелъ въ могилу съ поприща своей дѣятельности. Но и жизни обоихъ оставшихся сыновей угрожала тысяча опасностей. При си-

рійскомъ дворѣ ихъ ненавидѣли, какъ возмутителей и мятежниковъ, и даже головы ихъ были оцѣнены. Эллинисты, которые видѣли въ Маккавеехъ ревностнѣйшихъ противниковъ своимъ стремленіямъ, старались погубить ихъ; они стали служить Бакхиду въ качествѣ шпіоновъ. Послѣдній напалъ однажды на Маккавеевъ въ субботу; они погибли-бы вмѣстѣ со своимъ небольшимъ отрядомъ, еслибы не спаслись вплавь черезъ рѣку Іорданъ. Бакхидъ овладѣлъ, такимъ образомъ, правымъ берегомъ Іордана, и думалъ водворить тамъ навсегда сирійское владычество; во многихъ мѣстахъ выстроилъ онъ крѣпости, куда посадилъ гарнизоны. Въ Іерусалимѣ владѣлъ онъ Акрой, главною частью города; знатнѣйшіе жители страны выдали въ заложники своихъ сыновей, которые должны были служить порукою за сохраненіе спокойствія. Цѣлый годъ оставался Бакхидъ въ странѣ. Всѣ приобрѣтенія казались потерянными. Хасмонеи оставались въ своемъ убожищѣ. Наконецъ, Бакхидъ удался домой. Іудея была теперь совершенно покорена, страданія и гнетъ глубоко разорили ее, и притѣснитель уже думалъ, что ему больше нечего бояться за нее. Но недалководный человѣкъ жестоко обманывался. Маккавеи, не взирая на все это, по своей врожденной храбрости оставались непреклонными, и сторонники ихъ также не отчаивались отстоять свою любимую землю. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ перемирія маккавейскіе вожди собрали новыя войска. Эллинисты прослышали объ этомъ, и чтобы склонить сирійскій дворъ на свою сторону сдѣлались измѣнниками своего народа, религіи и отечества. Они лелѣяли постыдный планъ умертвить сыновей Матаѳіи, но это коварство худо пришлось имъ. Іонаѳанъ и Симонъ во-время узнали объ ихъ гнусныхъ намѣреніяхъ, напали на нихъ и наказали злоумышленниковъ весьма чувствительно. Послѣдніе обратились съ жалобою къ царскому двору, и Бакхидъ снова появился въ странѣ съ значительными силами. Въ этотъ разъ Іонаѳанъ началъ битву, и Бакхидъ потерпѣлъ такое пораженіе, что принужденъ былъ войти въ мирныя переговоры съ Іонаѳаномъ; а изъ числа Эллинистовъ онъ приказалъ умертвить тѣхъ, благодаря доносу которыхъ онъ получилъ столь позорный урокъ. Эллинисты пожали теперь плоды своего постыднаго посява; они бѣжали въ Акру и не осмѣливались болѣе обращать на себя вниманіе другихъ. Сирійцами они были оставлены, а своими единоплеменниками ненавидимы; вѣдь они причиняли имъ въ теченіе столькихъ лѣтъ невыразимыя страданія и бѣдствія! По ихъ собственной винѣ братскій союзъ совершенно распался. Четыре года (156—152) длилось спокойствіе. Этотъ отдыхъ послѣ

продолжительныхъ бурь, кровавыхъ сраженій и жестокихъ притѣсненій былъ полезенъ странѣ. Народъ снова ожилъ, могъ поселиться и подкрѣпить свои силы въ тѣни виноградниковъ и фиговыхъ деревьевъ; онъ усердно работалъ до поту, чтобы овладѣть сокровищами родной земли, а послѣдняя щедро и богато сыпала свои дары, наполняя амбары и бочки. Небо ниспосылало солнечное сіяніе и дождь, почва доставляла благословеніе и изобиліе. Небо, бывшее долгое время мрачнымъ, засіяло чистою и свѣтлою синевою: «сѣявшіе со слезами, пожали съ ликованіями».

Между тѣмъ въ Сиріи происходили въ это время невѣроятныя событія. Царь Деметрій I, ослѣпленный неизмѣримою гордостью, преданный расточительности и пріятной бездѣятельности, въ теченіе своего одиннадцатилѣтняго правленія совершенно оттолкнулъ отъ себя сердца народа. Тогда возсталъ противъ него съ цѣлю лишить престола одинъ смѣлый юноша низкаго происхожденія, который составилъ себѣ сильную партію. Въ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ-же какъ и противникъ его Александръ Баласъ, старался снискать расположеніе Ионаана; оба хотѣли соблазнительными обѣщаніями привязать его къ своимъ интересамъ. Деметрій возвратилъ ему іудейскихъ заложниковъ изъ Акры и другихъ крѣпостей и далъ право набрать и вооружить войска. Но Ионаанъ, зная вѣроломство и ненадежность селевкидовъ, считъ болѣе благоразумнымъ стать на сторонѣ враждебнаго царю Александра Баласа. Послѣдній облекъ его достоинствомъ первосвященника, назвалъ своимъ другомъ, возвысилъ до званія вассальнаго князя и подарилъ ему корону и порфиру.

Въ праздникъ Суккотъ (Кушей) 152-го года (до Р. Х.) Ионаанъ явился въ храмѣ, украшенный діадемою первосвященника и великолѣпною золотою одеждою этого почетнаго званія. Семь лѣтъ народъ и храмъ не имѣли носителя этого достоинства. Поэтому, какъ радостно должны были забиться при этомъ явленіи сердца сотенъ тысячъ зрителей, пришедшихъ изъ всѣхъ концовъ страны къ святому празднику и собравшихся на дворѣ храма! Еще не были забыты событія послѣднихъ двадцати лѣтъ, когда кровью напитались стрѣлы, обагрились мечи; когда извнѣ свирѣпствовали враги, а внутри робкій страхъ объялъ умы; когда по всѣмъ закоулкамъ прятались сыщики и шпионы, кровожадные, хищные, всегда готовые разлучить любящія сердца другъ отъ друга, похитить родителей у дѣтей и дѣтей у родителей, заковать ихъ въ цѣпи, увести въ плѣнъ, въ далекія страны, къ чуждому народу, чтобы продать на рынкахъ и

обречь на тяжелыя муки рабства. Всѣ эти невыразимыя бѣдствія были еще въ свѣжей памяти, кровавыя раны едва только закрылись, не говоря уже вылѣчены. Сколь многіе при такихъ чрезыѣрныхъ страданіяхъ малодушно и безнадежно поддались отчаянію. Тѣмъ полезнѣе были для нихъ теперь ослѣпительный блескъ и едва показавшееся возрожденіе. Да! праздникъ Кушей былъ тогда дѣйствительно «временемъ радости», съ восторженнымъ чувствомъ возсылались Неисповѣдному Руководителю всѣхъ судебъ торжественныя пѣсни, полныя благодарности и веселья.

Вскорѣ послѣ того Ионаанъ былъ приглашенъ своимъ другомъ царемъ Александромъ Баласомъ на его бракосочетаніе съ дочерью египетскихъ Птоломеевъ. Онъ явился въ коронѣ и пурпурѣ, какъ равный между равными и пользовался особеннымъ почетомъ. Какъ оживляюще дѣйствовало на него сознаніе, что онъ сидѣлъ между двумя царями равнаго съ ними происхожденія и что предшественники этихъ царей были часто притѣснителями его племени и страны! Ионаанъ могъ гордиться тѣмъ, что возвысилъ свой народъ изъ глубокаго униженія и окружилъ его могуществомъ и значеніемъ.

Между тѣмъ смуты въ Сиріи не приближались къ концу. Деметрій II, сынъ убитаго Деметрія I побѣдилъ Александра Баласа; но Ионаанъ вмѣстѣ со своими десятью тысячами войска успѣшно помогъ своему другу и достигъ этимъ увеличенія іудейскаго государства нѣсколькими пограничными провинціями. Послѣ шестилѣтняго царствованія Александръ Баласъ въ 156 г. до Р. Х. палъ жертвою постыдной измѣны. Но и Деметрій II также старался сохранить дружбу Ионаана и не раскаялся въ этомъ. Жители столицы Антіохіи возмущались и осадили царскій дворецъ; войско также было въ союзѣ съ мятежниками. Деметрію II угрожала неминуемая гибель. Въ эту критическую минуту въ городъ проникъ Ионаанъ со своими войсками и принудилъ возмущившихся положить оружіе и умолять царя о прощеніи. И несмотря на то Деметрій II проявилъ себя вѣроломнымъ и неблагодарнымъ Ионаану. Когда опасность прошла, Селевкидъ навсегда забылъ объ оказанныхъ ему благодареніяхъ и жертвахъ. Впослѣдствіи Деметрій II сдѣлался самымъ непримиримымъ врагомъ своего спасителя Ионаана.

Въ это время противъ сирійскаго царя явился новый врагъ, военачальникъ Трифонъ, который хотѣлъ овладѣть престоломъ въ пользу будто-бы Антіоха, маленькаго сына Александра Баласа. Деметрій II въ 145 г. до Р. Х. принужденъ былъ бѣжать. Ионаанъ, помня свою дружбу съ отцомъ ребенка, поддерживалъ стремленія

Трифона; но послѣдній оказался недостойнымъ чѣловѣкомъ. Онъ притворялся другомъ Ионаана, называлъ его братомъ, далъ Симону званіе сирійскаго полководца, и оба Маккавеи храбро сражались за молодого принца и добились блестящаго исхода. Но негодный и въ высшей степени честолюбивый Трифонъ старался коварно захватить правленіе для себя, а разъ овладѣвъ имъ, умертвить какъ можно скорѣе принца. Исполненію этого безчестнаго замысла препятствовалъ храбрый Ионаанъ, который съ нелицемѣрною вѣрностью охранялъ сына своего умершаго друга Александра Баласа. Извергъ Трифонъ, образецъ хитрости и притворства, сдумалъ сдѣлать Ионаана безвреднымъ. Онъ заманилъ его къ себѣ въ приморскую крѣпость Акко или Птолемаиду, которую предлагалъ ему въ подарокъ. Во главѣ тысячи вооруженныхъ воиновъ вступилъ онъ въ крѣпость и этотъ злополучный шагъ рѣшилъ его печальную участь. Лишь только крѣпостныя ворота затворились за нимъ, какъ всѣ спутники его были перебиты, а самъ онъ обращенъ въ плѣнника. Гнусный измѣнникъ съ безстыдною дерзостью извѣстилъ Симона о своемъ геройскомъ дѣлѣ и оцѣнилъ свободу Ионаана во сто талантовъ.

Симонъ выслалъ немедленно требуемую сумму, но этимъ все-таки не спасъ брата: злодѣй крѣпко содержалъ послѣдняго и вслѣдъ за тѣмъ велѣлъ убить его. Такимъ трагическимъ образомъ закончилъ Ионаанъ свое геройское и славное поприще, покрывъ себя, и свою страну, и народъ новымъ блескомъ. Семнадцать лѣтъ съ 160-го по 143-й годъ до Р. Х. руководилъ онъ своимъ народомъ, твердо, увѣренно и благоразумно держалъ въ рукахъ бразды правленія; счастье покровительствовало его власти до тѣхъ поръ, пока позорная измѣна не прекратила его славной жизни. Однако слава его осталась чистою и незапятнанною. Среди всеобщаго прискорбнаго участія были опущены его бранные останки въ фамильный склепъ въ Модинѣ, гдѣ онъ почилъ возлѣ отца своего Матаѳи и трехъ своихъ братьевъ.

VII.

Симонъ, свободный князь Израильскій.

Такимъ образомъ снова былъ подрубленъ крѣпкій сукъ, полный силы и свѣжести, у могучаго ствола: «паль знаменитый и великій мужъ Израиля, руки котораго не были связаны, ноги не закованы, который палъ такъ, какъ падаютъ отъ руки убійцы». Этотъ вопль

царя Давида на могилѣ Авенира могъ-бы также служить весьма вѣрнымъ отъликомъ и у смертнаго одра Ионаана. Снова лишился іудейскій народъ предмета своей гордости, своего любимца, защитника, спасителя и снова принужденъ былъ надѣть траурную одежду, рыдать и плакать о потерѣ истинной геройской души. Четыре мужественныхъ сына окружили Матаею, лежали подлѣ него среди вѣчной тьмы. Каждый начерталъ стальнымъ рѣзцомъ свое имя въ исторіи іудейской религіи и своихъ единовѣрцевъ, и каждого обвилъ лавровый вѣнокъ неувядаемой славы и благословенія. Только одинъ Симонъ бродилъ еще между живыми и стоялъ уже почти на порогѣ старости, но онъ съумѣлъ сохранить и умственную и тѣлесную силу и свѣжесть молодости. Многія тысячи евреевъ, потрясенныхъ глубокою скорбью и цѣпенѣющимъ ужасомъ, исполненныхъ смущенія, поспѣшили на дворъ храма, лишь только достигло до нихъ печальное извѣстіе о несчастной кончинѣ Ионаана. Съ потемнѣвшими и полными слезъ глазами, съ блѣдными щеками, со лбомъ, изрытымъ многими морщинами, съ глубоко-поникшею головою стояла толпа передъ храмомъ, представляя собою плачевную картину унынія, горести и плача. Громкіе стоны потрясали воздухъ, изъ тысячи душъ и тысячи устъ вырвался одинаковый вопль. Однако Симонъ, котораго ударъ поразилъ самымъ жестокимъ образомъ, первый опомнился, забылъ предъ всеобщимъ горемъ свое собственное и преодолѣлъ свои жгучія раны сердца; онъ, который нуждался болѣе всѣхъ въ утѣшеніи, раздавалъ всѣмъ облегчающія утѣшенія и ободренія. Воспламененный юношескимъ одушевленіемъ, оторвалъ онъ удрученныхъ скорбью отъ отчаянья. Достойный старецъ, убѣленный сѣдинами, полный дѣятельности и силы, выступилъ посреди унывающихъ и плачущихъ и воскликнулъ громкимъ и для всѣхъ слышнымъ голосомъ: «я не лучше моихъ братьевъ, которые для нашей религіи и свободы пожертвовали своею жизнью!» Эти смѣлые и мужественныя слова, какъ-бы чародѣйственною силою привели оцѣпенѣвшую толпу въ сознаніе и, какъ нѣкогда у подношья горы Синая воскликнулъ народъ въ одинъ голосъ, такъ и теперь на вершинѣ Моріи раздался единодушный кликъ тысячи голосовъ: «будь ты теперь нашимъ главою, какъ твои братья Іуда и Ионаанъ!» Это была возвышенная, торжественная и весьма трогательная минута; скорбь и надежда, горе и радость, робкій страхъ и твердая увѣренность боролись въ каждомъ изъ-за власти, и эта душевная борьба ясно выразилась во всѣхъ нотахъ этого восклицанія.

Симонъ сталъ теперь во главѣ народа. Умирающій отецъ Ма-

таѳія въ своемъ завѣщаніи далъ этого сына братьямъ его въ совѣтники. Тѣмъ не менѣ Симонъ былъ не только мудрымъ, проныцательнымъ и благоразумнымъ совѣтникомъ, но и храбрымъ, мужественнымъ и рѣшительнымъ воиномъ. Быстро началъ онъ необходимыя приготовленія, чтобы обезопасить страну отъ нападеній кроваваго Трифона, и его предусмотрительныя мѣры дѣйствительно отвратили отъ страны новую военную опасность. Тотъ негодяй увидѣлъ, что его планы разстроены умными дѣйствіями Симона, и удалился изъ Іудеи, смутами которой думалъ воспользоваться. Уже первое дѣло Симона обнаружило въ немъ энергію и силу воли. До тѣхъ поръ каждый первосвященникъ нуждался въ согласіи правителей страны; онъ долженъ выпрашивать у нихъ эту должность и вносить за нее обыкновенную сумму денегъ. Однако Симонъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ хотѣлъ, чтобы этотъ религіозный первосвященническій санъ былъ разъ навсегда освобожденъ отъ произвола языческихъ властелиновъ и сталъ собственнымъ достоинствомъ іудейскаго народа. Царь Деметрій II Никаторъ, который имѣлъ много хлопотъ съ мятежникомъ Трифономъ и, кромѣ того, несчастливо сражался съ Парминами, старался сохранить добрыя отношенія съ Симономъ, такъ какъ послѣдній могъ быть ему полезнымъ противъ Трифона. Онъ называлъ его въ одномъ, чрезвычайно любезномъ посланіи «другомъ царя», написалъ также и старѣйшинамъ народа необыкновенно благосклонное и милостивое письмо, въ которомъ было сказано: «крѣпости, которыя вы построили, пусть останутся у васъ; умышленныя и неумышленные поступки противъ насъ мы вамъ прощаемъ, также отпускаются вамъ всѣ вины, и вы освобождаетесь отъ всѣхъ налоговъ въ пользу насъ».

Этимъ милостивымъ актомъ сирійскаго царя открылась новая историческая эпоха, начало независимости. Съ этихъ поръ Іудеи начали новую эру и со 142-го до Р. Х. обозначали всѣ грамоты годомъ царствованія «первосвященника, военачальника и народнаго князя Симона». Въ ближайшемъ 141 г. Симонъ очистилъ страну отъ эллинистовъ и уничтожилъ послѣдніе слѣды идолослуженія. Эти осквернители своего народа и вѣры старались въ теченіе 40 лѣтъ подорвать Іудейскую религію, проливали ручьями кровь своихъ единовѣрцевъ, имѣли на своей совѣсти много драгоцѣнныхъ человѣческихъ жизней;—теперь время ихъ окончилось. Беззащитные, безсильные, проклятые скрывались они въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Акрѣ и другихъ крѣпостяхъ. Но Симонъ овладѣлъ и захватилъ всѣхъ эллинистовъ; Акру онъ приказалъ срыть. Не смотря на безсердечныя

жестокости и безчисленные преступленія, въ которыхъ они провинились, Симонъ поступилъ съ ними весьма умѣренно. Онъ далъ имъ три дня для размышленія, чтобы обдумать свое поведеніе. Многие съ раскаяніемъ вернулись въ лоно іудейской религіи. Судьба другихъ неизвѣстна, они могли свободно удалиться. Но эллинизмъ былъ навсегда съ тѣхъ поръ вытѣсненъ изъ Палестины.

Въ Сиріи возпелъ на престолъ новый царь Антиохъ Сидетъ, братъ Деметрія II. Симонъ оказалъ ему помощь противъ Трифона, убійцы Іонаана, который все еще беспокоилъ страну. Царь въ награду утвердилъ за нимъ всѣ приобрѣтенія и сверхъ того въ знакъ независимости предоставилъ ему право чеканить собственную монету; Симонъ воспользовался этимъ правомъ, и многія монеты его времени можно еще найти въ различныхъ нумизматическихъ кабинетахъ.

Чтобы обезпечить новую приобрѣтенную свободу, Симонъ, не смѣя довѣрять вѣроломнымъ царямъ сирійскимъ, стремился возобновить союзъ съ могущественными римлянами. Римъ какъ разъ въ то время покорилъ Грецію и Карфагенъ. Римскій сенатъ снизошелъ на желаніе Симона, и въ 140 г. до Р. Х. извѣстилъ всѣхъ правителей Европы и западной Азіи, что Іудея, какъ союзница, состоитъ подъ римскимъ покровительствомъ. Симонъ думалъ оградить этимъ страну отъ внѣшнихъ враговъ, потому что всѣ народы трепетали предъ могущественнымъ Римомъ; онъ, конечно, не могъ тогда предвидѣть, что этотъ самый Римъ двѣсти лѣтъ спустя задушитъ и растерзаетъ Іудею.

Стремленія Симона къ упроченію продолжительнаго благоденствія своей страны и народа были надлежащимъ образомъ признаны и оцѣнены. Народъ слился съ нимъ воедино. Желая доказать свое искреннее благоговѣніе предъ нимъ, всѣ начальники и представители страны совмѣстно съ почтеннѣйшими и старѣйшими священниками и жителями Іерусалима собрались 28 Элуга (Августъ) 140 г. до Р. Х. на храмовой горѣ и выразили, какъ всеобщее желаніе, чтобы и высшее религіозное достоинство первосвященника, и мірская власть перешли въ наследственное достояніе въ его родѣ. Какъ внѣшній знакъ этихъ достоинствъ, его должна была украшать золотая пряжка и на всѣхъ документахъ выставлено его имя; ему было дано право рѣшать войну, заключать миръ, назначать высшихъ должностныхъ лицъ въ странѣ и храмѣ, а также и военачальниковъ. Эти постановленія были записаны на листѣ, который сохранялся въ архивѣ храма. Симонъ велѣлъ ихъ также вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ и прикрѣпить къ столбамъ на дворѣ храма, гдѣ каждый могъ ихъ ви-

дѣть. Такимъ образомъ Израиль опять имѣлъ собственного избраннаго главу, котораго былъ лишенъ въ теченіе 480 лѣтъ. Страна пользовалась теперь независимостью, самостоятельностью и такими приобрѣтеніями, которыхъ народъ никогда не смѣлъ воображать себѣ такими блестящими. Нѣкогда могущественное сирійское государство все болѣе и болѣе падало. Іудея стонала подъ его скипетромъ 72 года. Теперь Божіей помощью она была освобождена, и Симонъ сталъ называться «свободнымъ княземъ Израильскимъ».

Послѣ продолжительныхъ смутъ и безпорядковъ, послѣ многихъ дней бѣдствій и страха наступило спокойное и мирное время для еврейской націи. Та ужасная ночь съ ея истребительными и губительными бурями и непогодами, которыя вызывали блѣдность на каждомъ лицѣ, заставляли трепетать каждое сердце, грозили уничтожить деревья, цвѣты, плоды,—повидимому прошла. Теперь благотворный западный вѣтеръ нѣжно ласкалъ поля своимъ легкимъ дуновеніемъ; они были покрыты тяжелыми волновавшимися стеблями, зеленою сочною травой, питательными и полезными растеніями, плодовыми деревьями и большими стадами быковъ и овецъ. Все дышало радостью, общало благословеніе. Теперь наступило предначинанное Моисеемъ время, о которомъ онъ говорилъ: «ты будешь ѣсть, насыщаться и благодарить Превѣчнаго за плодоносную землю, которую Онъ далъ тебѣ».

Симонъ углубился теперь, несмотря на свой преклонный возрастъ, въ изученіе Божественнаго Закона и въ этомъ отношеніи служилъ примѣромъ для своего народа. Онъ также старался увеличить и украсить Іерусалимъ. Храмъ засіялъ съ новымъ блескомъ. Онъ пополнилъ похищенные священные сосуды и богослуженіе совершалъ какъ можно торжественнѣе. Если приближался одинъ изъ трехъ памятниковъ праздниковъ, то «дороги Сіона болѣе не плакали», «священники не вздыхали, а молодыя женщины не горевали», какъ нѣкогда жаловался Іеремія, напротивъ, каждый былъ исполненъ отраднымъ чувствомъ веселія, сердце каждого радостно билось отъ священнаго восторга. Внутреннихъ враговъ не было болѣе. Метательное оружіе эллинистовъ, безчестивавшихъ четыре десятилѣтія, обратилось на нихъ-же и смертельно поразило ихъ. Греческая религія и эллинизмъ уложены въ гробъ и похоронены; никто не сожалѣлъ о нихъ. День ихъ смерти былъ для еврейской націи днемъ ликованій, радостно праздновавшимся въ продолженіе многихъ лѣтъ. Всѣми этими счастливыми приобрѣтеніями народъ іудейскій былъ обязанъ набожному Матаѳію, его мужественнымъ сыновьямъ и еди-

номышленникамъ, собравшимся подъ ихъ знаменами. Новыя пѣсни раздавались Господу на Сіонѣ, Его милость восхваляли тысячи голосовъ громкимъ пѣніемъ. То, что началъ Матаѳіа, продолжалъ Іуда, расширилъ Іонаѳанъ и окончилъ Симонъ. Онъ самоотверженно содѣйствовалъ въ значительной степени славнымъ дѣяніямъ своихъ братьевъ, и въ лавровый вѣнокъ, увѣнчавшій ихъ голову, вплелъ нѣсколько прекрасныхъ листьевъ. Теперь старикомъ пожиналъ онъ плоды своихъ стараній и награду за свою благородную скромность. Всѣ сердца любили, благословляли и почитали престарѣлаго Симона и горѣли къ нему пламеннымъ одушевленіемъ. Одинъ древній источникъ, восхваляя время его правленія, говоритъ: «старики могли провести въ покой закатъ своихъ дней, юноши могли радоваться своимъ силамъ, каждый вообще могъ безмятежно и весело сидѣть подъ своими виноградниками и смоковницами». Такая участь составляетъ высшую славу государя; его имя заслуживаетъ быть вырѣзаннымъ золотыми буквами въ лѣтописяхъ исторіи.

Однако, несмотря на всѣ эти благословія, благородному князю не удалось спокойно и мирно окончить свою славную жизнь. Какой-то особенный злой рокъ тяготѣлъ надъ пятью сыновьями Матаѳіа. Каждый изъ нихъ былъ насильно лишенъ своего бытія, прежде чѣмъ тихая рука времени не перерѣжетъ жизненной нити. Симонъ также не среди мира сошелъ въ могилу. Сирійскій царь Антіохъ Сидеть послѣ долгой борьбы сдѣлалъ, наконецъ, безвреднымъ презрѣннаго Трифона и занялъ престолъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ получилъ продажную руку своей невѣстки, супруги брата Деметрія II. Эта женщина, дочь египетскихъ Птолмеевъ, можетъ послужить для насъ представительницей развращеннаго и безнравственнаго язычества и образомъ женскаго безсердечія и невѣрности. Нѣкогда она была женою Александра Баласа, умертвившаго Деметрія I. По убіеніи Александра, она отдала свою руку его убійцѣ Деметрію II. Когда послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ въ странѣ Парѳянъ, она хладнокровно и безучастно отнеслась къ несчастіямъ мужа и осчастливила своимъ согласіемъ его брата Антіоха Сидета, заключивъ съ нимъ предварительное условіе, чтобы онъ сначала отнялъ скипетръ у Трифона; о своемъ плѣнномъ супругѣ она не заботилась. Теперь-же Антіохъ Сидеть могъ радоваться, имѣя въ рукахъ верховное правленіе Сиріей и владѣя своею невѣсткою Клеопатрою. Но, будучи неблагодарнымъ такъ-же, какъ и всѣ Селевкиды, забылъ онъ многочисленныя услуги, которыя оказалъ ему Симонъ при пораженіи Трифона, и сталъ расказывать въ томъ, что выпустилъ Іудею изъ

сирійскаго союза, измышляя средства, какъ-бы снова вернуть ее. Онъ поставилъ Симону крайне несправедливыя требованія, которыя тотъ принужденъ былъ отвергнуть, — и снова военная фурія послѣ продолжительнаго спокойствія подняла свою несущую гибель змѣйную голову. Сирійскій полководецъ Гирканій Кондебай двинулся въ Иудею со многочисленными силами, но, благодаря бдительности Симона, страна была хорошо снабжена какъ пѣшимъ войскомъ, такъ и конницею. Слишкомъ старый для того, чтобы самому находиться въ походахъ, Симонъ вручилъ главное начальство своимъ сыновьямъ Іоханану, Іудѣ и Матаѳи. Они быстро и счастливо отразили непріятеля и побѣдоносно вернулись въ столицу къ своему отцу. За эту блестящую побѣду надъ Гирканіемъ, Іохананъ, старшій сынъ Симона, былъ прозванъ съ тѣхъ поръ Іоанномъ Гирканомъ.

Антиохъ Сидетъ рѣшилъ теперь хитростью погубить Маккавеевъ, препятствовавшихъ его намѣреніямъ, и къ сожалѣнію — мы пишемъ это съ полнымъ нежеланіемъ и глубокимъ прискорбіемъ — зять Симона былъ тотъ, который рѣшился на эту мерзость и послужилъ безчестному и вѣроломному царю орудіемъ ужаснаго преступленія, убійства. Причиною, его побудившаго къ этому, было его неизмѣримое и необузданное честолюбіе. На этомъ опасномъ камнѣ преткновенія уже многія добродѣтельныя души терпѣли крушеніе, очень часто лилейная невинность пятнала себя драгоценною и благородною человѣческою кровью. И въ этотъ разъ далъ онъ убійственную сталь въ руки, до тѣхъ поръ чистыя и не обогрѣнныя кровью лъстивыя обѣщанія сирійскаго царя, обманчивый блескъ и величіе склонили слабаго честолюбца, и онъ попалъ въ сѣти. Ничего не предчувствуя, переступилъ старый Симонъ со своею женою и двумя младшими сыновьями черезъ порогъ дома своего зятя Птолемея бенъ Хабубъ. Незадолго передъ тѣмъ Симонъ, несмотря на свой возрастъ, объѣхалъ страну, чтобы лично познакомиться съ положеніемъ жителей, посмотреть за соблюденіемъ законовъ, за исполненіемъ религіозныхъ и государственныхъ обязанностей. Такимъ образомъ онъ завернулъ также въ Іерихонъ, гдѣ Птоломей былъ начальникомъ крѣпости. Дружественно привѣтствуемый, блистательно обслуживаемый, онъ внезапно во время пріятнаго пира былъ схваченъ и убитъ вмѣстѣ съ сыновьями. Извергъ забылъ о должномъ почтеніи передъ тестемъ, который послѣдлъ на своихъ геройскихъ подвигахъ, о тѣхъ тѣсныхъ узахъ, которыя связывали его съ высокопочтеннымъ княземъ; волшебные призраки его честолюбивыхъ грѣзъ омрачили умъ его, подавили въ немъ всякое благородное движеніе, заставили замолчать

его совѣсть. Страшное злодѣяніе совершилось; Симона, князя и первосвященника, оставила чистая и благородная душа его. Подобно Іонафану, и Симонъ палъ жертвою лицемерной измѣны, которая въ этомъ случаѣ была тѣмъ гнуснѣе, что ее замыслилъ и исполнилъ родственникъ и членъ семейства.

О совершенномъ дѣлѣ убійца черезъ гонцовъ извѣстилъ царя, требуя при томъ немедленной помощи. Нанятые убійцы должны были также умертвить старшаго сына Симона, Іоанна Гиркана. Однако послѣдній во время узналъ объ ужасномъ происшествіи и былъ тотчасъ провозглашенъ пораженными жителями Іерусалима наслѣдникомъ отцовскихъ достоинствъ и принялъ отъ всѣхъ присягу. Убійца напрасно запятналъ свою совѣсть этимъ неискупаемымъ преступленіемъ; ожидаемая награда и блестящія надежды оказались ничтожными и тщетными. Симонъ умеръ въ 135 г. до Р. Х., процарствовавъ со славою восемь лѣтъ. Съ нимъ былъ опущенъ въ семейный склепъ въ Модияѣ, положенъ въ лоно земли послѣдній сынъ Матаѳіа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Картины культуры.

Страна и жители Палестины.

I.

Страна.

Мѣстомъ дѣйствія рассказанныхъ до сихъ поръ событій служила святая земля, небольшая Палестина. При этомъ имени невольно встаютъ предъ нашими глазами свѣтлые образы и картины, которые врѣзались въ насъ еще съ ранняго дѣтства; предъ нами воскресаетъ золотая пора нашей жизни, которая подобно прекрасному сновидѣнiю болѣе не возвращается.

Къ сѣверу отъ Палестины простиралась обширная Сирiя, столица которой Антиохiя лежала на берегу пѣнящагося Оронта; вблизи тянулась красивая долина со своею прославленною пальмовою рощею, которую греческiе жители посвятили богу Аполлону. Негостепримныя пустыни Аравiи окружаютъ Палестину съ востока и юга; на западѣ ее обмываютъ волны Средиземнаго моря. Предъ взорами, обращенными съ острова Кипра къ святой землѣ, открываются на разстоянiи 20-ти миль очертанiя Ливанскихъ горъ, своимъ названiемъ уже указывающихъ на ослѣпительно бѣлый вѣчный снѣгъ, который покрываетъ ихъ вершины и которому не мѣшаютъ даже жгучiе лучи южнаго солнца. Этотъ гигантскiй хребетъ со своими исполинскими, «насажденными Богомъ» кедрами, вдохновлялъ библейскихъ пѣвцовъ и поэтовъ, которые часто посвящали ему свою музу, и давали пророкамъ реальные образы для мощнаго и сильнаго обозначенiя величественныхъ и возвышенныхъ предметовъ. Не только легкокрылую фантазiю восточнаго жителя, но и холоднаго и безпри-

страстного европейца приковывалъ къ себѣ съ непреодолимою силою этотъ очаровательный видъ. Вотъ, послушаемъ, что говоритъ французъ Ламартинъ: «гдѣ—болѣе красивый храмъ, гдѣ—ближе стоящій къ небу алтарь, чѣмъ эти высоты Ливана съ почтенными кедрами, съ высокими сводами изъ огромныхъ вѣтвей, въ тѣни которыхъ молились Богу многочисленныя человѣческія племена, хотя и называя Его различными именами, однако признавая Его во всѣхъ дѣлахъ. удивляясь Его чудесамъ и одинаково Его почитая?!» Кто-же послѣ этого можетъ обвинить Моисея, перваго и величайшаго пророка, за то, что онъ какъ дитя — отца, умолялъ своего Творца: «дай мнѣ перейти туда и увидѣть прекрасную страну, благословенныя горы и Ливанъ!» — И, дѣйствительно, сей горный хребетъ благословенъ рѣдкимъ образомъ. Съ вѣчною зимою на своей льдистой вершинѣ онъ соединялъ вѣчную весну на своемъ лонѣ; у его подошвы обитала плодovitая осень, а лѣтній зной основалъ свой тронъ между его раменами, какъ воспѣвають его арабскіе поэты. Сады, наполненные самыми драгоцѣнными плодами, поля, покрытыя туго-налитыми колосьями, деревья, одѣтыя вѣчно-зеленою листвою, виноградники, увѣшанные крупными и спѣлыми гроздьями, украшаютъ его низменности и долины. Съ вершины кедровъ и теперь еще обозрѣваютъ почти четыреста племенъ, изъ которыхъ однако только немногія ведутъ свое происхожденіе изъ древнѣйшихъ временъ; тѣмъ болѣе сильнымъ должно быть въ настоящее время впечатлѣніе этихъ прославленныхъ въ Библіи деревьевъ. Путешественники прибѣгаютъ къ самымъ сильнымъ выраженіямъ, чтобы описать ихъ по достоинству. «Тамъ стояли предо мною», восклицаетъ Нусзеперъ, древнія священныя деревья, свидѣтели минувшихъ тысячелѣтій, свидѣтели блеска и гибели многихъ народовъ, жившія уже, когда только стали возвышаться великолѣпныя зданія Бальбеки и Пальмиры, живущія и зеленѣющія еще теперь, когда аравитянинъ лѣпитъ свою грязную хижину къ стройной коринѣской колоннѣ!» — Подобнымъ образомъ говоритъ также другой: «какъ храмъ Господень на высокому уединенномъ мѣстѣ, какъ цвѣтушій оазисъ среди обнаженной пустыни стоитъ этотъ небольшой лѣсъ, благоухающій, зеленѣющій, прославленный рѣчами пророковъ, служившій предметомъ удивленія для многихъ тысячъ угасшихъ поколѣній, воспѣтый безсмертными поэтами!» — Параллельно Ливану и отдѣленный отъ него широкою и прекрасною долиною, тянется Антиливанъ, а по Библіи Хермонъ и Сиріонъ. Къ востоку отъ Хермона красуется райски-благоухающій Дамаскъ, обильно осѣненный плодовыми деревьями. Здѣсь въ да-

лекой древности была родина Еліазара, благочестиваго и вѣрнаго служителя Авраама. Еще и въ настоящее время этотъ древній городъ насчитываетъ 200.000 жителей, между которыми 50.000 Іудеевъ, владѣющихъ восемь синагогами. Широкая полоса земли между обоими горными хребтами называлась Целесиріей, за обладаніе которой Селивкиды и Птолемеи неоднократно вели кровавыя войны.

Ливанъ дарить Палестинѣ внизъ текущую рѣку Іорданъ, на берегахъ которой напечатлѣлись стопы почти всѣхъ святыхъ мужей Библіи отъ Авраама до Маккаеевъ. Она течетъ съ сѣвера на югъ, начинаясь у древняго Дана; далѣе образуетъ озеро Меромъ, на которомъ, какъ на Цириницкомъ озерѣ, можно въ продолженіи года сѣять, жать, охотиться и ловить рыбу, затѣмъ Генисаретское или Тиверіадское озеро, длиною въ три мили и шириною въ двѣ, которое остроумный житель востока называетъ «Окомъ окрестностей»; отсюда Іорданъ направляется къ югу мимо Іерихона и впадаетъ въ Мертвое море, гдѣ теряетъ свое имя и существованіе. Оба его берега занимаетъ Палестина, которую нѣкогда заселили двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ; два съ половиною колѣна заняли восточный берегъ, а девять съ половиною—западный.

Во времена Маккаеевъ эта страна раздѣлялась на четыре области: Галилею, Самарію, Іудею на правомъ западномъ берегу Іордана, и Перею—на лѣвомъ, восточномъ.

Галилея занимала площадь въ 90 квадратныхъ миль у подошвы Ливана и Антиливана. Горы и долины чередовались съ равнинами, отличавшимися необыкновеннымъ плодородіемъ и рѣдкою красотою. Это было страна, гдѣ «текли рѣки млека и меду». Іосифъ говоритъ о ней: «отъ Генисаретскаго озера простирается удивительно красивая страна: пышно спѣетъ здѣсь каждое растеніе, пальмы цвѣтутъ возлѣ орѣховыхъ деревьевъ и фигъ, десять мѣсяцевъ въ году земля даетъ вино и оливую». По его словамъ, въ этой области вмѣстѣ со многочисленными деревнями было 204 города съ населеніемъ отъ 1500 до 15.000 жителей. Такъ часто упоминаемыя въ Библіи горы Кармель и Фаворъ находятся здѣсь. Тамъ была также равнина Изреель, извѣстная по многимъ битвамъ, происходившимъ въ ней. Изъ городокъ мы назовемъ Сепфорисъ, Іотапату, Аго или С.-Жанъ д'Аркъ, Назаретъ, Сарепту; каждое изъ этихъ именъ приводитъ на память значительныя историческія событія.

Самарія, вторая область, лежала къ югу отъ Галилеи, отъ которой она отдѣляется линіею, проходящей черезъ Гинею, библейскую Эн-ганимъ, съ востока на западъ. Свое имя эта область

получила отъ города Самаріи, построеннаго Амвріемъ, отцомъ Ахава, за 930 лѣтъ до Р. Х. и назначеннаго имъ столицею Израильскаго царства. Здѣсь находился древній Сихемъ, теперь Наблусъ, гдѣ былъ погребенъ Іосифъ, съ горами Геризимъ и Эбаль, которыя Моисей торжественно благословилъ и проклялъ. Геризимъ былъ и теперь служить священнымъ мѣстомъ для Самарянъ; здѣсь они еще и въ настоящее время приносятъ жертвы. Іосифъ говоритъ объ этой области, какъ о странѣ богатой источниками, дающей особенно много плодовъ и весьма изобилующей лугами. Это красивая страна, которая въ Библии называется хребтомъ Ефремовымъ. Живописныя возвышенности живописно чередуются съ скалистыми горами и красивыми и пріятными мѣстностями. Тамъ лежалъ Дованъ, вблизи котораго братья Іосифа пасли стада, и Силомъ, гдѣ стоялъ скиній, жилъ первосвященникъ Илій и благочестивая Анна выпросила Самуила у Бога. Тамъ дочери Израиля въ праздничные дни увеселялись пѣніемъ и танцами; въ одинъ-то изъ этихъ дней изгнанные Веніамитяне (потомки Веніамина) во времена Судей похитили себѣ женъ.

Къ югу отъ Самаріи лежала Іудея, весьма развѣтвляющаяся гористая страна, со многими невоздѣланными пространствами. На востокъ она граничила Іорданомъ, Іерихонскою равниною и Мертвымъ моремъ. Изобилующая цвѣтами Саронская равнина, розы и лиліи которой воспѣты въ Пѣснѣ пѣсней Соломона, тянется на западъ почти до приморскаго города Яффы или Іоппы. Слово «Яффа» значитъ «красивый», и, дѣйствительно, видъ этого города восхитителенъ. Швейцарецъ Вегелинъ, привыкшій уже къ красотамъ природы, рисуетъ его однако самыми яркими красками. Въ своей книгѣ, появившейся въ Цюрихѣ въ 1845 г., онъ говоритъ: «чѣмъ-то возвышеннымъ, торжественнымъ вѣетъ отъ города Яффы, какіе-то необразимые переливы цвѣтовъ на небѣ и въ окрестностяхъ окружаютъ его. Глазъ видитъ предъ собою море, неимѣющее границъ, синій небесный сводъ, простирающійся надъ нимъ. Живописные костюмы разныхъ національностей встрѣчаются на улицахъ его: тутъ вы видите бедуиновъ изъ Іерихона и Тиверіады въ свѣтлыхъ шерстяныхъ накидкахъ, армянъ въ длинныхъ съ красными и бѣлыми полосами сюртукахъ, евреевъ со всего міра во всевозможныхъ одѣлніяхъ, замѣтныхъ даже въ своемъ униженномъ положеніи по благороднымъ чертамъ лица: царственный народъ, который возстаетъ противъ всякаго рабства, который полонъ вѣры въ лучшую долю, скрытой подъ его кажущейся смиренною наружностью». Область

Иудея пользовалась большимъ преимуществомъ предъ своими сестрами. «Иудея есть зерно, Галилея солома, а заіорданская Перея плевелы», говоритъ одна пословица.

Въ Яффѣ сѣлъ на корабль пророкъ Іона, чтобы избѣгнуть божественнаго порученія; на Средиземномъ морѣ нашелъ онъ въ чревѣ рыбы живую могилу, гдѣ и сохранилъ свою жизнь. Греческая міѳологія также приводитъ разсказъ о Яффѣ: «Андромеда, эѳіопская царица, была тамъ прикована къ скалѣ, чтобы быть проглоченной морскимъ чудовищемъ; отъ этой вѣрной смерти освободилъ ее Персей послѣ того, какъ онъ убилъ Медузу». Земля въ самой Яффѣ и кругомъ во время войнъ Маккавеевъ обильно была орошена кровью іудейскихъ воиновъ. Іуда предалъ городъ пламени за то, что его жители бросили въ море 200 евреевъ съ женами и дѣтьми. Симонъ, свободный князь, приказалъ возстановить его и сдѣлать портовымъ городомъ. За обладаніе Яффой возгорѣлась въ послѣдствіи война между нимъ и сирійскимъ царемъ Антиохомъ Сидетомъ, въ которой восторжествовалъ Іоаннъ Гирканъ.

Изъ Яффы къ сѣверу ведетъ улица между стѣнами кактусовъ въ Саронскую равнину. Здѣсь глазъ наслаждается ковромъ изъ сочныхъ травъ, протканнымъ пестрымъ букетомъ тюльпановъ, розъ, нарциссовъ, лютиковъ и нивами съ золотистою пшеницей.

. Къ юго-востоку отъ Яффы среди тѣнистыхъ оливковыхъ и живыхъ садовъ и виноградниковъ лежитъ древній Виѳлеемъ, родина царственного псалмопѣвца Давида. Недалеко отсюда находится могила Рахили. Розою, подрѣзанною на веснѣ своей жизни, была сія праматерь Израиля; ея кроткіе, прекрасные глаза закрылись, лишь только новая жизнь раскрыла свои глаза въ этотъ міръ. Надломленный горемъ, праотецъ Яковъ похоронилъ горячо-любимую жену на дорогѣ и поставилъ ей памятникъ, который долженъ служить дорогимъ воспоминаніемъ каждому истинному Израилѣянину. Эта праматерь наша есть эмблема материнской любви для еврейскаго народа; ея душа витаетъ на землѣ среди несчастныхъ ея дѣтей: «голосъ ея громко раздается; съ воплемъ и горькимъ рыданіемъ плачетъ она предъ Всемилосердымъ о погибающихъ дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться». Господь внимаетъ мольбамъ любящей праматери, и, утѣшая ее, говоритъ: «Удержи голосъ твой отъ рыданія и глаза твои отъ слезъ, ибо есть награда за трудъ твой, и дѣти твои возвратятся изъ земли непріятностей». Такъ намъ разсказываетъ пророкъ Іеремія. Только чистыя слезы нѣжно любящей матери, выходящія изъ глубины преданной души, способны доходить до престола Всевышняго. Памятникъ,

поставленный надъ ея могилою и сохранившійся отчасти до нынѣ, свято чтится не только евреями, но и христіанами и мусульманами.

Къ югу отъ Вилеема находится древній Хевронъ, «построенный, по свидѣтельству Библіи, семью годами раньше Цоана, города Египетскаго». Въ красивой долинѣ, окаймленной пальмами и туковыми деревьями, лежитъ этотъ «городъ исполиновъ», послужившій потомъ мѣстомъ вѣчнаго покоя для патріарховъ. Пещера Махпела,—гробница праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова, праматерей Сары, Ревекки и Лии, а также, согласно преданію, здѣсь гробница Адама и Евы.—находится въ этомъ городѣ. Здѣсь воцарился второй царь іудейскій и израильскій Давидъ, и отсюда, процарствовавъ около восьми лѣтъ надъ однимъ колѣномъ Іудинымъ, перенесъ свою столицу во вновь завоеванный имъ красивый городъ Іерусалимъ, гдѣ одѣлъ царскую корону всего Израильскаго народа. Тутъ-же въ Хевронѣ недостойный сынъ его Ависаломъ, возставъ противъ царственного своего родителя, провозгласилъ себя царемъ. Хевронъ, сдѣлавшійся потомъ крѣпостью, былъ взятъ въ послѣдствіи Идумеями, отъ которыхъ отнялъ обратно храбрый Іуда Маккавей.

У южной границы Іудеи, почти возлѣ самой пустыни, живописно расположенъ небольшой городъ-оазисъ Вирсавія (Беершеба). Колодцы, находящіеся близъ него въ тѣни рощи, были еще выкопаны праотцами Авраамомъ и Исаакомъ при Герарскомъ царѣ Авимелехѣ, съ которымъ праотцы заключали клятвенный союзъ. Отсюда и названіе этого города «колодезь клятвы». Здѣсь патріархъ Іаковъ, по пути въ Египетъ къ Іосифу, остановился для принесенія жертвъ Богу отца своего Исаака. Позднѣе, при пророкѣ Самуилѣ, въ Вирсавіи было народное судилище евреевъ, а во время Іоровоама второго она уже служила мѣстомъ языческаго идолослуженія Израильтянъ.

Восточной границей Іудеи служить устье Іордана и Мертвое или Соленое море. «Какъ садъ Божій, какъ земля Египетская» была нѣкогда эта прекрасная долина Сиддимъ, мѣстами съ богатыми асфальтовыми ямами, но нечестивые жители Содомы и Гоморы разгнѣвали Всеправеднаго Бога, беззаконія ихъ дошли до самаго Его престола, и вся эта цвѣтущая мѣстность была сразу залита сѣрнымъ огненнымъ дождемъ; почва рухнула, подземные источники открылись и на мѣстѣ грѣшныхъ городовъ появилось темно-желтое море, испускающее ядовитыя испаренія. Жена Лота, единственно спасеннаго ангеломъ Божиимъ изъ Содомы, съ сожалѣніемъ обернувшись лицомъ къ разрушеннымъ городамъ, мигомъ лишилась жизни, пре-

вратившись въ соляной столбъ. Никакая рыба не водится въ этомъ дышащемъ смертью и гибелью морѣ, вокругъ не летаютъ никакія птицы, и по голымъ темно-коричневымъ скалистымъ берегамъ его не имѣется никакой растительности. Смерть и преисподняя наложили съ тѣхъ поръ свою печать на этомъ мѣстѣ, какъ-бы говоря: «великій гнѣвъ Господень на грѣшныхъ!»

Вся восточная полоса Палестины, лежащая на лѣвомъ берегу Иордана, представляетъ собою такъ называемую *Перею*. Греко-римское названіе этой полосы замѣнило собою въ послѣдніе вѣка до Р. Х. всѣ прежнія названія: Васанъ, Галаадъ и Эморея. Изобиловавшія въ глубокой древности прекрасными пастбищами, эти обширныя мѣстами гористыя провинціи достались еще при Моисей въ наслѣдіе колѣнамъ Израильскимъ Рувимову, Гадову и полуколѣну Манасіину, обладавшими богатыми стадами. Позднѣе, вслѣдствіе войнъ и малонаселенности, Перея сдѣлалась почти совсѣмъ пустынною. Здѣсь протекаетъ рѣка Іавокъ, гдѣ нѣкогда праотецъ нашъ Іаковъ, боровшись съ божественнымъ незнакомцемъ и побѣдивъ его, получилъ безсмертное имя Израиль. Къ югу отъ этого мѣста находится бывшая столица Амонитянъ—Равва, гдѣ долгое время хранилась желѣзная колыбель въ 9 локтей длины, въ которой выросли гиганта-царя Васанскаго—Ога и гдѣ много времени спусти очаровательно красивая Вирсавія (Бат-шеба), жена Уріи Хитеянина, плѣнила своей восхитительной красотой полнаго жизни и чувства царя-воина и божественнаго поэта Давида. Галаадъ далъ еврейскому народу строгаго судью и храбраго защитника и также всей душою и всею жизнью преданную своему народу женщину въ лицѣ Іефеаы и его дочери. Галаадъ былъ родиной также и пророка-чудотворца Ильи. Здѣсь-же противъ Іерихона былъ взятъ этотъ святой пророкъ на небо, и тутъ-же недалеко находится гора Аваримъ, гдѣ на вершинѣ Нево по повелѣнію Божію скончался великій учитель нашъ Моисей, оставивъ послѣ себя вождемъ Израіля Іисуса Навина.

II.

С т о л и ц а.

Столицею іудеевъ былъ Іерусалимъ,—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ мірѣ, называвшійся прежде Самлимомъ. Древнему царю этого города Мельхиседеку, праотецъ нашъ Авраамъ, возвратившись

съ войны, предпринятой имъ для освобожденія своего племянника Лота отъ плѣна, отдалъ десятину со всего своего имущества, какъ часть принадлежащую «священнику Бога Всевышняго». Позднѣ тотъ-же патріархъ путешествовалъ къ находящейся здѣсь горѣ Моріи, чтобы принести тамъ въ жертву своего единственного сына; отецъ уже обнажилъ ножъ, тридцатилѣтній сынъ связанный и съ обнаженной шеей лежалъ на алтарѣ, оставалось только одно механическое усилие, но послѣдняго и не допустилъ Господь, Которому не нужны человѣческія жертвы. Съ благоговѣніемъ вернулись счастливыцы домой: совершивъ самое трудное, на что способенъ сынъ земли. — Гдѣ-же на всей землѣ можно было найти мѣсто, болѣе пригодное для построенія храма, какъ не тамъ, гдѣ стоялъ жертвенникъ Авраама? — Давидъ приказалъ поэтому перенести туда Скинію; священники при звукахъ музыки и пѣніи псалмовъ несли Священный Ковчегъ съ херувимами и скрижалями Моисея. Съ тѣхъ поръ Іерусалимъ сдѣлался городомъ Божиимъ, который все болѣе и болѣе украшался и который, по словамъ пророка «былъ образцомъ совершеннѣйшей красоты и служилъ утѣхою для всей земли».

Тысячелѣтія исторіи человѣчества прошли надъ этимъ почтеннымъ городомъ, бѣдствія ужаснѣйшаго времени невреждимо пережилъ онъ такъ-же, какъ и народъ, славою и гордостью котораго онъ былъ. Правда, бурныя волны времени отняли у него юношескую красоту и свѣжій блескъ, оставили ему тѣнь того, чѣмъ онъ былъ нѣкогда, но и при всемъ томъ сколько удручающаго и горестнаго можетъ рассказать эта печальная вдова? — Кто сочтетъ страданія, бѣдствія и несчастія, ею пережитыя? «Долго притѣсняли меня отъ юности моей, долго меня угнетали со времени моего существованія на землѣ, но ничего не сдѣлали со мною; по моей спинѣ пахали плугомъ, рыли глубокія борозды», жалуется пѣвецъ отъ ея имени. Любящая мать искренно раздѣляла страданія дѣтей; оба переносили тяжелыя, безпримѣрныя мученія, но не унывали и не отчаявались; твердая вѣра служила для нихъ опорой и упованіемъ. «Іерусалимъ окруженъ горами, и Господь окружаетъ свой народъ». — «Сердце Іерусалима стоитъ на священной горѣ», восклицали набожныя уста матери при самыхъ сильныхъ страданіяхъ. Дѣти принимали къ сердцу ея слова, осушали слезы, переставали плакать, смотрѣли на небо и съ увѣренностью ожидали грядущихъ дней пришествія Мессіи. «Въ слѣдующемъ году да будемъ въ Іерусалимѣ!» восклицали они изъ года въ годъ въ праздникъ весны и свободы, восклицали это въ теченіе столѣтій, забывая о превратности и тлѣнности судьбы.

Вокругъ и въ самомъ Іерусалимѣ поднимаются горы, спускаются долины, волнообразно возвышается и понижается земля, по глубокимъ бороздамъ протекають, извиваясь въ своемъ теченіи, журчащіе ручьи съ чистою и свѣтлою водою для благоденствія жителей. На самомъ высокомъ мѣстѣ города сирійцы выстроили укрѣпленный замокъ Акру, изъ котораго они держали городъ въ повиновеніи; эллины также безчинствовали тамъ и совершали свои оргіи. Симонъ къ великой радости народа приказалъ разрушить Акру. Къ западу отъ нея изъ долины Гинномъ возвышается Сіонъ, который занимаетъ большую часть города, а къ востоку отъ нея поднимается священная гора Морія. Каждая гора была окружена крѣпкими высокими стѣнами, особенно Морія, стѣница ока для всего народа. Вокругъ самого города тянутся тройныя стѣны значительной высоты, на которыхъ гордо красовались 164 башни. Однако весь этотъ камень, всѣ эти строенія оказались недостаточными: «если Господь не охраняетъ города, тогда всѣ предосторожности напрасны».

Десять огромныхъ воротъ вели въ городъ, который, благодаря счастливымъ побѣдамъ Маккавеевъ, вновь расцвѣлъ. «Мать опять обрадовалась своимъ дѣтямъ». Число жителей и великолѣпныхъ зданій необыкновенно увеличивалось съ тѣхъ поръ. На всѣхъ улицахъ появились училища, школы и синагоги, Александрійцы, Киренцы, Африканцы, Антиохійцы могли свободно заниматься своими ремеслами, и многіе изъ нихъ считались лучшими мастерами. «Въ Іерусалимѣ никто никогда не былъ раненъ отъ укушенія змѣи или отъ укола скорпіона и не смѣлъ жаловаться на недостатокъ мѣста», говорила народная молва. Что этимъ сказана правда, станетъ понятнымъ, если вспомнить, что во время трехъ паломническихъ праздниковъ въ городѣ собирались огромныя массы народа, которыя всѣ находили радушный пріемъ. Іосифъ по этому поводу пишетъ: «однажды, въ праздникъ Пасхи царь Агриппа захотѣлъ узнать число пріѣхавшихъ евреевъ; онъ приказалъ взять съ каждаго по кости, и въ результатъ оказалось больше двухъ милліоновъ». Заключались-ли въ этомъ числѣ и хозяева, и гости, неизвѣстно. «Кто не видалъ Іерусалима во всемъ его великолѣпіи, тотъ никогда не видѣлъ красиваго города», утверждаетъ одинъ древній писатель того времени.

III.

Храмъ.

Прекрасное, живописное мѣстоположеніе, многочисленныя великолѣпныя зданія, произведенія искусства и прочія достопримѣчательности не приковывали-бы сердце народа къ Іерусалиму съ такимъ пыломъ, если-бы стѣны послѣдняго не окружали храма, этого народнаго сокровища, которое фанатически одушевляло всѣхъ вѣрующихъ. Самымъ дорогимъ и самымъ близкимъ было для нихъ это святилище, золотые верхи котораго высоко поднимались къ небу. Хотя каждый зналъ, что и вся вселенная не въ состояніи обнять величія Вездѣсущаго, однако каждый питалъ такую любовь и почтеніе къ этому мѣсту, какъ будто Незримый, дѣйствительно, возсѣдалъ здѣсь. Когда огромныя массы народа отправлялись изъ дальнихъ мѣстъ въ Іерусалимъ къ празднику, то уже издали ослѣпительно блистало передъ ними это величественное и колоссальное зданіе изъ бѣлаго мрамора; лучи солнца, отражаясь на его стѣнахъ, придавали ему еще болѣе необыкновенный блескъ и поразительное великолѣпіе. Каждый съ священнымъ благоговѣніемъ обращалъ свои взоры на это невыразимо-прекрасное зрѣлище, сердце каждаго исполнялось восхищеніемъ, каждый испытывалъ благородную гордость при мысли, что онъ прикосновененъ къ этому мѣстопребыванію Божію. Вернувшись на свою спокойную, мирную родину, они часто и много рассказывали объ испытанныхъ высокихъ наслажденіяхъ, о подавляющей красотѣ и великолѣпіи св. столицы. Съ благоговѣніемъ слушала жена воодушевленные слова мужа и рисовала въ своей возбужденной фантазіи густыми и яркими красками картины, одна другой восторженнѣе. А дѣти жадно слѣдили за великолѣпной картиной, благочестивые глаза ихъ блистали, пульсъ ихъ бился быстрѣе, дыханіе останавливалось, грудь отказывалась вмѣстить въ себя цѣлое море блаженства; видѣть это величіе, было высшею цѣлью всѣхъ ихъ желаній.

Теперь мы постараемся развернуть картину зданія храма. Гора Морія была окружена высокою и крѣпкою каменною стѣною, какъ будто панциремъ противъ непріятельскихъ нападеній. Пять массивныхъ воротъ вели внутрь; левиты днемъ и ночью охраняли ихъ. На восточныхъ воротахъ была высѣчена изъ камня персидская резиденція Сузы или Шушанъ для увѣковѣченія благодарности къ персидскому царству, которое освободило евреевъ отъ вавилонскаго плѣна и позволило имъ возстановить храмъ. На вершинѣ горы на-

ходило нѣсколько дворовъ, раздѣленныхъ рѣшетками. Тамъ былъ «дворъ священниковъ» съ большимъ мѣднымъ жертвенникомъ, на которомъ всегда поддерживался огонь. «Дворъ израильтянъ» служилъ для священныхъ собраній народа. Далѣе былъ обширный отдѣльный «дворъ женщинъ»; и за стѣнами смежныхъ храмовыхъ дворовъ на горной террасѣ—самый обширный такъ называемый «дворъ язычниковъ». Рѣшетка Сорегъ удерживала послѣднихъ на должномъ разстояніи отъ храма. Эта ограда была предписана закономъ, потому что всякій, кто вступалъ въ храмъ, долженъ былъ совершить надъ собою установленное очищеніе, о которомъ язычникъ, разумѣется, ничего не зналъ. Рассказываютъ, что эллинистически настроенный первосвященникъ Алкимъ, дружившій съ язычниками, приказалъ удалить эту рѣшетку, и за то въ наказаніе получилъ слабость въ членахъ. Когда счастье и блескъ Алкима померкли, то рѣшетка была опять поставлена.

Двери вели къ собственно храмовому зданію, которое, конечно, значительно уступило Соломонову; при закладкѣ его старики, видѣвшіе прежній храмъ еще въ полномъ блескѣ, плакали. У того недоставало многого, чѣмъ отличался его предшественникъ. Высокій духъ, раскрывавшій предъ первосвященниками все тайное и непонятное, благодаря ясности и чистотѣ Уримъ и Тумимъ, не вступилъ въ новый храмъ, такъ-же какъ исчезла при немъ вся пророческая сила и предвѣдѣніе. Далѣе при его освященіи не было никакого Соломона, который счумѣлъ-бы такъ торжественно и блистательно обставить достопамятное празднество открытія храма, который съ такою трогательною и образцовою молитвою обратился-бы къ небу. Но несмотря на то, и этотъ храмъ давалъ многое, что было отрадно для сердца, что улаждало душу. «Великолѣпіе второго храма будетъ больше, чѣмъ великолѣпіе перваго, потому что въ этомъ домѣ Я вселю миръ», возвѣстилъ Аггей, одинъ изъ послѣднихъ пророковъ, отъ имени Божія. Это предсказаніе тѣмъ болѣе дѣйствительно, что всѣ сердца были исполнены вѣрою, чистою отъ всего языческаго, поэтому и храмъ сдѣлался зѣницей ока для всего народа.

Двѣнадцать широкихъ каменныхъ ступеней вели въ предхраміе. Въ извѣстныхъ случаяхъ на этихъ такъ-же, какъ и на пятнадцати ступеняхъ, ведшихъ къ «двору израильтянъ» стоялъ хоръ левитовъ пѣвшихъ псалмы, сопровождаая ихъ игрою на инструментахъ; эти псалмы были названы «пѣснями на ступеняхъ» (Stufenlieder) и составили цѣлый рядъ пѣсенъ, примыкавшихъ другъ къ другу, подобно жемчужинамъ, нанизаннымъ на одну нитку. Входъ въ предхраміе былъ дозволенъ для каждого очистившагося. Здѣсь лежали

на столахъ и висѣли по стѣнамъ на золотыхъ цѣпяхъ драгоцѣнные дары, поднесенные благочестивыми жителями или общинами внутри или внѣ Палестины. Золотой, весьма искусно сдѣланный виноградникъ съ листьями и гроздьями и вѣрно срисованный съ натуры, особенно привлекалъ взоры всѣхъ. Великолѣпныя створчатые двери съ богатою рѣзбою и золотыми украшеніями и красивый занавѣсъ вели въ святилище, куда вступали только дежурные священники. Здѣсь къ югу стоялъ подсвѣчникъ съ семью рожками, который зажигался каждый вечеръ и горѣлъ всю ночь. Къ сѣверу, противъ него на золотомъ столѣ, образуя четыре стѣны, лежало двѣнадцать хлѣбовъ предложенія, которые каждую субботу замѣнялись свѣжими.

Посрединѣ помѣщался небольшой алтарь изъ золота, на которомъ утромъ и вечеромъ курились благовонныя травы. Два весьма искусныхъ занавѣса отдѣляли святилище отъ Святой Святыхъ. Въ соломоновомъ храмѣ тамъ находился золотой Ковчегъ Завета съ каменными скрижалями Моисея, на которыхъ неподражаемымъ образомъ были начертаны перстомъ Божиимъ десять заповѣдей; Ковчегъ закрывался золотою крышкою, украшенною двумя ангелами-херувимами, широко распростертыя крылья которыхъ покрывали всю поверхность ея. Этой драгоцѣнности недоставало во второмъ храмѣ; высокій камень стоялъ на мѣстѣ ковчега. Въ это отдѣленіе вступалъ только первосвященникъ въ День Прощенія въ бѣломъ одѣяніи съ курящимся ѳиміамомъ въ рукѣ, чтобы совершить очищеніе ради себя, сословія священниковъ и ради всего народа. Всѣ стѣны были обиты кедровымъ деревомъ, полъ выложенъ мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней. Извнѣ кругомъ зданія тянулась двойная и тройная крытая колоннада, подъ которой стояли скамейки для сидѣнья; кромѣ того къ нему примыкало нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ залъ, а вверху галерея съ брустверами. Чрезвычайно красива была крыша, на которой, подобно громоотводамъ, блестяли многочисленные золоченные шпилы; и глядѣть съ нея внизъ нельзя было безъ головокруженія.

Не поддающаяся описанію любовь народа къ этому священному національному сокровищу послужила источникомъ для многихъ чудесныхъ разсказовъ. Горячій энтузіазмъ—самая плодородная почва для чудесъ, пылкая фантазія даетъ имъ ростъ и зрѣлость. Такъ разсказываютъ: «самый стремительный дождь не могъ погасить огня на алтарѣ, никакая сила вѣтра не была въ состояніи развѣять поднимавшихся столбовъ дыма и вопреки зною лѣтняго времени мясо оставалось свѣжимъ и неиспорченнымъ. Въ боинѣ не было ни

одной мухи. Если даже толпа молящихся тѣсно жалась другъ къ другу, то и тогда каждый имѣлъ достаточное мѣсто, чтобы съ молитвою преклониться къ землѣ».

Эта чрезмѣрная любовь сдѣлала тѣмъ болѣе чувствительною также чрезмѣрную скорбь, которую вызвало въ послѣдствіи разрушеніе храма. Глубокія раны еще струились кровью, никакой бальзамъ не былъ въ состояніи облегчить и уменьшить страданія. «Голова страдала, сердце болѣло», какъ сказалъ пророкъ Исаія. Отголосокъ тѣхъ воплей мы теперь еще слышимъ въ молитвахъ. Всякій разъ какъ душа наша на крыльяхъ благоговѣнія поднимается къ небу, онъ съ жгучею скорбію о потерянномъ благѣ стѣтуетъ передъ Творцомъ и въ трогательныхъ словахъ умоляетъ о возстановленіи храма. Только твердая вѣра и беззавѣтное упованіе давали утѣшеніе и ободреніе, подкрѣпленіе и наслажденіе.

IV.

Священники и левиты.

«Вы должны составить царство священниковъ, святой народъ», сказалъ Моисей Израилю отъ имени Божія при откровеніи у пылающаго Синая. Поэтому каждое жилище было мѣстомъ, посвященнымъ Богу, и перворожденные обязаны были исполнять священническую службу. Въ послѣдствіи колѣно Левіино, которое не запятнало себя передъ золотымъ тельцомъ, было выбрано для отправленія священнодѣйствій, и Ааронъ, братъ Моисея, принадлежавшій къ этому колѣну, назначенъ первосвященникомъ, и его сыновья были поставлены къ нему въ качествѣ священниковъ. Первосвященническое достоинство стало съ тѣхъ поръ наслѣдственнымъ въ этомъ родѣ. Ааронъ, благодаря своимъ высокимъ преимуществамъ, снискалъ расположеніе своихъ современниковъ; въ особенности любовь его къ миру вошла въ поговорку. Когда Моисей получилъ Скрижали, чтобы обрадовать свой огорченный народъ, то Господь далъ ему брата Аарона для содѣйствія со словами: «онъ будетъ смотрѣть за тобою и радоваться въ своемъ сердцѣ». Весьма глубокомысленно замѣчали при этомъ древніе толкователи: «сердце, искренно радующее возвышенію младшаго брата, есть воистину украшеніе, достойное священника». Священники, потомки Аарона, совершали только жертвен-

ные обряды, а Левиты были приставлены къ нимъ въ помощники. Но въ обществѣ они могли занять только скромное положеніе, такъ какъ были лишены права поземельной собственности и пользовались приношеніями и дарами частныхъ лицъ. «У тебя не должно быть никакого имущества, никакого надѣла земли; Я твой надѣлъ, Я твое имущество», говоритъ по этому поводу Божественное слово. Священники Израильскіе ни въ коемъ случаѣ не смѣли считать себя съ гордымъ самомнѣніемъ намѣстниками Бога, одаренными сверхъестественными силами; ихъ обязанности были таковы, что сами напоминали имъ всегда о собственномъ безсиліи и зависимости отъ Бога. Они не смѣли окружать себя таинственною и мистическою неизвѣстностью, не благословлять или молиться на чужомъ нарѣчій, должны были открыто, явно въ присутствіи всѣхъ исполнять всякое дѣйствіе. Они были заступниками священнической толпы, первороденныхъ, вмѣсто которыхъ исполняли обязанности священниковъ, и теперь еще за каждого первороднаго на 30-й день послѣ рожденія родители даютъ выкупъ священнику, чтобы онъ уступилъ его. Законъ Моисеевъ не далъ священникамъ никакой силы властвовать надъ душою и совѣстью и быть свѣтскимъ главою, какъ это было у язычниковъ. Если священники предавались порокамъ, то пророки поднимали противъ нихъ свой обличительный голосъ, строго и жестоко, прямо и откровенно бичевали каждого. Да!... вѣдь и тѣ измѣнники Симонъ, Язонъ, Менелай, Алкимъ также принадлежали къ священническому сословію. Если-бы въ то время жили пророки, то съ какою силою возстали-бы они противъ этихъ осквернителей своего священнаго званія, съ какими смѣлыми и жгучими словами громили-бы ихъ!

Первосвященникъ былъ облеченъ высшимъ религіознымъ достоинствомъ, и если онъ своимъ поведеніемъ дѣлалъ честь носимому званію, то пользовался многими отличіями. Во времена перваго храма онъ былъ помазываемъ, подобно царю, а въ періодъ существованія втораго храма недоставало елее, поэтому онъ только посвящался. Великолѣпная почетная одежда первосвященника была слѣдующая: красивая головная повязка съ золотою діадемою съ надписью «святъ Превѣчному!» Наперсное украшеніе съ двѣнадцатью различными драгоценными камнями, оправленными въ золото, въ четыре ряда; надъ ними были вырѣзаны имена двѣнадцати колѣтъ; все это поддерживалось на обоихъ плечахъ двумя золотыми цѣпами, въ которыхъ также блестяли въ золотыхъ гнѣздахъ два ониксовыхъ камня, и изъ которыхъ каждая носила по шести именъ двѣнадцати колѣтъ; ихъ нижніе концы были привязаны синими нитками къ

поясу, который плотно прижималъ разноцвѣтную, протканную золотомъ верхнюю одежду одной и той-же матеріи съ поясомъ. Тѣло первосвященника покрывала небеснаго цвѣта мантия, нижній край которой, вышитый гранатами, былъ увѣшанъ золотыми колокольчиками, «чтобы слышно было когда онъ вступалъ во храмъ», какъ сказано въ Священномъ Писаніи. При первосвященникѣ находился заступавшій его «сеганъ»; затѣмъ смотритель храма «м'муна», множество высшихъ и низшихъ служащихъ и, наконецъ, особое вѣдомство по дѣламъ священниковъ, заключали весь штатъ чиновниковъ храма.

Священники и левиты во время службы носили одежду, соотвѣтствовавшую ихъ должности. Они дѣлились на 24 группы, которыя чередовались между собою каждую недѣлю. Въ большіе праздники они появлялись почти всѣ, потому что число жертвующихъ и жертвъ было такъ велико, что работы хватало на всѣхъ. Кромѣ того, для возвышенія самого праздничнаго торжества необходимо было ихъ присутствіе, ибо «толпа славить величіе царя». Съ 20-ти лѣтъ священникъ становился способнымъ къ службѣ. Безбрачіе запрещалось священникамъ, и самъ первосвященникъ обязанъ былъ жениться и выбрать себѣ въ супруги только одну молодую дѣвушку.

Левиты обязаны были служить съ 25-ти лѣтъ до 50-ти-лѣтняго возраста. Они были музыкантами и пѣвцами, стерегли ворота и исполняли нѣкоторыя побочныя работы. Во время путешествій имѣли они въ рукѣ посохъ, а въ карманѣ «книгу закона». Со всѣхъ естественныхъ произведеній они получали десятую часть, за которую должны были платить священникамъ. Зависимость священниковъ и левитовъ отъ народа побуждала ихъ къ мирному обращенію съ каждымъ, также къ добродѣтельному образу жизни для того, чтобы пріобрѣсти расположеніе и уваженіе со стороны окружающихъ.

Для грубыхъ работъ, для чистки, мытья, черпанья воды, для рубки дровъ употреблялись слуги, называвшіеся Неонимъ.

V.

Картины изъ народной жизни.

Палестинскіе евреи занимались земледѣіемъ; послѣднее было имъ предписано законами Моисея въ той-же мѣрѣ, какъ были вознаграждены награда и возмездіе за добрыя и дурныя дѣла. «Если вы бу-

дете поступать согласно Моимъ заповѣдямъ, то Я пошлю вамъ дождь во время, земля дастъ обильный урожай, деревья принесутъ богатые плоды; если-же вы въ своемъ упрямствѣ забудете Мой законъ, то небо останется запертымъ для васъ, какъ желѣзо, земля—жестокою и крѣпкою, какъ мѣдная руда». Подобныя изреченія можно неоднократно читать въ книгахъ Моисеевыхъ. Изъ области земледѣлія и неразрывно связаннаго съ нимъ скотоводства поэты, ораторы, пророки брали содержаніе для своихъ прелестныхъ идиллическихъ картинъ, для сравненій и мудрыхъ изрѣченій. Исаія, жалуйсь на безбожіе своихъ единовѣрцевъ, говорить: «воль знаетъ своего господина, осель—ясли своего хозяина; Израиль-же этого не знаетъ. мой народъ не понимаетъ этого». Такія сравненія часто встрѣчаются въ Библии.

Обрабатываніе земли было самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для воспитанія въ народѣ религіознаго чувства. Здѣсь постоянно былъ для нихъ случай въ непостижимомъ, чудесномъ господствѣ природы и ея силъ узрѣть всемогущую десницу Божію; здѣсь яснѣ всего могли они убѣдиться въ своемъ собственномъ безсиліи. Что пользы отъ удобренія почвы и паханія, отъ бороньбы и сѣянья, если небо не будило дождями и солнечнымъ сіяніемъ мертвыхъ зародышей, не оживляло ихъ, не заставляло пускать ростки и зрѣть? Помогало-ли самое дѣятельное усердіе, всѣми пролитый потъ, если поднявшаяся золотая нива, восхищавшая зрѣніе, исполнявшая сердце самыми радостными надеждами, уничтожалось мышами, саранчею и градомъ? Вѣдь можетъ еще чаша радостей между губами и краями чаши превратиться въ чашу страданій и горестей?—Какъ землевладѣльцы должны были они оставлять со страхомъ и опасеніемъ заботу своихъ рукъ подъ Божіею защитой; поэтому ничто не могло вызвать религіознаго настроенія и удержать его надолго лучше и сильнѣе, чѣмъ обрабатываніе земли. Вѣдь уже Каинъ и Авель земледѣліемъ и скотоводствомъ были побуждены къ благоговѣнію и жертвоприношеніямъ!

Непостижимое величіе природы впервые пробудило въ человѣкѣ предчувствіе какой-то высшей силы, но ея необъятность была въ то-же время лабиринтомъ, въ которомъ терялся духъ человѣческій. По этой причинѣ природа была матерью, породившей язычество съ его идолопоклонствомъ. Язычникъ возвысилъ природу до степени божества, а понятіе о Богѣ низвелъ на степень реальнаго существа. Невѣжественный житель востока вырубилъ изъ дерева идолъ, изсѣкъ изъ камня рыбу, муху, выковалъ Молоха и клалъ на его раска-

ленные руки несчастныхъ дѣтей въ жертву, умерщвляя въ себѣ такимъ образомъ всякое чувство состраданія, всякое кроткое движеніе, становился безсердечнымъ, жестокимъ, свирѣпымъ и его мнимыя добродѣтели были ничѣмъ инымъ, какъ скопищемъ самыхъ отвратительныхъ поступковъ и гнусныхъ пороковъ. Римлянинъ преклонялся предъ домашними богами, пенатами, а впечатлительный грекъ разсматривалъ силы природы, какъ особыя божества: каждый источникъ имѣлъ свою наяду, каждая гора—свою ореаду, каждое дерево—свою дріаду. Это многобожіе было освящено поэзіей, облагорожено превосходными произведеніями искусствъ. Въ растеніяхъ греки видѣли посланниковъ любви Прозерпины къ ея матери Церерѣ, изъ подземнаго царства Ада на землю, въ царство свѣта.

Освободить міръ отъ такого идолопоклонства, многобожія, соединенныхъ съ ними пороковъ—и было назначеніемъ Израиля; египетскій мракъ долженъ былъ исчезнуть передъ свѣточемъ правды; невѣріе, суевѣріе и другія ненавистныя слѣдствія помраченнаго духа слѣдовало уничтожить на землѣ. Для этой цѣли Провидѣніе избрало Израиля своимъ священническимъ народомъ, и посредствомъ земледѣлія могъ онъ достигнуть твердости въ своей собственной вѣрѣ. Для евреевъ природа должна была быть перстомъ указывающимъ вверхъ, безконечною лѣстницею Якова, на вершинѣ которой сокрытый отъ человѣческихъ взоровъ, воссѣдаетъ Превѣчный и въ своей непостижимой мудрости держитъ нить, связующую судьбы народовъ и людей. Чтобы постоянно помнить объ этомъ Богѣ, Израиль на каждомъ шагѣ былъ сопровождаемъ закономъ; послѣдній служилъ ему облачнымъ и огненнымъ столбомъ, за которымъ онъ обязанъ былъ слѣдовать. «На всѣхъ дорогахъ признавай Его, ибо Онъ выравниваетъ передъ тобою путь», гласитъ глубокомысленное библейское изреченіе. На каждомъ дверномъ косякѣ сверкало имя «Шадай», что значитъ Всемогушій; голубыя нити на платѣ напоминали цвѣтъ неба. Во время паханія онъ не смѣлъ «запрягать вмѣстѣ вола и осла», «сдвинуть пограничный камень между полями», если находилъ птичье гнѣздо, то «не смѣлъ вынимать оттуда матери съ птенцами». При сѣяніи законъ говоритъ ему: «не ссыпай вмѣстѣ разныхъ сѣмянъ». Во время жатвы онъ долженъ былъ оставлять «края нивы», «упавшіе стебли», «забытые снопы», не смѣлъ подбирать плодовъ и оставшагося винограда; эти остатки по справедливости принадлежали бѣднымъ, которымъ они и были присуждены закономъ, но и язычникъ также получалъ изъ нихъ извѣстную долю. Моавитянка Руѡ, не зная этого, по-

добрала однажды колосья на полѣ богатаго Вооза, и послѣдній осыпалъ ее щедрыми подарками. Далѣе во время молотбы «нельзя было завязывать рта у быка». Еврей долженъ былъ и съ животнымъ поступать кротко, «не убивать ихъ въ извѣстный день недѣли», «давать имъ субботній отдыхъ», «помогать изнемогающему подъ ношею ослу, если-бы даже онъ принадлежалъ врагу его». Каждый седьмой годъ былъ Шмитта, т. е. субботнимъ годомъ: поля, сады и виноградники принадлежали Богу, не составляли ничьего имущества, были доступны всѣмъ, даже животное не могло быть прогоняемо; «Господь открывалъ свою отеческую руку и съ благоволеніемъ насыщалъ каждого».

Изъ мѣстныхъ произведеній земли одна десятая часть принадлежала Левитамъ, а другая потреблялась въ Иерусалимѣ, что было пріятно жителямъ. Черезъ каждые три года вторая десятина отдавалась безъ различія всѣмъ бѣднымъ. Если кто-нибудь, лишившись счастья, нуждался въ займѣ, то законъ приказывалъ: «не ожесточай своего сердца, не будь глухимъ къ твоему нуждающемуся брату». Всякій обязанъ былъ одолжить ему безъ процентовъ, почитать его право хозяина, не смѣлъ даже брать залога и долженъ былъ давать ему каждый разъ, какъ тотъ нуждался; запрещено было закладывать жерновой камень, и если долгъ не былъ уплаченъ до седьмого, субботняго года, то онъ считался недействительнымъ и кредиторъ терилъ право на полученіе его. Однако, чтобы вслѣдствіе этого никто не отказывалъ бѣдному въ займѣ, законъ строго-на-строго замѣчаетъ: «берегись, чтобы нечестивое желаніе не коснулось тебя, потому что близокъ седьмой годъ, и чтобы твой глазъ не смотрѣлъ недоброжелательно на нуждающагося брата!» Бѣднаго законодатель называетъ постоянно братомъ; слышишь-ли это ты, богачъ, ослѣпленный гордостью и высокомеріемъ? Не смотри такъ презрительно на бѣднаго! Онъ твой братъ, имѣетъ право на твою защиту, и если ты ее подашь, то это ничто иное, какъ справедливость, «Цедака». Кто-же послѣ такихъ предусмотрительныхъ постановленій станетъ еще удивляться, что въ Иудеѣ не было ни одного нищаго?

Законы Моисея имѣли въ виду не только устранить печальныя послѣдствія бѣдности, но и ограничить чрезмѣрное усиленіе поземельной собственности. Этотъ общественный недугъ нашего времени не могъ-бы существовать въ Иудеѣ. Тамъ было мудро предусмотрено, чтобы деревья не росли до самаго неба. Каждый пятидесятилѣтній годъ былъ юбилейнымъ годомъ. Всякое проданное имущество воз-

вращалось обратно его прежнему владѣльцу или наслѣднику его, каждый рабъ получалъ свободу. Такимъ образомъ, здѣсь не могли развиваться ни плутократія, ни пролетаріатъ. Удаляющагося раба прежній хозяинъ обязанъ былъ щедро одарить «всѣмъ, чѣмъ благословилъ его Господь», дабы тотъ ни въ чемъ не терпѣлъ нужды. Еврейское ученіе хочетъ имѣть свободныхъ людей; крѣпостное состояніе и рабство ей ненавистны.

Совершенно противное мы видимъ въ другихъ странахъ. Мы умолчимъ о невѣжественныхъ народахъ Азіи и Африки, но бросимъ за то бѣглый взглядъ на прославленные классическія страны, Элладу и Римъ; прислушаемся къ тому, что говорятъ ихъ лучшіе и отличнѣйшіе мужи и учителя о бѣдности и рабствѣ. Просвѣщенные Платонъ и Аристотель, звѣзды первой величины на греческомъ небосклонѣ, видятъ въ рабствѣ основаніе государственнаго благосостоянія. Рабъ былъ для нихъ не человѣкомъ, а одушевленною вещью, вся добродѣтель которой заключалась единственно въ большей или меньшей пользѣ, которую она могла принести. На одного свободного человѣка приходилось болѣе сорока рабовъ. Въ Спартѣ эти несчастные, называвшіеся илотами, считались лѣсными звѣрями, на которыхъ даже охотились. Строгій римлянинъ Катонъ совѣтуетъ своему сыну дать свободу старымъ рабамъ и оставить ихъ въ бѣдности. Безчеловѣчнымъ было такое обращеніе съ рабами, и ни одинъ законъ не становился въ ихъ защиту. Ихъ убивали, какъ звѣрей. Платонъ далѣе требуетъ, чтобы государство было освобождено отъ породы звѣрей—нищихъ, бѣдныхъ, немощныхъ и увѣчныхъ; и такъ какъ виѣшній видъ ихъ непривлекателенъ, то пусть они умираютъ съ голода въ храмѣ Эскулапа. Классическій Цицеронъ, римскій ораторъ, образцовыя сочиненія котораго даются въ руки всѣхъ учащихся, называетъ состраданіе преступленіемъ и глупостью, считаетъ его недостойнымъ мужа. Поливій относитъ къ славѣ римлянъ то, что они никогда ничего не выдавали добровольно. Виргилій почитаетъ жестокосердіе въ числѣ добродѣтелей. Сенека, воспитатель Нерона, учитъ, что бѣдныхъ слѣдуетъ гнать отъ себя съ отвращеніемъ и презрѣніемъ, потому что бѣдность унизительна и позорна. Плавтъ, даже кротость по отношенію къ бѣднымъ называетъ жестокостью, которая только продлитъ ихъ несчастія. Въ такомъ положеніи было дѣло у образованныхъ язычниковъ древности. Если теперь вспомнимъ, что не столь давно свободные граждане Америки терзали и убивали другъ друга изъ-за рабства, то мы, безъ сомнѣнія, должны будемъ согласиться съ нееврейскимъ писателемъ

Генрихом Контценомъ, который въ своей книгѣ 1842 года съ воодушевленіемъ обращается къ евреямъ: «счастливый народъ! То, что составляетъ величайшее пріобрѣтеніе новаго времени, что на западѣ добыто потоками крови, тѣмъ ты, Богомъ избранный народъ, владѣлъ уже почти 3000 лѣтъ назадъ, благодаря твоимъ законамъ, которымъ часто давались названія варварскихъ и грѣховныхъ». Да, этотъ законъ, котораго еврей слишкомъ мало цѣнитъ, а не еврей часто унижаетъ позорными именами, сохранилъ въ душѣ неугасающую искру Божію, вызвалъ тотъ пламенный энтузіазмъ, который повелъ героев Маккавеевъ къ достославнымъ подвигамъ. Опозеренные эллипсты горѣли стремленіемъ къ греческой религіи и пытались дать ей перевѣсъ надъ іудейскою. Они имѣютъ теперь еще приверженцевъ, которые съ упоеніемъ разсуждаютъ объ Элладѣ и Римѣ, оставляя въ тѣни свою природную религію. Однако они забываютъ, что горы, кажущіяся издали окруженными прекраснымъ голубымъ цвѣтомъ неба, по мѣрѣ приближенія представляютъ обманутымъ взорамъ самую обнаженную скалу обыкновенной формы.

О жестокости и безчеловѣчій Эллады и Рима можно еще много разсказать. Чтобы мурены, наѣвшияся человѣческаго мяса, обладали лучшимъ вкусомъ, римскіе патриціи бросали рабовъ въ тѣ пруды, гдѣ разводился этотъ родъ рыбъ. Греческія и римскія женщины не соблюдали предъ рабами никакой стыдливости и опускались предъ ними въ ванну, потому что «рабъ не былъ человѣкомъ». Іудейскій законъ защищалъ также и языческихъ рабовъ. У рабовладѣльцевъ были связаны руки тѣмъ, что они не смѣли жестоко обращаться съ ними. Если даже онъ поранитъ только зубъ своему рабу, то послѣдній становился свободнымъ и господинъ терялъ всѣ свои права надъ нимъ. Съ одинаковымъ безсердіемъ поступали тѣ образованнѣйшіе языческіе народы и съ чужеземцами, которые не пользовались у нихъ никакими правами и были беззащитны. Греки называли ихъ варварами и все позволяли себѣ надъ ними; не лучше поступали и римлянинъ. Въ Европѣ, которая завладѣла культурою обоихъ классическихъ народовъ, ненависть къ чужеземцамъ все еще приноситъ богатые, но не совсѣмъ красивые и благоухающіе плоды. Совершенно иначе было въ странѣ Израиля. Законъ Моисеевъ со всею строгостію и рѣшительностію говоритъ: «къ чужестранцу, живущему въ вашей странѣ, ты долженъ относиться какъ къ твоему соотечественнику; ты долженъ любить его, какъ самаго себя, потому что вы сами были чужестранцами въ Египтѣ». — «Не притѣсняйте чужеземцевъ! Вы должны знать, какъ слѣдуетъ поступать съ ними,

ибо сами вѣдь были вы пришельцами въ Египтъ». — «Одно ученіе, одинъ и тотъ-же законъ долженъ существовать и для васъ, и для чужеземцевъ». Эти увѣщанія были прежде всего усвоены Израильскимъ народомъ и приобрѣтены имъ въ вѣчное и пожизненное владѣніе, чтобы ихъ унаслѣдовали всѣ позднѣйшія поколѣнія. Сердце еврея стало оттого деликатнымъ, его духовная жизнь необыкновенно развилась, чужое горе дѣйствовало на него, какъ его собственное. Израиль всегда проявлялъ себя благодарнымъ къ своимъ благодѣтелямъ, привязаннымъ къ своему отечеству, ласковымъ къ своимъ согражданамъ. Жестоко вытѣсненные изъ Испаніи въ 1492 году евреи сохраняютъ и теперь еще, спустя почти 400 лѣтъ, языкъ этой нѣкогда столь фанатически суровой страны. Въ Вѣнѣ, какъ и вездѣ, гдѣ они живутъ, все еще слышатся испанскія слова въ семьѣ, въ школѣ, въ синагогахъ; они священны для нихъ и вѣрно охраняются ими. Если Шиллеръ, любимецъ нѣмецкаго народа, благоухающимъ вѣнкомъ увѣнчиваетъ работу, называя ее «упражненіемъ гражданина», то этотъ приговоръ, дѣйствительно, осуществился лишь въ послѣднее столѣтіе. Въ древности всякій родъ работы считался позорнымъ и презрѣннымъ. «Ремесленники не достойны имени гражданъ; они не владѣютъ благородствомъ образа мыслей и должны быть причислены къ рабамъ», утверждалъ великій грекъ Аристотель. Въ Фивахъ торговецъ не смѣлъ занимать никакой должности. «Мастерская унижительна», училъ Цицеронъ. Древніе германцы и галлы, какъ рассказываетъ Тацитъ, считали наживу посредствомъ работы трусостью и признакомъ бѣдности способностей; они презирали земледѣліе. Лѣность, сладкое бездѣлье, мотовство, бражничанье, грабежъ, война, охота была для нихъ настоящими занятіями, достойными почета и уваженія. «Къ платѣ прилипаетъ грязь; ни одинъ свободный человѣкъ не долженъ работать за плату; для работы существуютъ рабы», училъ Цицеронъ. Древній германецъ проводилъ день, лежа и мечтая на медвѣжьей шкурѣ. Только въ Палестинѣ господствовало другое воззрѣніе на жизнь; тамъ почти уже за много тысячелѣтій слагали хвалебныя пѣсни рабамъ: «если ты получаешь прибыль отъ твоихъ собственныхъ рукъ, то благо тебѣ! ты счастливъ!» — Лѣность была такъ бичуема во всей ея неприглядности. «Засни не надолго, вздремни не надлго, сложи на недолго руки для сна—и, подобно путешественнику, вступи въ твой домъ бѣдность, подобно вооруженному мужу,—нужда», гласитъ одно изреченіе Соломона. Лѣнивому указывали тамъ на муравья, чтобы научиться у него трудолюбію. — «Не питай ненависти къ уто-

мительному труду и къ работѣ, созданной Богомъ», увѣщаль Иисусъ Сирахъ. Больше чѣмъ высокопарныя изреченія поэтовъ восхваляютъ работу, какъ отличительное качество въ человѣкѣ, слѣдующая глубокомысленная легенда. «Когда Господь сказалъ Адаму: «терновникъ и репейникъ будутъ расти для тебя», то у послѣдняго слезы появились на глазахъ и съ огорченіемъ воскликнулъ онъ: «О, Вседержитель! неужели я долженъ питаться изъ однихъ ясель съ ослѣмъ?» Но когда Господь отвѣтилъ ему: «въ потѣ лица твоего ты будешь ѣсть хлѣбъ свой!»—то слезы выходи, и онъ почувствовать себя веселымъ и здоровымъ». Работа и богослуженіе имѣли у евреевъ одно и то-же значеніе: работа была богослуженіемъ. Какъ покой субботній былъ назначенъ для седьмого дня, такъ работа для остальныхъ шести дней. Поэтому работникъ имѣлъ также одни и тѣ-же права, и невольникъ не смѣлъ даже жаловаться на жестокость. Почва Палестины никогда не осквернялась кровавыми возстаніями рабовъ, между тѣмъ какъ таковыя неоднократно пятнали классическія страны Эллады и Рима.

Подобнымъ-же образомъ оцѣнивались въ Палестинѣ ремесла и искусства. Съ какимъ почетомъ и какою похвалою отзывается Моисей о Веселіиѣ и Аголіавѣ, которые руководили въ пустынѣ постройкою скиніи и изготовляли священную утварь! «Богъ надѣлилъ ихъ мудростью, чтобы они могли исполнять всякое дѣло»—гласятъ его слова. За исключеніемъ изобразительныхъ искусствъ живописи и ваянія, которыя вслѣдствіе повсемѣстнаго господства идолослуженія не могли развиваться среди Израиля, остальные мастерства легко привились въ Палестинѣ и высоко были чтимы и уважаемы. Если любимѣйшій нѣмецкій поэтъ пѣлъ: «королю воздается почетъ по его достоинствамъ, а насъ чтутъ по нашему трудолюбію», то уже за много тысячелѣтій до него одинъ еврейскій мудрецъ воскликнулъ съ энтузіазмомъ: «смотри на этого мужа, какъ онъ искусенъ въ своей работѣ! онъ могъ-бы предстать предъ царемъ».

Съ появленіемъ свободы національный еврейскій языкъ снова пришелъ въ цвѣтущее состояніе. Однако за это время поэзія сдѣлала весьма скудные успѣхи; намъ изъ этой эпохи неизвѣстно ни одного поэта, ни одного поэтическаго произведенія. А съ другой стороны ни нужды, ни требованія времени не могли содѣйствовать широкому развитію поэзіи. Древнія сокровища: псалмы, изреченія, превосходная книга Іова, пророческія и другія — были вполне достаточны, чтобы улаживать и поучать духъ и сердце. Но за то славныя дѣянія Маккавеевъ были увѣковѣчены на языкѣ Библии,

всѣ событія были описаны на немъ, а на монетахъ были выбиты еврейскія надписи.

Иудейскій народъ имѣлъ въ то время вообще простые обычаи; онъ жилъ для работы и набожности. Благословенная небомъ чета сопровождала евреевъ при работѣ и богослуженіи. Когда царица дня въ своей блистающей діадемѣ прогоняла предъ собою тьму, и свѣтлое утро отрывало спящаго отъ его ночного покоя, то его первою мыслью, первымъ словомъ его была хвала Тому, кто ниспосылаетъ свѣтъ на землю для людей. Какъ жаворонокъ съ наступленіемъ дня поднимается къ облакамъ, чтобы затянуть свою звонкую пѣснь Творцу, такъ и миллионы душъ и голосовъ съ благоговѣніемъ возносили Невидимому хвалу, лишь только появлялась утренняя заря. Съ обыкновенными силами и духомъ приступалъ затѣмъ каждый къ тяжелому дневному труду, и ангелы вѣры и радости неразлучно шли съ нимъ.

Въ ослѣпительномъ и солнечномъ сіяніи, въ тихо и кротко проявлявшемъ вѣтеркѣ, въ переливахъ красокъ и благоуханій цвѣтвъ, какъ и въ буряхъ и непогодахъ, познавалъ онъ доброту, любовь и всемогущіе Божіе. За каждое наслажденіе для всякаго явленія природы, за все радостное и тревожное имѣлось у каждого краткая молитва. Дома между тѣмъ спокойно и кротко правила жена, стараясь сохранить и умножить ниспосланное благословеніе. Женщина занимала у евреевъ весьма почетное мѣсто, какъ ни у одного народа древности. Изреченія и псалмы обвили ее цвѣтущимъ вѣнкомъ. Обширное поэтическое произведеніе, составленное по порядку буквъ еврейскаго алфавита, прославляетъ честную женщину. Бракъ считался священнымъ, а домашній миръ неприкосновеннымъ благомъ. Женщина занималась первымъ воспитаніемъ ребенка. Лишь только загоралась въ крови божественная искра сознанія, лишь только начинало дитя лепетать, какъ мать уже говорила ему символы вѣры, которое оно повторяло за нею. Уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ любящая мать раскрывала сердце своего дитяти, чтобы ангелъ добра, красоты и правды вошелъ въ него и не оставлялъ до послѣдняго бѣнія. Религія была для ребенка жизненнымъ воздухомъ; она услаждала каждое его дыханіе. Благотворительность, человѣколюбіе, мораль, нравственность—вотъ заветы религіи, которые запечатлѣвались въ ребенкѣ. Если мать мѣсила тѣсто, то она часть—«Халла»—отдавала священнику. Она открывала руку бѣдному, подносила дары нуждающемуся. Вдовы и сироты всегда находили у нея защиту и поддержку. «Человѣкъ не благо-

честивъ, если онъ не добросердеченъ», говорила народная пословица. Это было самымъ дѣйствительнымъ и самымъ нагляднымъ урокомъ для ребенка. Святые впечатлѣнія, испытанныя имъ подъ родною кровлей, росли, созрѣвали и не покидали его даже тогда, когда старость налагала морщины на его лобъ. Законы религии строго предписывали отцу обучать дѣтей; если онъ имѣлъ необходимое для этого время, то самъ занимался этимъ; въ противномъ случаѣ его замѣнялъ учитель. Ни въ одномъ населенномъ мѣстѣ не было недостатка въ школахъ. Во время Юсифа Флавія въ Иерусалимѣ было 480 школъ. Греки и римляне налагали эту весьма важную обязанность на рабовъ, которые не были способны къ какой-либо иной работѣ. Въ Римѣ сложилась пословица «кого не навидятъ боги, того они дѣлаютъ педагогомъ». Обращеніе съ учителями было самое позорное, какое только можно себѣ представить. Бывали примѣры, что педагоги лишали себя съ отчаянія жизни, чтобы избѣжать жестокостей, которымъ они подвергались со стороны родителей и учениковъ. Въ Палестинѣ напротивъ говорилось по этому случаю: «почитай своего учителя такъ, какъ ты почитаешь Бога». Учитель стоялъ выше родителей: «послѣднимъ чело­вѣкъ обязанъ тѣлеснымъ существованіемъ, а учителю — умственной жизнью и свѣтомъ души» — говорила толпа. Такое воззрѣніе могло имѣть мѣсто только въ Палестинѣ, гдѣ знанія и науки служили признакомъ благородства, гдѣ было позоромъ считаться невѣждою, «ам-гаарецемъ».

Язычникъ прилагалъ всѣ средства, чтобы умертвить чувство состраданія; жестокосердіе считалось славою. Цицеронъ не можетъ достаточно восхвалить гладиаторскія игры, потому что онѣ уничтожаютъ всякое нѣжное движеніе нашего духа. Въ дѣйствительности ничто не могло скорѣе превратить чело­вѣка въ кровожадное животное, чѣмъ когда мужчины и женщины, юноши и дѣвушки тысячами стекались въ циркъ, чтобы видѣть обнаженныхъ бойцовъ, терзавшихъ другъ друга своими короткими мечами такъ, что кровь потоками лилась по песку, пока они обезсиленные не выпускали духъ среди предсмертныхъ судорогъ и конвульсій. За эту бѣдность чувства должны были поплатиться своею жизнью многія невинныя дѣти. Безчеловѣчный отецъ могъ безчеловѣчно подкинуть ихъ, умерщвлять; законъ не защищалъ ихъ. Въ Спартѣ слабыя дѣти были немедленно убиваемы; такъ постановилъ законодатель Ликургъ. Римлянинъ Плиній жалуется на недостатокъ семейнаго чувства у своего народа, который не хочетъ воспитывать

ни законныхъ, ни незаконныхъ дѣтей, за исключеніемъ одного или, самое большое, двухъ, чтобы ихъ наградить съ избыткомъ. Индѣйская мать отдавала свое дитя на съѣденіе птицамъ или бросала въ священный Гангъ. Въ Палестинѣ, гдѣ господствовало отличное семейное чувство, говорили: «дѣти — даръ Божій». Изъ семейной жизни пророки и пѣвцы брали содержаніе для своихъ плѣняющихъ сердце картинъ и сравненій. Даже для Бога не было имени, лучшаго, чѣмъ отецъ. «Какъ отецъ своихъ дѣтей, такъ милуетъ васъ Господь». — «Какъ мать не забываетъ своего младенца, такъ и Я не забуду тебя, говоритъ Всемиловитый». — «Вы—дѣти для Превѣчнаго!» сказалъ Моисей къ народу. Души и сердца родителей и дѣтей неразрывно были связаны другъ съ другомъ, союзъ любви обвилъ ихъ горячо и крѣпко навсегда.

Съ особенною святостью праздновались суббота и праздники. Церемоніи, происходившія въ это время, служили знаками, символами, которые направляли душу къ небу, вызывали въ памяти дѣянія древности и давали отцу случай укрѣплять и облагораживать сердца своихъ дѣтей поученіями и наставленіями. Это—были дни чистой и ясной семейной радости, дни самыхъ искреннихъ и самыхъ счастливыхъ восторговъ. «Раздѣли день: пусть половина будетъ посвящена тебѣ и твоему дому для радостей, а половина твоему Богу!» гласитъ одна заповѣдь относительно праздничныхъ дней, которые внесли небесную поэзію въ прозу жизни. Въ Іерусалимскомъ храмѣ въ эти дни совершалась торжественная служба. Первосвященникъ въ вытканныхъ золотомъ одѣяніяхъ, множество священниковъ въ великолѣпныхъ украшеніяхъ, облака оиміама, поднимавшіяся вверхъ и терявшіяся въ воздухѣ, громкіе звуки трубъ, хоровое пѣніе левитовъ, сопровождаемое различными музыкальными инструментами — все это оказывало чарующее дѣйствіе, вызывало торжественное и священное настроеніе.

Жившіе внѣ Іерусалима стремились въ синагоги, которыя исполняли храмовую службу. Греческое слово «синагога» значитъ «мѣсто собранія», каково находилось во всякомъ населенномъ мѣстѣ. Въ городахъ было ихъ нѣсколько; напримѣръ, въ Тиверіадѣ—тринадцать. Нѣкоторые изъ нихъ были замѣчательной красоты. Великолѣпныя монументальныя произведенія строительнаго искусства представляли онѣ въ Александріи, Антиохіи, Лидѣ, Дамаскѣ, Аѳинахъ, Коринѣ, Фессалоникахъ, Эфесѣ, Римѣ. Въ нихъ искали и находили назиданіе и благоговѣніе, поученіе и наставленіе. Философъ Филонъ говорить: «по субботамъ открывались мно-

гія синагоги, въ которыхъ учились мудрости, умѣренности, неустрашимости, справедливости и другимъ добродѣтелямъ. Одинъ изъ учениѣйшихъ вставалъ и рассуждалъ о самомъ благотворномъ и самомъ полезномъ, помощію чего человекъ стремится къ лучшему въ жизни».

Изъ Моисеевой Торы читался отрывокъ, затѣмъ глава изъ пророковъ,—Гафтора. Чтеніе Торы ведетъ свое начало со временъ Эдры. Обычай читать изъ пророковъ возникъ во времена сирийскихъ преслѣдованій, когда недоставало свитковъ Торы, поэтому ихъ замѣняли книгами пророковъ, что и совершается до сихъ поръ. За прочитаннымъ отрывкомъ народный учитель говорилъ рѣчь, которую пересыпалъ и украшалъ легендами, сагами, мѣтами, баснями или рассказами изъ отечественной или всемірной исторіи, «потому что это сильнѣе приковывало умы». Примѣромъ можетъ служить слѣдующая легенда: «Господь показалъ Моисею все великолѣпіе небесъ, среди котораго будутъ жить благодѣтельные души на томъ свѣтѣ. Здѣсь было столь много прекраснаго и драгоцѣннаго, что Моисей не зналъ предѣловъ своему удивленію; ослѣпленный блескомъ онъ спросилъ: «для кого все это, Вседержитель?» — И Тотъ сказалъ: «для того, кто отечески приметъ осиротѣвшее дитя и съ любовію воспитаеъ его!»

Люди часто безсознательно работаютъ у станка времени и доставляютъ Провидѣнію средства для споспѣшествованія ихъ дальнѣйшимъ намѣреніямъ. Синагога, основанная членами Великаго Собора, служила сильнѣйшею поддержкой для сохраненія Израиля. Ея постройкою и отдѣлкою занимался почти каждый періодъ времени. Творческіе умы сочиняли пѣсни, слагали молитвы по своимъ личнымъ воззрѣніямъ, мгновеннымъ настроеніямъ и по господствовавшему вкусу въ ихъ время. Іуда Маккавей велѣлъ составить молитву за павшихъ въ бою; синагога приняла ее, и, безъ сомнѣнія, тогда-то въ праздники было введено духовное торжество за усопшихъ, во время котораго посвящались дорогимъ умершимъ теплое воспоминаніе и тихія слезы. Вмѣстѣ съ храмомъ возникли въ Іерусалимѣ сотни синагогъ; одна даже въ самомъ храмѣ. Такимъ образомъ, уже за много столѣтій было найдено самое дѣйствительное средство, могущее замѣнить храмъ послѣ его потери. Поэтому прекрасно и мѣтко сказалъ недавно умершій изслѣдователь іудейской исторіи д-ръ Цунцъ изъ Берлина: «евреи давно потеряли свою самостоятельность и свое отечество; но среди гибели всѣхъ учреждений у нихъ осталась синагога единственною опорою ихъ

національності. Туда спаслась ихъ вѣра и оттуда получаютъ они подкрѣпленіе для своихъ земныхъ странствій, силу и терпѣніе въ непрерывныхъ страданіяхъ и надежду на грядущую зарю свободы. Общественная служба была знаменемъ іудейской національности, эгидою іудейской религіи».

Съ особенною радостью праздновались въ Палестинѣ три паломническихъ праздника, которые служили пограничными камнями какъ отечественной исторіи, такъ и природы страны и воздѣлыванія земли. Однако чаша радостей никогда не должна была переполняться, слѣдовало остерегаться всякаго излишка, всякаго не нравственнаго поступка, всякаго нарушенія приличій. Дѣятельная жизнь шла въ деревняхъ и городахъ, когда мужья готовились къ путешествію въ Іерусалимъ, когда каждый запасался приношеніями, жертвами и дарами: «никто не смѣлъ являться съ пустыми руками». Въ золотыхъ или серебряныхъ сосудахъ, въ красиво сплетенныхъ лвовыхъ корзинахъ лежали лучшіе плоды, только что созрѣвшіе подъ лучами жгучаго солнца. Какъ птица укладываетъ своихъ дѣтокъ въ гнѣздѣ на мягкой постели, такъ и сладкіе и сочные плоды были заботливо разложены на листьяхъ и травѣ, чтобы предохранить ихъ отъ порчи. Въ главномъ городѣ округа собирались богомольцы изъ окрестностей, и здѣсь устраивался порядокъ шествія. Впереди вели великолѣпнаго быка, украшеннаго листьями и цвѣтами, съ позолоченными рогами; онъ назначался торжественною жертвою. Трубы и флейты подавали знакъ для выступленія, хоръ сильныхъ голосовъ пѣлъ: «я радуюсь, когда мнѣ скажутъ, что мы должны шествовать въ домъ Превѣчнаго!» Ихъ ожидали на всѣхъ мѣстахъ, радостно привѣтствовали, и жители присоединялись къ нимъ. Такимъ образомъ, шествіе росло все болѣе и болѣе, подобно потоку въ своемъ теченіи. Ночевали подъ открытымъ небомъ изъ боязни быть оскверненному случайною смертію въ домѣ и черезъ это лишиться возможности вступить въ храмъ. Наконецъ необозримое шествіе достигало Іерусалима; черезъ посланныхъ они дали тамъ знать о своемъ прибытіи, и знатнѣйшіе города являлись къ нимъ для торжественныхъ привѣтствій. «Благословеніе Божіе да будетъ надъ вами!»—«Мы благословляемъ васъ именемъ Превѣчнаго!» Такъ потрясали они воздухъ своими взаимными привѣтствіями. «Мы предъ твоими воротами чудный Іерусалимъ, вновь возрожденный городъ, въ которомъ мы собираемся всѣ вмѣстѣ!» — Съ этою пѣснью вступали они въ городъ, двигались подъ звуки музыки и пѣнія по всѣмъ улицамъ, всѣ ремесленники и жители шпалерами стояли по

обѣмъ сторонамъ и провожали ихъ восторженными кликами. Такъ шествіе достигало храмовой горы, поднималось на вершину къ священнымъ чертогамъ, священники принимали у нихъ дары, обращали ихъ во всѣ четыре стороны, чтобы символически явить ихъ Вездѣсущему. Нѣкогда пророкъ Іеремія жаловался съ глубокою скорбью: «дороги къ Сіону печалятся, никто не ходитъ по нимъ къ праздничному торжеству, ворота опустѣли, священники вздыхаютъ, дѣвушки плачутъ, исполнены горечью». Теперь жалобы замолкли, чувство скорби замѣнилось чувствомъ радости, ликования и радостное пѣніе раздавались по праздникамъ въ Іерусалимѣ.

Особенною торжественностью было обставлено приношеніе пасхальнаго агнца 14 Нисана (Апрѣль), мясо котораго заѣмъ съѣдалось вечеромъ съ прѣснымъ хлѣбомъ—мадой—и горькими травами, причѣмъ вспоминали объ исходѣ изъ Египта. Каждый долженъ былъ выпить четыре бокала вина, увеселять свое сердце, и въ этомъ счастливомъ настроеніи пѣлись хвалебныя и торжественныя пѣсни. По прошествіи перваго дня Пасхи вечеромъ при ясномъ сіяніи луны начиналась жатва ячменя, и не спали всю ночь. Съ этого вечера считали 49 дней, а 50-й былъ Шебуотъ, Пятидесятницей, вторымъ паломническимъ праздникомъ. Изъ новой пшеничной муки священнику подносились два красивыхъ и вкусныхъ хлѣба.

Третій паломническій праздникъ, Суккотъ, выпадалъ 15-го Тишри (Сентябрь). Тутъ уже исполнялось благословеніе года: тяжелые снопы хлѣба наполняли житницы, плоды разныхъ сортовъ—амбары, драгоценное и крѣпкое вино—погреба; полевая работа уже была закончена. Жили въ покрытыхъ листьями шалашахъ (суккотъ) подобно тому, какъ жили въ пустынѣ предки наши въ палаткахъ по обычаю кочевниковъ, и тѣмъ сильнѣе была радость за обладаніе щедрою землею. Плоды разнаго рода, собранные въ году, выставались въ видѣ букета, перевитаго золотыми нитями. Возлѣ стройной пальмовой вѣтви красовалось благоухающее и вкусное райское яблоко. мирта была поставлена подъ ивы; онѣ символически выражали національное единодушіе. Люди, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, высокаго происхожденія и низкаго, должны были чувствовать себя въ мирѣ и согласіи. Съ праздничнымъ вѣнкомъ въ рукахъ они пѣли отъ полнаго сердца «Аллилуія», славили и благодарили Раздавателя благъ, и въ благодарность за ниспосланный дождь они приносили въ этотъ праздникъ сбора на алтарѣ водную жертву. Священникъ съ золотою кружкою сходилъ съ горы Моріи въ долину къ источнику Силоа. Его сопровождали священ-

ники въ торжественной процессіи, левиты съ пѣніемъ и игрою на инструментахъ и большая толпа народа. Пророческое слово: «вы будете черпать воду съ веселіемъ изъ источниковъ благоденствія»—сбылось на самомъ дѣлѣ. Дорога и туда, и обратно оглашалась выраженіями радости. Ночью храмовая гора освѣщалась такъ, что отъ этой иллюминаціи городъ озарялся на далекое разстояніе. Дворы были переполнены веселившимися людьми. Женщины и дѣвушки съ возвышенія смотрѣли на это зрѣлище. Самые знатные и самые достойные жители также приходили, пѣли, вымышляли и исполняли танцы съ факелами, чтобы возвысить народныя ликования. «Кто не видалъ удовольствій при черпаніи воды, тотъ никогда не видѣлъ настоящей радости», свидѣлствуютъ древніе письменные источники.

Наоборотъ, чисто-религіозные праздники Нового Года и Дня Прощенія праздновались серьезно, въ собраніи и съ достоинствомъ, какъ дни покаянія, они посвящались молитвѣ, сердечнымъ испытаніямъ и духовному очищенію. Ко дню Прощенія 10-го Тишри первосвященникъ долженъ былъ готовиться въ теченіи семи дней и жить въ одномъ отдѣленіи при храмѣ. Его обязанности въ этотъ день были тяжелы и утомительны. Когда онъ по исходѣ дня оставлялъ храмъ, то весь народъ сопровождалъ его домой, куда онъ не ходилъ восемь дней. Въ ближайшій праздникъ Суккотъ онъ давалъ своимъ друзьямъ товарищескій обѣдъ въ вознагражденіе за счастливо перенесенный день покаянія.

По возвращеніи изъ Вавилона народъ обратился къ пророку Захаріи, слѣдуетъ-ли еще сохранять посты и печальные дни воспоминанія о разрушеніи Іерусалима и храма Навуходоносоромъ. Но пророкъ сказалъ: «Печальные дни будутъ для васъ днями радости и веселія, любите только правду и миръ».

Дважды въ году справлялись народные праздники: 15-го Ава (Іюля) и по прошествіи дня Прощенія. Тогда дѣвушки отправлялись толпами на виноградники, гдѣ забавлялись пѣніемъ и танцами. Юноши также приходили туда и при этомъ часто заключались брачные союзы. Изъ тѣхъ пѣсенъ, распѣвавшихся тамъ звонкими дѣвичьими голосами, остались только отрывки, какъ напримѣръ: «юноша, открой свои глаза; смотри лучше на благородныя добродѣтели, чѣмъ на тѣлесную красоту!»—«Глаза не начернены, щеки не нарумянены, однако въ нихъ много прелести». На эти праздники всѣ дѣвушки являлись въ бѣлыхъ платьяхъ, которыя онѣ обязаны были одалжи-

вать: это дѣлалось изъ уваженія къ бѣднымъ, чтобы онѣ могли одѣваться, не боясь вызвать чье-либо презрѣніе. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и вездѣ, господствовали кротость и доброта.

VI.

Фарисеи, Эссеи, Саддукеи.

Великое искусство настроить всѣ члены одного народнаго тѣла какъ струны одного инструмента такъ, чтобы они зазвучали гармонически, до сихъ поръ еще не открыто. Весьма остроумно выразился нѣкогда одинъ древній учитель: «смотри и удивляйся чудесамъ твоего Творца! — Человѣкъ сдѣлалъ только одну печать, и всѣ оттиски ея похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Богъ также создалъ всѣхъ людей по первообразу Адама, и все-таки не нашли еще двухъ изъ нихъ, вполне похожихъ другъ на друга». Какъ черты лица и формы тѣла, такъ и направленія ума и наклонности сердца различны между собою, а если двое уже дѣлаютъ одно и то-же, то это не всегда одинаково, потому что цѣль и намѣренія могутъ быть различны у cadaго. Это въ особенности бываетъ причиною паденія энергичныхъ и дѣятельныхъ обществъ, которыя не позволяютъ водить себя за веревочку, какъ слѣпыхъ. Іудейскій народъ, получивъ самостоятельность, не впалъ ни въ обезсиливающую страсть къ наслажденіямъ, ни въ апатическій индифферентизмъ. Онъ сохранилъ всю дѣятельность и бодрость ума, сталъ доискиваться истины, углубился со всѣмъ пыломъ въ свое ученіе, въ свой законъ и образовалъ себѣ изъ нихъ свои воззрѣнія на жизнь. А что здѣсь взгляды отдѣльныхъ лицъ не могли согласоваться между собою, что явились рѣзкія противоположности въ различныхъ мнѣніяхъ, это само собою понятно. Такимъ образомъ, произошло то, что изъ множества оттѣнковъ нашлись мало-по-малу приверженцы однихъ и тѣхъ-же убѣжденій, которые образовали партіи и тѣснѣе примкнули другъ къ другу, хотя и между ними было также много переходовъ. Такихъ партій было именно три: фарисеи, эссеи или эссеяне и саддукеи. Всѣ они пустили крѣпкіе корни въ народѣ еврейскомъ и его ученіи; вѣра одинаково согрѣвала души и сердца ихъ всѣхъ; они не образовали никакихъ отдѣльныхъ сектъ, но при всемъ томъ въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь слѣдовали по другимъ, расходящимся

направленіямъ. Что еще раздѣляло вышеназванныхъ при всемъ ихъ единствѣ былъ ихъ политическій образъ мыслей въ критическихъ обстоятельствахъ государства; но такъ какъ государственная жизнь во всѣхъ своихъ порахъ была пропитана религіей, то всякое противорѣчіе во мнѣніяхъ относительно государственнаго устройства неизбѣжно должно было болѣе или менѣе коснуться также религіи, почему эти партіи могутъ быть названы религіозными. Ихъ описаніе необходимо для пониманія дальнѣйшихъ событій, поэтому мы здѣсь и поговоримъ о нихъ въ главныхъ чертахъ.

1.

Самую сильную и вліятельную партію составляли фарисеи, перушинъ, т. е., отдѣлившіеся. Тщательно удалялись они отъ всего, что могло-бы ихъ осквернить или удержать отъ посѣщенія храма. Къ нимъ принадлежала значительная часть націи. Счастливыя войны и побѣды возвысили чувство самосознанія въ народѣ; онъ научился познавать свое могущество. Своимъ счастьемъ онъ былъ обязанъ пламенному воодушевленію за религію, поэтому послѣдняя еще величественнѣе возсіяла предъ нимъ небеснымъ блескомъ. Языческіе соблазны потеряли всю свою притягательную силу. Чужое никогда не должно было ни ослѣплять зрѣніе, ни обольщать сердце. Священное наслѣдство считалось самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ; вѣрно соблюдать законы, внушать это каждому --- высшею цѣлью. Поэтому фарисей строго исполнялъ постановленія Священнаго Писанія, совершалъ дѣла милосердія для всѣхъ безъ исключенія, соблюдалъ умеренность въ удовольствіяхъ, презиралъ тщеславный блескъ и ничтожную суету, не жаждалъ ни богатства, ни почетныхъ мѣстъ, выказывалъ себя твердымъ въ данномъ словѣ и непоколебимымъ въ религіи. Въ покорной преданности видѣлъ онъ свое назначеніе, а судьбу государства предавалъ въ руки Провидѣнія. Онъ вѣрилъ также въ загробный міръ, гдѣ исчезаетъ весь мракъ, разрѣшаются всѣ загадки жизни, гдѣ повѣрлется кажущаяся часто несправедливость въ распредѣленія земныхъ богатствъ, гдѣ заслуга находитъ свою награду, а измѣна -- возмездіе. Ученіе Моисея онъ понималъ не въ буквальный смыслъ, но въ духъ божественной любви и кротости. Таковы были его воззрѣнія. Къ фарисеямъ принадлежали извѣстнѣйшіе законоучители, которымъ Израиль обязанъ своею цѣлостію.

Ни къ одной партіи не относились никогда съ такою вопіющею

несправедливостью, какъ къ фарисеямъ. Ихъ часто клеймятъ именемъ ханжества и лицемерія. Но возможно-ли, чтобы такой недостойный образъ дѣйствій былъ свойствененъ цѣлой націи? Тѣмъ не менѣе возможно также и то, что такое весьма многочисленное общество состояло сплошь изъ высоко-нравственныхъ и твердыхъ характеровъ, среди которыхъ каждый членъ былъ вполне свободенъ отъ пороковъ. Фарисеи относились очень чисто съ полнымъ негодованіемъ и раздраженіемъ къ людямъ съ такимъ образомъ мыслей и безъ убѣжденій, которые унижали имя партіи. Древній источникъ насчитываетъ семь степеней фарисеевъ и жестоко бичуетъ при этомъ лицемеровъ и льстецовъ. Но кто дѣлаетъ цѣлое общество ответственнымъ за каждого его члена, тотъ совершаетъ тяжкую несправедливость, обнаруживаетъ недостатокъ смѣлости, достойную наказанія жестокость.

2.

Эссеями или Эссеянами назывались тѣ дошедшіе до крайности и экзальтированные люди, которые землю со всѣми ея благами и удовольствіями считали грѣшною, старались избѣгать ее и хотѣли жить въ одиночествѣ и только для неба. Число ихъ не превышало 4000; однако, эта дѣятельная толпа могла вызвать всемірное событіе, которое нанесло смертельный ударъ всей машинѣ древняго міра. Именно, Эссеяне были истинными основателями христіанства.

Тѣ хасиды, которые обвиняли престарѣлаго Матаію въ томъ, что онъ въ субботу приказалъ взяться за оружіе по необходимости личной обороны, также и тѣ, которые удалились отъ Іуды Маккавей, такъ какъ онъ не вновь съ основанія перестроилъ оскверненнаго храма, — были отцами Эссеевъ, усилившихся потомъ увеличеніемъ числа сторонниковъ своихъ убѣжденій. Экзальтація впоследствии была принесенною ими въ міръ матерью, которая была такъ богата странностями и такъ надѣлила ими дѣтей своихъ, что обращали на себя вниманіе и удивленіе не только своихъ іудейскихъ единовѣрцевъ, но и язычниковъ, познакомившихся съ ними.

Филонъ, Іосифъ и римлянинъ Плиній согласно рассказываютъ объ Эссеяхъ. Последніе образовали братскій союзъ съ опредѣленными правилами. Они не посѣщали храма, за то вели образъ жизни, исключительно окруженный святостью, чтобы сдѣлать ненужными храмъ и жертвы. Прежніе хасиды любили, подобно назиреямъ, воздержаться иногда отъ вкушенія вина. Эссеи были назиреями въ

жизни. Они не пили никогда вина, никогда не ѣли мяса, вкушали въ силу своего отреченія только то, что нужно было для поддержанія своего существованія, умерщляли въ себѣ всякій порывъ къ удовлетворенію чувственныхъ желаній; удаленіе отъ міра они считали спасеніемъ. Но, несмотря на такія лишенія жизненныхъ потребностей, они всегда пользовались цвѣтущею наружностью, достигали преклоннаго возраста, такъ что столѣтніе старцы не были у нихъ рѣдкостью. Они большею частью вели безбрачную жизнь, но за то принимали къ себѣ покинутыхъ и осиротѣвшихъ дѣтей, которыхъ они воспитывали съ самоотверженнымъ патріотизмомъ, Города были для нихъ вертепомъ грѣховъ и пороковъ; они охотнѣе жили въ пустыняхъ, вдали отъ мірскаго шума. Съ наибольшею точностью соблюдали они законы о чистотѣ; они боялись касаться кого-либо или принимать изъ чьихъ-либо рукъ пищу или питье, такъ какъ ни въ комъ не полагали одинаковой осторожности. Между собою они пользовались общностью владѣнія; что имѣлъ одинъ, то принадлежало всѣмъ остальнымъ. Ихъ основное правило гласитъ: «мое пусть будетъ твоимъ, твое пусть будетъ моимъ». Ихъ образъ жизни былъ всегда одинаковъ. Утромъ принимали они холодную ванну, потомъ одѣвали бѣлую льняную одежду, сидѣли молча въ нѣмъ размышленіи, чтобы вызвать въ себѣ набожное настроеніе. Едва только засверкаетъ первый лучъ солнца, они съ восторженнымъ одушевленіемъ произносили вѣрованіе: «внимай Израиль, единый нашъ Господь Богъ!» и другія молитвы, затѣмъ надѣвали рабочее платье и начинали дневной трудъ. Они занимались земледѣліемъ, садоводствомъ и ремеслами всѣхъ родовъ; только оружія и военныхъ снарядовъ они не приготавливали. Послѣ пятичасовой работы они снова купались, облекались въ бѣлую одежду и приступали къ общему обѣду. Предъ ѣдой они умывали руки, отирали ихъ передникомъ, который былъ подвѣзанъ у каждого и молились. Затѣмъ одинъ произносилъ рѣчь реальнаго содержанія безъ всякаго витійствованія. Молча слушали всѣ поучительное слово, никто не смѣлъ прерывать говорящаго. Только нѣмымъ киваніемъ головы выражали они одобреніе или неясность: потомъ каждый ѣлъ хлѣбъ съ солью или иссопомъ, запивая водою. Обѣдъ заканчивался молитвою. Послѣ обѣда работали до самаго вечера и тогда совершали еще разъ подобную трапезу. Суббота была посвящена исключительно духовному просвѣщенію и сердечному успокоенію. Въ свободные часы изучали они законы или Священное Писаніе. Торговли они гнушались, потому что презирали богатства. Они ненавидѣли всякую

ложь, никогда не давали присяги, слова «да» и «нѣтъ» были у нихъ равносильны присягѣ и клятвѣ; ихъ строгая честность была извѣстна. Вновь поступавшій къ нимъ долженъ былъ выдержать годъ испытаній, прежде чѣмъ назваться сочленомъ. Они учились также искусству врачеванія.

Все это, конечно, было прекрасно и похвально; но самый яркій свѣтъ отбрасываетъ также и самую густую тѣнь. Созерцательный и монотонный образъ жизни, наклонность и стремленіе къ святости содѣйствовали у нѣкоторыхъ развитію мечтательности. Бичеваніями, частымъ купаніемъ и умерщвленіемъ всѣхъ плотскихъ побужденій они думали стряхнуть съ себя прахъ земли и вполне одухотвориться. Изъ своей пламенной восточной фантазіи они поднимались къ облакамъ, возносились въ заоблачныя страны, абсолютно недоступныя здравому разсудку. Въ своихъ галлюцинаціяхъ и восторгахъ они видѣли себя перемѣщенными на небо. Ихъ упоенные очи зрѣли уже окруженный пылающимъ огнемъ тронъ величія Превѣчнаго, «толпы шестикрылыхъ ангеловъ, которые восклицали «святъ, святъ, святъ» и своими кликами потрясали пороги и колебали столбы». Подобныя фантазмагоріи такъ часто очаровывали ихъ, что онѣ сгущались въ ихъ душѣ и казались имъ дѣйствительностью. Такимъ образомъ, преданные самообману, они стали потомъ обманывать и міръ своимъ чудеснымъ леченіемъ, заклинаніями демоновъ, утверждали, что имѣютъ общеніе съ ангелами, что для нихъ открытъ міръ духовъ. Они хотѣли снова призвать угасшее предвѣдѣніе и ослѣпленный взоръ пророковъ, объясняли сны и предсказывали будущее. Легковѣрная толпа смотрѣла на нихъ, какъ на высшія существа, и вѣрила въ ихъ чудеса. Но безпристрастный и просвѣщенный фарисей скорбѣлъ о подобныхъ заблужденіяхъ, считалъ ихъ вредными для разумной религіи и выгодными для суевѣрія. Часто подсмѣивался фарисей надъ «забавнымъ праведникомъ», который не спасалъ женщины отъ утопленія изъ боязни коснуться ея и взглянуть на нее. Поэтому эссеи стали ненавистны фарисеямъ и старались ихъ обезславить. Это были темныя стороны эссеевъ или эссеянъ. Ихъ имя производятъ отъ слова «Ассія», помощникъ, исцѣлитель, отъ греческаго «hoseos», священный, также отъ слова «Эссеусъ», какъ звали ихъ основателя. Народъ называлъ ихъ «хашаанъ, ценуимъ», непоколебимыми, молчаливыми, воздержанными. Они не оказывали никакого вліянія на государство и общество; ихъ дѣятельность относится къ позднѣйшему періоду, когда они, какъ уже было сказано, положили основаніе христіанства.

Наконецъ, третья партія: Саддукеи, Цадукимъ, названные такъ по имени ихъ основателя Цадока, состояла большею частію изъ аристократовъ, дипломатовъ, военачальниковъ, сановниковъ, священниковъ, левитовъ, грѣвшихъ въ солнечномъ блескѣ Хасмонеевыхъ князей. По мнѣнію фарисеевъ, только поколѣніе Давида имѣло право на царское достоинство; саддукеи не признавали такого права за этою династіею, потому что праматерь Давида Руевъ была моавитяною, происходила изъ народа, которому законъ воспрещалъ доступъ къ Израилю. Но фарисеи въ пользу Давида учили: «моавитяне, а не моавитянки имѣются въ виду этою мѣрою». Саддукеи не придавали никакого значенія истолкованіямъ фарисеевъ, буквально держались Моисеева ученія, мертвыхъ буквъ и выказывали себя неумолимыми до жестокости. «Око за око, зубъ за зубъ», было ихъ руководящимъ ученіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они оставили вѣрованіе въ возмездіе послѣ смерти, потому что объ этомъ не вполнѣ ясно сказано въ книгахъ Моисея. Въ свободной волѣ чловѣка они видѣли безответственнаго господина, обладающаго самодержавною властью; успѣхъ и неудачу въ торговлѣ они считали наградою и наказаніемъ. Они издѣвались надъ изреченіями фарисеевъ и говорили: «они изнуряютъ себя на землѣ и не найдутъ на небѣ желаемой награды». И объ ихъ старательномъ исполненіи законовъ о чистотѣ они такъже выражались съ насмѣшкою: «они вздумаютъ еще чистить и самое солнце». Саддукеи имѣли вліяніе и значеніе не столько по своему числу, сколько по своему общественному положенію; но народнымъ расположеніемъ они никогда не пользовались. Они возвысили государство надъ религіею, между тѣмъ какъ фарисеи признавали религію единственною крѣпкою опорою государства и питали небесныя надежды. Тѣлесную смерть они считали переходомъ къ райскимъ радостямъ, «гдѣ благочестивыя души, украшенныя небесными вѣнцами, въ сіяніи небеснаго величія, наслаждаются сверхъестественными благами», въ то время какъ саддукеи жили только для суетъ мірскихъ, не надѣясь и не боясь будущей жизни. Такъ непримиримы между собою были ученія обѣихъ партій. Эссеи заключали все счастье въ удаленіи отъ міра, ихъ царство было не отъ міра сего, къ царству небесному лежали ихъ стремленія и потребности. Для саддукеевъ земля была всѣмъ; земное счастье, наслажденія, вліяніе и могущество были главною пѣлюю ихъ существованія. Фарисеи видѣли въ земной жизни

«преддверіе вѣчности, подготовительнымъ мѣстомъ для духовнаго блаженства въ будущей жизни»; поэтому и земная жизнь также имѣла для нихъ высокую цѣну, а въ то-же время цѣлое море небесныхъ надеждъ наполняло ихъ сердце. Возрѣнія фарисеевъ пользовались всеобщю любовью и пустили глубокіе корни въ народѣ, на котораго они дѣйствовали утѣшающимъ и возвышающимъ образомъ. Только съ фарисеями чувствовалъ онъ себя за одно, цѣнили ихъ учителей и ученія послѣднихъ, вѣрнымъ окомъ угадывалъ въ нихъ самыхъ крѣпкихъ столповъ, закаленныхъ бойцовъ за существованіе іудейскаго народа и религіи.

VII.

Синедріонъ, (Сангедринъ).

Синедріонъ, по еврейски Сангедринъ, означаетъ на греческомъ языкѣ совѣтъ, консисторію, состоявшую изъ извѣстныхъ почтенныхъ мужей, облеченныхъ верховною властью. Въ Аѳинахъ, Спартѣ, Карфагенѣ это учрежденіе называлось герусіей, въ Римѣ — сенатомъ. Оба названія означаютъ Совѣтъ старѣйшинъ. Уже Моисей собралъ вокругъ себя старѣйшинъ, какъ естественныхъ главъ и заступниковъ народа; они сопровождали его во дворецъ Фараона, переносили вмѣстѣ съ нимъ въ пустынь бремя народа. Этотъ обычай сохранился и въ позднѣйшее время. Старѣйшинами были также и тѣ, которые вручили князю Симону Маккавею отъ имени народа царское достоинство.

Четыре съ половиною столѣтія государство платило дань Персамъ, Македонянамъ, Птоломеямъ и Селивкидамъ. Теперь эти оковы пали; оно гордо возстало, свободное и самостоятельное, новая весна жизни началась для него, озаренная солнцемъ радости. Какъ весна въ природѣ оживляетъ землю, такъ и юная свобода пробудила освобожденный народъ отъ зимняго окоченѣнія; ея теплые лучи и оживляющее дыханіе одѣли землю свѣжею, сочною зеленью, великолѣпными, благоухающими цвѣтами; помолодѣвшій народъ страхнулъ съ себя всѣ слѣды тупоумія, высоко и радостно поднялъ голову и блестящимъ слѣдствіемъ этого стремленія къ дѣятельности явилось новое созданіе Сангедринъ.

Послѣ продолжительныхъ и свирѣпыхъ бурь іудейская религія съ торжествомъ побѣдительницы возвратилась, наконецъ, на свою

родину; миръ, такъ давно нарушаемый, исполнилъ теперь души новыми надеждами. Этими приобрѣтеніями народъ былъ обязанъ своему религіозному воодушевленію, и за то рѣшился всецѣло посвятить себя вѣрѣ. Школьная дѣятельность въ теченіе тридцати лѣтъ почти совершенно упала; теперь она должна была снова зацвѣсти. Свѣдушіе въ законахъ учителя обязаны были распространять законы, судьи—произносить по нимъ приговоры. «Изъ Сіона появится ученіе, а Слово Божіе изъ Іерусалима». На всѣхъ единоплеменниковъ въ Азіи, Африкѣ, Европѣ должны были пролиться потоки свѣта и могучая теплота отъ блистающаго центрального солнца священнаго града, чтобы всѣ были тѣсно связаны и соединены между собою въ вѣрѣ. Сангедринъ долженъ былъ доставить это благословеніе.

Задачи этого новаго учрежденія имѣли огромное значеніе. Лучшіе народные ораторы называли Сангедринъ «окомъ Израиля». Къ началу періода второй государственной жизни расцвѣлъ Великій Соборъ; у колыбели освобожденнаго государства возникъ Сангедринъ, кругъ обязанностей котораго долженъ былъ, однако, быть гораздо обширнѣе, такъ какъ народъ въ теченіе этого долгаго промежутка времени вышелъ какъ-бы изъ своего дѣтства въ зрѣлый возрастъ и предъявлялъ поэтому большія требованія. Основной характеръ Сангедрина указанъ уже въ ученіи Моисеева. Моисей собралъ вокругъ себя семьдесятъ старѣйшинъ, каковое число послужило мѣрою и для Сангедрина, состоявшаго изъ 70-ти членовъ. Мѣсто Моисея занималъ глава, Наси, какъ предсѣдатель; по его правую руку сидѣлъ Аб-бет-динъ, представитель суда, по лѣвую—Хахамъ, ученый. Остальные члены размѣщались на опредѣленныхъ мѣстахъ въ полукругѣ, ближе или дальше къ Наси, смотря по своему возрасту, рангу и значенію. Также направленіе этого новаго учрежденія было уже объяснено теоретически въ неопровержимомъ ученіи Моисея. Тамъ, именно, сказано: «если твое судебное дѣло затеряется среди другихъ тяжбъ, то ступай къ избранному Богу мѣсту, выступи священниковъ, левитовъ и судей; они дадутъ тебѣ всѣ свѣдѣнія. По ихъ указаніямъ ты долженъ поступать, не отклоняясь ни вправо, ни влево». Осуществить это правило долженъ былъ Сангедринъ. Такъ называемая грановитая зала (*lischkath haggasith*) въ зданіи храма, служившая также синагогой, была предназначена для засѣданій Сангедрина. Изъ двухъ выходовъ одинъ велъ во внутрь храма, другой—на дворъ, на которомъ происходили народныя собранія. Это служить неопровержимымъ доказательствомъ, что Сангедринъ стремился къ установленію связи между народомъ и храмомъ. На недостатокъ рабо-

чаго матеріала Сангедринъ никогда не могъ жаловаться. Безъ его позволенія ни одинъ священникъ, ни одинъ левитъ не смѣлъ вступить въ должность. Онъ наблюдалъ за браками священниковъ и составлялъ генеалогическія таблицы ихъ происхожденія. Безъ его одобренія нельзя было произвести существеннаго измѣненія ни въ Іерусалимѣ, ни въ храмѣ. Къ этому присоединялись еще: составленіе календаря, установленіе високосныхъ годовъ изъ 13-ти мѣсяцевъ, истолкованіе законовъ, справки многочисленныхъ общинъ внутреннихъ и внѣшнихъ, а также и частныхъ лицъ. Іосифъ Флавій бывшій свидѣлемъ дѣятельности Сангедрина, говоритъ: «Синедріонъ оберегаетъ законы и рѣшаетъ дѣла въ спорныхъ случаяхъ. Спротивленіе его постановленіямъ считалось преступленіемъ противъ Бога и наказывалось какъ подобное».

Засѣданія Сангедрина были доступны каждому, совѣщанія происходили только устно. Порядокъ занятій былъ точно распредѣленъ. при отбираніи голосовъ сперва подавали мнѣніе низшіе члены, чтобы на нихъ не могли оказать вліянія высшіе. Въ уголовныхъ случаяхъ поступали весьма осмотрительно: строгость должна была уступать кротости. Для произнесенія оправдательнаго приговора было достаточно большинство одного голоса, а для обвинительнаго требовался перевѣсъ по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ голосовъ. Смертная казнь допускалась только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Если члены Сангедрина въ теченіе семи лѣтъ произносили хотя-бы одинъ смертный приговоръ, то ихъ уже называли убійцами. Если преступникъ единогласно признавался виновнымъ, то приговоръ считался недѣйствительнымъ; кто-нибудь долженъ былъ сказать и въ пользу его. Если-же виновность признавалась большинствомъ, то на слѣдующій день еще разъ отбирались голоса. Оправдательное рѣшеніе не могло быть отмѣнено, но обвинительное можно было взять обратно. Если предстоялъ смертный приговоръ, то у дверей становился со знаменемъ слуга въ знакъ того, что теперь могли вступать свидѣтели въ пользу преступниковъ. Когда осужденнаго подводили къ судилищу, то судейскій слуга со знаменемъ въ рукахъ садился верхомъ, а герольдъ выкликалъ, чтобы объявилъ себя тотъ, кто могъ-бы облегчить участь приговореннаго. Если это удавалось, то исполненіе приговора откладывалось и показанія свидѣтелей снова разсматривались. Заповѣдь о любви къ ближнему не забывали и предъ преступникомъ, осужденнымъ на казнь, ибо ему говорили: «выбирай лучший родъ смерти». При этомъ поступали со всевозможною пощадою. Знатныя женщины готовили изъ крѣпкаго вина съ пря-

ностями наркотическій напѣтокъ, чтобы ослабить у несчастнаго сознаніе; казнь совершалась быстро, чтобы не обезобразились или исказились черты лица. Послѣ объявленія приговора судья предлагалъ обвиненному, чтобы онъ покался въ грѣхахъ и, заканчивалъ слѣдующими словами: «да искупить смерть моя мою вину!» Гуманное обращеніе съ преступниками рекомендуетъ уже и законъ Моисеевъ, который говоритъ: «не оставляй трупа повѣшеннаго черезъ ночь на висѣлицѣ, ибо повѣшенный служить оскорбленіемъ для Бога; потому не оскверняй этимъ земного царства». У язычниковъ такой трупъ отдавался вѣтру и погодѣ, хищнымъ птицамъ и гніенію.

Кромѣ Великаго Сангедрина изъ 71 члена, въ населенныхъ городахъ были меньшіе Синедріоны—изъ 23-хъ членовъ. Въ Іерусалимѣ было два такихъ учрежденія.

Отъ каждого члена Сангедрина требовалось тѣлесное благообразіе, душевныя преимущества, выдающіяся свѣдѣнія въ законахъ, знаніе нѣсколькихъ языковъ, судейскія способности, даръ краснорѣчія, а въ особенности высшія нравственныя добродѣтели и безпорочность. Престарѣлыхъ и бездѣтныхъ считали неспособными, потому что въ нихъ не признавали требуемаго нѣжнаго чувства.

Сангедринъ подавалъ всѣмъ евреямъ религіозныя указанія. Если, напримѣръ, день новомѣсячія былъ объявляемъ священнымъ, то это извѣщалось всѣмъ туземнымъ и иностраннымъ евреямъ ночью посредствомъ костровъ, зажженныхъ на горахъ. Но когда враждебные Самаритяне тоже стали разводить костры на горахъ, умышленно вводя другихъ въ заблужденіе, то вмѣсто костровъ это сообщалось черезъ вѣстниковъ.

Особенно важно было истолкованіе Моисеевыхъ заповѣдей. Письменное Божественное ученіе не могло спастись отъ этого. Если примѣръ, сказано: «привяжи ихъ къ своей рукѣ»! то неизвѣстно, что и какъ нужно привязать? Если относительно субботы сказано «ты не долженъ исполнять никакой работы», то это опять не ясно, потому что понятіе «работа» можно принимать и въ обширномъ, и тѣсномъ смыслѣ. Самаритяне и въ позднѣйшее время Караймы, враждебно относившіеся ко всѣмъ традиціямъ, принимали все въ буквальномъ значеніи: въ субботу не трогались съ мѣста, проводили цѣлыя сутки безъ свѣчей, безъ огня и ѣли холодныя кушанья, сваренныя въ пятницу. Такъ скучно и невесело проводить этотъ благословенный день—просвѣщеннымъ людямъ казалось непозволительнымъ, мало совмѣстнымъ съ духомъ Божественнаго ученія. По традиціямъ

слѣдовало, чтобы суббота доставляла духовное подкрѣпленіе молитвою и поученіемъ, тѣлесный покой и семейный миръ, чтобы она отличалась лучшею пищею, одеждою и освѣщеніемъ. Вслѣдствіе этого истолкованіе и разъясненіе Священнаго Писанія являлись необходимою, но это не могло быть предоставлено на усмотрѣніе каждаго отдѣльнаго лица: единство было-бы разрушено, паденіе нашло-бы свободный доступъ. Сангедринъ, какъ высшее учрежденіе, былъ исключительно призванъ къ тому, чтобы предписать такіа постановленія, которыя были-бы обязательны для каждаго вѣрующаго. Только это могло-бы связать всѣхъ членовъ въ одинъ религіозный союзъ и удержатъ единый духъ среди Израиля.

Сангедринъ имѣлъ высокое значеніе во всѣ времена и для всѣхъ поколѣній. Въ мѣткихъ изреченіяхъ были изложены всѣ указанія, какъ долженъ каждый сынъ Израиля во всѣхъ положеніяхъ жизни свято и добросовѣстно исполнять уставы своей религіи, и при непрерывномъ употребленіи эти указанія вошли въ обычай. Народъ по привычкѣ совершенно сжилъ съ этими обычаями. Такъ какъ эти ученія передавались устно, то они называются: «устнымъ ученіемъ, традиціей». Не мертвая буква, не громкое слово, но живой духъ, божественное дыханіе, которое проходитъ черезъ весь законъ, служило руководителемъ этому просвѣщенному обществу. Всякая механическая работа, всякій религіозный обрядъ и церемонія была озарена свѣтомъ разума; этимъ только могли они вызвать благородныя чувства, обнаружить возвышенное настроеніе духа, облагородить и просвѣтить народъ.

Съ помощью Сангедрина сословіе ученыхъ достигло цвѣтушаго состоянія и приобрѣло необыкновенное значеніе. Вѣнецъ засверкалъ ярче золота и алмазовъ. «Бастаръ, украшенный знаніемъ стоитъ выше невѣжественнаго первосвященника», гласитъ пословица. Украситься діадемою глубокой учености было высшимъ честолюбивымъ стремленіемъ любознательнаго юноши. «Если ты обладаешь знаніемъ, то чего еще недостаетъ у тебя. Если ты имѣешь все и не приобрѣлъ знанія, то что-же послѣ этого ты имѣешь?». «Велико—знаніе, его мѣсто—между двумя наименованіями Бога», потому что въ пѣснѣ Анны сказано: «Превѣчный есть Богъ знанія!» Подобныя изреченія во множествѣ переходили изъ устъ въ уста, возвышали блескъ духовнаго просвѣщенія и славу его сподвижниковъ. Въ грановитую залу стремились мужи и юноши изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ. Безмолвно и тѣсно другъ къ другу сидѣли они на скамьяхъ, напряженно прислушивались къ каждому сужденію, которое тща-

тельно хранили въ сокровищницѣ своей памяти. Счастливымъ считалъ себя тотъ, кто могъ освѣжить себя въ этомъ пѣнящемся источникѣ и надѣяться быть зачисленнымъ современемъ въ это просвѣщенное общество. Эта умственная жизнь возвысила пламенное сознаніе, увеличила народную силу. Если римскій гражданинъ съ гордостью говорилъ: «я римскій гражданинъ», то еврей чувствовалъ себя гораздо выше, если онъ вполнѣ усвоить Божественное ученіе. Семьдесятъ лѣтъ назадъ Великій Соборъ былъ разсѣянъ сирійскимъ царемъ. Освобожденное отъ оковъ, возникло въ грановитой залѣ новое общество Сангедрина, которое дало древнему племени Яковлеву свѣжія силы юности. Черезъ это народъ еврейскій пріобрѣлъ противъ невзгодъ ту крѣпость, которую неоднократно обѣщали ему пророки въ своихъ пламенныхъ рѣчахъ.

Мы не можемъ окончить эту главу, не вспомнивъ еще объ одномъ Сангедринѣ, составленномъ 2000 лѣтъ спустя. Иудейское царство, храмъ, грановитая зала давно погибли, блескъ Иерусалима давно погасъ,—тогда въ началѣ нашего истекающаго столѣтія снова появился въ Парижѣ Синедріонъ, существовавшій съ 9-го февраля до 9-го Марта 1807 года. Императоръ Наполеонъ I приказалъ ему религіознымъ образомъ освѣтить и подтвердить 12 отвѣтовъ, которые были составлены годомъ раньше въ 1806 году еврейскимъ парламентомъ, болѣе чѣмъ изъ ста членовъ, на 12 поставленныхъ послѣднему вопросовъ. Въ угоду этому потрясавшему міромъ императору Иерусалимскій Сангедринъ служилъ прототипомъ этому позднѣйшему эпигону, также насчитывавшему семьдесятъ выборныхъ; треть его были неравнины. Рабби Иосифъ, Давидъ Зинцгеймъ изъ Страсбурга председательствовалъ подобно Нази; по его правую руку, подобно Аб-бендину, сидѣлъ рабби Иосифъ. Бенціонъ Сегрѣ изъ Барцелли, а по лѣвую подобно Хахаму, сидѣлъ рабби Авраамъ ди-Колонна изъ Манути. Депутатамъ того парламента такъ-же, какъ и членамъ этого Синедріона европейскіе евреи были преимущественно обязаны и обязаны теперь своимъ гражданскимъ равноправіемъ. А потому и этотъ Сангедринъ заслуживаетъ того, чтобы не остаться въ забвеніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Блескъ и паденіе Маккавеевъ.

I.

Іоаннъ Гирканъ.

Іохананъ или Іоаннъ Гирканъ счастливо избѣжалъ кинжала, который назначилъ ему его свирѣпый зять Птоломей бенъ Хабубъ, убійца его отца и братьевъ. Его голова, надъ которою висѣлъ Дамокловъ мечъ, была озарена лучами княжеской короны и діадемы первосвященника. Онъ выказалъ себя достойнымъ своихъ славныхъ предковъ; блестящія княжескія добродѣтели и истинное благочестіе украшали его. Онъ счелъ первою обязанностью отомстить за невинно-пролитую кровь своего великаго отца, выступилъ противъ Птолемея къ Іерихону и осадилъ эту крѣпость. Но, увы, во власти этого чудовища была мать Гиркана, и при каждомъ своемъ нападеніи послѣдній долженъ былъ видѣть бичеванія и мученія престарѣлой вдовы. Бѣдная женщина геройски ободрила своего доблестнаго сына, убѣждала не отступать ради ея печальной участи и наказать преступника по заслугамъ. Но дѣтская любовь побѣдила жажду мести. Гирканъ удалился, гнусный убійца, запятнавъ себя еще невинною кровью своей старой тещи, бѣжалъ изъ страны безъ вѣсти. Никогда не могъ онъ быть счастливымъ подъ бременемъ своей совѣсти.

Но теперь явился въ Іудею съ огромнымъ войскомъ виновникъ этого ужаснаго злодѣянія, сирійскій царь Антиохъ Сидетъ, опустошилъ страну, и война, страшный ангелъ-истребитель, опять выпустилъ на волю всѣ свои ужасы и страданія. Сильно укрѣпленный Іерусалимъ осаждался по цѣлымъ мѣсяцамъ, а тутъ приближался праздникъ Кушей, Суккотъ, въ осеннемъ мѣсяцѣ Тишри, Сентябрѣ, самый веселый паломническій праздникъ въ году. Гирканъ рѣшился

заклѣчить перемиріе на это время, и языческій непріятель обнаружилъ такое великодушіе, другого примѣра котораго исторія никогда болѣе не представляла. Онъ не только оставилъ всю вражду, но и показалъ свое благоговѣніе предъ религіей, прислалъ въ храмъ жертвенныхъ животныхъ съ позолоченными рогами, золотые сосуды съ драгоценными благоухающими пряностями, и всѣмъ этимъ заставилъ позабыть всѣ прежнія жестокости и приобрѣлъ расположеніе народа. И Гирканъ также примирился съ нимъ, заключилъ миръ, и съ тѣхъ поръ дружественный союзъ соединилъ обоихъ государей. Гирканъ помогаль Сирійскому царю противъ Парейанъ, но не могъ отдалить отъ него смертельнаго удара, который постигъ его друга въ 129 г. до Р. Х.

Смерть этого царя вызвала въ Сиріи рядъ междоусобій изъ-за престола, которыя довели это могущественное государство до гибели. Между тѣмъ Гирканъ счумѣлъ блистательно и безпрепятственно расширить свое могущество. Время его правленія было самымъ счастливымъ. Имя его прославлялось еще и позднѣйшими потомками. Іосифъ Флавій считалъ его идеаломъ царя: «въ Гирканѣ, говоритъ онъ, соединялись качества царя, священника и пророка». Онъ увеличилъ свое государство на востокъ отъ Іордана, присоединилъ къ Іудеѣ на югъ страну Идумеевъ. Идумеяне происходили отъ Эдома или Исава, брата Якова, но несмотря на это родство, они всегда относились враждебно къ евреямъ. Уже Моисею заградили они путь черезъ свою область, и эта ненависть къ ихъ еврейскимъ сосѣдямъ сохранилась и въ послѣдующія времена. Они помогали вавилонянамъ при разрушеніи Іерусалима. Съ огорченіемъ восклицаетъ псалмопѣвецъ: «напомни, Превѣчный, сынамъ Эдома день Іерусалима, когда они кричали: уничтожайте, уничтожайте до основанія!» Теперь въ лицѣ Гиркана предъ ними явился мститель. Идумеяне были имъ вычеркнуты изъ списка народовъ и какъ побѣдитель заставилъ ихъ принять Іудейскую религію, но этотъ промахъ былъ весьма жестоко вымещенъ на позднѣйшихъ временахъ. Тутъ сбылось древнее пророчество: «старый будетъ служить молодому», вѣдь Іудейская религія не терпитъ ни насилій надъ совѣстью, ни покупки душъ, ни стремленій къ обращенію въ свою вѣру.

Злополучный поступокъ Гиркана подавалъ гибель его рода, какъ мы далѣе увидимъ. Самаритяне или Кутеи, гдѣ и какъ только могли, притѣсняли іудейскій народъ. Ихъ область лежала среди Палестины. Они владѣли городомъ Самарією, а также и древнею столицею Сихемомъ. На сосѣдней горѣ Гаризимъ возвышался ихъ храмъ. Еврей-

скіе посланники должны были большими кругами обходить всегда ихъ область. Отъ этихъ враговъ Гирканъ освободилъ страну. Онъ разрушилъ храмъ ихъ, который соревновалъ съ іерусалимскимъ, занялъ Сихемъ и послѣ продолжительной осады сравнилъ Самарію съ землею. Клики радости оглашали страну, когда эти притѣснители въ сердцахъ ея были усмирены.

Сирійцы явились на защиту Самаріи, но сдѣлали столь-же мало, сколь и Птоломей Лаэиросъ изъ Египта съ 6000 воиновъ. Блестящій періодъ существованія Самаритянъ навсегда исчезъ. Ихъ небольшіе остатки сохранились еще и до настоящаго времени и приносятъ жертвы на алтарѣ на лишенной храма горѣ Гаризимъ.

Упомянутый Лаэиросъ былъ сыномъ дружественнаго съ Іудеями Птолемея Филопатора, которому іудейскіе военачальники Оніасъ и Досіеѣй оказали важныя услуги. Послѣ смерти Филопатора египетскій тронъ заняла его супруга Клеопатра. Однако для честолюбиваго Лаэироса мать жила слишкомъ долго; онъ искалъ случая вырвать у нея скипетръ, но храбрые сыновья Хелкіасъ и Ананіасъ поддерживали ее. Они стали во главѣ арміи, насчитывавшей много евреевъ, и разстроили планы жестокаго сына, который за это рѣшилъ омытъ свой мечъ въ крови евреевъ и пошелъ противъ Гиркана. Но сыновья послѣдняго одержали надъ нимъ блестящую побѣду. Рассказываютъ, что небесный голосъ принесъ Гиркану радостное извѣстіе: «твои сыновья побѣдили!» Іосифъ приписываетъ ему на этомъ основаніи даръ пророчества. Іудейское государство, освобожденное, такимъ образомъ, отъ внутреннихъ и вѣншихъ враговъ, сдѣлалось великимъ и могущественнымъ, стало предметомъ страха и удивленія, какъ во времена царя Давида.

Гирканъ возобновилъ союзъ съ Римомъ и прислалъ сенату драгоценный золотой щитъ. Время его правленія было самымъ блестящимъ для еврейской націи. Ея благосостояніе росло, яфсская гавань была постоянно покрыта лѣсомъ мачтъ, и флаги всѣхъ народовъ развѣвались въ ней по вѣтру. Пшеницу, масло и бальзамъ вывозили изъ Палестины, Іудея блаженствовала въ счастіи, народъ чувствовалъ себя тѣсно связаннымъ со своимъ властителемъ, который долженъ былъ нагибаться подъ тяжестью своихъ лавровъ, который былъ причисленъ къ могущественнѣйшимъ на востокъ и который, наконецъ, заставилъ дрожать предъ собою своихъ враговъ.

Послѣ этого Гирканъ ревностно занялся мирными дѣлами. Онъ обнаружилъ большую строительную дѣятельность и украсилъ страну и Іерусалимъ. Къ западу отъ Моріи онъ воздвигнулъ дворецъ Мак-

кавеевъ, Барисъ, превосходное произведеніе строительнаго искусства. Съ вершины горы, на которой онъ стоялъ, онъ виденъ былъ на далекое разстояніе и представлялъ живописное зрѣлище на городъ и его окрестности. Удивительный мостъ соединилъ крѣпость съ храмомъ. Побуждаемый благочестіемъ, онъ приказалъ выстроить въ Мединѣ колоссальный мавзолей изъ блестящаго бѣлаго мрамора. Семь гигантскихъ пирамидъ съ эмблемами оружія и кораблей украшали зданіе и крытыя галлерей окружали его. Съ Средиземнаго моря оно было уже видно.

Со львиною храбростію и художественнымъ вкусомъ Іоаннъ Гирканъ соединялъ въ себѣ истинную религіозность и искреннее благочестіе. Всѣми фибрами своего сердца былъ онъ привязанъ къ іудейской религіи и, вѣрный ученію фарисеевъ, велъ истинно-священническую жизнь. Онъ всѣми силами старался укрѣпить вѣру въ народѣ. Въ полупраздники, Холъ-Гамоедъ, запретилъ онъ исполнять кузнечное и плотничное мастерства и вообще всякую шумную работу. Въ теченіе 37 лѣтъ гоненій Левиты ежедневно пѣли потрясавшій душу жалобный псаломъ: «возстанъ Господь! чего Ты спиши!» Гирканъ отмѣнилъ эту жалобную пѣснь, какъ болѣе несоотвѣтствовавшую времени. Всѣ документы обозначались годомъ отправленія должности первосвященника «великаго Бога». Гирканъ запретилъ выставять имя Божіе, чтобы оно не было унижаемо, если бумага потеряетъ свою цѣну. Однажды открывъ онъ неправильности въ доставленіи даровъ, назначенныхъ для священниковъ и левитовъ, поэтому онъ отмѣнилъ установленную Моисеемъ молитву, въ которой было сказано: «я сдѣлалъ такъ, какъ ты мнѣ приказалъ». Ни одного лживаго или притворнаго слова не слѣдовало произносить предъ Создателемъ.

Изобличеніе послѣдняго зла дало поводъ ревнителямъ закона образовывать союзъ хаберовъ, члены котораго, хаберы, товарищи, соблюдали законы Моисея о чистотѣ и храмовыхъ пошлинахъ съ пищевыхъ продуктовъ со строжайшею добросовѣстностію. Только люди дѣйствительно достойные довѣрія находили пріемъ въ этомъ союзѣ, только у такихъ можно было покупать жизненные припасы и вкушать пищу, ибо ихъ строгая религіозность требовала полного увѣренія въ томъ, что пошлины были надлежащимъ образомъ отобраны. Хлѣбъ, принадлежавшій не товарищу, былъ «Демай» и считался сомнительнымъ. Ни одинъ благочестивый еврей не покупалъ и не ѣлъ его; ни одинъ честный еврей не садился у такого человѣка за столъ. Этотъ союзъ хаберовъ служилъ могущественнымъ рычагомъ,

способствовавшимъ укрѣпленію среди народа религіозно-нравственнаго образа жизни и его духовному просвѣтлѣнію.

Іоаннъ Гирканъ направилъ свои взоры также и на своихъ единопѣрцевъ, жившихъ внѣ Іудеи, старался укрѣпить въ нихъ религіозныя чувства, содѣйствовалъ ихъ благосостоянію. Его могущественное положеніе, его громкое имя, его широкая слава служили въ пользу евреямъ, гдѣ-бы они не поселялись. Онъ съ успѣхомъ ходатайствовалъ предъ римскимъ сенатомъ за іудеевъ Галикарнаса, Пергама, Эфеса, Сарды и другихъ городовъ и выхлопоталъ имъ права римскаго гражданства, что для ихъ спеціальнаго положенія имѣло большое значеніе.

При дворѣ Гиркана вращались фарисеи и саддукеи. Первые помогали ему, какъ первосвященнику, въ дѣлахъ религіи; послѣднихъ употреблялъ онъ, какъ свѣтскій властитель, въ качествѣ полководцевъ, дипломатовъ, пословъ, потому что они были пламенными патріотами. Съ разумною осмотрительностью сумѣлъ онъ смягчить рѣзкую противоположность обоехъ направленій и ~~сохранить~~ ~~сохранилъ~~ миръ между ними. Въ Сангедриѣ ~~засѣдали~~ ~~засѣдали~~ люди большею частію фарисейскаго происхожденія. Къ сожалѣнію, эти мирныя отношенія были нарушены незадолго до смерти Гиркана, когда наступило вредное и крикливое разногласіе. Долго тлѣвшая искра раздора запылала между обѣими партіями яркимъ пламенемъ. Однажды старый Гирканъ праздновалъ годовщину одной изъ своихъ побѣдъ. Фарисеи и саддукеи мирно сидѣли за золотыми столами и услаждали себя яствами въ золотыхъ сосудахъ. Тутъ Гиркану пришло злополучное желаніе, чтобы фарисеи откровенно признались ему, знаютъ-ли они за нимъ какой-нибудь недостатокъ. Тогда одинъ изъ нихъ всталъ и сказалъ: «если ты хочешь поступить по долгу и совѣсти, то удовлетворишься княжескою короною и сложи съ себя достоинство первосвященника, ибо твоя мать была нѣкогда взята на войнѣ въ плѣнъ, поэтому ты по закону не можешь быть носителемъ этой высшей должности». Сія необдуманная рѣчь послужила источникомъ величайшаго несчастія. Аристократы-саддукеи ликовали. Съ едва сдерживаемою злобою смотрѣли они до сихъ поръ на вліяніе фарисеевъ, усердно раздувая искру неудовольствія. Но Гирканъ велѣлъ изслѣдовать подозрѣніе, взведенное противъ его матери, и когда оно оказалось ложнымъ, то потребовалъ отъ Сангедрина назначить наказаніе за эту безчестную клевету. Однако, относительно оскорбленія Величества не существовало никакого закона, напротивъ, предъ нимъ были всѣ равны. Неблагоразумный долженъ былъ

искупить свою вину 39 ударами бича. Это небольшое наказаніе было весьма желательно для саддукеевъ. Они раздражали престарѣлаго князя противъ Сангедрина и тотъ былъ достаточно слабъ, чтобы заразиться ихъ ядомъ. Князья часто становятся игрушкою въ рукахъ безсовѣстныхъ придворныхъ, охватываются головокруженіемъ на вершинѣ своего величія и ускоряютъ свое паденіе, а вмѣстѣ съ ними падаютъ счастье и блескъ ихъ государства. То-же самое, къ сожалѣнію, случилось и съ Гирканомъ. Онъ отказался отъ фарисеевъ, предался гордымъ саддукеямъ, роздалъ имъ всѣ вліятельныя должности, а также и Сангедринъ. Кротость и милосердіе были съ тѣхъ поръ изгнаны; вмѣсто нихъ безчеловѣчная строгость вступила въ тѣ чертоги, гдѣ прежде сочетались между собою справедливость съ кротостью. Это заблужденіе имѣло самыя печальныя послѣдствія. Фарисеи были прогнаны, ихъ человѣколюбивыя постановленія уничтожены, духъ жестокости, безжалостности и суровости воцарился съ тѣхъ поръ. Счастье для Гиркана, что онъ не дожилъ до печальныхъ послѣдствій. Спустя годъ умеръ онъ въ 106 г. до Р. Х., процарствовавъ со славою почти три десятилѣтія. Потомки сохранили о немъ добрую память; признательно восхваляютъ они его высокія добродѣтели, его неоспоримыя заслуги, которыя далеко затмѣваютъ собою и заставляютъ забыть его недавнюю слабость. Во имя этого они набросили покрывало на его послѣдній поступокъ и сохранили о немъ теплое воспоминаніе во всѣ времена. Имя Іоанна Гиркана, подобно имени его отца Симона, такъ-же великолѣпно будетъ сіять на страницахъ исторіи его народа.

II.

Іосуа-бенъ Парахіа, Ниттай изъ Арбелы.

Обладатели этихъ именъ сидѣли нѣкогда у ногъ обоихъ Іосеевъ и были высшими членами Сангедрина во времена Іоанна Гиркана. О жизни ихъ ничего неизвѣстно, сохранились только ихъ изреченія, въ которыхъ отразились характеристическія черты того періода времени. Такъ, Іосуа-бенъ Парахіа училъ: «достань себѣ учителя; пріобрѣти товарища, хабера; суди о всѣхъ людяхъ съ выгодной для нихъ стороны». Въ этихъ немногихъ словахъ выражается все благородство мыслей горячаго фарисея. Прежде всего желаетъ онъ

духовнаго просвѣщенія и знанія традиціонныхъ ученій. Послѣднихъ нельзя достигнуть самоучкою, ибо они не изложены въ книгахъ, ихъ нужно было слушать изъ устъ знатока, поэтому Іосуа совѣтуетъ достать учителя. Сноситься слѣдуетъ только съ хаберомъ. Имѣть такого превосходнаго друга, слѣдовать его указаніямъ, обращаться къ нему за совѣтомъ, все это могло подѣйствовать только благотворнымъ и облагораживающимъ образомъ. Такой товарищъ составляетъ сокровище, которое каждый долженъ себѣ приобрѣсти. Сколько сердечнаго благородства, сколько великодушія содержитъ послѣднее увѣщаніе — благосклонно судить о всѣхъ людяхъ безъ различія! Только душа, проникнутая чувствомъ истиннаго человѣколюбія, и могла изречь подобное увѣщаніе.

Его товарищъ по должности Нитай изъ Арбелы училъ: «сторонись отъ злого сосѣда; не заключай союза съ безбожникомъ; никогда не думай о наградѣ».

Дѣйствительно, дикая буря жизни должна была неистовствовать съ сильнѣйшею яростью, чтобы вызвать то мрачное настроеніе, которое чувствуется въ этихъ немногихъ краткихъ положеніяхъ. А причину негодованія искать не далеко. Гордые и тщеславные саддукеи, которые хитростью и пронырствомъ отвратили благороднаго Гиркана отъ фарисеевъ и помрачили блескъ Сангедрина, исполнили горечью душу ученаго. Этихъ-то ослѣпленныхъ гордостью имѣеть онъ въ виду, говоря о зломъ сосѣдѣ, о безбожникѣ, отъ которыхъ каждый обязанъ держаться въ сторонѣ, съ которыми ни одинъ добродѣтельный іудей не долженъ имѣть сношеній. Но въ то-же время онъ предостерегаетъ противъ ихъ развращающаго ученія, отвергающаго всякое возмездіе, обличающаго въ несправедливости честнѣйшаго чловѣка и способствующаго всякому преступленію. Если его товарищъ Іосуа согрѣвалъ сердце, поощрялъ душу въ пользу фарисеевъ, то Нитай предостерегалъ противъ ихъ враговъ, саддукеевъ, надъ которыми онъ изливаетъ полную чашу своего гнѣва.

Когда фарисеи насильственнымъ образомъ были изгнаны изъ Сангедрина, то Іосуа-бенъ-Перахья оставилъ Іерусалимъ и поселился въ Александрію, гдѣ снискалъ себѣ должное уваженіе. О Нитаѣ мы ничего не знаемъ.

Неясное извѣстіе дѣлаетъ Іисуса изъ Назарета ученикомъ этого Іосун. Однако это весьма невѣроятно, потому что тотъ выступилъ на сцену исторіи только столѣтіе спустя.

III.

Аристовулъ I.

«Отцы вкушаютъ незрѣлые плоды, а у сыновей на зубахъ оскомина». Это пророческое изреченіе съ ужасной истиной оправдалось на сыновьяхъ и преемникахъ Гиркана. Вмѣстѣ съ фарисеями изъ столицы исчезли кротость и милосердіе, кормило правленія перешло къ саддукеямъ, аристократическое чванство которыхъ питало только презрѣніе къ многочисленной массѣ народа. Гирканъ назначилъ правительницей свою супругу; но Аристовулъ, старшій изъ пяти оставшихся сыновей, алкая трона и скипетра, отнялъ ихъ у матери, которую вмѣстѣ съ тремя младшими братьями велѣлъ содержать въ строгомъ заточеніи. Только второй сынъ Антигонъ остался на сторонѣ Аристовула, какъ товарищъ его по оружію и образу мыслей, и приобрѣлъ его довѣріе и любовь. Аристовулъ принялъ царскій титулъ; его голову украшали и царская корона, и діадема первосвященника. Однако послѣдняя нисколько не помѣшала ему быть благосклоннымъ къ музамъ и граціямъ грековъ. Безсердечіе къ матери и братьямъ, презрѣніе къ фарисеямъ, расположеніе къ языческимъ женамъ отвратили отъ царя умы религіозной націи, все глубже и шире становилась пропасть между ними и образовала открытую рану. Подобно всѣмъ Маккавеямъ, Аристовулъ обладалъ воинственною отвагой и храбростью; онъ побѣдоносно сражался, а Антигонъ всегда вѣрно и могущественно помогалъ ему. Однако время его правленія было весьма короткое; только одинъ годъ грѣлся онъ въ своемъ царственномъ блескѣ, болѣзнь похитила его въ 105 г. до Р. X. Незадолго до его смерти былъ также убитъ и Антигонъ.

Любовь, какъ и ненависть, съ одинаковой силой движутъ фантазіей народа. Послѣдняя приписала ненавистному Аристовулу много темныхъ и страшныхъ дѣяній, какія только можно себѣ представить. () немъ говорили, что онъ свою мать морилъ въ тюрьмѣ голодомъ. Быстро слѣдовавшая одна за другою смерть обоихъ братьевъ въ полной силѣ своего цвѣтущаго возраста дала новую пищу для разговоровъ. Рассказывали, что одинъ эссей опредѣлилъ день, когда Антигонъ будетъ убитъ въ Стратонстурмѣ, каковое мѣсто было отъ Іерусалима на разстояніи 16 миль. Но когда въ тотъ день молодой человѣкъ шеголялъ по улицамъ столицы, то эссей сталъ опасаться за свою славу пророка, которую онъ считалъ выше, чѣмъ жизнь благороднаго человѣка; но счастливый случай помогъ ему. Придворные заподозрили Антигона предъ больнымъ царемъ, будто онъ зло-

умышляетъ противъ него, чтобы достигъ престола. Колеблясь между сомнѣніемъ, страхомъ и вѣрою, царь велѣлъ брату придти къ нему, но безъ оружія; въ то-же время онъ приказалъ своимъ тѣлохранителямъ убить его, если только тотъ придетъ вооруженнымъ. Подкупленные послы заставили Антигона явиться въ блестящемъ вооруженіи; такимъ образомъ, палъ онъ отъ кинжала убійцы въ Стратонстурмѣ, какъ назывался также подземный ходъ въ крѣпость, и эссей торжествовалъ. Что въ этой ужасной трагедіи правдиво, что принадлежитъ поэзіи,—этого никогда нельзя было открыть. Глубокая скорбь о погибшемъ ускорила кончину царя; онъ скоро послѣдовалъ за своимъ любимцемъ.

IV.

Александръ Яннай.

Царскую корону и достоинство первосвященника наслѣдовалъ третій сынъ Гиркана Александръ Яннай. Іудейская нація не имѣла причины радоваться этой перемѣнѣ. Если Аристовулъ былъ тщеславенъ и властолюбивъ, то его преемникъ былъ безсердечнымъ тираномъ, который съ холодною жестокостью проливалъ потоки крови. Отважный до безразсудства, онъ въ убійственной свалкѣ, въ дикомъ боевомъ крикѣ находилъ высшее наслажденіе. 23-хъ лѣтъ отъ роду, въ 105 г. до Р. Х. получилъ онъ скипетръ. Первые девять лѣтъ прошли въ неразрывныхъ войнахъ, которыя онъ велъ ради увеличенія государства. Счастье то пріятно улыбалось ему, то вѣроломно поворачивалось къ нему спиною. Упомянутый уже выше Лааиросъ изъ Египта однажды готовилъ ему столь ужасное пораженіе, что онъ казался уже погибшимъ, если-бы іудейскіе полководцы царицы Клеопатры, матери Лааироса, братья Хелкія и Ананія во время не подоспѣли къ нему на помощь, поэтому онъ избѣжалъ позора и вернулся домой побѣдителемъ. Болѣе 30.000 его иностранныхъ наемниковъ погибло.

Внутри Іудеи въ теченіе этихъ девяти лѣтъ господствовалъ ненарушимый покой. Царь, занятый извнѣ, мало заботился о внутреннихъ дѣлахъ. Въ Сангедринѣ фарисеи снова получили первенство; все шло мирно, своимъ порядкомъ. Но за то тѣмъ сильнѣе разразился въ послѣдствіи демонъ раздора. Праздновали весьма почитаемый третій паломническій праздникъ Суккотъ. Царь, сіяя своею изобилованшею золотомъ одеждою, стоялъ въ качествѣ первосвященника

у алтаря. Въ это время ему подавали сосудъ съ водою изъ источника Силоа, которая приносилась благодарственною жертвою за дожди и плодородіе. Но Александръ, будучи саддукеемъ, оставилъ эту церемонію, потому что Моисеево ученіе молчитъ о ней, и съ презрѣніемъ вылилъ воду къ своимъ ногамъ. При видѣ этого толпа стала яростно неистовствовать, употребляла оскорбительныя слова противъ презрителя законовъ, бросала въ него золотистыми праздничными плодами, Этрогимъ (райскими яблоками); словомъ, произошло ужасное смѣтеніе. Народъ увидѣлъ свой храмъ оскверненнымъ, и это глубоко поразило его душу. А первосвященникъ, гордость котораго вызвала бѣду, забылъ свою священническую обязанность очищенія. Онъ видѣлъ только опозоренное свое царское достоинство и думалъ о его очищенія. Онъ призвалъ своихъ языческихъ наемниковъ и началъ рубить. Горы труповъ поднимались вверхъ, тысячи пришедшихъ издалека и надѣявшихся съ веселіемъ провести праздникъ хрипѣли въ своихъ праздничныхъ одеждахъ. Вдовы плакали, сироты рыдали о павшихъ супругахъ и отцахъ. Радость обратилась въ печаль. Въ этотъ несчастный день связь между царемъ и народомъ была совершенно порвана. Жестокіе саддукеи ликовали, а фарисеи одѣли власяницы, посыпали головы пепломъ и съ тревогою заглядывали въ будущее.

Съ этихъ поръ Александръ. Яннай исполнѣ могъ удовлетворить свою жажду войны. Внутри и внѣ страны онъ долженъ былъ вести кровавую борьбу. Вся Іудея находилась въ броженіи; граждане неистовствовали противъ гражданъ; рѣзнѣ въ теченіе года не предвидѣлось конца; она уменьшила число жителей, уничтожила ихъ благосостояніе, разорила страну, увеличила несчастія, умножила вдовъ и сиротъ; наступило то, что вѣрно предсказалъ пророкъ: «каждый пожиралъ плоть изъ своего локтя». Какая польза была отъ вѣдшихъ завоеваній и приобрѣтеній, если внутри мечъ былъ окрашенъ кровью сыновей, родная земля была напоена ею? Наконецъ, утомленный борьбой Александръ захотѣлъ мира; онъ предложилъ его народу, но послѣдній, полный пламенной ненависти, далъ уничтожающій отвѣтъ: «только твоя смерть принесетъ намъ покой и миръ!» Это непримиримое упорство побудило царя къ новымъ злодѣяніямъ. При всемъ томъ онъ былъ могущественнымъ завоевателемъ, далеко расширившимъ предѣлы своего государства. Такъ протекали среди непрерывныхъ войнъ 27 лѣтъ его царствованія. Во время одной осады онъ тяжело заболѣлъ и принужденъ былъ лечь въ шатръ среди поля; сильная лихорадка мучила его тѣло, а мысли о смерти омрачали его душу. Въ этотъ серьезный моментъ, когда блѣднѣютъ

весь блескъ и все земное счастье, когда все величіе является тщеславнымъ, ничтожнымъ, скоротечнымъ, предстали его мутнѣющимъ взорамъ въ яркихъ краскахъ всѣ его безмѣрные заблужденія и злодѣянія, тяжелое, однако слишкомъ позднее, раскаяніе терзало его. Съ рыданіями стояла вызванная царица возлѣ умирающаго, но послѣдній утѣшалъ ее, объявилъ ее своею наслѣдницею и завѣщалъ ей дружественно обращаться съ фарисеями, причемъ произнесъ достопамятныя слова: «не бойся ни фарисеевъ, ни саддукеевъ («крашенныхъ»), но берегись притворяющихся, которые совершаютъ самыя низкія порочныя поступки, а требуютъ лучшей награды». У предѣла своего земного существованія царь Александръ Яннай, наученный горькимъ опытомъ, вѣрно и мѣтко очертилъ лицемѣровъ. Послѣ этого кончилъ онъ свою безславную жизнь въ 79 г. до Р. Х.; онъ жестоко запятналъ славное имя Маккавеевъ.

V.

Саломія Александра.

Подобно прохладному зефиру, подувшему послѣ ослабляющаго дневнаго зноя, такъ подѣйствовала благотворнымъ и освѣжающимъ образомъ Саломія Александра, послѣ предшествовавшаго періода бурь и притѣсненій. Это—единственная царица, которую называетъ іудейская исторія, а она съ глубокимъ почетомъ относилась къ своему высокому призванію и роду. Съ кроткою рукою и разумною осмотрительностью руководила эта женщина браздами правленія, она изливала облегчающій и цѣлительный бальзамъ въ безчисленныя открытыя раны, которымъ страдалъ народный организмъ. Ни одинъ врагъ не переступилъ границъ государства; исполнилось обѣщаніе: «мечъ не пройдетъ черезъ страну». Само небо благопріятствовало времени ея царствованія и осыпало государство щедрымъ благословеніемъ и изобиліемъ. Долго сохранялись хлѣбныя зерна этихъ лѣтъ, чтобы показать ихъ позднѣйшимъ поколѣніямъ, какъ нѣчто достопримѣчательное и достопамятное. Должностью первосвященника былъ облеченъ ея старшій сынъ Гирканъ; въ свой совѣтъ она выбрала фарисеевъ. Къ сожалѣнію, она была послѣднею свободною и самостоятельною царицею, пріятно-ласкающею вечернею зарею предъ наступающею черною ночью и темнотою. Девять лѣтъ продолжалось это прекрасное, мирное и счастливое время; душа опять вздохнула весело, народное благосостояніе значительно возросло. Въ 70 г. до Р. Х. погасъ свѣточъ ея жизни и послѣ ея смерти Іудея приняла

снова воинственно-кровавый видъ. Вмѣстѣ съ этою славною правительницею погибли счастье и блескъ Іудей; время ея царствованія составляетъ послѣднюю золотую страницу въ исторіи іудейскаго государства и рода Хасмонеевъ.

VI.

Симонъ бенъ Шетахъ, Іуда бенъ Таббай.

Блестящій періодъ незабвенныхъ пророковъ Исаія и Іереміи сѣялъ во времена безбожія и нравственнаго паденія. Они были бодрствующею совѣстью, которая будила Божій народъ изъ усыпленія, напоминала ему о его призваніи и его обязанностяхъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ періодѣ государственной жизни не было недостатка въ истинныхъ добродѣтельныхъ герояхъ, которые, нетронутые пороками времени, неуклонно преслѣдовали свои идеальныя цѣли, сѣяли образцами добродѣтелей, оставались вѣрными Божественному ученію, ревностно старались развить и расширить свои познанія. Такою свѣтлою личностью, исполненною сердечнаго благородства и высоты душевной, явился Симонъ бенъ Шетахъ. Вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Іудой бенъ Таббай слушалъ онъ наставленія Іосуи бенъ Перахья и Нитая изъ Арбелы, и подобно этимъ предсѣдательствовалъ впоследствии въ Сангедринѣ. Въ особенности выдавался Симонъ бенъ Шетахъ по своему закаленному и непреклонному характеру. Онъ былъ братомъ славной царицы Саломіи Александры, приходился такимъ образомъ шуриномъ Александру Яннаю, но, несмотря на близкое родство, испыталъ много огорченій со стороны послѣдняго. Иначе и не могло быть, потому что наклонности обоихъ представляли между собою весьма рѣзкую противоположность. Царь былъ самолюбивъ, воинственъ, упрямъ, прихотливъ, саддукей — наоборотъ Симонъ былъ кротокъ, мудръ, честенъ, добродушенъ, фарисей; могло ли тутъ существовать доброе согласіе? Тамъ, гдѣ живутъ ядовитѣйшія змѣи, премудрое Провидѣніе возростило цѣлительныя травы противъ ранъ ихъ жала; по Его-же волѣ и Симонъ цвѣлъ подлѣ Александра; первый долженъ былъ сохранять то, что у послѣдняго подверглось-бы уничтоженію, именно ученіе и законы Израіля.

Симонъ бенъ Шетахъ началъ свою дѣятельность въ первые девять лѣтъ правленія Александра, когда въ странѣ еще цвѣла палыма мира. Онъ вступилъ въ Сангедринъ, членами котораго были исключительно ортодоксичныя, державшіеся буквы саддукеи. Просвѣщенный Симонъ предлагалъ имъ трудные вопросы, для разрѣшенія

которыхъ было недостаточно одно письменное ученіе безъ традиціоннаго. О послѣднемъ они ничего не знали, поэтому принуждены были удалиться. Симонъ сажалъ на ихъ мѣсто сторонниковъ своего образа мыслей. Своего прежняго учителя Іосуу бенъ Перахья онъ вызвалъ изъ Александріи, пославъ туда собственноручное письмо: «отъ меня, священнаго града Іерусалима, привѣтъ тебѣ, великая Александрія!—Сестра! мой супругъ у тебя, а я одна оставлена». Такимъ образомъ, снова возникъ Сангедринъ. Потомки прозвали Симона почетнымъ именемъ «возстановителя Сангедрина».

Около этого времени Симонъ навлекъ на себя неудовольствіе царя. Главный слуга послѣдняго былъ обвиненъ въ убійствѣ; Яннай, приглашенный въ качествѣ свидѣтеля, явился въ судъ и сѣлъ на своемъ почетномъ мѣстѣ. Симонъ, какъ предсѣдатель, обратился къ нему съ такими словами: «царь Яннай! «судъ—бужественное мѣсто», говоритъ Писаніе; поэтому дай стоя твои показанія!» Царь, оскорбленный этими словами, сказалъ: «я такъ поступлю, если это—всеобщее мнѣніе». Однако, многіе оказались трусливыми. Сангедринъ постановилъ тутъ-же: «болѣе никогда не приглашать царя въ судъ». Вслѣдствіе этого Симонъ долженъ былъ оставить царскій дворъ, гдѣ прежде часто сидѣлъ за столомъ и начиналъ застольную молитву. Однажды явились чужеземные послы, которые знали Симона, цѣнили и любили его бесѣду. Они спросили о немъ и захотѣли его видѣть; царь велѣлъ призвать Симона къ столу, но царица, знавшая мѣсто-пребываніе брата, потребовала сначала отъ царя обѣщаніе, что ничего не причинитъ ему, и потомъ послала за нимъ. Симонъ пришелъ и смѣло занялъ мѣсто между царственною четой, говоря: «это преимущество даетъ мнѣ та мудрость, которой я служу; о ней гласитъ изреченіе: «цѣни ее, и она возвыситъ тебя и посадитъ между князьями».

Послѣ того плачевнаго праздника Кушпей, которому было принесено въ жертву такое множество жизней, наступили для фарисеевъ печальные дни. Члены Синедріона разсѣялись. Іуда бенъ Таббай спасся въ Александрію, Симонъ бенъ Шетахъ скитался въ изгнаніи съ многочисленными учениками. Послѣдніе подарили ему однажды осла, котораго купили у араба; на ослѣ нашли драгоценный камень и воскликнули: «Божіе благословеніе дѣлаетъ насъ богатыми!» Но Симонъ отвѣтилъ: «камень не былъ купленъ; отнесите его къ арабу, и если онъ этимъ научится уважать нашъ народъ и наше ученіе, то я почувствую себя щедро награжденнымъ!»

Только съ восшествіемъ на престолъ его царственной сестры Саломіи Александры, прояснилось небо надъ Симономъ бенъ Ше-

тахъ, и онъ безпрепятственно могъ продолжать свою благотворную дѣятельность. Онъ ввелъ въ Сангедринъ прежній порядокъ, призывалъ Іуду бенъ Таббай и предоставилъ ему мѣсто предсѣдателя. Оцѣпенѣвшіе саддукеи лишились теперь всего своего вліянія; дѣятельные фарисеи могли теперь расширять свое соотвѣтствовавшее времени духовное просвѣщеніе. Однажды, въ отсутствіи Симона одинъ ложный свидѣтель былъ приговоренъ къ смерти Іудой бенъ Таббай, на основаніи слѣдующихъ словъ Священнаго Писанія: «да будетъ съ нимъ то, что онъ думалъ причинить другому». Симонъ узналъ потомъ объ этомъ, но нашелъ обстоятельства въ пользу приговореннаго и сказалъ: «къ моему утѣшенію, ты совершилъ преступленіе, оправдываемое судомъ». Іуда послѣ того всю свою жизнь чувствовалъ скорбь и раскаяніе; часто видѣли его обливающимся слезами и распростертымъ на могилѣ казненнаго. Слѣдствіемъ этого происшествія, вѣроятно, и явилось его изреченіе: «не объявляй себя судьей; если предъ тобою стоятъ двѣ стороны, то считай обѣихъ правыми; если онѣ отпущены и подчинились приговору, то считай ихъ чистыми и свободными отъ вины».

О Іудѣ бенъ Таббай письменные источники больше ничего не сообщаютъ; гораздо больше распространяются они о Симонѣ бенъ Шетахъ. Преданія также украшаютъ добродѣтельнаго мужа нѣсколькими цвѣтками. Такъ, рассказываютъ слѣдующее: «извѣстнаго учителя хоронили въ одно время съ однимъ оклеветаннымъ мытаремъ. За гробомъ учителя слѣдовали многочисленные ученики и почитатели, за гробомъ мытаря его ближайшіе родственники. Всѣ провожавшіе какъ одного, такъ и другого покойника были обращены непріятелями въ бѣгство, но послѣ они опять вернулись и обмѣнили трупы. Мытарь получилъ почетную могилу, а благочестивый учитель могилу мытаря. Когда замѣтили ошибку, то было уже слишкомъ поздно и ничего нельзя было сдѣлать, потому что по закону могила считалась собственностью мертваго, которая не могла быть у него огниа. Одинъ вѣрный ученикъ искренно скорбѣлъ о пренебреженіи своимъ уважаемымъ учителемъ. Но въ одну ночь послѣдній явился ему во снѣ и сказалъ: «успокойся, добрая душа! Тотъ, Кто наблюдаетъ за всѣмъ, совершилъ такъ по своей справедливости. Я нѣкогда не защитилъ одного невинно-оклеветаннаго человѣка; мытарь однажды призвалъ бѣдныхъ на пирь, приготовленный имъ для гостя, который не явился на приглашеніе. За это ему былъ отданъ почетъ, назначавшійся мнѣ, а мое тѣло подверглось поруганію. Но теперь утопаю въ райскомъ блаженствѣ, между тѣмъ какъ бѣднякъ дол-

женъ испытывать адскія мученія, пока Симонъ бекъ Шетахъ не займетъ его мѣсто и этимъ не освободитъ его». Съ ужасомъ воскликнулъ грезившій: «Кто... Симонъ?... тотъ, который живетъ только для благородныхъ и добрыхъ дѣлъ, долженъ подвергнуться осужденію? Почему-же это?»—«Потому что онъ не прекращаетъ безчинства волшебницъ въ Аскалонѣ!» былъ отвѣтъ. Ученикъ рассказалъ Симону объ этомъ открытіи. Послѣдній изслѣдовалъ дѣло, и оказалось, что 80 женщинъ занимались тамъ составленіемъ ядовъ и чародѣйствомъ; онъ по закону приказалъ ихъ казнить. Изъ мести родственники казенныхъ обвинили сына Симона въ убійствѣ. Узелъ заговора былъ заплетенъ съ такою дьявольскою хитростью и грѣпостью, что Симонъ, хотя былъ вполне убѣжденъ въ невинности своего сына, однако принужденъ былъ, какъ нѣкогда Брутъ, приговорить его къ смерти. Съ глубокою скорбью провожалъ отецъ своего обреченнаго на смерть сына къ мѣсту казни; что испытывало при этомъ его сердце, можно только приблизительно чувствовать, но нельзя описать. Горе благороднаго мужа проникло даже въ сердце преступныхъ доносчиковъ, и ледяная кора ихъ ожесточенной души растаяла. Они почувствовали человѣческое движеніе и взяли обратно свой ложный доносъ на невиннаго. Но это по существовавшимъ тогда законамъ не было позволено. Великій сынъ, достойный своего великаго отца, зналъ это и мужественно воскликнулъ: «отецъ! законъ неумолимъ. Если ты хочешь, чтобы среди Израиля законъ остался цѣлымъ, то позволь мнѣ служить порогомъ, ведущимъ къ этому, и посвятить меня смерти!» Твердый душою сынъ Симона умеръ покорно. Мы видимъ отца и сына, боровшихся за пальму героизма, и затрудняемся въ рѣшеніи, кому она скорѣе принадлежитъ. Изъ этого трагическаго приключенія и вытекло изреченіе Симона: «тщательно разспроси свидѣтелей, но будь также остороженъ въ твоихъ словахъ, чтобы они не могли дать никакой точки опоры для лжи!»

Славную черту характера Симона бекъ Шетахъ представляетъ слѣдующее происшествіе: въ его время жилъ одинъ эссей Хони Гаммагель (окружникъ), чудесный человѣкъ, считавшійся Божьимъ любимцемъ, просьбы котораго всегда исполнялись.

Во время одной засухи народъ обратился къ нему. Онъ провелъ около себя кругъ и сталъ молиться: «Вседержитель! Я заклинаю Тебя Твоимъ великимъ именемъ, я не оставлю этого круга до тѣхъ поръ, пока Ты не услышишь моей мольбы и не услышишь моего требованія!» Вслѣдъ за тѣмъ, синее небо покрылось облаками, и давно ожидаемый дождь осыпалъ истомившуюся почву. Народъ по-

вѣрилъ въ Хони и прозвалъ его «Гаммагелъ», т.-е. описывающій круги. Но Симонъ призналъ такую вызывающую молитву неприличной и велѣлъ сказать Хони: «Я произнесъ-бы надъ тобою проклятіе, если-бы ты не былъ Хони, котораго небо лелѣетъ, какъ своенравнаго ребенка, и желаніямъ котораго подчиняется!» Эти слова обнаруживаютъ въ немъ чловѣка безъ предразсудковъ, съ свѣтлыми взглядами, котораго кажущееся чудо не заставитъ колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ.

Около этого времени, почти за 80 лѣтъ до Р. Х. до насъ доходятъ извѣстія о римскихъ евреяхъ. Одинъ тамошній знатный чловѣкъ Θεодосъ имѣлъ обыкновеніе въ первый день Пасхи угощать своихъ единовѣрцевъ жареными ягнятами, чтобы замѣнить жертвеннаго ягненка, котораго въ тотъ вечеръ ѣдали въ Іерусалимѣ. Симонъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ извѣстить Θεодосу о своемъ неудовольствіи въ подобныхъ словахъ: «если-бы ты не былъ благочестивымъ Θεодосомъ, то я предалъ-бы тебя проклятію!» Такъ оберегалъ онъ бдительно законъ и ученіе даже въ самыхъ далекихъ странахъ.

Такъ жилъ Симонъ бенъ Шетахъ исключительно для возвеличенія іудейской религіи и для облагораживанія своего народа. Онъ совершалъ богослуженіе съ такою торжественностью, какую только можно себя представить; издалъ законъ, чтобы въ каждомъ городѣ были выстроены на общинныя средства школы для юношества, въ которыхъ должны учиться бѣдные, покинутыя и осиротѣвшія дѣти. Онъ старался осуществить стихъ Псалма: «въ устахъ дѣтей будетъ основано могущество Божіе» и установить всеобщее образованіе. Не менѣе благотворенъ былъ его второй указъ относительно замужнихъ женщинъ. Мужъ долженъ былъ вручать имъ передъ вѣнчаніемъ письменное обязательство, «Кетуба», въ которомъ всѣмъ своимъ имуществомъ отвѣчалъ за содержаніе жены. И теперь еще подъ вѣнцомъ новобрачныхъ прочитывается такое письмо; между тѣмъ какъ въ настоящее время это простая формальность, соблюденіе стариннаго обычая, въ то время, когда Кетуба имѣла полную силу закона, она была залогомъ домашняго мира, спокойствія жены и поэтому имѣла огромное значеніе.

Когда и какимъ образомъ этотъ заслуженный мужъ окончилъ свои дни, совершенно неизвѣстно. Мы оставляемъ его съ должнымъ уваженіемъ. «Кто жилъ для лучшихъ намѣреній въ свое время, тотъ жилъ для всѣхъ временъ». Имя Симона бенъ Шетахъ будетъ сіять золотыми буквами въ лѣтописяхъ его народа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Владычество римлянъ надъ Іудеей.

I.

Враждующіе братья Гирканъ и Аристовулъ.

Если злой рокъ опредѣлилъ гибель государства, то онъ поселяетъ въ немъ споры изъ-за престола и гражданскія войны. Послѣднія служатъ самымъ безошибочнымъ средствомъ для скорѣйшаго исполненія мрачной судьбы. Но еще быстрѣе наступаетъ погибель, если сыновья одной матери съ гнѣвомъ и яростью, со злобою и ненавистью, съ мечемъ въ рукѣ сражаются другъ съ другомъ, бесполезно тратятъ силы, которыя должны были-бы удерживать и прогонять внѣшнихъ враговъ. Эта печальная картина, причинившая гибель многимъ государствамъ въ исторіи, предстала также въ Іудеѣ со всѣми своими ужасами и жестокостями, привела ее на край пропасти, въ которую Іудея должна была низвергнуться и разбиться въдребезги.

Смерть похитила на землѣ благородную, кроткую царицу Саломію Александру. Освобожденный тронъ занялъ Гирканъ, старшій сынъ ея, носившій діадему первосвященника. Этотъ потомокъ нисколько не унаслѣдовалъ энергическаго героизма Маккавеевъ. Онъ былъ слабъ, не имѣлъ воли, твердости, нерѣшительно колебался, подобно блуждающему огню, не могъ никогда обойтись безъ чужой поддержки. Совершенною противоположностью былъ его младшій братъ Аристовулъ. Послѣдняго одушевляла неукротимая жажда дѣятельности, соединенная съ необузданнымъ честолюбіемъ, для удовлетворенія котораго онъ соединился съ воинственными саддукеями и старался съ ихъ помощью отнять престолъ и скипетръ у слабого брата. Фарисеи поддерживали Гиркана. Такимъ образомъ возгорѣлся

ожесточенный споръ между обоими братьями, изъ котораго Аристовулъ вышелъ побѣдителемъ. Но по счастливымъ обстоятельствамъ заключенъ былъ миръ, и наступило спокойствіе. Аристовулъ долженъ былъ владѣть короною, а Гирканъ получилъ достоинство первосвященника. Оба подтвердили въ храмѣ клятвою обязательность этого договора, и, чтобы сильнѣе подкрѣпить мирный союзъ, сынъ Аристовула Александръ сочетался бракомъ съ Александрой, дочерью Гиркана. Покой и миръ казались обезпеченными, мечъ вернулся въ ножны. Это отрадное состояніе продолжалось шесть лѣтъ до 65 г. до Р. X.

II.

Антипатръ.

Несчастная звѣзда іудейской націи привела на театръ дѣйствій человѣка, который съ демоническою силою, подобно разрушительному урагану, уничтожилъ все счастье и блаженство страны. Антипатръ, такъ звали его, происходилъ изъ идумеянъ, которыхъ Іоаннъ Гирканъ въ своемъ пламенномъ фанатизмѣ заставилъ принять іудейскую религію, и за это теперь было отомщено его потомкамъ страшнымъ образомъ. Отецъ Антипатра, весьма богатый человѣкъ, управлялъ подчиненною Идумеей въ качествѣ намѣстника, что дало его сыну доступъ къ царскому двору, гдѣ онъ легко пріобрѣлъ довѣріе слабодушнаго Гиркана.

Обладая всѣми средствами, чтобы приманивать людей, будучи образцомъ обладателя подкупающихъ, сладкихъ и льстивыхъ рѣчей и притворства, лишенный всѣхъ нравственныхъ и честныхъ понятій и чувствъ человѣка, сѣмѣлъ онъ до того плѣнить и овладѣть нерѣшительнымъ Гирканомъ, что послѣдній подобно проволочной куклѣ, никогда не могъ уже вырваться изъ петли, въ которую втянулъ его коварный хитрецъ. Этимъ путемъ Антипатръ получилъ могущественное вліяніе въ колесѣ современныхъ событій и сдѣлалъ изъ этого дальнѣйшее употребленіе. Но не расширеніе государства, не благосостояніе страны и не преуспѣяніе религіи, которая все-таки принадлежала и ему, а лишь эгоистическія побужденія — возвысить свое личное значеніе и своей фамиліи — руководили имъ. Притворно сожалѣлъ онъ, что Гирканъ позорно унизилъ себя, уступивъ престолъ и скипетръ; онъ представлялъ ему въ заманчивомъ видѣ возвращеніе потеряннаго и пугалъ страшными привидѣніями ужасныхъ плановъ, которые будто-бы Аристовулъ за-

мышляетъ противъ него, заставилъ его бояться и жаловаться, гналъ слабохарактернаго, какъ затравленнаго звѣря, между надеждою и страхомъ, не давая покоя, пока тотъ, дрожа и трепеща, среди постоянныхъ мученій, не попалъ въ сѣти соблазнителя, какъ овца, ведомая въ бойню, и нарушилъ клятву, данную брату.

Подъ зашитою ночной темноты Антипатръ отвелъ свою жертву изъ Иерусалима къ арабскому царю Арету, котораго подарками и обѣщаніями склонилъ уже къ тому, чтобы Аристовула лишитъ трона въ пользу Гиркана. Съ значительнымъ войскомъ Аретъ вторгся въ Іудею и приступилъ къ осадѣ столицы. Ужась обнявъ всѣхъ жителей вслѣдствіе преступнаго нарушенія клятвою подтвержденнаго мира и весьма многіе бѣжали изъ угрожаемаго города. Между ними находился Хони Гаммагель, любимецъ Бога и чудесный мужъ. Но узнанный и задержанный, былъ онъ побуждаемъ призвать небо для уничтоженія Аристовула и его приверженцевъ. Благочестивый мужъ рѣшительно и съ негодованіемъ отказался исполнить это требованіе; однако всѣ его старанія остались тщетными. Наконецъ, по принужденію, началъ онъ громко молиться: «Господь міра! братъ идетъ войною на брата; осаждающій и осажденный, оба твои дѣти; если они обратятся за Твоею помощію для обоюднаго уничтоженія, то да не услыши Ты ни одного изъ нихъ!»! Такого благородства души не могли понять безсердечные воины. Какъ волки, бросились они на несчастнаго и изрубили его. За свои чудеса долженъ былъ заплатить жизнью.

Продолжительныя войны ожесточили сердце, обычное пролитіе крови умертвило всякое чувство. Человѣкъ превратился въ дикаго звѣря, въ самое страшное изъ чудовищъ; въ сравненіи съ нимъ тигры и гіены кажутся кроткими, какъ голуби. Въ эту войну былъ совершенъ еще одинъ гнусный поступокъ. Обложеніе Иерусалима повело за собою тяжелую нужду среди осажденныхъ жителей: напрасно ребенокъ кричалъ о хлѣбѣ; каждый видѣлъ себя отданнымъ на мученія страшнаго голода. Покорно переносили они все это, ибо знали, что фурія войны не вѣдаетъ ни жалости, ни состраданія. Но когда стало недоставать жертвенныхъ животныхъ, то это было имъ гораздо больнѣе, чѣмъ собственныя лишенія. Не для себя, но для нуждающагося алтаря просили жители у осаждавшихъ о жертвенныхъ животныхъ за плату, на что послѣдніе согласились. Каждое утро спускали на веревкахъ съ крѣпости корзину съ деньгами, взамѣнъ чего получали барановъ. Алтарь былъ обезпеченъ. Однако, вскорѣ поднялось среди осаждавшихъ безсовѣстное возра-

женіе противъ продажи барановъ, будто она затягиваетъ войну. Въ ближайшій день вмѣсто барана послали священникамъ въ корзину свинью. Это гнусное поруганіе религіи вызвало всеобщее раздраженіе. Съ тѣхъ поръ Сангедринъ запретилъ разводить свиней, а поступавшаго наперекоръ клеймилъ проклятіемъ. Не долго спустя послѣ этого Іудею постигла страшная борьба стихій. Ураганъ уничтожилъ всѣ жатвенныя надежды, и жизненные припасы высоко поднялись въ цѣнѣ, что было весьма чувствительно для бѣдныхъ. Землетрясеніе въ 64 г. до Р. Х. причинило сильныя опустошенія, множество жителей было погребено подъ обломками. Религіозный народъ видѣлъ въ этомъ страшномъ могуществѣ стихій природы кару Господню за то оскорбленіе храма.

III.

Начало римскаго владычества въ Іудеѣ.

Время взаимной борьбы между братьями въ Іудеѣ относится къ самымъ бурнымъ и тревожнымъ въ исторіи. Римъ былъ тогда театромъ непрерывныхъ гражданскихъ войнъ; улицы не высыхали отъ крови жителей. Приверженцы Марія и Суллы убивали и терзали другъ друга съ звѣрскою яростью и жестокостью. И въ мѣстностяхъ Передней Азіи тоже неистовствовали на просторѣ другія войны. Римскіе орлы, символъ ненасытной жадности, появлялись повсюду; убійствами, грабежомъ, пожарами, разрушеніемъ обозначали свой слѣдъ римскіе легіоны и когорты. Безчисленны были человѣческія жертвы, хрипѣвшія подъ этими шайками душителей. Но вотъ явился великій Помпей и сдѣлался героемъ дня. Онъ былъ любимцемъ счастья, уже въ цвѣтушіе молодые годы получилъ военный тріумфъ, которымъ достигъ перваго отпрыска своей впослѣдствіи столь значительной славы. Теперь предпринялъ онъ походъ противъ страшнаго врага римлянъ Митридата, втораго Ганнибала, который царствовалъ надъ Парянами. Его начальникъ Скавръ появился близъ границъ римской области. Оба брата, Гирканъ и Аристовуль, обратились къ нему съ чрезвычайно дорогими подарками; каждый хотѣлъ склонить Помпея на свою сторону. Но Аристовуль достигъ по крайней мѣрѣ того, что Аретъ изъ страха передъ гнѣвомъ римлянъ долженъ былъ удалиться отъ Іерусалима со своимъ войскомъ. Аристовуль поспѣшилъ за нимъ, нагналъ его и разбилъ такъ, что 6000 человѣкъ остались на мѣстѣ; между ними былъ также и братъ Антипатра.

Спусти нѣкоторое время явился самъ Помпей. Могушественная Сирія уже стала римскою провинціей. Теперь и Іудея должна была сдѣлаться добычею ненасытной жажды римлянъ къ завоеваніямъ. Споръ между братьями давалъ благопріятный случай къ этому. Помпей, такимъ образомъ, нашелъ себѣ уже проложенную дорогу. Спорившіе братья предложили этому могушественному человѣку быть у нихъ третейскимъ судьей и заранѣе заплатили за услугу богатыми и драгоцѣнными подарками. Аристовулъ взялъ изъ храма искусный золотой виноградникъ съ гроздьями и листьями, стоимость котораго равнялась 100 талантамъ (= 5000 талеровъ). Этотъ священный предметъ, возбуждавшій всеобщее удивленіе, получилъ Помпей, который тотчасъ отослалъ его въ Римъ къ сенату, какъ свидѣтеля своихъ славныхъ дѣяній; тамъ онъ былъ посвященъ храму Юпитера въ Капитоліи. Но евреи не хотѣли отказаться отъ этого украшенія въ храмѣ, и благочестивыми пожертвованіями это замѣчательное произведеніе искусства было снова скоро возмѣщено.

Несмотря на такой превосходный подарокъ, Помпей, убѣжденный хитрымъ Антипатромъ, сталъ на сторонѣ слабаго Гиркана, безхарактерность котораго была болѣе кстати жаждущимъ добычи римлянамъ, чѣмъ геройскій духъ Аристовула. Онъ старался обмануть послѣдняго уклончивыми обѣщаніями, но Аристовулъ отгадалъ хитрость римлянъ, сталъ ихъ остерегаться и началъ готовить Іерусалимъ къ оборонительному положенію. Гордый Помпей увидѣлъ въ этомъ сопротивленіе своимъ намѣреніямъ и съ значительною силою двинулся къ столицѣ, населеніе котораго снова должно было перетерпѣть въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ ужасы осады. Аристовулъ совершалъ частыя счастливыя вылазки. Въ одну субботу, когда евреи сняли съ себя все оружіе, Помпей сдѣлалъ приступъ. Римляне изумились, увидѣвъ, что священники, какъ въ мирное время, исполнили службу у алтаря, левиты пѣли хоромъ свои псалмы, военное смятеніе не помѣшало этому. Но грубые и невѣжественные воины убивали ихъ безъ пощады, проникли затѣмъ въ городъ и учинили здѣсь кровавую баню. До 12.000 людей долженъ былъ оплакивать городъ въ эту роковую субботу. Между тѣмъ какъ воины умножали бѣдствія въ городѣ, Помпей вошелъ во внутренность храма. Величіе неподдающагося описанію святилища наполнило его душу чувствомъ благоговѣйнаго страха и возвышеннаго удивленія. Въ этотъ день печальная участь Іудеи была рѣшена. Навсегда погибли ея свобода и самостоятельность, которыя сто лѣтъ назадъ первые Маккавеи приобрѣли съ геройскимъ самоотверженіемъ. Аристовулъ

вмѣстѣ со своими приверженцами и множество знатныхъ жителей должны были переселиться въ Римъ, гдѣ они обливали слезами хлѣбъ неволи. Въ Римѣ царили радость и ликованія, наоборотъ, Сіонъ и Іерусалимъ облеклись во власяницы, покрылись пепломъ, Іудея плакала и рыдала по исчезнувшемъ дорогомъ имуществѣ, которое насильно было отнято у нея.

Однако, къ чести Помпея нужно сказать, что несмотря на вошедшую въ поговорку римскую жадность, онъ оставилъ нетронутыми сокровища храма, стоявшія слишкомъ два съ половиной милліона. Гирканъ лишился царскаго достоинства, который былъ замѣненъ ничемъ не значущимъ титуломъ этнарха, народнаго князя. Напротивъ, Антипатръ сдѣлался правителемъ страны и превосходилъ Гиркана могуществомъ и значеніемъ. Честолюбивый и тщеславный человекъ достигъ своей цѣли безсовѣстнымъ образомъ дѣйствій. Также были значительно уменьшены границы государства. Таковъ былъ трагическій исходъ взаимныхъ раздоровъ между Маккавеями: они причинили себѣ, своему народу и странѣ неизлѣчимыя раны, отворили римлянамъ ворота, чтобы тѣ сокрушали Іудею подъ своимъ гнетущимъ игомъ.

IV.

Іудеи въ Римѣ.

Всѣ дороги къ Риму были покрыты путешественниками, изъ всѣхъ мѣстъ стремился туда народъ, изъ самыхъ отдаленныхъ частей города жители бѣжали въ пышно-украшенныя улицы, каждый хотѣлъ удовлетворить свое любопытство, потому что Помпей совершалъ въ 61 г. до Р. Х. свой триумфальный въѣздъ, который по великолѣпію до сихъ поръ еще не былъ превзойденъ. Въ вооруженіи Александра Великаго торжествующій герой слѣдовалъ на своей великолѣпной колесницѣ, съ гордымъ самодовольствіемъ смотрѣлъ онъ съ высоты на толпу, тѣснившую другъ друга по обѣимъ сторонамъ улицъ, привѣтствовавшую его громкими кликами, потрясавшими воздухъ. О степени богатства и блеска триумфа едва-ли можно составить себѣ какое-либо понятіе. Впереди несли доски, на которыхъ начертаны имена 900 городовъ, 1.000 замковъ, всѣхъ городовъ и странъ, которыя покорила его мощная рука. Неизмѣрима была добыча, которою онъ обогатилъ Римъ. Между тѣмъ какъ гордо и радостно вздымалась грудь триумфатора, какъ будто-бы онъ былъ воз-

несенъ на небо, за нимъ слѣдовало не менѣе 324-хъ лишенныхъ престола царей и князей, съ поникшими взорами, наполненныхъ гнѣва и ненависти къ обоготворенному герою. Между этими подавленными горемъ можно было увидѣть властителя Сиріи, родственниковъ и родственницъ Митридата. Самъ онъ умертвилъ себя, чтобы избѣжать такого позора. И Аристовуль со своими близкими также долженъ былъ служить украшеніемъ триумфальнаго шествія. Іудеи должны были испытывать невыразимое горе, когда они видѣли такое униженіе потомка нѣкогда столь могущественныхъ героевъ Маккавеевъ, когда они между покоренными государствами и городами нашли также имена Іудеи и Іерусалима! Въ вѣчномъ городѣ Римѣ уже съ давнихъ временъ жили еврейскіе поселенцы. Мы упоминали о нихъ еще въ 239 г. до Р. Х.; однако, они составляли незначительное меньшинство. Только въ 63 г. возросло ихъ число вслѣдствіе появленія многихъ евреевъ, приведенныхъ Помпеемъ въ качествѣ плѣнныхъ. Большая часть ихъ выкупила себя, многіе были выкуплены своими единовѣрцами, сдѣлались вольноотпущенниками и какъ таковыя, пользовались римскимъ гражданскимъ правомъ. Въ языческомъ Римѣ іудеи пользовались благосклонностью многихъ лицъ. Имена нѣкоторыхъ цезарей неизгладимо сіяютъ золотыми буквами на страницахъ іудейской исторіи, чтобы увѣковѣчить ихъ, какъ покровителей и защитниковъ іудейскаго народа. Но нерѣдко долженъ былъ онъ переносить жестокіе удары со стороны враждебныхъ противниковъ. Къ послѣднимъ во время покоренія Іудеи принадлежалъ именно римскій Демосенъ, ораторъ Цицеронъ. Гдѣ и какъ только онъ могъ, оскорблялъ онъ еврейское чувство и въ то-же время говорилъ колкія рѣчи, полныя яду и желчи, противъ евреевъ. Преторъ Флаккъ несправедливо удержалъ 200 фунтовъ золота, внесенныхъ малоазійскими евреями за іерусалимскій храмъ. Евреи подали жалобу, а Цицеронъ защищать это насильственное, несправедливое дѣло. Трусливо, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, и съ пониженнымъ голосомъ, чтобы его не могли слышать присутствовавшіе евреи, которыхъ онъ не хотѣлъ «натравить на себя», говорилъ онъ къ судьямъ. Онъ клеймилъ позорными названіями «варварскія суетнѣрія евреевъ, которыхъ не долженъ уважать ни одинъ благородный характеръ». Между доказательствами, имъ приводимыми, находилось увѣреніе, что будто-бы «безсмертные боги не любятъ іудейской націи, поэтому они позволили покорить ее». Такъ разсуждалъ Цицеронъ въ 53 г. до Р. Х., но еще до истеченія этого года онъ принужденъ былъ удалиться изъ Рима на разстояніе ста миль, а

дома его и виллы были сравнены съ землею. Ровно десять лѣтъ спустя въ 43 г. до Р. Х. принесли Антонію голову Цицерона, а Фульвія, супруга первого, испытывала наслажденіе, прокалывая золотомъ булавкою языкъ, оказавшій незабвенныя услуги римскому государству своими громовыми рѣчами противъ заговорщика Катилины. Такъ поступилъ могущественный Антоній съ тѣмъ человѣкомъ, который, несмотря на свои слабости, приобрѣлъ вѣнокъ безсмертія и содѣйствовалъ славу Рима.

Иудеи часто оказывали вліяніе на законодательство и политику своимъ правомъ подачи голоса, причемъ они всегда были единодушны между собой. Они выдѣлялись благородными приемами, и своимъ умственнымъ превосходствомъ приобрѣли доступъ въ высшіе круги общества. Во время императоровъ они стояли въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ дворомъ и поэтому были извѣстны и цѣнились по достоинству. Они могли гордиться покровительствомъ Юлія Цезаря, величайшаго героя, замѣчательнѣйшаго послѣ Цицерона оратора, котораго произвелъ Римъ. Съ громкими рыданіями окружали иудеи костеръ, на которомъ его благородное пронзенное тѣло превратилось въ пепелъ. Въ правленіе Августа, его племянника и наследника, число евреевъ въ Римѣ возросло до 40.000; еврейская дѣвушка Акме была служанкою у императрицы Ливіи. Отъ этого Цезаря евреи получили нѣкоторыя привилегіи, какъ-то: свободу вѣроисповѣданія, собственный судъ и право союза, что даже римлянамъ было запрещено. Они имѣли множество синагогъ, и нѣкоторыя изъ нихъ по своей художественной архитектурѣ считались украшеніемъ города. Они могли собирать въ нихъ деньги въ пользу іерусалимскаго храма и отсылать ихъ туда. Многіе великіе и знаменитые люди были открытыми или тайными почитателями и приверженцами іудейскаго ученія. Помпея, супруга императора Нерона, была похоронена, какъ еврейка, въ чемъ не сомнѣвался и самъ императоръ. Также и еврейскій актеръ Алитирасъ вращался при его дворѣ. Какъ великъ былъ въ то время наплывъ въ іудейскую религію, видно изъ литературныхъ произведеній того періода. Тацитъ, отецъ исторіи, находитъ непонятнымъ, «почему столько римлянъ могутъ стремиться къ іудейской религіи, исполнять іудейскіе религиозные обряды и презирать своихъ боговъ». Остроумный Ювеналъ въ своихъ сатирахъ съ тонкою насмѣшкою говорить объ этомъ: «если-бы дѣтямъ достался отецъ, который празднуетъ субботу, то они стали-бы избѣгать употребленія свинины, какъ будто-бы это значило ѣсть человѣка, и обрѣзывали-бы также крайнюю плоть и т. д.». Поэтъ Овидій

говорить: «въ синагогахъ ищутъ красоту города». Благосклонные законы были въ силѣ для евреевъ и въ теченіе перваго періода христіанства. Одинъ епископъ Каллистъ нарушилъ въ 109 г. по Р. Х. іудейское богослуженіе и въ наказаніе былъ сосланъ въ рудники въ Сардинію. Такимъ образомъ процвѣтали іудейскія общества въ Римѣ. Указанія они получали отъ Сангедрина изъ Іерусалима. Ихъ участь измѣнилась подѣ правленіемъ папъ и становилась то лучше, то хуже, смотря по образу мыслей главы семихолмнаго города. Въ настоящее время подѣ скипетромъ Италіи для древнихъ римскихъ общинъ наступила новая прекрасная и многообѣщающая весна жизни.

V.

Шемая и Авталіонъ.

Положеніе Іудеи послѣ ея покоренія стало замѣтно печальнѣе. Она была подобна кораблю на бурномъ морѣ, который съ трудомъ борется съ напоромъ огромныхъ волнъ, и всѣми силами старается спасти себя. Все мрачнѣе становились дни для угнетенной страны; поэтому удивительно, какъ могла она среди непрекращавшихся войнъ и стѣсненій просуществовать еще болѣе столѣтія. Самъ Римъ въ то время обливался кровью изъ тысячи ранъ, въ немъ непрерывно пылалъ раскаленный очагъ, на которомъ зажигались все новые факелы, который похищалъ множество жизней, имущества и крови. Нанести смертельный ударъ республикѣ, самому стать деспотомъ—было страстною цѣлью всѣхъ честолюбцевъ, которыми городъ весьма былъ богатъ. Всякое сильное потрясеніе въ сердцѣ всемірнаго народа вызывало вибрирующее движеніе по тысячамъ нервовъ, во всѣхъ подчиненныхъ провинціяхъ до самыхъ отдаленныхъ окраинъ и никогда не позволяло имъ успокоиться. Іудея тѣмъ сильнѣе чувствовала это зло, что человѣкъ, въ рукахъ котораго находились бразды правленія, былъ только евреемъ по принужденію, относился безсердечно къ народу и религіи и считалъ позволительнымъ каждый способъ, чтобы возвысить себя, какъ-бы сильно не былъ онъ противенъ закону, справедливости, морали и человѣческимъ обязанностямъ. Бездѣятельный Гирканъ былъ похожъ на птицу въ золотой клѣткѣ. Антипатръ только по необходимости позволялъ ему немного полетать, но клѣтку держалъ крѣпко запертою, хотя плѣнникъ этого и не замѣчалъ. Могъ-ли быть защитою своего народа тотъ, кто самъ нуждался въ

поддержкѣ? Антипатръ въ Римѣ искалъ только любви и уваженія, а Іудея служила ему обильнымъ источникомъ, откуда онъ черпалъ нужные подарки для подкуповъ. Тяжелымъ по́томъ народа оплачивалъ онъ каждое проявленіе благосклонности со стороны Рима. Въ 59 г. до Р. Х. былъ тамъ заключенъ первый триумvirатъ. Юлій Цезарь, Помпей и богатый Крассъ раздѣлили между собою власть надъ міромъ. Послѣдній услышалъ о сокровищахъ Іерусалимскаго храма, ненасытная жадность погнала его туда; онъ ограбилъ сокровища, затѣмъ отправился къ Парянамъ, гдѣ погибъ въ 53 г. до Р. Х. съ двумя третями своего войска. Чтобы осмѣять его жадность, паряне налили ему мертвому въ ротъ расплавленное золото. Александру, сыну Аристовула, удалось избавиться отъ плѣна; онъ пришелъ въ Іудею, былъ встрѣченъ съ радостью, всѣ патріоты предложили ему свою помощь; онъ думалъ возвратить странѣ свободу, но Антипатръ быстро призвалъ изъ Сиріи римскаго намѣстника Габинія. Александръ былъ разбитъ и снова отосланъ въ Римъ. Не былъ также счастливѣе и самъ Аристовулъ, когда явился въ Іудею со своимъ вторымъ сыномъ Антигономъ, чтобы сбросить римское иго. Эти также увидѣли себя преданными Антипатромъ, принуждены были отступить предъ превосходными силами и возвратиться въ плѣнъ. Такимъ образомъ, Антипатръ, сильнѣйшій врагъ и измѣнникъ Іудеи въ сердцѣ страны, насильственнымъ путемъ подавлялъ всякую попытку къ самопомощи, всякое побужденіе къ свободѣ, чтобы удержать народъ въ безсильной зависимости.

Раздоры между двумя героями Юліемъ Цезаремъ и Помпеемъ начали новую кровавую эпоху. Цезарь въ 49 г. до Р. Х. переступилъ черезъ Рубиконъ съ восклицаніемъ: «жребій брошенъ!» Помпей въ своемъ заблужденіи воскликнулъ: «лишь только топну ногою, какъ для меня появятся легіоны!»

Жестоко бились оба могущественныхъ силача. Для Аристовула засіяла звѣзда радостныхъ надеждъ. Цезарь поставилъ его во главѣ двухъ легіоновъ для защиты его интересовъ въ Іудеѣ и Сиріи. Какъ долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ герой Маккавей при этомъ отличіи!—Но увы! Пріятный сонъ скоро исчезъ подобно обманчивой фата-моргана. Помпеянцы поднесли ему въ 48 г. до Р. Х. илъ прежде, чѣмъ онъ приступилъ къ дѣлу. Онъ умеръ, и его смертные останки были погребены въ Іерусалимѣ въ фамильномъ склепѣ. За несчастнымъ отцомъ послѣдовалъ въ тотъ міръ сынъ Александръ; Помпей приказалъ его обезглавить. Такъ погибалъ вѣтвь за вѣтвью славный родъ Хасмонеевъ.

Въ это время во главѣ Сангедрина въ Иерусалимѣ стали два способныхъ, отличныхъ мужа Шемаи и Авталіонъ. Въ школѣ Симона бенъ Шетахъ и Иуды бенъ Таббай достигли они тѣхъ обширныхъ знаній въ законовѣдѣніи, которыя впоследствии возвысили ихъ до почетнаго мѣста ихъ учителей. Еще среди позднѣйшихъ поколѣній ученыхъ считались они замѣчательными авторитетами, ихъ всегда называли «великими людьми своего времени, выдающимися ораторами». Много признаковъ говорятъ въ пользу того, что они были языческаго происхожденія. Преданія даже дѣлаютъ ихъ потомками Санахериба, который во время пророка Исаи правилъ Ассиріей. Однако, болѣе чѣмъ этотъ сомнительный царственный предокъ, возвышало ихъ то душевное и сердечное благородство, котораго они достигли собственными силами. Отъ ихъ общественной дѣятельности осталось много характерныхъ чертъ; въ «изреченіяхъ отцовъ» остались также и отъ нихъ поучительныя слова.

Эти два мужа пережили всѣ бѣдствія своего времени, и душа ихъ, пылавшая преданностью къ народу и религіи, была глубоко подавлена жестокими страданіями. Они видѣли гибель національнаго царственнаго дома, паденіе свободы, напрасныя попытки къ ея возвращенію, а также постоянно возростающую силу идумейнина Антипатра. Послѣдній назначилъ двухъ своихъ старшихъ сыновей намѣстниками: Фазаель получилъ Иерусалимъ, Иродъ—Галилею. Тягостное состояніе того бурнаго времени опечалило всѣхъ патріотически настроенныхъ жителей. Насильственные дѣйствія и вымогательства стали весьма обыкновенными. Народъ терпѣлъ со стономъ и негодованіемъ; однако нѣсколько рѣшительныхъ и храбрыхъ мужей составили вольныя отряды, чтобы освободить страну отъ тирана. Начальникомъ одного изъ такихъ отрядовъ въ Галилеѣ былъ нѣкто Езекия. Противъ него двинулся Иродъ, какъ намѣстникъ, и ему удалось захватить въ руки эту горсть, которую онъ заклеилъ именемъ разбойниковъ. Съ жестокимъ самовластьемъ, безъ допроса и справедливаго приговора приказалъ онъ ихъ всѣхъ обезглавить. Крикъ негодованія вырвался у всѣхъ при этомъ ужасномъ дѣлѣ. Вдовы и родственники казненныхъ поспѣшили къ Гиркану, единственному царю и съ яростью потребовали возмездія и справедливости. Слабый Гирканъ увидѣлъ себя вынужденнымъ приказатъ Сангедрину, чтобы онъ призвалъ Ирода къ отвѣтственности.

Послѣднему Антипатрѣ и одинъ уполномоченный отъ Рима обѣщали защиту, а Гиркану отдали строгія приказанія. Иродъ явился въ залъ суда въ пурпурной одеждѣ, въ блестящихъ доспѣхахъ, со-

проводимый вооруженною свитой. При этой неслыханной дерзости всѣ члены собранія потеряли мужество, почувствовали робость и страхъ. Одинъ председательствующій Шемаа остался неустрашимымъ. Смѣло и безъ боязни воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ: «развѣ этотъ подсудимый не стоитъ предъ нами такъ, какъ будто готовъ уничтожить всѣхъ насъ, если мы объявимъ его виновнымъ? Но все-таки его я порицаю менѣе, чѣмъ васъ, дрожащихъ предъ нимъ! Я предсказываю вамъ: если вы теперь пощадите его, то онъ васъ всѣхъ разомъ предастъ мечу!» Эти мужественныя слова были при тогдашнихъ обстоятельствахъ геройскимъ поступкомъ, который разбудилъ всѣхъ присутствовавшихъ и снялъ съ нихъ все малодушіе. Но когда началось производство дѣла, то трусливый Гирканъ отложилъ процессъ и далъ возможность Ироду бѣжать. Его преступленіе осталось, конечно, безнаказаннымъ; Шемаа-же своимъ смѣлымъ заступничествомъ за правду обезпечилъ себѣ славный памятникъ.

Марсъ, какъ называли Греки бога войны, продолжалъ между тѣмъ свирѣпствовать съ возрастающимъ ужасомъ; въ Римѣ двери храма Януса стояли широко открытыми. Море горькихъ слезъ пролили въ своей невыразимой печали отцы, матери, жены и дѣти. Цезарь завоевалъ уже Галлію цѣною 1.192.000 человѣческихъ жизней. Не многимъ менѣе было число жертвъ Помпея. Теперь оба они съ мечемъ въ рукѣ стояли другъ противъ друга, хотя Помпей нѣкогда приходился Цезарю тестемъ. При Фарсаль въ 48 г. до Р. Х. военное счастье пало на сторону Цезаря. Съ новыми лаврами вернулся онъ съ торжествомъ въ Римъ, а Помпей, столь сильно прежде обоготворяемый, былъ коварно умерщвленъ въ лодкѣ близъ рѣки Нила.

Цезарь, ставъ единодержавнымъ властителемъ, показалъ себя весьма благосклоннымъ къ евреямъ. Онъ расширялъ предѣлы Іудеи, позволилъ укрѣпить Іерусалимъ, утвердилъ Гиркана въ его достоинствѣ и далъ народу нѣкоторыя преимущества. Но въ то-же время онъ оставилъ неприкосновеннымъ могущество Антипатра и его сыновей, за что, разумѣется, іудейская нація не могла быть ему благодарной, ибо этимъ онъ рѣшилъ ея гибель, а свои добрыя дѣла лишилъ ихъ настоящей цѣны.

Но скоро и самъ Цезарь сошелъ со сцены. На зенитѣ счастья постигъ его злой рокъ. Тремя короткими словами: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ» извѣстилъ онъ въ Римѣ въ 45 г. до Р. Х. о своихъ новыхъ приобрѣтеніяхъ, а 15 Марта 44 г. палъ онъ безъ жизни, пронзенный 23-мя кинжалами у подножія помпеевой статуи.

Онъ имѣлъ несчастіе увидѣть между своими врагами любимца своего Брута; со скорбнымъ восклицаніемъ: «и ты, мой Брутъ!» замолкли навсегда его краснорѣчивыя уста.

Однако съ Цезаремъ не погибли ни его партія, ни его идея. Противъ нихъ вооружился теперь Кассій, «послѣдній римлянинъ». Онъ пришелъ въ Іудею, гдѣ былъ свидѣтелемъ какъ Крассъ похищать милліоны изъ сокровищъ храма. Онъ также надѣялся получить подобную добычу. Антипатръ и Иродъ, лежавшіе во прахѣ сначала предъ Помпеемъ, потомъ предъ его побѣдителемъ Цезаремъ, пресмыкались теперь снова предъ убійцей послѣдняго и торопились услужить ему со всею готовностью. Всѣми насильственными мѣрами вымогали они деньги, а для пополненія требуемой суммы жители нѣсколькихъ городовъ были проданы въ рабство. Идумейцы составляли вмѣстѣ съ Кассіемъ планъ убійства Гиркана, чтобы возвести Ирода на престолъ. Но Малихъ, вѣрный другъ Гиркана, открылъ этотъ планъ, и, чтобы спасти Гиркана, незамѣтно отравилъ Антипатра на одномъ пиру и освободилъ землю отъ чудовища, которое обезславило ее. Иродъ, далеко превосходившій своего отца во всѣхъ отвратительныхъ и гнусныхъ поступкахъ, заподозрилъ его и умертвилъ коварнымъ образомъ. Гирканъ лишился единственнаго человѣка, самоотверженно преданнаго ему.

Вскорѣ послѣ того римской республикѣ былъ нанесенъ смертельный ударъ сраженіемъ при Филиппахъ въ 42 г. до Р. Х. Кассій, Брутъ, Катонъ, ревностнѣйшіе приверженцы ея, не хотѣли пережить этого и кончили самоубійствомъ. Составился второй триумvirатъ: Октавіанъ, Антоній и Лепидъ раздѣлили между собою римское государство. Іудея выпала на долю Антонія.

Эти сильные удары и смуты потрясли до основанія римское государство, сопровождались гражданскими войнами, безчеловѣчными жестокостями, и Іудея должна была ихъ перетерпѣть въ сильной степени. Шемая и Авталіонъ своимъ свѣтлымъ взоромъ видѣли изъ такихъ происшествій, на какихъ слабыхъ основаніяхъ покоится столь истерзанное государство. «Если кедръ пожирается пламенемъ, то можетъ-ли удержаться слабый иссопъ, тонкіе корешки котораго не твердо прикрѣпляются къ стѣнѣ!» Могла-ли удержаться Іудея, если государство, обнимавшее три части свѣта, было такъ пошатнуто и поколеблено? Темнѣе и мрачнѣе становилась предъ ними будущность ихъ страны; но какъ ни больно страдало отъ этого ихъ патріотическое чувство, они все-таки видѣли себя принужденными держаться со своими слабыми силами вдали отъ государственныхъ

дѣлъ. Они предоставили государство небесной защитѣ и задались цѣлью проложить дорогу, по которой народъ могъ-бы найти путь ко спасенію, и отыскать способъ для поддержанія его существованія безъ помощи иностранныхъ государствъ. Жизнь народа не должна погибнуть вмѣстѣ съ его политической жизнью, но должна оставаться цѣлою во всѣхъ бурныхъ теченіяхъ. Въ духѣ іудейской религіи, въ ея внутренней нравственной силѣ, въ божественномъ ученіи, въ незыблемыхъ законахъ видѣли они долговѣчный залогъ національной самостоятельности; эти крѣпкія и твердыя основанія хотѣли они вложить въ душу народа, навсегда привить ихъ къ народному самосознанію. Они стремились быть учителями закона и сдѣлались таковыми въ самомъ широкомъ значеніи; потомство всегда называло ихъ почетными именами «мудрыхъ учителей, способныхъ и могучихъ ораторовъ, великихъ людей своего времени».

Ихъ изреченія показываютъ и направленіе ихъ ума. Шемахъ говорилъ: «люби ремесла, ненавидь властолюбіе, не дружись съ властителями». Если-бы исполнилось то черное предчувствіе ихъ души, если-бы наступила страшная катастрофа и осиротѣвшія дѣти должны были-бы покинуть родину, то что пользы изъ домовъ и дворовъ, садовъ и полей, лѣсовъ и луговъ, которые они принуждены были-бы оставить? Поэтому они были обязаны любить ремесла, учиться имъ и обезпечить себѣ такимъ образомъ навсегда и вездѣ хлѣбъ и содержаніе, утѣшеніе и спокойствіе, ободреніе и укрѣпленіе.

Властолюбіе было адскимъ демономъ, который размахивалъ надъ всѣми странами и народами свой зараженный бичъ съ ужасомъ и гибелью. Эта стоглавая гидра разливала свой змѣиный ядъ по всѣмъ направленіямъ. Вражда братьевъ Маккавеевъ, происки и хитрости иудеянъ, непрерывныя войны съ повсемѣстными страшными бѣдствіями; все это — были послѣдствія властолюбія, этого бездоннаго болота, изъ котораго поднимаются зловредныя міазмы, отравляющія повсюду воздухъ. Поэтому слѣдовало ненавидѣть властолюбіе.

Далѣе, если онъ совѣтуетъ народу держаться вдали отъ властителей, то и здѣсь дѣйствуетъ подъ тѣмъ-же побужденіемъ. Люди, ищущіе силы, не представляли собою безпристрастному оку стража нравственности никакой благородной добродѣтели. Подъ блестящею наружною поверхностью ослѣпительнаго великолѣпія и заманчиваго богатства свирѣпствовалъ вулканъ съ неугасающимъ пламенемъ страстей и пороковъ, подобно обжорливому животному, которому нестерпимый голодъ невозможно насытить. Израиль не долженъ былъ ни увлекаться этимъ обманчивымъ кажушимся счастьемъ, ни покидать

ради него свою скромную, спокойную жизнь среди домашнего мира, а для этого онъ обязанъ былъ отдаляться отъ властителей.

Краткія, сильныя изреченія производили на впечатлительныхъ жителей востока гораздо болѣе глубокое дѣйствіе, чѣмъ цѣлыя бібліотеки книгъ нравственнаго содержанія у сѣверныхъ жителей. Они какъ-бы образовали удары пульса жизненной крови и опредѣляли умственное направленіе націи. Поэтому и Шемаа излагалъ въ крылатыхъ словахъ свои серьезныя, богатыя по содержанію и своевременныя увѣщанія, которыя, навѣрно, не остались пустымъ звукомъ.

Наставленіе Авталіона было вызвано стѣснительнымъ указомъ, изданнымъ въ его время. Габиній, римскій намѣстникъ, предпринялъ дьявольски-хитрое намѣреніе разрушить единодушіе іудейской націи. Онъ раздѣлилъ Іудею на пять частей; каждая изъ нихъ должна была имѣть свой собственный и независимый Синедріонъ. Эта децентрализація угрожала единству не только ученія, но и народа и наполнила правдиваго Авталіона тревожнымъ опасеніемъ. Поэтому онъ съ такимъ предостереженіемъ обращается къ законоучителямъ: «вы, мудрецы, будьте осторожны въ своихъ словахъ! Вы можете быть выселены и прогнаны въ другія страны, гдѣ текутъ нечистыя воды. Если ученики ваши будутъ ихъ пить, то они могутъ умереть и имя Божіе будетъ оскорблено!» Подъ этимъ аллегорическимъ покровомъ Авталіонъ выражаетъ то, о чемъ болѣла его душа. Жители нѣкоторыхъ странъ были легковѣрны, способны къ воспріятію ложныхъ ученій. Это—были нечистыя воды. Если пылкіе ученики жадно втянутъ въ себя этотъ ядъ, то они потомъ умрутъ для истины. Возможность этого наполнила Авталіона страхомъ. Но къ счастью Габиній былъ вслѣдъ за тѣмъ отозванъ, и съ его удаленіемъ кончились его насильственные мѣры. Сангедринъ остался, какъ и прежде, въ грановитой палатѣ іерусалимскаго храма, въ сердцѣ народа. Авталіонъ-же въ своемъ наставленіи обнаружилъ бдительную заботливость о своихъ братьяхъ, о законѣ и ученіи, за что и память о немъ чествовали съ уваженіемъ. Какую любовь питалъ народъ къ этимъ обоимъ своимъ учителямъ, доказываетъ слѣдующій случай. «Однажды, по прошествіи дня прощенія, первосвященникъ возвращался изъ храма въ свой домъ, въ который онъ не смѣлъ вступать въ теченіе восьми дней. Его по обычаю сопровождала толпа народа. Вдругъ она увидѣла обоихъ ученыхъ и тотчасъ отошла отъ религіознаго главы, чтобы служить почетнымъ конвоемъ своимъ любимцамъ. Когда послѣдніе поздравили

первосвященника, то онъ угрюмо поблагодарилъ ихъ и колко проговорилъ: «идите съ миромъ, язычники!» На это тѣ возразили: «язычники, которые стремятся къ миру, могутъ уходить съ миромъ; но возможно-ли это сыну Аарона, который вопреки своему прародителю нарушаетъ миръ?»

Между тѣмъ небо Іудей все темнѣе и гуще покрывалось тучами, оковы рабства все болѣе и болѣе сжимали народное тѣло и даже училища были также стѣснены. Начальники были принуждены ограничить доступъ въ учебныя заведенія. Былъ назначенъ надзиратель, который долженъ былъ допускать только за плату, поэтому бѣдные были исключены отъ участія. Подозрительность и недовѣріе Ирода сдѣлали неизбежными эти жестокия мѣры, которыя глубоко огорчали благородныя души Шемаи и Авталіона. Ихъ дѣятельность продолжалась почти четверть столѣтія съ 60 до 35 г. до Р. Х. Ихъ славное имя не осталось вмѣстѣ съ ними въ могилѣ, молва о нихъ сохранялась еще долгое время. Хотя они давно уже были преданы землѣ, однако ихъ съ большимъ уваженіемъ вспомнили однажды въ собраніи Сангедрина. Говорили о горькомъ напитокѣ, который по ученію Моисея давали женщинѣ, заподозрѣнной въ супружеской нечѣстности; она должна была съ распущенными волосами выпить въ храмѣ горькую воду, которую съ условнымъ проклятіемъ предлагали ей священники. Законъ былъ строгъ и жестокъ; онъ обязанъ былъ заставлять каждую женщину трепетать передъ нарушеніемъ супружеской вѣрности. Законодатель видѣлъ въ этомъ надежное средство для сохраненія среди Израиля чистоты семейныхъ нравовъ. Въ Сангедринѣ возникъ вопросъ, можно-ли этотъ напитокъ давать также и прозелиткѣ; большинство высказалось за него. Однако одинъ Акабья бенъ-Магалагелъ возражалъ настойчиво и воспротивился этому рѣшенію. Тогда, чтобы склонить его, сослались на авторитеты Шемаи и Авталіона, которые точно также поступали. Но Акабья утверждалъ: «эти происходили отъ язычниковъ, потому они оказывали пощаду и снисходительность къ языческимъ потомкамъ». Акабья долженъ былъ подвергнуться отлученію. Ему подали надежду на полученіе достоинства Аб-бет-динъ, президента суда, если онъ присоединится къ большинству; однако онъ сказалъ: «я охотнѣе хочу остаться дуракомъ между людьми въ теченіе всей моей жизни, чѣмъ на одинъ только часъ быть грѣшникомъ предъ Богомъ и говорить вопреки своимъ убѣжденіямъ!»

Отъ этого упорнаго непоколебимаго законоучителя «изреченія отцовъ» приводять слѣдующее этическое ученіе: «взвѣсь три вещи,

и ты никогда не совершишь грѣха: помни, откуда ты пришелъ. куда идешь и предъ Кѣмъ тебѣ придется отдать нѣкогда отчетъ. Взятый изъ праха, ты снова превращаешься во прахъ и будешь потребованъ къ суду предъ Царемъ царей». Кто такъ поучаетъ, тотъ не могъ имѣть порочнаго сердца. Изъ чувства благоговѣнія предъ своими учителями, былъ онъ твердо привязанъ къ ихъ ученію, перенесъ добровольно жестокое отлученіе, отказался отъ почетнаго званія. Однако, своего сына онъ убѣждалъ признавать рѣшенія Сангедрина. Но когда сынъ потребовалъ отъ него совѣта, то отецъ замѣтилъ: «на что онъ тебѣ? твои дѣла должны тебя отличать: они или приближать тебя къ людямъ, или-же оттолкнуть тебя отъ нихъ».

Пріятно встрѣчать среди мірской суеты подобныя свѣтлыя личности высокой нравственности. Фарисейскія школы обладали такими идеалами во всѣ времена въ достаточномъ числѣ.

VI.

Царь Антигонъ.

Трагическая судьба отца Аристовула и старшаго брата Александра не успокоила Антигона. Жажда мести къ идумеянамъ, ихъ убійцамъ, кипѣла внутри его, овладѣла всѣми его чувствами и помыслами. Уже часто выступалъ онъ противъ нихъ, обнажалъ мечъ, противъ истребителей своего рода, однако всѣ его попытки не удавались, его борьба и стремленія были напрасны. Но онъ не потерялъ надежды, не падалъ духомъ; пламя ненависти опять воодушевляло его новой отвагой. Наконецъ, счастье, казалось, стало ему улыбаться. Во главѣ парянскаго войска, единственнаго народа, который до сихъ поръ съ успѣхомъ сопротивлялся римлянамъ, вступилъ онъ въ Иудею. Патріоты встрѣтили его съ ликowanіями, съ радостью присоединялись къ его войску, число котораго возросло съ каждымъ шагомъ. Такимъ образомъ одолѣлъ онъ всѣ препятствія и достигъ Іерусалима. Сыновья Антипатра сочли себя погибшими: старшій, Фааель наложилъ на себя руки, а братъ его Иродъ спасся бѣгствомъ. Гирканъ попалъ въ руки парянъ; они изувѣчили ему уши, чтобы лишить его возможности исполнять обязанности первосвященника, такъ какъ нести это достоинство долженъ былъ быть свободнымъ отъ всякаго тѣлеснаго недостатка. Антигонъ въ 40 г. до Р. Х. занялъ престолъ, который принадлежалъ ему по праву. Его желаніе исполнилось, народъ былъ радъ снова увидѣть Хасмонея во главѣ

страны. Послѣ тридцати лѣтъ непрерывныхъ войнъ государство опять почувствовало себя независимымъ; оно было совершенно свободно отъ чужеземнаго могущества. Однако это счастливое время весьма быстро миновало, подобно пріятному сну; оно продолжалось три года и шесть мѣсяцевъ, потомъ исчезло и оставило за собою еще худшія бѣдствія, какъ это видно изъ слѣдующей главы.

VII.

Царь Иродъ.

1.

Иродъ уже знакомъ читателямъ. То, что о немъ было сказано, достаточно для того, чтобы признать въ немъ человѣка мужественнаго, несправедливаго, упрямаго, которому неисповѣдимое Провидѣніе позволило ухватиться своею желѣзною рукою за колесо судьбы еврейскаго государства. Уже мальчикомъ, этотъ сынъ Антипатра и бедуинки Клиросы обнаружилъ отважное мужество, страсть къ смѣлымъ подвигамъ, непоколебимое упорство и необузданное честолюбіе. Ему было 12 лѣтъ, когда одинъ эссей Менахемъ общалъ ему царскую корону надъ Іудеей. Раздраженная такимъ образомъ фантазія мальчика должна была разбудить покоившіяся въ немъ еще въ зародышахъ дурныя наклонности и ускорить ихъ гибельное развитіе. Однако объ этомъ не подумалъ предсказатель, хотѣвшій только увеличить свою славу какъ пророка. Мы уже рассказывали, какъ Иродъ, въ качествѣ намѣстника, самовольно умертвилъ Езекію и его отрядъ, съ какою дерзостью и самохвальствомъ вступилъ въ священное судилище Синедріона. Въ этомъ уже сказались плоды того обмана, которымъ была отравлена юношеская душа. Хотя его отецъ былъ совершеннымъ образцомъ лицемернаго притворства, сладкихъ, лстивыхъ и соблазнительныхъ рѣчей, однако онъ стоялъ далеко ниже своего сына во всѣхъ этихъ искусствахъ. Злостью и хитростью Иродъ былъ похожъ на змѣю, а лукавствомъ и пронырствомъ — на лисицу. Не испытывая никакихъ колебаній совѣсти, чуждый всякаго нравственнаго чувства справедливости, считалъ онъ дѣйствительнымъ и годнымъ всякое средство, которое вело къ цѣли и служило къ удовлетворенію его безмѣрнаго честолюбія, какъ-бы сильно не протестовали нравственность и человѣколюбіе. Онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ, извлекать изъ нихъ для себя пользу. Онъ льстил Помпею, послѣ

него боготворилъ Цезаря, потомъ пресмыкался предъ его убійцею Кассіемъ, затѣмъ низко преклонялся предъ Антоніемъ, побѣдителемъ послѣдняго, и, наконецъ, воскурялъ омыамъ Октавію. Если счастье покидало кого-нибудь, и тотъ, разбитый въ прахъ, становился негоднымъ для употребленія, то Иродъ хладнокровно и безсердечно отворачивался отъ него, забывалъ всю благодарность и съ подлою и смиренною преданностью благоговѣлъ предъ новою, восходящею звѣздою и приносилъ ей жертвы. Щедрыми подарками можно было приобрести расположеніе всѣхъ римскихъ героевъ дня. Потомъ жители Іудеи платилъ онъ расточительно за каждый приказъ и заговолѣнія Рима и такимъ образомъ поднимался все выше со ступеньки на ступеньку.

Печальные дни настали для Ирода, когда Антигонъ вступилъ на престолъ своихъ предковъ. Онъ казался низринутымъ и брошеннымъ съ неба его пылкихъ и цвѣтущихъ надеждъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ развелся со своею первою женою Доридою, матерью его старшаго сына, Антипатра, и обручился съ хасмонеинкой Маріамной. Новая жизнь, полная счастья и блаженства, улыбалась ему; но внезапно увидѣлъ онъ себя въ опасности и принужденъ былъ бѣжать подъ покровомъ ночи. Какое наслажденіе было-бы для Антигона отомстить Ироду за своего отца и брата! Но это не должно было исполниться. Иродъ бѣжалъ, спасся въ Аравію, но былъ прогнанъ царемъ и скитался по негостепріимной пустынѣ безъ всякихъ денежныхъ средствъ. Наконецъ, послѣ утомительнаго странствованія достигъ онъ Египта, гдѣ царица Клеопатра предложила ему мѣсто военачальника, но онъ отказался отъ этого, потому что его уму все еще грезилась блестящая золотая корона. На кораблѣ отправился Иродъ въ Римъ. Морская буря угрожала его жизни, онъ подвергался смертельной опасности, но, перетерпѣвъ сильную борьбу съ свирѣпствовавшимъ ураганомъ и бушевавшими волнами, прибылъ въ 37 г. до Р. Х. въ господствовавшій надъ всѣмъ міромъ городъ Тибра. Рабскимъ подличаньемъ и блестящими обѣщаніями приобрѣлъ онъ отъ развратнаго Антонія царскую корону надъ Іудеей. Его золотая мечта осуществилась, идеалъ его юности достигнутъ, пророчество Менахема оказалось совершенною правдою. Съ торжествомъ стоялъ онъ на порогѣ своихъ смѣлыхъ надеждъ; онъ покорилъ своевольное счастье, которое должно было перейти на его сторону и служить ему. Побѣдносно возвращался онъ въ Іудею; изгнаникомъ и бѣглецомъ оставлялъ ее Иродъ, а теперь сталъ ея царемъ и повелителемъ.

А тамъ въ это время мирно и безмятежно царствовалъ Антигонъ. Страна пользовалась спокойствіемъ, народъ отдыхалъ, счастливый тѣмъ, что Маккавей сидитъ на тронѣ своихъ славныхъ предковъ. Вдругъ пришло страшное извѣстіе, что Иродъ, въ качествѣ царя, приближается во главѣ римскихъ легіоновъ. Сильный страхъ объялъ жителей предъ этимъ демономъ, котораго они ненавидѣли въ высшей степени. Они поднялись массами, взялись за оружіе, чтобы оказать могущественное сопротивленіе этому пришельцу, который, будучи полуевреемъ, безъ всякаго справедливаго предлога, по милости Рима, захотѣлъ овладѣть государствомъ и отнять его у настоящаго наслѣдника, Антигона. Упорно воспротивились они этому требованію, защищались на каждомъ шагѣ съ холоднымъ презрѣніемъ къ смерти; убійственны были сраженія, страшны—жестокости. Никакое перо не въ состояніи описать всѣхъ тѣхъ ужасовъ, причиною которыхъ была эта гражданская война, продолжавшаяся почти непрерывно три года. Иродъ съ вершины скалы видѣлъ, какъ одинъ престарѣлый мужъ убилъ свою жену и семерыхъ дѣтей, а затѣмъ съ потрясающимъ душу, страшнымъ проклятіемъ самъ бросился въ пропасть. Но чудовище оставалось хладнокровнымъ предъ такими картинами; ослѣпительный блескъ царской короны притупилъ въ немъ всякое благородное чувство. Непрерывныя войны ожесточили сражавшихся, легіоны свирѣпствовали, подобно дикимъ животнымъ. Снопы пламени, горы труповъ, ручьи крови, обугленные жилища, опустошенныя поля—были сердце раздирающіе знаки и свидѣтели ихъ вандализма. Такъ прокладывали они дорогу по бурно-волновавшейся странѣ, дѣти которой тысячами труповъ покрывали землю. Наконецъ, Иродъ достигъ Іерусалима. Циклопическія стѣны изъ гранита, поднимавшіяся къ небу башни, крѣпко запертыя желѣзныя ворота защищали столицу, гдѣ Антигонъ сидѣлъ еще въ крѣпости Барось, выстроенной его отцомъ. У него должно было отнять скипетръ, похитить престолъ. Это было трудною задачею, но палачи и душители Рима обладали ловкостью въ такомъ дѣлѣ. Между тѣмъ какъ послѣдніе были заняты приготовленіями къ новымъ опустошеніямъ, Иродъ праздновалъ свое бракосочетаніе съ Маріамной, съ которой онъ былъ обрученъ уже четыре года. Эта женщина, трагическая судьба которой воспламеняла фантазію даровитѣйшихъ поэтовъ, считалась одною изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ своего рода. Природа расточительно осыпала ее своими прекраснѣйшими дарами, щедро надѣлила ее всѣми чарами женской прелести. Этотъ рѣдкій образецъ творенія сіялъ недостижимымъ почти идеаломъ жен-

скаго совершенства. Безподобныя пластическія формы тѣла скрывали образованную, возвышенную душу, исполненный благородѣйшими помыслами умъ, невинное, нѣжное, ангельское сердце. И эта несчастнѣйшая изъ несчастныхъ должна была отдать свою лилейную руку человѣку, который умертвилъ ея отца и дѣда; разорилъ ея народъ, а теперь намѣревался лишить престола ея дядю, законно его унаслѣдовавшаго, и наступить на него ногою. Могъ-ли самый смѣлый полетъ поэтическаго воображенія выдумать такую горестную картину, какую здѣсь представляла дѣйствительность!

Шесть мѣсяцевъ сопротивлялся Іерусалимъ. Его жители защищались противъ 100.000 осаждавшихъ съ львинымъ мужествомъ и львиною яростью, призвавъ на помощь всѣ свои силы, но напрасно. Въ ту самую субботу, въ которую проникъ Помпей 26 лѣтъ назадъ, городъ былъ снова взятъ. Какъ и тогда, безчеловѣчные римляне свирѣпствовали съ необузданнымъ бѣшенствомъ, убивали безъ всякаго сожалѣнія священниковъ у алтаря, левитовъ при хорѣ, беззащитныхъ стариковъ, женщинъ, мужей, дѣтей. Царь Антигонъ, взятый въ плѣнъ, былъ отправленъ въ Римъ и по просьбѣ Ирода приговоренъ къ смерти на крестѣ. Теперь Иродъ могъ занять престолъ, управлять государствомъ, благословенныя поля котораго онъ обратилъ въ пустыни, города и села котораго стали грудями пепла, жители котораго сотнями тысячъ испустили свой духъ. Онъ могъ вступить въ резиденцію, которую сдѣлалъ безлюдною, въ которой каждый окровавленный камень указывалъ на его жестокости. Послѣдній царь изъ Маккавеевъ лежалъ въ гробу, кончилъ свою жизнь, какъ преступникъ. Желѣзный, дерзкій лобъ, закаленное сердце Ирода не страшилось и не трепетало ни предъ чѣмъ. Никакое человѣческое чувство не омрачало его торжества—видѣть себя, наконецъ, достигнувшимъ исходнаго пункта своего честолюбія. Іудейское государство покорно лежало у его ногъ, какъ жертва для закланія; похититель совершенно растопталъ-бы его, если-бы только оно хотъ моргнуло глазомъ.

2.

Потоками крови проложилъ себѣ Иродъ дорогу къ трону; кровью-же долженъ былъ онъ удерживать его. Всѣ приверженцы Антигона, всѣ члены Синедріона вмѣстѣ съ его главами Шемаей и Авталіономъ были убиты. Но Менахемъ, напороочившій ему счастье, приобрѣлъ его полное благоволеніе. Онъ велѣлъ ему придти и спросилъ

его о продолжительности своего царствованія. Менахемъ долго молчалъ, погруженный въ размышленія. Иродъ трепеталъ и боялся уже, чтобы оно не исчезло такъ-же быстро, какъ сонъ. Тѣмъ радостнѣе и свободнѣе вздохнулъ онъ потомъ, когда Менахемъ общалъ ему болѣе трехъ десятилѣтій возсѣдать на престолѣ. Умерщвленіемъ всѣхъ плотскихъ стремленій эсееи достигли господства надъ всѣмъ земнымъ; но всегда оставалось загадочнымъ и удивительнымъ, какимъ образомъ залетали они своимъ воображеніемъ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ религіозной фантазіи и поднимали темное покрывало будущаго. Нельзя отнять у Менахема дара предвѣднія таинственныхъ грядущихъ дней: что онъ предсказывалъ, то, дѣйствительно, сбывалось. Но не помогалъ-ли здѣсь только благоприятный случай, кто могъ-бы это доказать? Во всякомъ случаѣ, пророкомъ, исполненнымъ нравственности и благородства, онъ не былъ. Совсѣмъ другимъ является пророкъ Ілія предъ Ахавомъ. Когда супруга послѣдняго финикіянка Изавела приказала умертвить несчастнаго Навуоея, чтобы дать возможность Ахаву завладѣть виноградникомъ, — съ какимъ нравственнымъ негодованіемъ и съ какимъ страшнымъ голосомъ загремѣлъ тогда Ілія къ царю: «Неужели убійствомъ приобрѣтешь наслѣдство!» Какъ послѣ этого громилъ-бы Ілія Ирода? Но къ такой благородной, самоотверженной энергіи Менахемъ не былъ способенъ; при всѣхъ своихъ чудесныхъ дарованіяхъ онъ не усвоилъ себѣ той высоты нравственныхъ убѣжденій.

Иродъ, дѣйствительно, болѣе тридцати лѣтъ могущественно правилъ Іудеей. Римскіе властители служили ему образцами; онъ поступалъ по ихъ указаніямъ и старался всегда имѣть ихъ своими друзьями. Легкомысленный и развратный Антоній нуждался въ огромныхъ денежныхъ суммахъ, которыя онъ тратилъ вмѣстѣ съ расточительною Клеопатрою. Одинъ роскошный пиръ оплачивался тяжелымъ пѣтомъ цѣлой провинціи. Иродъ всегда старался отдавать этому покровителю все, что насильственнымъ образомъ выжималъ изъ страны. Зная ненависть народа и чувствуя себя небезопаснымъ, онъ окружилъ себя отрядомъ тѣлохранителей изъ иностранныхъ наемниковъ. Онъ содержалъ также множество шпионовъ, и горе тому, кто не бдительно слѣдилъ за своимъ языкомъ и возбуждалъ подозрѣніе. Народная молва прозвала Ирода «идумейскимъ рабомъ», чѣмъ она хотѣла обозначить его рабскую преданность Риму. Извиѣ его царствованіе казалось блестящимъ и могущественнымъ. Когда онъ лишился своего покровителя Антонія, погибшаго послѣ битвы при Акціумѣ, въ 30 г. до Р. Х., то ему удалось приобрѣсти расположеніе

Октавіана, побѣдителя Антонія, который утвердилъ Ирода въ его достоинствѣ. Иудея была увеличена многими новыми городами и украшена великолѣпными постройками. Иродъ велъ также много счастливыхъ войнъ, праздновалъ триумфы и увѣнчалъ свою голову лаврами. При всемъ томъ этотъ царь былъ несчастнѣйшимъ изъ людей. Его сердце никогда не могло успокоиться; онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ; его подозрительность, недовѣрчивость, преступная совѣсть заставляли его предчувствовать враговъ и убійцъ. Всегда видѣлъ онъ предъ собою обнаженный мечъ, въ каждомъ кускѣ, въ каждомъ глоткѣ онъ боялся яду. Страшныя привидѣнія носились передъ нимъ днемъ, окружали его ложе ночью, являлись ему въ сновидѣніяхъ и пугали его со сна. «Нѣтъ покоя,—говоритъ Господь,—преступникамъ». Это пророческое изреченіе буквально сбылось надъ Иродомъ.

Непрерывный страхъ увеличилъ еще его свирѣпую кровожадность. Кто поддавалъ его подозрѣнію, тотъ былъ невозвратно потерянъ. Особенно не довѣрялъ онъ оставшимся Маккавеямъ, которые состояли изъ четырехъ лицъ, скитавшихся еще на землѣ. Хотя онъ царицею Маріамной былъ тѣсно связанъ съ ними, однако вопреки этому онъ имъ всѣмъ грозилъ гибелью. Старый Гирканъ жилъ въ далекомъ Вавилонѣ, окруженный глубокимъ уваженіемъ. Иродъ заманилъ его въ Іерусалимъ, принялъ съ притворною радостью и осыпалъ почестями. Но въ послѣдствіи онъ ложно обвинилъ его въ измѣнѣ, и голова восьмидесятилѣтняго царя пала подъ рукою палача. Аристовулъ, братъ Маріамны, поэтому его шурина, былъ такъ-же, какъ и сестра щедро одаренъ природою всѣми прелестями; Иродъ вручилъ ему санъ первосвященника. Когда онъ въ праздникъ Кущей явился въ храмъ въ богатой и блестящей одеждѣ, соотвѣтственно сану, то взоры всѣхъ обратились на эту цвѣтущую отрасль Маккавеевъ. Но какъ разъ это народное благоволеніе и дало поводъ измученному страхомъ Ироду къ подозрѣнію, и онъ сталъ думать о его гибели. Однажды, во время купанья въ Іерихонѣ наемные убійцы держали голову юноши подъ водою, какъ будто ради шутки, до тѣхъ поръ, пока онъ не задохнулся. Иродъ принявъ извѣстіе о его смерти съ притворнымъ горемъ и слезами, но Маріамна знала настоящаго убійцу. Небесное блаженство и адскія мученія доставила она своему царственному супругу. Пылкая, даже бѣшеная любовь къ очаровательной женщинѣ, дьявольская ненависть и жажда мести къ роду, которому она принадлежала, непрерывно боролись внутри его за первенство и терзали его душу. Сумасбродныя увѣренія его любви не могли найти никакого отголоска

въ ея сердцѣ. Она съ презрѣніемъ и ненавистью видѣла въ немъ только убійцу и душителя ея самыхъ дорогихъ родственниковъ, а ея гордое сознаніе гнушалось всякаго лицемерія и притворства. Дважды жизнь и тронъ Ирода были въ опасности. Въ первый разъ Антоній, по наущенію Клеопатры, вызвалъ его къ себѣ; онъ привлекъ его къ отвѣтственности за смерть Аристовула. Во второй разъ—когда онъ принужденъ былъ снискать расположеніе Октавіана, боясь поплатиться за свою дружбу съ Антоніемъ. Онъ оба раза достигъ блестящаго успѣха, но не могъ-же онъ знать этого заранѣе и всякій разъ съ трепетомъ и страхомъ готовился къ путешествію. Маріамну оставлялъ онъ подъ защитою надежныхъ слугъ, которымъ далъ тайное приказаніе умертвить ее, если самъ будетъ убитъ, не желая, чтобы она послѣ его смерти принадлежала кому-нибудь другому. Оба стража открыли царицѣ это порученіе, каждый изъ благонамѣреннаго желанія убѣдить ее въ безграничной любви къ ней ея мужа. Съ глубокимъ восхищеніемъ и упоенный радостью возвращался Иродъ къ своей горячо любимой Маріамнѣ и рассказывалъ ей о своихъ приобрѣтеніяхъ. Но послѣдняя на его радостныя изліянія могла отвѣчать только горькими слезами и тяжелыми вздохами. Страданія ея наболѣвашаго сердца доказывали ему, что ей извѣстно его кровавое приказаніе, и оба любимца поплатились смертію за свою болтливость, хотя одинъ изъ нихъ былъ его дядей и зятемъ, мужемъ его сестры Саломы. Несчастная Маріамна! Какіе ужасы должна была она перетерпѣть?! Свекровь Клипоса не была къ ней благосклонна, золовка хитрая, мстительная и жестокая Салома была исполнена противъ нея самою сильною ненавистью. Обѣ безпрестанно возбуждали гнѣвъ Ирода противъ несчастной, раздражали его противъ Маріамны, гдѣ и когда только могли, и единственною причиною ихъ сильной ненависти была зависть за ея красоту и благородство души, въ чемъ онѣ должны были ей уступать. Ихъ ядовитыя рѣчи доводили Ирода до того, что онъ уже нѣсколько разъ поднималъ мечъ надъ Маріамной, но взоръ ея чистыхъ добродѣтельныхъ очей всегда обезоруживалъ его, и онъ долженъ былъ опустить мечъ. Презрѣнная Салома составила планъ мести и не побоялась даже обвинить свою непріятельницу въ супружеской нечестности, вызвать въ сердцѣ брата, чуткаго къ наговорамъ, такое ядовитое подозрѣніе. Жгучая боль терзала Ирода, пламенная любовь, снѣдающая ревность, подобно адскимъ силамъ, бушевали въ его внутренностяхъ; холодность и презрѣніе, съ которыми эта женщина всегда встрѣчала его, повергали его въ глубокое отчаяніе.

Саломея безпрестанно раздувала всепожирающій огонь, своимъ зараженнымъ дыханіемъ превращала искры въ яркое пламя и не давала имъ погаснуть. Наконецъ, негодная достигла своей проклятой цѣли. Ея безграничная злоба дошла до того, что она черезъ подкупленныхъ слугъ внушила Ироду ложное убѣжденіе, будто Маріамна хотѣла его отравить. Подозрительный царь, не довѣрившій даже собственной тѣни, нашедшійся въ постоянномъ смертномъ страхѣ, созвалъ продажныхъ мужей въ качествѣ судей. Онъ самъ выступилъ обвинителемъ, съ страстною энергіей разсказать все дѣло, изъ чего судьи могли заключить, что онъ ждетъ смертнаго приговора, и они изрекли это страшное слово. Благородная и добродѣтельная царица невинно была приговорена къ смерти. Піены—женщины, Кипроса и Саломея заботились теперь о быстромъ исполненіи приговора, чтобы достигнутая ими дьявольская цѣль не ускользнула отъ нихъ. Съ царственнымъ величіемъ и достоинствомъ, твердо и стойко взошла страдальца на 25-мъ году жизни на плаху, сіяя преображенною красотою, спокойно и рѣшительно наклонила палачу свою чудную голову, получила смертельный ударъ, и образецъ творенія пересталъ жить въ 28 г. до Р. Х. Но когда все было кончено, тогда жестокое раскаяніе начало мучить Ирода, страшная тоска, доходившая часто до сумасшествія, терзала его душу. Онъ звалъ ее по имени, жадно простиралъ на воздухъ свои руки; его душевное состояніе было ужасно. Въ это время моровая язва похитила многихъ изъ его слугъ, онъ бѣжалъ въ Самарію, гдѣ горячка угрожала его жизни. Но, будучи крѣпкимъ и сильнымъ отъ природы, Иродъ побѣдилъ опасную болѣзнь, и по выздоровленіи сильнѣе прежняго обнаружилась въ немъ его кровожадность. Теперь предалъ онъ въ руки палача судей, обвинившихъ Маріамну. Саломея подавала ему новыхъ жертвъ, и между ними двухъ своихъ супруговъ. Затѣмъ такую участь испытала и послѣдняя отрасль рода Маккавеевъ: Александра, дочь Гиркана, невѣстка Аристовула, супруга Александра, мать Маріамны и Аристовула. Всѣхъ ихъ она должна была пережить, видѣть гибель каждаго изъ нихъ; однако ея крѣпкій геройскій духъ, несмотря на сильные удары судьбы, остался непреклоннымъ, и живуче сохраняла она свое существованіе. Вся ея жизнь прошла въ составленіи плановъ, какъ-бы возратить своему роду его потерянное могущество и погубить Ирода. Для этой цѣли она соединилась съ египетской царицей Клеопатрой, которая одинаково съ нею ненавидѣла Ирода. Но послѣдній былъ хорошо прислуживаемъ своими шпіонами; онъ своевременно узналъ о всѣхъ ея замыслахъ, сумѣлъ

ихъ предупредить и разстроить. Александра хотѣла еще воспользо-
ваться послѣднею болѣзнью Ирода, чтобы произвести народное воз-
станіе. Но Иродъ выздоровѣлъ слишкомъ рано, узналъ обо всемъ,
и она должна была поплатиться за это. Александра была обезглав-
лена, вмѣстѣ съ нею былъ опущенъ въ могилу послѣдній отпрыскъ
дома Хасмонеевъ. Несчастливая звѣзда этого нѣкогда столь славнаго
рода рѣшила такъ, что даже два члена въ немъ не умерли есте-
ственной смертью. Иродъ своею жестокою свирѣпостью къ этому
роду навлекъ на свое имя несмываемое пятно и обезчестилъ па-
мять о себѣ.

3.

Между тѣмъ какъ мстительныя фуріи продолжали неукротимо
свирѣпствовать въ душѣ Ирода, народъ оставался спокойнымъ. Такъ
какъ почти ежедневно происходили казни, то онъ успѣлъ уже при-
выкнуть къ этому; смерть потеряла для него все страшное и ужасное.
Онъ радовался уже тому, что царь самъ соблюдалъ его религіозные
законы и не препятствовалъ ихъ исполненію. Однако и здѣсь его
деспотизмъ дошелъ до нѣкотораго произвола; онъ своевольно обра-
щался съ первосвященниками, назначалъ ихъ и удалялъ по прихоти;
онъ также ограничилъ власть Синедріона, въ школахъ онъ имѣлъ
шпіоновъ и надзирателей, тормозившихъ преподаваніе и посѣщеніе
ихъ,—однако это считалось уколами, хотя и тяжелыми, но и пере-
носимыми. При всемъ томъ Иродъ оказался благотѣлемъ во время
голода въ 24 г. до Р. Х. Онъ велѣлъ привезти изъ Египта на мно-
гихъ корабляхъ хлѣбъ и шерсть и раздѣлить нуждающимся, чтобы
у нихъ не было недостатка ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ. Этимъ онъ
привязалъ къ себѣ народъ и заставилъ забыть свои кровавыя и на-
сильственные дѣла. Далѣе онъ приобрѣлъ народное расположеніе
тѣмъ, что приказалъ снести храмъ Іерусалимскій, стоявшій уже пять
столѣтій, и выстроилъ его заново съ бѣлыми великолѣпнымъ. По-
водъ къ этому рассказывается слѣдующимъ образомъ: Баба-бенъ-
Бота, одинъ ученый фарисей, былъ нѣкогда ослѣпленъ по прика-
занію Ирода. Этотъ несчастный жилъ съ тѣхъ поръ одиноко и пе-
чально среди вѣчной тьмы. Однажды посѣтилъ его Иродъ, захотѣв-
шій узнать отъ него объ образѣ мыслей фарисеевъ. Между ними
произошелъ слѣдующій разговоръ: «Однако, какія страданія причи-
нилъ странѣ этотъ царь!»—«Что могу я дѣлать? Къ чему ты раз-
сказываешь мнѣ объ этомъ?»—«Ты можешь его проклинать!»—«Пра-

вителя твоего народа ты не долженъ проклинать, учить законъ». — «Но вѣдь этотъ царь не происходитъ изъ этого народа; онъ—идумеецъ». — «Все-таки въ твоей опочивальнѣ не порочь царя», учить Библия. Эта характерная твердость произвела сильное впечатлѣніе на Ирода; онъ объявилъ себя слѣпому Баба и сказалъ: «если-бы я раньше зналъ такой образъ мыслей фарисеевъ, то я не погубилъ-бы ихъ такъ много. Но это уже совершилось. Чѣмъ могъ-бы я загладить этотъ поступокъ?» Тогда Баба отвѣтилъ: «если ты загасилъ свѣтъ Божій, то возстанови свѣтъ Израиля, храмъ, съ обновленнымъ блескомъ, чтобы по частямъ загладить свою вину». Эти слова и побудили Ирода къ построенію храма. Два различныхъ источника сообщаютъ, что само небо благопріятствовало этой постройкѣ, ибо оно посылало дожди только по ночамъ; чтобы не мѣшать днемъ работѣ. Истинное произведеніе искусства представлялъ собою вновь сооруженный храмъ, гораздо большій въ окружности, гораздо величественнѣе по своей высотѣ и внѣшней красотѣ на вершинѣ горы Моріи. Но какъ сильно не привлечь къ себѣ Иродъ сердца народа этою постройкою, однако онъ снова лишился этого расположенія тѣмъ, что надъ главными воротами велѣлъ поставить золотого орла, какъ символъ ненавистнаго римскаго покровительства.

Увеличивавшійся возрастъ не произвелъ никакого смягчающаго вліянія на образъ мыслей Ирода; онъ оставался до послѣдняго вздоха тѣмъ-же тираномъ, кровожаднымъ и жестокимъ. Онъ возбудилъ противъ себя народъ введеніемъ римскихъ обычаевъ, что вызывало сильное негодованіе, чаще даже проклятія, всегда имѣвшія кровавый исходъ. Онъ выстроилъ въ Іерусалимѣ театръ и зданіе для ристаній, гдѣ происходила борьба атлетовъ съ дикими звѣрями; подобныя нововведенія возбуждали отвращеніе у ревнителей закона. Десять смѣлыхъ мужей рѣшились убить Ирода во время одного такого представленія и за то подверглись мучительной казни. Доносчикъ былъ съ яростью разорванъ народомъ на куски живымъ, и мясо его брошено собакамъ. Подобными сценами Иродъ отринулъ отъ себя любовь собственного народа, которая уже потому стала для него недостижимой, что онъ истощалъ его благосостояніе своими безчеловѣчными поборами. Его безмѣрное честолюбіе старалось поэтому обратить на себя вниманіе чужихъ народовъ и вызвать въ нихъ удивленіе. Онъ отнималъ у своей страны огромныя суммы, которыя дарилъ иностраннымъ городамъ для украшенія, для содержанія языческихъ игръ, чтобы быть возносимымъ римлянами и греками. Августъ провозгласилъ его достойнымъ «носить корону Сиріи и Египта». Его придворный

біографъ. Николай изъ Дамаска воздавалъ ему честь, рассказывалъ о его славныхъ подвигахъ, воспѣвалъ его и льстецы называли его «Великимъ». Но этотъ ореолъ, этотъ внѣшній блескъ и великолѣпіе пѣсьма скудно вознаграждали за счастье, въ которомъ ему было отказано. за народную любовь, за домашній миръ. Карающая справедливость наказала всесильнаго тѣмъ, что заставила его отчаяваться въ самыхъ святыхъ чувствахъ сердца. Въ великолѣпныхъ царскихъ палатахъ Ирода господствовала горестная семейная жизнь, какою только можно себѣ представить. Десять женъ сдѣлали его отцомъ пятнадцати дѣтей. Бѣдѣе самаго бѣднаго нищаго, который наслаждается мирною и веселою домашнею жизнью, не нашелъ этотъ могущественный царь среди всѣхъ членовъ своего дома ни одного сердца, которое билось-бы, исполненное любви и преданности къ нему. Страшныя картины уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ отравляли воспріимчивыя сердца дѣтей, умерщвляли въ нихъ всякое теплое, благородное и нѣжное чувство. Придворныя козни, интриги, ложь, клевета, доносы, подкупы, ненависть, убійства и мщеніе—въ этой атмосферѣ дышали царскія дѣти лишь только глаза ихъ увидятъ свѣтъ. Среди такихъ отвратительныхъ пороковъ занималась утренняя заря перваго мышленія въ ихъ душѣ, и эти впечатлѣнія оставались въ нихъ врѣзавшимися навсегда. Эти печальныя обстоятельства не могли укрыться отъ глазъ Ирода; онъ долженъ былъ ихъ сознать и сознать ихъ съ ужасомъ. Онъ видѣлъ въ этомъ мстительныя привидѣнія за безчисленныхъ убитыхъ имъ жертвъ, которыя теперь наказывали его. Но это мучительное состояніе среди многочисленныхъ членовъ семейства, эта страшная немощъ подъ покровомъ кажущагося изобилія только еще больше ожесточили его душу, увеличили его упрямство, ввергли его въ отчаяніе, въ какое-то тупоуміе, такъ что онъ, какъ ненасытное хищное животное, жаждалъ крови и только въ душеніи и терзаніи находилъ удовлетвореніе и наслажденіе.

Несчастная Маріамна оставила ему двухъ сыновей. Подобно своей матери, отличались они превосходными качествами тѣла и души. Иродъ воспитывалъ ихъ въ Римѣ, гдѣ при дворѣ императора Августа принцы провели золотое утро своей жизни. Когда они достигли зрѣлаго возраста, онъ призвалъ ихъ въ Іерусалимъ, женилъ ихъ, и младшій, именно Аристовулъ, получилъ руку дочери Саломы, своей тетки. Однако это чудовище, причинившее нѣкогда мученія прекрасной Маріамнѣ и вогнавшее, наконецъ, ее въ могилу, ненавидѣло не меньше и ея сыновей, хотя одинъ изъ нихъ былъ уже му-

жемъ ея дочери. Противъ нихъ Салома заключила союзъ со своимъ братомъ Ферорасомъ и старшимъ сыномъ Ирода Антипатромъ. Этотъ гнусный триумvirатъ старался пронырствомъ и всевозможною клеветою очернить и заподозрить сыновей Маріамны предъ ихъ отцомъ. Пламенная ненависть подавила въ сердцѣ Саломы даже святое материнское чувство и заставила ее сдѣлать вдовою свою собственную дочь. Вѣдь свирѣпствовала-же эта гіеноподобная женщина и противъ своихъ мужей такъ, что всѣ они погибали подъ мечомъ палача, и хотя первый супругъ ея былъ въ то-же время и ея дядей, однако это не удержало ее отъ того, чтобы, благодаря своему могущественному вліянію надъ своимъ братомъ Иродомъ, не склонить послѣдняго погубить своего зятя и дядю. Трое союзниковъ, которыхъ связала вмѣстѣ лишь одинаковая ненависть, съ помощью непрерывныхъ ложныхъ обвиненій достигли, наконецъ, того, что оба брата были задушены по приказанію Ирода.

Но смертію этихъ несчастныхъ невинныхъ жертвъ, преступленіе которыхъ состояло только въ томъ, что они унаслѣдовали красоту и душевное благородство своей матери, не прекратилась дьявольская игра противъ Ирода. Ферорасъ и Антипатръ, братъ и сынъ, уже готовили ядъ, чтобы погубить его самого. Но Ферорасъ внезапно умеръ къ своему счастью; Антипатръ-же былъ брошенъ въ темницу, также одна изъ женъ Ирода, бывшая съ ними въ союзѣ, изгнана изъ двора; а сынъ ея исключенъ изъ завѣщанія. Вотъ, что происходило въ домѣ завиднаго царя. Поэтому справедливо выразился Августъ, что онъ «согласился-бы охотнѣе быть у Ирода послѣднимъ животнымъ, чѣмъ его сыномъ»; хотя семейная жизнь самого императора Августа была не менѣе разстроена. Иродъ не выдержалъ всѣхъ душевныхъ потрясеній. Долго боролась съ ними его крѣпкая натура; однако они загрызли, наконецъ, мозгъ старика. Печаль и уныніе омрачили его душу, когда онъ увидѣлъ, что его блестящія надежды падаютъ и исчезаютъ, какъ увядшіе листья. Напрасно онъ обременилъ свою совѣсть, очернилъ свою душу такимъ множествомъ преступленій. Его настроеніе или лучше разстройство было ужасно, его расположеніе духа—невыносимо. Къ этимъ душевнымъ мукамъ присоединились еще отвратительныя и жестокія тѣлесныя страданія. Никто не хотѣлъ и не могъ оставаться вблизи него, каждый бѣгалъ его ложа. Однако, эти очевидныя божескія наказанія не послужили закоренѣлому старому грѣшнику къ духовному просвѣтленію, къ раскаянію; наоборотъ, они еще сильнѣе разжигали въ немъ его звѣрскую необузданность и кровожадность. Несмотря на свои безмѣрные

страданія, онъ все-таки издавалъ кровавыя приказанія. Одно время разнесся ложный слухъ, будто онъ умеръ. Тогда двое учителей говорили своихъ учениковъ сбросить съ воротъ храма орель, ненавистный символъ Рима. Иродъ узналъ объ этомъ и велѣлъ привести къ себѣ виновныхъ; послѣдніе безъ страха сознались въ совершенномъ дѣлѣ и даже гордились имъ, потому что законъ предписывалъ его; при этомъ Иродъ долженъ былъ услышать слова, которыя врѣзались ему глубоко въ сердце. Безтрепетно пошли они на костеръ. Чѣмъ болѣе онъ терпѣлъ, тѣмъ свирѣпѣе онъ становился. По временамъ, обезсиленный страданіями и отчаяніемъ, хотѣлъ онъ умертвить себя, но у него всякій разъ вырывали оружіе.

Его послѣднею жертвою палъ сынъ Антипатръ, долженствовавшій наслѣдовать престолъ. Даже въ послѣдніе часы душу этого чудовища наполняли мысли объ убійствахъ. Онъ далъ своей единомыслящей сестрѣ Саломѣ приказаніе задержать на ристалищѣ знатнѣйшихъ мужей и изрубить ихъ послѣ его смерти, чтобы народъ имѣлъ причину печали и не радовался его смерти. Пять дней послѣ казни Антипатра, и онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Иродъ умеръ на 70 году жизни и 37-мъ своего царствованія, въ 4-мъ году до Р. Х. Превосходные памятники строительнаго искусства, воздвигнутые въ великолѣпномъ стилѣ и оставшіеся въ большомъ числѣ, приравниваютъ его имя къ имени Соломона. Онъ обладалъ желѣзною силою воли, блестящими дарованіями и проницательностью. Онъ былъ Іудеемъ, но нисколько не вникалъ въ духъ Іудейской религіи, не усвоилъ себѣ никакой морали; въ немъ господствовали необузданное честолюбіе и эгоизмъ; онъ заблудился въ лабиринтъ свѣта, подобно всѣмъ римлянамъ того времени, которые служили ему прототипами. Онъ хотѣлъ основать всемірное іудейское государство; но этотъ грандіозный планъ погибъ вмѣстѣ съ его создателемъ.

VIII.

Г и л л е л ь .

1.

Кто послѣ кораблекрушенія выброшенъ былъ на пустынный и необитаемый островъ, гдѣ мрачная окрестность наполнена только страшнымъ ревомъ дикихъ животныхъ, шипѣніемъ ядовитыхъ змѣй, свирѣпыми и мерзкими занятіями людоѣдовъ, какъ тотъ долженъ

радоваться, увидѣвъ себя перенесеннымъ изъ этой удручающей и жалкой мѣстности въ пріятную страну, гдѣ сочная зелень, красивые цвѣты, тѣнистыя деревья улаждаютъ зрѣніе, звонкое пѣніе птицъ увеселяетъ слухъ, освѣжительные источники, серебристые ручьи питаютъ душу, гдѣ его привѣтливо встрѣчаютъ люди, въ которыхъ онъ признаетъ подобіе Божіе, которыхъ онъ можетъ почитать, любить и уважать! Точно также и читающій исторію прежнихъ временъ чувствуетъ себя освѣженнымъ и обрадованнымъ, если послѣ распутныхъ дѣйствій безчеловѣчныхъ и кровожадныхъ тирановъ, предъ пороками которыхъ геній челоѣчества со стыдомъ прикрываетъ свое лицо, встрѣтитъ вдругъ личность, увѣнчанную высокимъ благородствомъ образа мыслей, одаренную многими преимуществами и достойную полного уваженія и почета, личность, предъ которой онъ съ искреннимъ чувствомъ угожденія можетъ обнаруживать свое благоговѣніе. Иродъ, Гиллель—какая огромная противоположность! Это—небо и земля! Иродъ—странная каррикатура челоѣчества, самъ эгоизмъ съ цѣлымъ роемъ животныхъ страстей и мерзостей. Гиллель—пріятнѣйшая гармонія небснаго съ земнымъ, идеаль правды, красоты и добра, соединеніе всего того, чѣмъ возвышается и облагораживается челоѣчество. И эти два контраста жили въ одно время, въ одномъ и томъ-же городѣ! Какъ царь Давидъ встрѣтилъ священный Ковчегъ Заѣта, такъ и мы Гиллеля можемъ привѣтствовать гимномъ: «возвысьте, ворота, главу свою; откройтесь, врата міра, ибо приближается царь славы!» Дѣйствительно, великъ и благороденъ тотъ, славную жизнь и дѣятельность котораго мы хотимъ теперь представить и оцѣнить по достоинству.

Колыбелью Гиллеля была Вавилонія. Онъ происходилъ отъ знатныхъ родителей, которые вели свою родословную отъ царя Давида; но рано оставилъ онъ свою родину вмѣстѣ со своимъ братомъ Шебной и переселился въ Палестину. Шебна посвятилъ себя торговлѣ, достигъ благосостоянія и приобрѣлъ богатство. А Гиллель, искавшій духовныхъ сокровищъ, бѣднѣлъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, принужденъ былъ содержать себя и свое семейство скудными заработками дровосѣка. Кажется, что Шебна старался отклонить Гиллеля отъ его стремленій къ высшимъ благамъ и привести его къ реальному направленію. Онъ хотѣлъ вырвать брата изъ его стѣснительнаго положенія. Но вѣдь издавна уже ведется такъ, что тѣ, которые пристально смотрятъ на небо, съ трудомъ находятъ свой хлѣбъ на землѣ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ взять его въ свои дѣла, потому что одинъ древній источникъ рассказываетъ слѣдующее: «Шебна

обратился къ Гиллелю: иди, братъ, ко мнѣ; я раздѣлю съ тобою свое имущество!» Но Гиллель отвѣчалъ стихомъ изъ Пѣсни пѣсней: «ты можешь дать всѣ сокровища твои за любовь, ими все-таки пренебрегутъ!» Мѣтко обозначилъ онъ этимъ свое непреодолимое стремленіе. Онъ остался дровосѣкомъ. Послѣ дневныхъ трудовъ вечеромъ посѣщалъ онъ храмъ науки Шемаи и Абталіона. Охотно отказывалъ онъ себѣ въ тѣхъ деньгахъ, которыя долженъ былъ дать привратнику, чтобы пройти въ учебную залу. Въ одну пятницу зимою онъ ничего не заработалъ, такъ что не имѣлъ чѣмъ заплатить за входъ, и не могъ быть впущенъ; но страсть къ наукѣ все-таки тянула его къ мѣсту ученія. Тамъ взобрался онъ на подоконникъ, крѣпко прижался къ нему, и съ напряженіемъ сталъ прислушиваться къ рѣчамъ; въ своемъ рвеніи онъ пренебрегалъ увеличивавшимся ночнымъ холодомъ. Каждая разслышать все, не пропустить ни одного слова, онъ мало-по-малу окоченѣвалъ, и слой снѣга покрылъ его. Только къ утру былъ онъ замѣченъ, снятъ съ окна, но уже окоченѣвшимъ и казался мертвымъ. Были приняты мѣры для возвращенія его къ жизни, которыя къ счастью были успѣшны... «Зажгите огонь», сказали учителя, «этотъ человѣкъ стоитъ того, чтобы ради него могъ быть нарушенъ субботній покой!» Съ этого времени Гиллель сдѣлался извѣстнымъ и все болѣе и болѣе оцѣнивался. Теперь старался онъ укрѣпить себя въ различныхъ областяхъ знанія. О его возраставшей учености говорили: «не было ни одной отрасли знанія, съ которой онъ не былъ-бы вполне знакомъ; онъ умѣлъ разсуждать о горахъ и долинахъ, о деревьяхъ и травахъ, о дикихъ и ручныхъ животныхъ. Мірскія и религіозныя науки были одинаково достуны его уму».

Щедро одаренный духовными сокровищами, постигъ онъ вновь свою родину; смуты въ Іудеѣ и преслѣдованія фарисеевъ были причинами, изгнавшими его изъ Іерусалима. Впослѣдствіи вернулся онъ туда обратно. Шемаи и Абталіона не было уже въ живыхъ; въ Сангедринѣ не было ни одного выдающагося авторитета. Иродъ приказалъ умертвить почти всѣхъ членовъ его. При всемъ томъ продолжалъ еще существовать какой-то жалкій Сангедринъ, во главѣ котораго стояли Бне-Батира; но большою ученостью они не обладали.

Въ это время произошелъ весьма рѣдкій случай, что канунъ праздника Пасхи выпалъ въ субботу. Это обстоятельство вызвало сомнѣнія, можно-ли совершить жертвоприношеніе обычнаго пасхальнаго агнца. Съ одной стороны боялись нарушить святость суббот-

ного дня, а съ другой—не хотѣли лишиться излюбленнаго обычая. Бне-Батира, главамъ Синедріона, не было извѣстно ни одного закона относительно этого, поэтому безпомощное положеніе было велико и мучительно. Тогда кто-то сказалъ: «здѣсь живетъ Гиллель, ученый изъ Вавилона; позовемъ и спросимъ его». Но многіе съ презрѣніемъ воскликнули: «чего можно ждать отъ вавилонянина». Однако, большинство пожелало выслушать Гиллеля. Его стали искать, нашли и спросили. Гиллель смѣло началъ доказывать, что жертвоприношеніе пасхальнаго агнца вполне совмѣстно съ святостью субботы. Его способъ доказательства обнаруживалъ въ немъ глубокій умъ, остроуміе и ясное пониманіе предмета. Но Бне-Батира объявили себя убѣжденными только тогда, когда Гиллель сослался на Шемаю и Абталіона; при этомъ они выказали такое благородство души, которое покрываетъ ихъ вѣчною славой: признавая заслуги Гиллеля и его высокія достоинства, Бне-Батира сложили съ себя въ его пользу почетное званіе предсѣдателей. Это самоотверженіе поистинѣ не можетъ быть достаточно оцѣнено. На сколько выше стояли эти мужи, возвратившіеся теперь къ самовольному уединенію, чѣмъ Иродъ, который силою, кровью и убійствами отнялъ тронъ у законнаго властителя?

Такимъ образомъ, въ эту субботу 14-го Нисана (Апрѣль) Гиллель сдѣлался Наси, предсѣдателемъ Сангедрина. Тотчасъ-же произнесъ онъ свою вступительную рѣчь. Однако нашлись такіе, которые не преминули грубо обращаться съ нимъ. Гиллель замѣтилъ это и воскликнулъ: «что побудило васъ меня, неизвѣстнаго вавилонянина, возвысить до степени Наси?—Исключительно ваша глѣнь!—Почему вы забыли школы Шемаи и Абталіона»? Вторымъ сановникомъ въ Сангедринѣ былъ назначенъ Менахемъ. Послѣдній, безъ сомнѣнія, былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ Ироду, который питалъ благосклонность къ пророку его счастья. Но эссеи не могъ чувствовать себя очень спокойнымъ возлѣ Гиллеля. Гдѣ ярко и блистательно сіяетъ солнце, тамъ блѣднѣетъ тусклая звѣзда. Поэтому Менахемъ не долго удержался на своемъ почетномъ мѣстѣ. Онъ вступилъ на придворную службу, и многіе, бывшіе съ нимъ однихъ убѣжденій, послѣдовали его примѣру. Иродъ отличалъ ихъ щедрыми подарками и высокими государственными должностями. Мѣсто Менахема получилъ Шаммай, человѣкъ съ весьма строгимъ консервативнымъ характеромъ, съ пламеннымъ рвеніемъ за правду и истину, за ученіе и законъ, съ прекраснымъ, сладкимъ зерномъ, скорлупа котораго однако часто была груба и упорна. Шаммай представлялъ собою

полную противоположность Гиллелю, однако дополнял его по словам поэта: «гдѣ строгость соединяется съ кротостью, недоступность съ ласковостью, тамъ является доброе созвучіе».

2.

Гиллель началъ свою дѣятельность въ первые годы царствованія Ирода. Провидѣніе избрало его цѣлительнымъ и смягчающимъ бальзамомъ противъ многочисленныхъ кровавыхъ ранъ, которыя этотъ тиранъ причинилъ народному тѣлу. Умъ и сердце соперничали въ этомъ героѣ и старались превзойти другъ друга. Исторія и преданія, братски соединившись, обвиваютъ и окружаютъ имя Гиллеля ореоломъ изъ благоухающихъ, прекрасныхъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Кротостью Гиллель пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ сердецъ, многочисленные ученики были привязаны къ нему съ неизмѣнною вѣрностью; его поученія приковывали, но его жизнь дѣйствовала еще убѣдительнѣе и сильнѣе, чѣмъ его превосходная, сверкавшая умомъ рѣчь. Древніе источники сохранили нѣкоторыя черты его характера, изъ которыхъ видны его кротость, мудрость, сердечная доброта, благочестіе, а въ особенности безпримѣрное, непоколебимое терпѣніе. Послѣднее даже стало обыденнымъ словомъ. Кто не слышалъ о вошедшемъ въ поговорку терпѣніи Гиллеля? Мы приведемъ здѣсь по порядку эти сообщенія. Гиллель изрѣдка оставлялъ своихъ учениковъ со словами: «я уйду для исполненія одного священнодѣйствія». Однажды ученики спросили его: «можемъ-ли мы быть свидѣтелями этого священнодѣйствія?» Тогда Гиллель сказалъ имъ, что онъ хочетъ купаться. «Купаться считаешь ты священнодѣйствомъ?» спросили тѣ съ удивленіемъ. «Разумѣется!» отвѣтилъ Гиллель, «вы вѣдь знаете, какъ украшаются и чистятся статуи царей и князей; почему-же и забота о нашемъ тѣлѣ, которое скрываетъ въ себѣ образъ Божій, не должно считаться священнымъ и богоугоднымъ дѣломъ?» Такъ старался мудрецъ внушить своимъ ученикамъ необходимость тѣлесной чистоты.

Подобнымъ-же образомъ училъ ихъ Гиллель сохранять и чистоту души. Иногда уходилъ онъ со словами: «теперь я долженъ посмотрѣть за моимъ гостемъ!» «Кто это твой гость, который такъ часто гонитъ тебя отъ насъ?» —спросили однажды ученики. Гиллель сказалъ: «мой гость—это моя душа; сегодня она живетъ въ моемъ тѣлѣ, но надолго-ли, не знаю. Смѣю-ли я не цѣнить, не уважать и не украшать этого гостя, посланнаго Богомъ и отъ Бога-же происходящаго?»

Къ богатству Гиллель относился хладнокровно; его любимымъ изреченіемъ было слѣдующее: «Благословенъ Господь каждый день». Его благодѣянія превосходили всѣ границы. Одного раззорившагося богача онъ такъ щедро поддержалъ, что послѣдній могъ снова продолжать свой обыкновенный образъ жизни. Онъ приказалъ не лишать его ни слуги, ни даже верховой лошади, потому что въ этомъ, училъ онъ, заключается смыслъ заповѣди Моисея: «ты долженъ помогать бѣдному по мѣрѣ его недостатка». Такое-же чувство благотворительности одушевляло и его супругу. Однажды Гиллель пришелъ по обыкновенію домой ко времени обѣда въ сопровожденіи одного незнакомаго человѣка, котораго онъ пригласилъ къ столу. Но обѣдъ въ этотъ разъ еще не былъ готовъ; Гиллель долженъ былъ терпѣливо ждать. Во время обѣда онъ сказалъ шутя: «ты сегодня заставила насъ долго ждать; вѣроятно, для того, чтобы сильный голодъ дѣлалъ для насъ пріятнѣе нашъ обѣдъ. Не правда-ли, моя милая?» Жена украдкой дала ему понятный знакъ. По окончаніи обѣда она рассказала ему слѣдующее: «знай, что обѣдъ и сегодня, какъ всегда былъ готовъ во время; но пришелъ одинъ бѣдный человѣкъ и сталъ мнѣ жаловаться на свое горе, что сегодня посѣтитъ его домъ невѣста его сына, а онъ ничего не имѣетъ, чего-бы могъ предложить ей. Тогда я отнесла ему въ домъ готовые кушанья, а затѣмъ поспѣшила приготовить другой обѣдъ; поэтому я не могла быть сегодня точною». Гиллель на это сказалъ: «будь благословенна, добрая душа; я знаю, что твои дѣла всегда направлены къ радости Господа и людей!» Такой миръ, такая идиллическая искренность господствовала въ домѣ Гиллеля! Какъ бѣденъ, какъ жалокъ былъ въ сравненіи съ нимъ царь Иродъ! Какъ сильно долженъ былъ онъ завидовать простому Гиллелю! Гиллель однажды возвращался изъ путешествія; вдругъ до его слуха достигли издалика жалобные вопли и крики, что въ то время при непрерывныхъ притѣсненіяхъ и вопіющихъ насиліяхъ не было рѣдкостью. Но Гиллель замѣтилъ: «я убѣжденъ, что эти вопли не выходятъ изъ моего дома; у меня даже самыя чувствительныя страданія переносятся съ тихою и благочестивою преданностью». На него указываютъ слѣдующимъ стихомъ изъ Псалма: «онъ не боится дурной вѣсти, крѣпко его сердце, уповающее на Господа».

Кротость и терпѣніе Гиллеля тогда уже вошли въ поговорку. «Человѣкъ пусть будетъ кротокъ, какъ Гиллель», говорили весьма часто. Такъ, рассказываютъ слѣдующее: двое спорили на 400 зузъ, чтобы привести Гиллеля въ гнѣвъ. Испытаны были всевозможныя

средства, чтобы выиграть пари и деньги. Однажды въ пятницу послѣ полудня, Гиллель готовился къ наступающей субботѣ; вдругъ какой-то человѣкъ сталъ грубо и дерзко кричать предъ дверями Гиллея: «Гиллель здѣсь? Гиллель здѣсь?»—Гиллель тотчасъ отозвался, вышелъ и спросилъ самымъ кроткимъ тономъ, полнымъ сердечности и спокойствія: «чего желаешь ты, мой сынъ?» «Я имѣю къ тебѣ одинъ вопросъ: скажи мнѣ, почему вавилоняне имѣютъ круглыя головы». «Трудный вопросъ», сказалъ смѣясь Гиллель, «причина та, что они не имѣютъ ловкихъ повивальныхъ бабокъ».—Такъ удовлетворилъ онъ человѣка, который обезпокоилъ его столь глупымъ вопросомъ. Тотъ, повидимому, удалился, а Гиллель вернулся въ домъ. Но немного спустя, онъ снова слышалъ неистовые крики: «Гиллель здѣсь? Гиллель здѣсь?»—Гиллель, сидѣвшій въ ваннѣ, оставилъ ее, накинулъ на себя верхнюю одежду, вышелъ къ нему и спросилъ съ одинаковымъ достоинствомъ и спокойствіемъ: «чего еще хочешь ты, мой сынъ?»—Тотъ грубо и дерзко сказалъ: «я хочу, чтобы ты объяснилъ мнѣ, почему жители Пальмиры имѣютъ узкіе глаза».—«Опять вопросъ высокой важности; причина та, что они живутъ въ песчаной мѣстности», возразилъ Гиллель. Человѣкъ удалился, забывъ даже поблагодарить и поклониться, а Гиллель вернулся въ ванну. Но недолго успѣлъ онъ пробывать въ ней, какъ вдругъ въ третій разъ въ его ушахъ раздались неистовые крики назойливаго человѣка: «Гиллель здѣсь? Гиллель здѣсь?» Послѣдній безъ всякаго раздраженія снова оставляетъ ванну, одѣваетъ платье, выходитъ и спрашиваетъ: «чего желаешь ты, мой сынъ?»—«Я хочу знать, почему Африканцы имѣютъ плоскую стопу» грубо отвѣтилъ тотъ. Гиллель спокойно и дружественно сказалъ: безъ сомнѣнія, потому что они живутъ въ болотистой мѣстности». Это непоколебимое спокойствіе духа, превзошедшее всѣ мѣры, убѣдило спорившаго, что онъ проигралъ пари и деньги; однако онъ захотѣлъ испытать послѣднее средство и сказалъ: «я могъ-бы еще объ очень многомъ спросить». Тогда Гиллель плотнѣе закутался въ свою одежду, сѣлъ и произнесъ: «спрашивай, мой сынъ; я готовъ». Тотъ сказалъ: «Гиллель, Наси Израиля, о если-бы не много было людей, подобныхъ тебѣ!» Гиллель спросилъ съ удивленіемъ: «почему-же, мой сынъ?» Тотъ брякнулъ сразу: «потому что изъ-за тебя я потерялъ 400 зузъ», при этомъ онъ рассказалъ ему о своемъ спорѣ. Гиллель смѣясь замѣтилъ: «лучше чтобы ты лишился дважды 400 зузъ, чѣмъ чтобы я потерялъ покой и терпѣніе». Такое геройское самообладаніе дѣлало для Гиллея возможнымъ жить въ согласіи съ Шаммаемъ

и дѣйствовать за одно съ нимъ, хотя послѣдній часто вспылчиво и раздражительно выражался о его взглядахъ, вѣрная противоположность въ направленіяхъ ума ихъ обоихъ поясняется слѣдующимъ случаемъ: «одинъ язычникъ обратился къ Шаммаю съ просьбой принять его въ союзъ іудейской религіи подѣ условіемъ признавать обязательнымъ только письменное ученіе Моисея. Шаммай съ гнѣвомъ и негодованіемъ прогналъ отъ себя язычника. Послѣдній обратился съ тою-же просьбой къ Гиллею, который сказалъ ему: «хорошо, дай я теперь научу тебя».—Онъ выучилъ съ нимъ еврейскій алфавитъ въ обыкновенномъ порядкѣ. На слѣдующій день онъ измѣнилъ порядокъ, что бросилось язычнику въ глаза. «Вчера ты иначе училъ», замѣтилъ онъ. Тогда Гиллель сказалъ: «вотъ видишь-ли, мое вчерашнее ученіе ты находишь правильнымъ, и ты не долженъ отказываться отъ этого. Точно также и мы устно передаваемое ученіе нашихъ мудрецовъ признаемъ дѣйствительнымъ и по его указаніямъ исполняемъ письменный законъ». Язычникъ нашелъ это справедливымъ, отнесся съ должнымъ уваженіемъ и почтеніемъ къ традиціи и сталъ истиннымъ евреемъ. Другой язычникъ потребовалъ отъ Шаммая, чтобы онъ принялъ его въ іудейскую религію и сдѣлалъ первосвященникомъ. Шаммай съ гнѣвомъ прогналъ отъ себя язычника за эту смѣлость. Но этотъ выразилъ также Гиллею свое желаніе, который ласково обратился къ нему: итакъ, царь долженъ знать законы, а первосвященникъ свои обязанности. «Пойдемъ, я хочу тебя учить!» Онъ сталъ читать предъ нимъ законы, касавшіяся священниковъ, и когда дошелъ до мѣста «чужой, приближившійся къ жертвеннику, заслуживаетъ смерть», то язычникъ спросилъ его: «кто здѣсь разумѣется подѣ чужимъ?» Гиллель отвѣтилъ: «всякій, кто не происходитъ отъ Аарона, считается чуждымъ священническаго достоинства, хотя-бы это былъ самъ царь Давидъ. Язычникъ убѣдился отсюда въ глушости своего требованія, продолжалъ учиться у Гиллея и въ послѣдствіи, сдѣлавшись евреемъ, снискалъ всеобщее уваженіе. Еще третій язычникъ пожелалъ отъ Шаммая быть принятымъ въ іудейскую религію, но съ условіемъ, чтобы тотъ выучилъ съ нимъ законъ въ теченіи такого короткаго времени, которое онъ можетъ простоять на одной ногѣ. Шаммай съ гнѣвомъ закричалъ на него, схватилъ палку и прогналъ ея язычника. Послѣдній обратился съ тѣмъ-же желаніемъ къ Гиллею, который сказалъ ему: «что тебѣ непріятно, того не дѣлай твоимъ ближеннымъ», въ этомъ состоитъ весь нашъ законъ; все остальное служить къ поясненію этого; если хочешь знать большаго, то

ступай и научись!» Съ намѣреніемъ высказываетъ Гиллель такой взглядъ на заповѣдь Моисея о любви къ ближнему; только такимъ образомъ видно практическое примѣненіе ея въ жизни. Слишкомъ труднаго, даже почти невозможнаго значило-бы требовать отъ человѣческой воли, если-бы предписано было отдавать ближнему все то, что приобрѣтено по́томъ и трудомъ. Гиллель, врагъ всякаго фанатизма, осторожно взвѣсилъ всѣ обстоятельства, взялъ людей такъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, а не въ образахъ широкой фантазіи. Онъ всегда отдавалъ полный отчетъ своему времени, и могъ по-этому дѣйствовать сознательно облагораживающимъ образомъ на свой народъ.

Одинаково безпристрастными и здоровыми являются взгляды его на жизнь со всѣми отличительными качествами его ума и сердца въ его увѣщаніяхъ, изреченіяхъ и сентенціяхъ. Такъ онъ училъ: «принадлежи къ ученикамъ Аарона, люби миръ, стремись къ миру, люби людей и приближай ихъ къ знанію». Сколько высшаго блага заключаютъ въ себѣ эти немногія слова! Ааронъ, прародитель священниковъ, служилъ народу вѣчнымъ идеаломъ мира и человеколюбія. Болѣе чѣмъ случайное происхожденіе отъ Аарона, болѣе чѣмъ сверкающія золотомъ одежды, должны украшать всякаго священника эти добродѣтели прародителя. Сдѣлать ихъ общимъ достоинствомъ всего священническаго народа было высшимъ желаніемъ Гиллеля; онъ хотѣлъ какъ нѣкогда Моисей, чтобы весь народъ состоялъ изъ пророковъ, чтобы на каждомъ почивалъ духъ Божій.

Другія изреченія Гиллеля слѣдующія: «кто гонится за славнымъ именемъ, тотъ теряетъ свое имя; кто не движется впередъ, тотъ идетъ назадъ; кто чему не хочетъ учиться, тотъ не достоинъ жить; кто вѣнецъ знанія унижаетъ до степени орудія, тотъ гибнетъ и пропадаетъ». Далѣе онъ говорилъ: «если я не позабочусь о себѣ, то кто-же станетъ заботиться обо мнѣ? Если я буду заботиться только о себѣ, то чѣмъ-же я буду послѣ этого? Если не теперь, то когда-же?» Онъ также училъ: «не отдѣляйся отъ общины; не довѣрай себѣ до послѣдняго дня; не суди ближняго прежде, чѣмъ не войдешь въ его положеніе; не говори ни о чемъ, что это невозможно, ибо когда-нибудь оно можетъ случиться; также не говори, я буду учиться когда время будетъ удобное, потому что, можетъ-быть, тогда тебѣ не удобно будетъ». Дальше онъ говорилъ: «грубый человѣкъ не боится грѣха, невѣжественный—не знаетъ благочестія; стыдливый—плохой ученикъ, вспыльчивый—негодный учитель; занимающійся торговлей—

не приобрѣтеть мудрости; если видишь, что недостатокъ въ людяхъ, то старайся ты быть человѣкомъ!» Затѣмъ онъ даетъ мудрый совѣтъ: «гдѣ собирають распускай; гдѣ распускають—собирай; гдѣ любятъ, поученіе—сѣй; гдѣ поученіе обременяетъ—прячь его». Прекрасны слѣдующія параллели: «много мяса, много червей; много имущества—много заботъ; много женщинъ—много призраковъ; много дѣвицъ—много распущенности; много слугъ—много грабежа; напротивъ, много знанія—много жизни; много ученія—много мудрости; много соображенія—много ясности; много благотворительности—много удовлетворенія. Кто приобрѣлъ доброе имя, тотъ приобрѣлъ его для себя; кто добился Божественнаго ученія, тотъ добился вѣчнаго блаженства». Глубокое знаніе человѣка, даръ тонкой наблюдательности, любовь къ самопознанію, уваженіе къ знанію и сильное презрѣніе къ земнымъ благамъ и наслажденіямъ составляютъ содержаніе этихъ изреченій и поученій. Роковымъ было то время, въ которое жилъ Гиллель: властитель и народъ были враждебны между собою; грубое насиліе лежало въ это несчастное время надъ всѣмъ высокимъ и благороднымъ; Гиллель старался его уничтожить. Несмотря на страшный гнѣтъ, онъ не хотѣлъ допустить исчезновенія идеальныхъ благъ нація; всѣми силами пытался онъ склонить умы къ ихъ улучшенію и возвышенію.

Осторожно избѣгалъ Гиллель всего, что имѣло какое-либо отношеніе къ политикѣ. Онъ легко могъ-бы подвергнуться опасности и подпасть подъ подозрѣніе, потому что каждое слово подслушивалось шпіонами и доносилось Ироду. Но, прикрываясь образами и уподобленіями, онъ все-таки намекалъ иногда на политическія обстоятельства; таковы его загадочныя изреченія. Однако слушатели и ученики понимали ихъ и толковали эти гіероглифы въ ихъ настоящемъ значеніи. Какъ примѣръ такого остроумнаго изреченія, мы приведемъ слѣдующее: «Гиллель увидѣлъ плавающий въ водѣ черепъ и воскликнулъ къ нему: «ты утопилъ и былъ утопленъ и утоплены будутъ тѣ, которые тебя утопили». Черепомъ, предоставленнымъ игрѣ волнъ водяной стихіи, гонимымъ безъ отдыха во всѣ стороны, лишеннымъ возможности успокоиться когда-нибудь, было жалкое іудейское государство подъ скипетромъ Ирода и римской имперіи. Продолжительныя смуты, войны, кровавыя преслѣдованія, бури и притѣсненія не хотѣли прекратиться. Послѣдніе Хасмонеи своими спорами и раздорами разрушили все основаніе іудейскаго царства, утопили и уничтожили свободу и народное благосостояніе. Но проницательный взоръ Гиллеля пророчески предвидѣлъ одинаковую

судбу и растерзаннаго внутренними раздорами царскаго дома Ирода, и проѣденнаго гнилью Рима. Это онъ предсказалъ словами: «будутъ утоплены тѣ, которые утопляли».

Исторія іудеевъ представляетъ ту особенность, что какъ разъ въ самыя мрачныя эпохи ея развивались самыя свѣтлыя умы. Полныя силы и свѣжести, не боясь бушующихъ и воющихъ бурь, шли они сознательно по своему идеальному направленію и выдерживали все бремя своего времени. «Если прочности Израиля угрожала какая-нибудь опасность, то всегда уже было готово цѣлебное средство, чтобы отвратить ее, чтобы смягчить и уменьшить зло». Эта твердая вѣра жила въ сердцахъ евреевъ во всѣ времена. Свирѣпыя ураганы часто сгибали жизненное дерево Израиля, съ силою обнажали его вѣтви отъ листьевъ, уничтожали его цвѣты и плоды, но стволъ крѣпко держался на своихъ корняхъ, снова расцвѣталъ, покрывался зеленью, и привѣтливое сіяніе возвращающейся весны опять вдыхало ему новую силу въ его неповрежденный мозгъ. Такъ стойко сопротивлялся онъ тлѣнности. Величайшая загадка исторія, цѣлость Израиля, здѣсь находить себѣ разрѣшеніе.

Такою личностью, избранною Провидѣніемъ для поддержанія Израиля, былъ Гиллель. За сто лѣтъ до той неотвратимой катастрофы, жертвою которой пало іудейское государство, явился онъ, чтобы могущественно содѣйствовать устроению и развитію іудаизма. Послѣ паденія истощеннаго государства, вѣра и ученіе должны были дать охранительное убѣжище лишеннымъ родины, дать новое духовное отечество глубоко-угнетеннымъ. Гиллель обладалъ всѣми средствами, чтобы выполнить это. Въ немъ соединялись остроуміе со спокойствіемъ духа, ясное пониманіе съ благородствомъ сердца, благоразуміе съ предусмотрительностью, осторожность съ кротостью, серьезныя намѣренія съ настойчивостью. Онъ положилъ новое основаніе для изученія законовъ. Какъ нѣкогда Аристотель установилъ въ наукѣ логическія правила, такъ и Гиллель сдѣлалъ то-же самое для истолкованія Моисеевыхъ положеній. Этимъ онъ внесъ въ изслѣдованіе законовъ научную основу и порядокъ. Хаосъ исчезъ, для поколѣній открылась гладкая дорога. Въ силу этихъ правилъ можно было всегда найти твердую опору для того, чтобы согласовать и примирить предписанія религіи съ требованіями жизни. Еврей при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ могъ оставаться вѣрнымъ своей религіи, успокоить свою совѣсть и чувство долга. Самъ Гиллель служилъ въ этомъ случаѣ примѣромъ. Вымогательства, неурожай, стихійныя бѣдствія сильно потрясли народное благосостояніе; росла

бѣдность, а вмѣстѣ съ нею и число бѣдняковъ, которые были принуждены одалживать. Но гнетъ и тиранія образуютъ собою несчастную чету, дѣти которой завѣщаютъ безсердце и жестокость. Субботній годъ, Шмитта, въ которомъ послѣ шести лѣтъ всѣ долги теряли свою силу, давалъ часто поводъ отказывать беззащитнымъ бѣднякамъ въ займѣ. Гиллель видѣлъ возрастающія несчастья и нужду, и его чувствительное сердце прониклось печалью, его просвѣщенный умъ искалъ и, наконецъ, нашелъ средство для предотвращения такого бѣдственнаго положенія. Онъ издалъ указъ, по которому кредиторъ передъ дачей займа могъ требовать законнымъ образомъ документа, дававшего ему право во всякое время вытребовать свой долгъ, и должникъ принужденъ былъ отказаться отъ благодѣяній субботняго года. Такой документъ назывался «просболъ»—«на судъ». Далѣе, онъ приказалъ, чтобы при займѣ естественными произведеніями, цѣна опредѣлялась въ день отпуска; брачный контрактъ, кетубу, должно было соблюдать въ точности и дословно. Эти и другія подобныя постановленія были необходимы во время Гиллеля для сохраненія мира и укрѣпленія дальнѣйшаго развитія народнаго благосостоянія.

Преобладающая кротость Гиллеля въ примѣненіи законовъ нашла рѣшительнаго противника въ его товарищѣ Шаммаѣ. Последний былъ безпощаднымъ законникомъ, исполнявшимъ каждый законъ со всею строгостью. Консервативный до крайности, онъ не щадилъ и самого себя. Въ день Прощенія онъ не хотѣлъ давать пищи своему маленькому дитяти; въ праздникъ Кушей превратилъ онъ свое жилище въ шалашъ изъ листьевъ для своего новорожденнаго внука. Священные слова: «Помни о субботѣ, чтобы освятить ее», понималъ онъ такъ, что всѣ дни недѣли слѣдуетъ думать о субботѣ. Рыбу или мясо, которое казалось ему красивымъ, онъ оставлялъ для субботы. Такая мелочность въ соблюденіи законовъ была чужда Гиллелю. Но Шаммаѣ также нашелъ многочисленныхъ приверженцевъ своего образа мыслей, которые называли себя «домомъ Шаммаѣ» и слѣдовали строгому направленію своего наставника. Кроткій Гиллель долженъ былъ многое терпѣть отъ вспыльчивости Шаммаѣ и часто выслушивалъ покорно его выговоры. Общественное мнѣніе ставило Гиллелю эту уступчивость въ большую заслугу, и его предпріятія всегда поэтому имѣли перевѣсъ надъ планами его противника. Отсюда потомство извлекло слѣдующее прекрасное поученіе: «кто унижаетъ себя, тотъ будетъ Богомъ возвышенъ; кто возгордится, того Господь унизитъ. Кто гонится за славой, отъ того она бѣжитъ; кто не ищетъ

славы, того она отыскиваетъ; кто стремится къ счастью, того оно избѣгаетъ; кто примѣняется къ обстоятельствамъ, тому помогаетъ Господь».

Но и Шаммай при всей своей строгости имѣлъ въ виду одно только народное благосостояніе. Зерно было благородно; только скорлупа — жестка и непривлекательна. Его любимымъ изреченіемъ было слѣдующее: «божественное ученіе ты сдѣлай своимъ главнымъ занятіемъ; говори мало, но дѣлай много; дружелюбно принимай всякаго человѣка». Едва-ли могъ-бы высказать Шаммай свое послѣднее увѣщаніе, если-бы самъ былъ ярымъ обскурантомъ и ворчунѣмъ; тогда и его намѣренія были-бы совсѣмъ другія. Онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ много свѣтлыхъ качествъ, но не легко умѣлъ справиться со своею быстрою вспыльчивостію. Гиллель обладалъ въ этомъ отношеніи полнымъ совершенствомъ, былъ свободенъ отъ всякой гордости ученаго, его званіе не служило ему блестящею одеждою, отдѣлявшею его отъ толпы. Снисходительно училъ онъ: «не являйся одѣтымъ среди обнаженныхъ и обнаженнымъ среди одѣтыхъ; не сиди между стоящими и не стой между сидящими; не смѣйся между плачущими и не плачь между смѣющимися; не поступай иначе, не желай быть больше, чѣмъ окружающіе тебя». Онъ раздѣлялъ съ народомъ радости и горе. Во время праздника Кушей, когда народъ веселился ночью на ярко освѣщенномъ дворѣ храма, присутствовалъ также Гиллель.

Часто въ сильныхъ словахъ говорилъ онъ толпѣ, и многія его изреченія сохранились до насъ. Такъ, однажды онъ сказалъ: «если мое я здѣсь, то все здѣсь; если-же моего я здѣсь нѣтъ, то кто-же здѣсь?» Этимъ онъ хотѣлъ выразить то, что слѣдуетъ со всею душою предаваться праздничнымъ удовольствіямъ и забывать о скорбяхъ и бѣдствіяхъ времени. Подобнымъ образомъ онъ также говорилъ: «къ тому мѣсту, которое любить душа, охотно несутъ насъ ноги». Богъ сказалъ человѣку: «если ты придешь ко Мнѣ въ домъ, то Я приду къ тебѣ въ домъ»; потому что Священное Писаніе гласитъ: «на всякомъ мѣстѣ, гдѣ Я буду называть себя по имени, Я приду къ тебѣ и принесу тебѣ благословеніе». Въ другой разъ онъ сказалъ: «нуждается-ли Богъ въ нашей хвалѣ? Можетъ-ли наша хвалебная пѣснь возвысить Его? Но все-таки благоговѣніе Израиля предъ Нимъ для Него пріятнѣе, чѣмъ пѣніе и клики сонма ангеловъ».

Для исполнскаго зданія Талмуда, этой мало извѣстной и непризнанной пирамиды іудейской литературы, Гиллель заложилъ въ основаніе самые могущественные гранитные камни. Подобно Эзрѣ,

произвелъ онъ поворотъ въ исторіи развитія іудаизма: тотъ при возрожденіи государства, этотъ во время его упадка. Тѣ логическія правила, которыя дало его остроуміе, повели къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ. Ко времени мрачнаго заката іудейскаго государства школьная дѣятельность пустила новые крѣпкіе ростки, пробудила умы, и они оставались бодрствующими и дѣятельными во всѣ поколѣнія и столѣтія. Среди самыхъ тяжкихъ униженій, среди самой страшной дѣйствительности, среди самыхъ ужасныхъ предвѣстниковъ ближайшей будущности школы доставляли утѣшеніе и отраду, одобреніе и подкрѣпленіе. Внѣшнія бѣдствія считались неотвратимымъ рокомъ; отдавшись строгому соблюденію законовъ, народъ надѣялся на спасеніе и избавленіе, хотѣлъ и жить, и умереть съ закономъ въ рукѣ. А такая непоколебимая вѣрность ученію и религіи не достойна-ли передъ всѣмъ остальнымъ высокаго удивленія и уваженія?

Сага приписываетъ Гиллею 120 лѣтъ жизни, чтобы уподобить его Моисею. У его гроба раздавались печальные вопли: «увы, умеръ благочестивый мужъ! умеръ смиренный мужъ! умеръ соревнователь Эзры!» Достоинство патріарха оставалось за его потомками въ десяти поколѣніяхъ, въ теченіе четырехъ столѣтій. Онъ имѣлъ 80 учениковъ, между которыми особенно замѣчательны: Іонаанъ бенъ Узіалъ и Іохананъ бенъ Закай. Первый приобрѣлъ себѣ имя переводомъ пророческихъ книгъ на халдейскій языкъ; о немъ говорили: «когда онъ предавался занятіямъ, то птица на воздухѣ становилась серафимомъ». Ученики Гиллея подражали своему наставнику, сохраняли его миролюбіе, добросердечіе, кротость и уступчивость и представляли этимъ рѣзкую противоположность съ учениками Шаммая, которые довели до крайности жестокость и строгость своего учителя. «Бетъ Гиллель», «Бетъ Шаммай»—такъ назывались обѣ эти школы. Хотя онѣ мирно жили между собой, однако, свое ученіе каждая отстаивала неумолимо такъ, что споры и противорѣчія не прекращались. Но всеобщимъ уваженіемъ пользовались только кроткія воззрѣнія школы Гиллея. Въ Сангедринѣ существовали оба направиленія.

Ежегодно во время семейнаго отправленія пасхальнаго вечера мы совершаемъ одинъ обрядъ со словами: «такъ поступалъ Гиллель». — Этою кажущеюся незначительной церемоніей безсмертный мудрецъ говоритъ каждому члену своего города: «неизбѣжно встрѣтишь ты горести на своемъ длинномъ земномъ пути черезъ всѣ фазы исторіи, черезъ всѣ поколѣнія народовъ. Соединяй-же горькое съ прѣснымъ.

хлѣбомъ, знакомъ твоего избавленія отъ египетскаго рабства. Твоя вѣра въ Бога этимъ закалится, твое упованіе на Бога укрѣпится и самое горькое станетъ сладкимъ».

Послѣ смерти Гиллеля среди сословія ученыхъ вошелъ въ употребленіе новый почетный титулъ. Главы школъ назывались «раб-бонъ», нашъ учитель, а прочіе законоучители— «рабъ» или «рабби», учитель или мой учитель. Имя «рабинеръ», по русски «раввинъ», ведетъ свое происхожденіе отъ того времени. Былъ также установленъ и порядокъ пожалованія этимъ званіемъ. Тотъ, кто признавался способнымъ и достойнымъ учителемъ, торжественно былъ посвящаемъ въ «рабби». Какъ нѣкогда Моисей на Иисуса (Навина), такъ и Наси въ присутствіи двухъ членовъ Сангедрина клалъ руку на голову юноши или мужа и произносилъ формулу: «этимъ я провозглашаю тебя «рабби» и признаю способнымъ преподавать право и произносить приговоры». Провозглашенный такимъ образомъ получалъ этимъ степень доктора. Актъ провозглашенія назывался «Семиха», рукоположеніе. Вѣроятно, Гиллель былъ отцомъ этого прекраснаго обычая.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Иудея подъ властью римскихъ императоровъ.

I.

Архелай.

«Рождается - ли народъ сразу?» спросилъ пророкъ Исаія. когда онъ въ пламенныхъ словахъ предсказалъ плѣннымъ въ Вавилонѣ возстановленіе государства. Болѣе пяти столѣтій прошло съ тѣхъ поръ. Народъ не рождается въ одинъ день, но также и не умираетъ въ одинъ день. Постепенно цвѣтетъ онъ и растетъ, достигаетъ зрѣлости и постепенно совершается надъ нимъ процессъ увяданія и исчезновенія. А это самое развѣ не выражается также въ естественномъ ростѣ и гибели каждаго человѣческаго индивидуума отъ колыбели и до гроба? И государство можетъ умереть отъ дряхлости и исчезнуть. Но въ Иудеѣ ни бремя лѣтъ, ни глубокая старость не могли потушить огня жизни. Она была крѣпкимъ дубомъ, сидѣвшимъ глубоко въ землѣ своими корнями, полнымъ силы, далеко простиравшимъ свои широкія суковатая вѣтви, давая густую тѣнь. Однако непрерывныя бури извнѣ, смуты и раздоры внутри подѣйствовали на все гибельнымъ образомъ, подкопали почву и растрясали основаніе. Здоровый, могучій дубъ съ ужаснымъ трескомъ былъ повергнутъ на землю страшною, уничтожающею молніею, сопровождаемою грозными раскатами грома. Яркій блескъ Иудеи поблѣднѣлъ, приближался закатъ ея жизни, черныя тѣни уже простирались надъ нею, какъ привидѣнія, солнечный свѣтъ уступилъ мѣсто мраку. Однако закатъ продолжался еще нѣсколько десятилѣтій, и былъ весьма богатъ памятными перемѣнами и потрясающими событіями. Кроткій Гиллель спалъ сномъ праведника, вспыльчивый Шаммай также обрѣлъ миръ въ спокойной могилѣ. Подъ девизами: «Бетъ

Гиллель», «Бетъ Шаммай» школы ихъ существовали еще долго. Эти школы вмѣстѣ съ именами сохранили также духъ и воззрѣнія на жизнь обоихъ основателей. Онѣ обѣ возсѣдали въ Сангедринѣ и дѣйствовали за одно, исполненные самыми священными чувствами, самымъ ревностнымъ сознаніемъ долга, самою преданною вѣрностью странѣ и народу, вѣрѣ и ученію. Но дороги, по которымъ онѣ думали найти продолжительное блаженство для іудейской націи, далеко расходились между собою, часто даже слѣдовали по противоположнымъ направленіямъ. Поэтому безпрестанно происходили споры и пренія, дебаты и диспуты; что послѣдніе считали законнымъ, тѣ отвергали; что тѣ позволяли, послѣдніе запрещали. Просвѣщенные умы глубоко скорбѣли объ этихъ несогласіяхъ и восклицали: «единство закона гибнетъ! развѣ это не значить, что будто вмѣсто одного Божественнаго ученія даны два различныхъ ученія!» Однако къ чести обѣихъ слѣдуетъ сказать, что жестокая борьба изъ-за убѣжденій оставила нетронутыми ихъ личныя отношенія. Обѣ партіи оказывали другъ другу почетъ и уваженіе, заключали между собою брачныя союзы и вообще жили въ братскомъ согласіи. Что борьба школъ не перешла границъ, не превратилась во вражду, есть неоспоримая заслуга Гиллелитовъ. Послѣдніе сохранили духъ кротости и миролюбія своего наставника; подобно ему, терпѣливо переносили нападки и суровость своихъ противниковъ и старались потушить всякую вспышку ярыхъ Шаммаитовъ непоколебимымъ терпѣніемъ и разумною осмотрительностью. Поэтому ихъ кроткія воззрѣнія приобрьли палму первенства. Общественное мнѣніе рѣшило: «и тѣ, и другіе преслѣдуютъ священныя цѣли; слова ихъ суть слова Божіи, но обязательными и дѣйствительными мы признаемъ только воззрѣнія Гиллелитовъ». Этотъ ученый споръ школъ кончился-бы мирно, если-бы не коснулся политическаго организма. Гиллелиты переносили неизбѣжныя притязанія римскихъ намѣстниковъ съ терпѣливою преданностью; для нихъ миръ былъ дороже всего. Напротивъ, пылкими Шаммаитами овладѣвалъ сильный гнѣвъ при всякой несправедливости и побуждалъ ихъ къ сопротивленію и защитѣ. Непримиима была ихъ ненависть къ притѣснителямъ страны; съ оружіемъ въ рукахъ выступали они противъ нихъ; ихъ жажда мщенія не имѣла никакихъ предѣловъ. Пламенный патріотизмъ часто приводилъ ихъ къ безумно-смѣлымъ и отважнымъ подвигамъ. Ихъ ученіе указываетъ на эту несчастную страсть: «на войнѣ и въ битвѣ ты долженъ забыть даже священный субботній покой; если ты осаждаешь городъ, то не оставляй его, пока не разрушишь,

хотя-бы это было въ субботу!» Такъ говорили Шаммаиты, которые однако хотѣли, чтобы святость субботняго дня соблюдалась со всею фанатическою строгостью, которые считали непозволительнымъ начинать что-нибудь до субботы, что совершалось въ субботу, хотя бы безъ личнаго содѣйствія, какъ напримѣръ, мочить или красить матеріи въ пятницу, класть ихъ въ воду или въ краску. Такъ высока и священна была для нихъ борьба за отечество.

Но судьба ихъ была ужасная и потрясающая. Иродъ, прозванный великимъ, испустилъ свою черную, желѣзную душу. Такъ-же роскошно, какъ онъ и жилъ, было похоронено его тѣло. Оно было одѣто въ пурпуръ, сверкавшій золотомъ и драгоценными каменьями. корона украшала голову, въ рукѣ спилетръ; погребальное шествіе, сопровождаемое 50-ю придворными слугами съ драгоценными пряностями, всѣми войсками въ необозримой процессіи, представляло пріятное зрѣлище для зѣвакъ. Но ни одна слеза любви не была пролита за тираномъ; народъ даже возвысилъ день его смерти въ день радости, который избавилъ его отъ чудовища. Приказаніе Ирода—умертвить захваченныхъ на ристалищѣ мужей—осталось неисполненнымъ. Саломея возвратила имъ свободу. Какъ мало заботился Иродъ о величій Іудеи, доказываетъ его послѣдняя воля. Онъ велѣлъ раздробить страну на три области, правителями которыхъ назначилъ своихъ сыновей. Архелай получилъ Іудею и Самарію, Иродъ Антипа—Галилею и Перею, Филиппъ—сѣверовосточныя провинціи. Однако это завѣщаніе предварительно должно было быть подтверждено Октавіаномъ, который теперь въ качествѣ единодержавнаго повелителя Рима, носилъ имя цезаря Августа.

Архелай имѣлъ свою резиденцію въ Іерусалимѣ. По еврейскому обычаю онъ соблюдалъ семидневный трауръ по отцѣ, а на восьмой день явился предъ народомъ на тронѣ во дворѣ храма. Былъ канунъ праздника Пасхи; со всѣхъ концовъ страны жители стеклись въ Іерусалимъ. Какъ нѣкогда ихъ предки умоляли преемника Соломона объ облегченіи тяжелаго ига, такъ и теперь потомки ихъ обратились съ просьбою къ преемнику Ирода устранить все, что для нихъ было тягостно и невыносимо. Царь молчалъ; но послѣ полудни, когда каждый былъ занятъ жертвоприношеніемъ пасхальнаго агнца, онъ велѣлъ своимъ войскамъ напасть, подобно стаѣ собакъ, на толпу,—и 2000 несчастныхъ испустили духъ на храмовой горѣ, а остальные бѣжали. Этою кровавою сценою онъ отвѣтилъ на просьбу народа. Такъ началъ Архелай свое царствованіе: веселый праздникъ Пасхи обратился въ день печали и скорби.

Продолженіемъ кроваваго праздника Пасхи былъ черезъ семь недѣль еще болѣе кровавый праздникъ Пятидесятницы, Шебуотъ. Архелай находился въ Римѣ, чтобы получить утвержденіе въ царскомъ достоинствѣ; бразды правленія оставались въ рукахъ римлянина Варо, намѣстника Сиріи. Въ Іерусалимѣ явился изъ Рима Сабинъ, хотѣвшій ограбить сокровища храма, однако собравшаяся къ празднику толпа съ яростію заволновалась, напала на Сабина, осадила его въ крѣпости и такъ стойко стѣснила, что онъ для своего освобожденія принужденъ былъ призвать Вара на помощь. Народъ, рѣшивъ защищать свою свободу до послѣдней капли крови, сражался съ геройскою храбростію. Изъ всѣхъ оконъ, со всѣхъ крышъ летали грады камней и стрѣлъ. Римскія войска сопротивлялись отчаянно, душили и убивали безъ пощады. Они бросили горючія вещества на крышу храма; послѣдній запылалъ, причемъ опять погибло множество народа: страшное было смятеніе. Варъ со своимъ отрядомъ подавилъ возстаніе. Это былъ тотъ самый Варъ, который въ 9-мъ году по Р. Х. позорно погибъ со всѣмъ войскомъ въ Тевтобургскомъ лѣсу отъ руки германскаго князя Германа изъ племени Херусковъ; услышавъ объ этомъ, Августъ въ отчаяніи воскликнулъ: «Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!» Кровавыя дѣянія Вара составляютъ весьма мрачную страницу въ исторіи страданій Іудеи. При пожарѣ лишь десять лѣтъ назадъ отстроеннаго храма, Сабинъ ограбилъ и похитилъ много драгоценныхъ предметовъ, а его войска произвели еще много другихъ опустошеній.

Примѣръ Іерусалима послужилъ сигналомъ для всей страны. Анархія и своеволие свирѣпствовали повсюду со всѣми ужасами. Отважные люди провозглашали себя царями, князьями, обѣщали расхитившейся толпѣ побѣду и свободу, двинулись со своими слѣпо преданными приверженцами противъ римлянъ, предавали огню царскіе замки, но всѣ испытали плачевный конецъ. Слѣпая страсть затмѣваетъ разумъ. Одинъ только началъ благоразумную и сознательную борьбу. Это былъ сынъ Езекии (стр. 181) Іуда Галилеянинъ. Подобно Ганнибалу, онъ уже ребенкомъ поклялся въ вѣчной ненависти къ римлянамъ и поколѣнію Ирода и такъ-же, какъ тотъ, внушалъ страхъ своимъ врагамъ. Чтобы побѣдить его, Варъ долженъ былъ собрать всѣ свои войска и сверхъ того призвать на помощь арабскаго царя Арету. Это былъ жаркій, ожесточенный бой. Іуда успѣлъ спастись, но Варъ страшно неистовствовалъ. Въ Іерусалимѣ велѣлъ онъ распятъ на крестѣ 2000 плѣнныхъ. Всѣ эти ужасы происходили въ царствованіе Архелая. Наконецъ, послѣ де-

вятислѣтнаго правленія въ 7-мъ году по Р. Х. Августъ лишилъ его престола и сослалъ въ Вѣнну въ Галліи, въ нынѣшней Франціи. Онъ назначалъ и смѣнялъ три первосвященника.

II.

Иудеи подъ скипетромъ императора Августа.

Теперь только Іудея подчинилась непосредственной власти императора Августа, послѣ того какъ она въ теченіе 150 лѣтъ имѣла своихъ собственныхъ правителей. Императоръ послалъ туда намѣстниковъ, прокураторовъ, которые имѣли свое пребываніе въ морскомъ городѣ Цезареѣ. Братья Архелая, Иродъ Антипа и Филиппъ продолжали владѣть своими областями.

Намѣстники позволяли себѣ всевозможныя насильственные дѣйствія. Они заступали императора, который былъ далеко, отняли у Сангедрина право произносить смертные приговоры, назначали и смѣняли первосвященниковъ по своему расположенію духа и произволу, запрятали ихъ облаченіе въ шкафу, предъ которымъ постоянно горѣлъ огонь. Чтобы опредѣлить подати, они произвели народную перепись, оцѣнку народнаго имущества. Это послужило причиною новой кровавой борьбы. Вѣдь народъ былъ уже обремененъ многими религіозными налогами, десятиною въ пользу священниковъ, левитовъ и бѣдныхъ, приношеніями жертвъ и дровъ, кромѣ того годъ оставленія черезъ каждыя семь лѣтъ. Римская подать была для Іудеи особенно тяжела; настроеніе народа еще болѣе ухудшилось. Этимъ воспользовались Іуда Галилеянинъ и Цадокъ Шаммаитъ. Они составили республиканскій отрядъ ревностныхъ поборниковъ общаго блага, поклявшихся уничтожить всѣхъ римлянъ. Откупщики и сборщики податей, выказывавшіе себя слишкомъ своекорыстными, считались безчестными; всякій благонамѣренный человѣкъ не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній; ихъ слова теряли вѣру; ихъ избѣгали какъ прокаженныхъ; ихъ считали извергами. Отдѣльныя возстанія были однако быстро подавляемы, но подчасъ разгорались искры ненависти, которыхъ никогда нельзя было потушить; сюда присоединилось и то обстоятельство, что намѣстники были грабителями страны. Каждый изъ нихъ старался обогатить себя тяжкимъ потомъ народа, и чѣмъ чаще они смѣнялись, тѣмъ это было хуже. При Августѣ въ теченіе семи лѣтъ чередовались три такихъ блюдолиза, которые высасывали мозгъ у жителей.

Августъ умеръ въ 14 г. по Р. Х. Разсказываютъ, что передъ смертію онъ просилъ окружающихъ: «скажите, хорошо-ли я сыгралъ комедію жизни?» — «ну, такъ рукоплескайте-же!» Къ Іудеямъ лично Августъ относился только милостиво, особенно къ тѣмъ, которые жили въ Римѣ. Этимъ онъ предоставлялъ льготы и права, позволилъ имъ участвовать въ общественныхъ суммахъ, но при этомъ удовлетворилъ ихъ религіозному чувству, разрѣшивъ имъ въ субботу не производить никакихъ взносовъ. Его придворный поэтъ, извѣстный Горацій, воспѣлъ въ одной эпистолѣ Аристія Фиска, іудейскаго друга Августа.

III.

Іудеи подъ скипетромъ императора Тиверія.

Имя преемника Августа на престолѣ цезарей отнюдь не сіяетъ со славою въ лѣтописяхъ исторіи. Это былъ жестокій и злой властитель, погрязшій въ мутномъ болотѣ игроковъ, предававшійся всѣмъ возможнымъ страстямъ, избѣгавшій людей, потому что онъ ихъ ненавидѣлъ и боялся. Но къ евреямъ онъ не обнаружилъ никакой вражды и не ограничилъ ихъ правъ. Грату, заступавшему его въ Іудеѣ, онъ предписалъ пошадить и кротость въ обращеніи съ народомъ, причемъ говорилъ: «хорошій пастухъ стрижетъ овецъ, но не убиваетъ ихъ». — Далѣе онъ не мѣнялъ намѣстниковъ такъ часто, какъ дѣлали его предшественники, потому что совершенно вѣрно разсуждалъ: «если прогонишь сытыхъ насѣкомыхъ, то появятся голодные, которыя высосутъ послѣднія капли крови». Дѣйствительно, Гратъ оставался въ Іудеѣ на своемъ посту 11 лѣтъ, отрѣшилъ за это время отъ должности не менѣе пяти первосвященниковъ, изъ которыхъ однако только одинъ, Измаилъ Фаби оказался достойнымъ своего сана. Печальный признакъ времени, если носители высшаго религіознаго достоинства мѣнялись, какъ рубахи. Объ одной матери Камхисъ разсказываютъ, что она шесть своихъ сыновей видѣла первосвященниками. Послѣднимъ изъ этихъ сановниковъ считается Іосифъ Кайфа, о которомъ рѣчь будетъ позже.

Въ правленіи Тиверія мы впервые получаемъ извѣстія о гоненіи на Іудеевъ. Мошенничество нѣсколькихъ безчестныхъ и корыстолюбивыхъ евреевъ вызвало его. Во всѣ времена не было, къ сожалѣнію, недостатка въ низкихъ и подлыхъ душахъ, которыя, соблазненные презрѣнною жадностью, ставили на карту и свою честь,

и честь своего народа и давали поводъ къ клеветѣ. Именно, произошло слѣдующее: «Фульвія, супруга сенатора Сатурнія, приняла іудейскую религію. Подобные случаи бывали не разъ, какъ мы замѣтили выше. Качества евреевъ и ихъ религіозныхъ обрядовъ, ихъ чистая и искренняя семейная жизнь, ихъ строгость нравовъ, трезвость и воздержанность, ихъ умственное развитіе и стремленіе къ знанію,— ихъ преданность религіи и благочестіе внушали сластолюбивому и легкомысленному римлянину глубокое уваженіе и необыкновенно шли въ разрѣзъ презрѣнію къ богамъ, которымъ открыто хвасталъ въ то время римлянинъ. Нѣсколько негодяевъ выманили у вышеупомянутой Фульвіи значительную сумму денегъ, какъ-будто для храма, и истратили ее для себя. Этотъ обманъ былъ открытъ и сдѣлался извѣстнымъ, вызвалъ всеобщее раздраженіе и лишилъ евреевъ доброй славы. Какъ и всегда, такъ и въ то время массу дѣлали отвѣтственной за мошенничество одного лица, забывшаго свой долгъ. По несчастному стеченію обстоятельствъ въ это-же самое время и въ такомъ-же преступленіи провинился одинъ египетскій жрецъ Изиса. Оба случая дошли до императора, который, сильно разгнѣванный этимъ, приказалъ сенату издать суровый законъ относительно приверженцевъ іудейской религіи и египетскихъ мистерій. Кромѣ того, 4000 еврейскихъ юношей были посланы противъ разбойниковъ на нездоровый островъ Сардинію, потому что «не было-бы никакого убытка, если-бы ихъ истребилъ нездоровый климатъ. Кажется, что эта жестокая мѣра принадлежала тогдашнему всемогущему министру, ненасытному душителю людей Сеяну, который вполнѣ владѣлъ Тибріемъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ самъ по приказанію послѣдняго былъ убитъ, а трупъ его, влекомый по улицамъ, брошенъ въ Тибръ.

Дальнѣйшая судьба тѣхъ сосланныхъ неизвѣстна; вообще и все дѣло окружено глубокимъ мракомъ. Вѣроятно, ни разбойники, ни климатъ не могли ихъ уничтожить. Это было первое притѣсненіе въ Римѣ за вѣру.

Гратъ, заступавшій императора въ Іудеѣ, отправлялъ свою обязанность кротко и снисходительно. Его преемникомъ былъ Понтій Пилатъ, происками котораго Сеянъ отставилъ Грата. Новый намѣстникъ былъ жестокъ, беспощаденъ и самоволенъ. Но ему также пришлось испытать силу сопротивленія Іудеевъ предъ его холоднымъ высокомѣріемъ и безсердечностью. Однажды онъ велѣлъ тайно привезти въ Іерусалимъ изображенія императора; народъ увидѣлъ себя оскорбленнымъ этимъ въ своихъ самыхъ священныхъ чувствахъ.

Къ идоламъ каждый еврей питалъ непреодолимое отвращеніе, и тѣ изображенія онъ также считалъ таковыми, какъ это и было въ дѣйствительности, потому что они пользовались въ Римѣ высокимъ уваженіемъ: ихъ натирали, украшали, увѣнчивали, они давали защиту преслѣдуемымъ, ими даже произносились клятвы. Іудеи толпою поспѣшили къ Понтію Пилату, и просили его объ удаленіи изображеній. Тотъ заставилъ ихъ ждать пять дней предъ своимъ дворцомъ и на шестой выслалъ противъ нихъ войска, угрожая ихъ умертвить. Но іудеи твердо воскликнули: «убивай насъ, мы умремъ за свою религію!» Понтій долженъ былъ имъ уступить и устранить непріятныя изображенія.

При второмъ сопротивленіи, которое онъ вызвалъ въ 30 г. по Р. Х., онъ велѣлъ воинамъ, переодѣтымъ въ евреевъ, напасть на толпу, причемъ многіе были ранены и убиты. Въ 37 г. по Р. Х. императоръ Тиверій былъ преступнымъ образомъ задушенъ одѣяломъ; тронъ Цезарей занялъ Кай Калигула, при которомъ Понтій Пилатъ былъ сосланъ въ Галилею, гдѣ кончилъ самоубійствомъ.

Въ честь императора Тиверія правитель Галилеи Иродъ Антипа выстроилъ лѣчебный городъ Тиверіаду при Генисаретскомъ озерѣ. Впослѣдствіи этотъ Иродъ сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ іудейской учености, а его теплые цѣлебные источники многимъ больнымъ возвращали здоровье.

